

А. Аскарров

ДРЕВНЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКАЯ
КУЛЬТУРА

ЭПОХИ БРОНЗЫ
ЮГА УЗБЕКИСТАНА

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

А. АСКАРОВ

ДРЕВНЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКАЯ
КУЛЬТУРА ЭПОХИ БРОНЗЫ
ЮГА УЗБЕКИСТАНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ФАН“ УЗБЕКСКОЙ ССР-ТАШКЕНТ-1977

А. Аскаров. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977. Рис.—105, стр. 232.

Монография А. Аскарлова представляет собой фундаментальное исследование проблемы возникновения и развития раннеземледельческой культуры юга Узбекистана—бывшей северной части Древней Бактрии.

На основе материалов полностью раскопанных поселения Сапалдителя и могильника Джаркутан открыта новая, ранее неизвестная культура. Разрабатывается археологическая периодизация с детальным хронологическим расчленением, выделяется новый, приамударьинский, локальный очаг древневосточных цивилизаций второго порядка, выявляется происхождение культуры, хозяйственная система, социальный строй, палеоэтнография и палеодемография населения юга Узбекистана в эпоху бронзы.

Исследование имеет немалое значение для понимания древнейшего прошлого южных областей Средней Азии, а также Афганистана.

Книга представляет интерес для археологов, историков, этнографов, студентов вузов и всех интересующихся древней историей Узбекистана.

*Ответственный редактор
доктор исторических наук М. П. ГРЯЗНОВ*

ВВЕДЕНИЕ

В истории народов Узбекистана эпоха бронзового века долгое время была незаполненной лакуной, ибо целые культурно-исторические регионы оставались нетронутыми исследованиями археологов. К таким регионам в первую очередь относится юг Узбекистана — один из важных очагов сложения древнегородской цивилизации Востока.

Результаты археологических исследований в Южном Узбекистане указывают на широкое освоение его в каменном веке, в архаическом, античном и последующих периодах. Здесь открыты и исследованы разновременные памятники каменного века: знаменитый грот Тешикташ с погребением неандертальского мальчика мустьерского времени (*Окладников, 1945, 1949*), гроты Заранчук Гут и Дукаихана с каменными изделиями верхнепалеолитического облика, пещера Мачай с богатым комплексом каменной индустрии позднемезолитического времени (*Окладников, 1945; Исламов, 1975*), галерея Зараутся с наскальной живописью эпохи мезолита и раннего неолита (*Рогинская, 1950; Окладников, 1966; Формозов, 1966, 1969*), отдельные находки каменных изделий позднемезолитического облика на городищах Айритам и Старого Термеза (*М. Массон, 1936, 1939, 1940; Окладников, 1945; Парфенов, 1961*) и др.

Особенно результативными были раскопки памятников античности и последующих периодов. Исследования М. Е. Массона и М. И. Вязьмитиной в 30-х годах на городищах Старого Термеза и Айритам (*М. Массон, 1937, 1940, 1945; Вязьмитина, 1945*) и в последующие годы Л. И. Альбаума в Зартепа, Хайрабадтепа, Балалыктепа и Фаязтепа (*Альбаум, 1955, 1956, 1960, 1975*), Г. А. Пугаченковой и ее учеников на Дальверзинтепа, Халчаяне, Хатын-Рабате, Айритапе, Кызылтапа и др. (*Пугаченкова, 1960, 1965, 1966, 1973; Тургунов, 1973*), Б. Я. Ставского на Каратапа (*Ставский, 1964, 1969*), В. М. Массона

и его учеников на Зартепа, Джандавлатапе и других памятниках (*В. Массон, 1974б; Пидяев, 1974, 1975*) показали, что на юге Узбекистана интенсивный процесс урбанизации получил широкое распространение в античное время.

Однако значительные пробелы в истории целой эпохи — от каменного века до поры античности в Южном Узбекистане — создавали значительные трудности в изучении генезиса раннегородских цивилизаций, развивавшихся здесь в эпоху раннеклассового общества. Это касалось не только Южного Узбекистана, составившего некогда северную часть легендарного Древнебактрийского царства, но и всего Согда и Хорезма.

Фактически в Узбекистане неизвестны древнеземледельческие культуры, кроме чустской, которая архаическим обликом хозяйственно-бытового комплекса почти на тысячелетие отставала от протогородской цивилизации Среднего и Ближнего Востока и, естественно, не могла служить базой для развития городских культур архаической и античной эпох. В этом плане открытие нового очага древневосточной цивилизации второго порядка на юге Узбекистана приобретает особое значение.

Необходимость изучения недостающего звена в истории народов республики, являвшегося основным истоком городских культур античной эпохи, определила актуальность нашего многолетнего исследования, поставленного в качестве одного из основных новых научных направлений Института археологии АН УзССР. Исследование вызвано еще и тем, что экологические данные региона указывали на возможность сложения и развития здесь культур древних земледельцев эпохи бронзы (*Вавилов, Букинч, 1929*). На это указывали и отдельные находки, сделанные еще в 40-х годах в разных частях соседних районов Таджикской ССР, свидетельствовавшие о возмож-

пости существования здесь памятников эпохи бронзы (Терезюкин, 1948).

В 1955—1958 гг. в долине Кафирнигана А. М. Мандельштам вскрыл значительную группу курганных захоронений поздней бронзы, оставленных скотоводческими племенами (Мандельштам, 1966, 1968). Аналогичные как по времени, так и по культуре захоронения изучались несколько позже Б. А. Литвинским в Вахшской долине (Литвинский, 1964, 1967). Все находки входили в основном в состав материальной культуры скотоводческих племен. Следы культур древних земледельцев не были выявлены до начала 60-х годов. Вместе с тем изучение памятников бронзового века на юге Узбекистана все больше приобретало значение, выходящее за рамки республики и, в известной мере, за пределы всего среднеазиатского региона, что было связано с открытиями ярких памятников эпохи бронзы на юге Средней Азии и на Среднем Востоке.

Так, систематические раскопки советских ученых на Алтын-дере и других памятниках древнеземледельческих племен Южного Туркменистана показали, что во второй половине III—начале II тысячелетия до н. э. происходил процесс формирования южнотуркменского очага древневосточной цивилизации (В. Массон, 1964, 1967, 1974б).

В 1967 г. итальянцы начали раскопки крупнейшего городища эпохи неолита и бронзы в провинции Сенгасте—Шахри-Сохты (Тоши, 1967; Тоши, 1968, 1969), окруженного значительным числом более мелких поселений, имеющих отчетливые черты раннегородского организма. Работы американской экспедиции в Северо-Восточном Иране показали, что там в конце III—первой половине II тысячелетия до н. э. складывался крупный городской центр на месте городища Хасанлу, где обнаружены монументальная архитектура и признаки далеко зашедшей социальной дифференциации (Dyson, 1965b, 1969).

Материалы последних исследований показывают, что со второй половины III тысячелетия до н. э. обширные области между великими городскими цивилизациями—Элама и Шумера, с одной стороны, и Харappy—с другой,—были зоной формирования раннегородских цивилизаций или цивилизаций второго порядка, использовавших в своем развитии успехи могущественных соседей (В. Массон, 1970б). Однако целые районы, входящие в зоны контактов оставались еще неизученными.

Первые шаги в этом направлении были предприняты Л. И. Альбаумом в 1962—1964 гг. раскопками поселения Кучуктепа (Альбаум, 1965).

В 1969 г. для выявления и исследования памятников эпохи бронзы юга Узбекистана организован специальный археологический отряд во главе с автором настоящей работы, который начал широкие стационарные раскопки поселения Сапалитена и поиски цолевых памятников бронзового века. В последние годы этим отрядом была исследована большая группа поселений и могильники Джаркутан и Бустан. Продолжались раскопки могильника Молали и остатков поселения Миршади Г. А. Пугаченковой и ее учениками. Однако материалы раскопок Кучуктепа до сегодняшнего дня остались неопубликованными. Л. И. Альбаум ограничился лишь предварительным сообщением о результатах полевых работ (Альбаум, 1965).

Поселение Миршади и могильник Молали с незначительным количеством материалов оказались разрушенными к началу археологических исследований. Поэтому при обобщении результатов работ по изучению эпохи бронзы Южного Узбекистана мы опирались в первую очередь на материалы собственных раскопок поселений и погребальных памятников, являвшихся основными базовыми объектами для научных выводов и гипотез.

Большое внимание мы уделяем анализу археологических материалов. И это не случайно: для раскрытия сущности многоотраслевого домашнего производства, хозяйства и идеологии, выявления культурных и генетических связей древних людей необходим самый тщательный анализ всех имеющихся находок. Наш анализ основывался на традиционно-типологическом методе исследования, который позволил решить ряд важных вопросов историко-культурного, хронологического и социально-экономического порядка, представляющих большой интерес не только для истории народов южных областей Узбекистана, но и Средней Азии в целом.

При обобщении обильного и богатого археологического материала были поставлены две основные задачи: детальная источниковедческая обработка и историческая интерпретация. В источниковедческую обработку входили проблемы относительной хронологии и периодизации открытых памятников, выделения набора характерных типов объектов материальной культуры для каждого этапа, установления абсолютных датировок памятников. В ходе исторического анализа основное внимание уделялось проблеме генезиса открытых культурных комплексов и всесторонней реконструкции древнеземледельческой общины эпохи бронзы от демографических структур до бытового облика. Выявленный и всесторонне охарактеризованный новый очаг высокораз-

виты культур бронзового века рассматриваются в тесной связи с соседними культурами и цивилизациями, выявляется его историческое место в культурной системе Древнего Востока.

Материалы, послужившие основой для решения этих вопросов, получены в ходе сплошных раскопок поселения и могил Сапаллителя, поселения и могильников Джаркутан и Бустан, привлечен материал из поселения Молалы с одноименным могильником. Все эти материалы, вводимые нами впервые в научный обиход, позволили воссоздать процесс становления и развития нового очага древневосточной цивилизации второго порядка, служившего базой для формирования и развития урбанизованных культур арханческой и античной эпох.

В узбекской части Древней Бактрии географически выделяются три земледельческих оазиса — Шерабадский, Шурчинский и Бандыханский. Принципиальную значимость для изучения хронологических рамок и путей развития древнеземледельческих культур, социально-экономической реконструкции и происхождения общин древних земледельцев юга Узбекистана приобрели исследования в Шерабадском оазисе. Археологические работы, проведенные здесь, позволяют выделить пять хронологических комплексов, характеризующих этапы внутреннего развития культур оседлых земледельцев эпохи бронзы. Эти комплексы, в свою очередь, представляют две разные археологические культуры — сапаллинскую и кучуктепнскую¹, в основе которых лежит высокая культура земледелия и скотоводства.

Широкое вскрытие поселения Сапаллителя, могильников Джаркутан и Бустан, стратиграфическое изучение поселения Джаркутан позволили подразделить сапаллинскую культуру на три этапа и проследить на широком материале развитие хозяйства и бытового уклада древних земледельцев Южного Узбекистана, для которых характерен высокий уровень ремесла.

Наиболее ранний этап сапаллинской культуры — сапаллинский — синхронизируется с комплексами времени позднего Намазга V и раннего Намазга VI. В абсолютной хронологии для него предлагается дата 1700—1500 гг. до н. э. Из двух нижних строительных горизонтов поселения Сапаллителя и соответствующих им захоронений получен большой фактический материал, характеризующий материальную культуру этого этапа.

Второй этап культуры Сапалли — джаркутанский — находит близкие параллели с комплексами времени раннего и развитого Намазга VI и датируется 1500—1350 гг. до н. э. Достаточно полный материал, характеризующий этот этап, получен из верхнего строительного горизонта поселения Сапаллителя и соответствующих ему могил Сапалли, а также из поселения и могильника Джаркутан.

Завершающий этап культуры Сапалли — молаллинский — соответствует комплексам позднего Намазга VI, абсолютная хронология его определена в пределах 1350—1000 гг. до н. э. Материалы молаллинского этапа получены из поселения и могильника позднего Джаркутана, поселения и могильника Бустан, поселения и могильника Молалы.

Носители культуры Сапалли рассматриваются нами как пришлое население из собственно среднеазиатских древнеземледельческих общин анауско-намазгинского круга подгорной полосы Южного Туркменистана. На всех этапах своего развития они были тесно связаны с древнеземледельческими племенами подгорной полосы Южного Туркменистана (Алтын, Намазга, Вилур), Северо-Восточного Ирана (Тене Гиссар, Шах-тепе), Гильмендской долины (Мундагак, Шахри-Сохта), древнегородской цивилизации долины Инда (Харappa, Мохенджо-Даро, Постхарappa) и скотоводческими племенами Бишкентской и Вахшской долин (Ранний Тулхар, Тигровая Балка, Ойкуль).

Изучение этих связей позволяет несколько расширить территориальные и хронологические рамки древневосточного центра цивилизаций. Сложившись первоначально в бассейнах великих рек — в Египте, Южном Двуречье, в долине Инда, цивилизации затем формируются и в прилегающих районах, как это хорошо выяснено для Западной Азии на примерах Палестины, Сирии и Малой Азии.

В настоящее время археологические материалы позволяют приступить к исследованию и «восточного типа» древневосточной ойкумены, и уже не с ахеменидского времени, как это делалось ранее, а с эпохи бронзы. Выясняется, что в Древней Бактрии существовала целая система достаточно высокоразвитых и взаимосвязанных культур. В зоне между Шумером и Индией шел и процесс формирования местных цивилизаций. Для цивилизаций древневосточного типа особенно показательно развитие монументальной архитектуры, ярко представленной египетскими пирамидами и шумерскими храмами. Для указанной зоны наличествуют пока еще не все эти признаки, что, возможно, указывает на начальный или

¹ Исследование кучуктепнской культуры не входит в рамки данного исследования, так как ей будет посвящена специальная работа.

формативный период складывавшихся там цивилизаций.

В ходе конкретно-исторического изучения этой обширной зоны представляется целесообразным ввести понятие локального очага, характеризующее отдельные культурные центры, отличающиеся спецификой культуры, ограниченные во времени и в пространстве. Работы на юге Узбекистана и по афганистанскому левобережью Амударьи (*Сарианиди, 1975б*) ясно показали, что по среднему течению этой реки в эпоху бронзы существовал один из таких локальных очагов. Его развернутой характеристике на конкретных южно-узбекистанских материалах и посвящена наша работа. Выделяемую нами культуру Сапалли можно рассматривать как археологическое проявление этого очага высокоразвитых культур, входившего в культурную систему Древнего Востока.

Открытие и исследование памятников культуры Сапалли позволило, с одной стороны, ввести в зону областей протогородской цивилизации Востока ряд районов Узбекистана, с другой — показало местные корни широкого развития городской культуры Бактрии, Согда, Хорезма.

В процессе работы над книгой автору содействовали коллективы Института археологии АН УзССР и Ленинградского отделения ордена Трудового Красного Знамени Института археологии АН СССР. В организации работ экспедиции большую помощь оказали Гагаринский райком КП Узбекистана, руководство совхоза «Советабал», ректорат Термезского государственного педагогического института и дирекция Советабадского строительного техникума. Всем им автор приносит благодарность.

Автор выражает глубокую признательность М. П. Грязнову, В. М. Массону, А. М. Мандельштаму, Ю. А. Заднепровскому, Р. Х. Сулейманову, Ю. Ф. Буякову, А. Р. Мухамеджанову за ценные советы и замечания, а также Х. Дуке, Т. Ходжайову, Т. Мирсаатову, Б. Батырову, У. Рахманову, Б. Абдуллаеву, В. Аминову, Б. Уракову, Э. Ахмедовой за неопенимую помощь в завершении полевых исследований. Автор выражает благодарность художникам Р. Поповой и В. Завидовскому, а также архитектору В. Ефимову, которые принимали активное участие в фиксации и обработке графических материалов.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ

ГЛАВА I. СЛОЖЕНИЕ ДРЕВНЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ НА ЮГЕ УЗБЕКИСТАНА И ИХ РАЙОНИРОВАНИЕ

Многолетние археологические исследования на юге Узбекистана показали, что в эпоху бронзы здесь формировались высокоразвитые культуры племен древних земледельцев. Процесс формирования культур в этом регионе совпал с изменениями социально-экономического порядка, происходившими во II тысячелетии до н. э. в ряде районов городской и протогородской цивилизаций Древнего Востока.

В этот период древнегородская цивилизация долины Инда (Хараппа и Мохенджо-Даро) приходит в упадок и на месте ее появляются сравнительно небольшие поселения протогородского типа (постхараппская или джухарская культуры), т. е. наблюдается как бы возврат к прошлому. Происходят миграции

племен, земледельцами осваиваются центральные районы Индостана и Катхияварского полуострова (Шетенко, 1964). На обширной территории расселения общин протогородской культуры древних земледельцев (подгорная полоса Южного Туркменистана, Северо-Восточный Иран, ирано-афганский Сеистан) крупные столичные памятники (Намазга-депе, Алтын-депе, Тепе Синак, Тепе Гиссар, Шахри-Сохта, Мундигак и др.) приходят в запустение или резко сокращаются по площади, отсюда идет освоение новых районов, пригодных для орошаемого земледелия.

В полной мере все эти процессы относятся и к Древней Бактрии, северная часть которой находилась в современных пределах Сурхандарьинской области Узбекской ССР.

Физико-географическая и экологическая характеристика

С севера Сурхандарьинская область ограничена Гиссарским хребтом, с запада — горами Байсунтау и Кугитангау, с востока — хребтом Бабатаг, а с юга — рекой Амударьей. В территорию области входят долины рек Сурхандарья, Шерабадарья, Сангардака, Ходжанпака, Кафирингана, Туполангдарья, т. е. правобережье Амударьи.

Наиболее крупные водные артерии — реки Шерабадарья и Сурхандарья. Шерабадарья берет начало в горах Байсунтау и на протяжении примерно 150 км, проходя через глубокий каньон Байсунтау, входит в широкую долину, где разветвляется на многочисленные дельтовые протоки. Сурхандарья формируется в основном за счет высокогорных снегов и ледников. Наиболее мощные притоки ее — Каратаг и Туполанг, сливаясь, образуют Сурхандарью. Реки Сангардак и Ходжанпак — правые притоки Сурхандарьи.

В пределах рассматриваемой территории географы (Четыркин, 1960) выделяют пустынные равнины, предгорья, горы и высокогорья.

Ш. Эргешов (1974) на основании анализа геолого-геоморфологических, климатических, почвенно-гидрологических и биогеографических данных выделяет в пределах Сурхандарьинской области пять ландшафтов: Сурхандарьинскую аллювиальную равнину, Кугитангау-Байсунтаускую подгорную аллювиально-пролювиальную равнину, Туюнтау-Бабатагскую аллювиально-пролювиальную равнину, Кугитангау-Байсунтауский горный ландшафт, Бабатагский горный ландшафт.

Сурхандарьинская аллювиально-пролювиальная равнина занимает пойму I, II, III и IV террас Сурхандарьи, пойму I, II и III террас Амударьи. Рельеф — плоские, слабо расчлененные, частью заболоченные аллювиальные равнины, сложенные суглинками, подстилаемыми песками и галечниками. Верхние террасы представляют собой высоко поднятые аллювиально-пролювиальные равнины, сложенные мощным слоем лессовидных суглинков и расчлененные долинами притоков и оврагами.

В пойме и на нижних террасах Амударьи и Сурхандарьи развиты луговые и болотно-аллювиальные почвы. На поверхности верхних террас происходит интенсивная дефляция. Значительные пространства заняты такырными почвами.

К современным долинам рек приурочены тугайные ассоциации: собственно поймы характеризуются лугово-болотной растительностью. На такырных почвах развита донашуровая ассоциация. Тугайная растительность — ценный круглогодичный корм для крупного рогатого скота.

Кугитангтау - Байсунтауская подгорная аллювиально-пролювиальная равнина охватывает шлейфы подгорных равнин конуса выноса рек Шерабадарья, Сангардака, Ходжанапка, Туполанга и степь Кызырликдару, значительная часть которых — территории II и III террас Сурхандарьи. Равнина прорезана множеством саев и оврагов, а также широкими, с мягкими очертаниями склонов, сухими долинами. Подгорная равнина сложена толщами осадочных пород, перекрытыми сверху суглинками. В значительной части подгорной полосы развиты лугово-такырные сероземы. Эти почвы наиболее благоприятны для орошаемого земледелия.

В пролювиальной части равнины, особенно в степи Кызырликдара, в низкорослых и адырных ее участках, встречаются земли неблагоприятные для орошения, но пригодные для развития скотоводческого хозяйства.

Туюнтау-Бабатагская подгорная аллювиальная равнина расположена между долиной Сурхандарьи и хребтом Бабатаг. Равнина сложена породами таджикского яруса, сильно расчлененными оврагами и саями. Отмечены невысокие возвышенности, значительные пространства занимают лесовые равнины и бугристые пески. Климат сухой и жаркий.

Почвенный покров представлен серо-бурыми, светлыми сероземами и болотно-сазовыми почвами. Здесь развиты мятликново-осоково-полынные, эфемерово-куянджуковые ассоциации, пригодные для круглогодичных пастбищ. Наибольшее значение в условиях поливного земледелия имеют конусы выноса саев, русла пересохших рек. Значительные участки в эпоху бронзы имели ограниченное хозяйственное значение.

Кугитангтау - Байсунтауский горный ландшафт. В его пределах Ш. Эргешов (1974) выделяет предгорно-низкорослый пустынный и среднегорно-арчевниково-фисташковый горно-пустынно-степной типы. Первый тип имеет ограниченные при-

родные ресурсы и в древности мог использоваться под пастбища. Второй тип характеризуется достаточной увлажненностью (до 500—600 мм в год). Растительность отличается богатством видового состава и высокой урожайностью типчака, дикого овса, дикого ячменя и др. (до 6,5—7,1 *ц/га*). У нижней границы гор распространены леса, выше — заросли арчи. Этот тип весьма продуктивен с точки зрения отраслей присвоющего хозяйства (охота, собирательство).

Наличие дикорастущих злаков и достаточная обеспеченность влагой позволяют считать этот район перспективными для поисков памятников, характеризующих зарождение производящего хозяйства.

Бабатагский горный ландшафт характеризуется сходными природными типами. Однако возникновение здесь раннеземледельческих памятников представляется маловероятным из-за большой сухости этого района.

Наши исследования, вместе с данными географов-экономистов, показывают, что каждый ландшафт характеризуется комплексным сочетанием определенных морфоструктур, разнообразием почв, растительных группировок и других компонентов ландшафта. Это дает основание рассматривать, в соответствии с системной терминологией, ныне широко применяемой в географии (Преображенский, 1972), выделенные выше ландшафты как региональные экосистемы.

В археологической и географической литературе широко обсуждается вопрос о роли географической среды в развитии первобытного общества (Герасимов, Величко, 1974), и можно считать установленным, что экологические факторы оказывают значительное влияние на процесс материального производства, определяя формирование и развитие хозяйственных типов. Наибольшее значение в этом отношении имеют природные ресурсы региональных экосистем, определяющих особенности хозяйственных типов.

Рассмотрим более подробно структуры перечисленных выше ландшафтов Сурхандарьинской области, уделяя наибольшее внимание характеристике природных богатств, применительно к эпохе бронзы.

Если исходить из экологической характеристики выделенных выше ландшафтов исследуемых областей, то Сурхан-Амударьинская аллювиальная равнина была непригодна для появления на ее территории культур древних земледельцев эпохи бронзы. Поэтому в этой зоне памятники доклассового общества отсутствуют и большая часть ее до настоящего вре-

мени покрыта густой тугайной растительностью. Лишь с эпохи античности в пространстве II террасы появляются памятники греко-бактрийского и кушанского времени, в эпоху же бронзы равнина могла быть использована лишь для скотоводства яйлажного типа и форм присвоющего хозяйства.

Наиболее благоприятной для сложения и развития культур древних земледельцев эпохи бронзы, на наш взгляд, были территория Кугитангау-Байсеунтауской подгорной полосы и отдельные участки Туонтау-Бабатагской подгорной аллювиальной равнины. Однако в зоне последней памятников эпохи бронзы с орошаемым земледелием не обнаружено. Более перспективна в этом отношении Кугитангау-Байсеунтауская подгорная аллювиально-пролювиальная равнина.

Районирование древнеземледельческих базисов и их памятников

Нашими исследованиями выявлено три древнеземледельческих центра, формировавшихся в пределах подгорной полосы Кугитангау и Байсеунтау: Шерабадский, Бандыханский и Шурчинский (рис. 1). Аналогичный процесс одновременно происходил и на территории Северного Афганистана — южной части Бактрии (*Сарианиди, 1975в*).

Шерабадский земледельческий оазис расположен в дельте Шерабадары на аллювиально-пролювиальной равнине верхнечетвертичного возраста. Предгорная зона оазиса наиболее благоприятна для орошаемого земледелия. Грунтовые воды залегают глубоко и имеют хороший отток. Минерализация вод слабая. В южной приамударьинской полосе равнины, где уровень грунтовых вод находится ближе к поверхности, почвы сильно засолены. Периферийная часть оазиса пригодна для мелiorации. В пролювиальной равнине оазиса, особенно в низкорной и адырной его частях, по условиям рельефа земли можно использовать лишь для пастбищ.

Огромная дельтовая равнина всегда питалась водой Шерабадары. Лишь отдельные участки подгорной полосы орошались водами небольших саев, стекающих с Кугитангау.

Первое освоение Шерабадского оазиса относится к эпохе развитой бронзы (*Аскарлов, 1973а*). Выявленные памятники располагались вдоль старых русел рек и саев и территориально разделяются на две группы — улабулаксайскую и бустансайскую.

Улабулаксайская группа памятников сосредоточена вдоль старого русла Улабулаксай, берущего свое начало в юго-восточной части Кугитангау. Ныне невозможно просле-

Археологические и экологические исследования показали, что зоны дельтовых протоков рек Шерабадары, Бандыханская, Ходжаипака, Сангардака, Туполанга и других, составляющих основу подгорной равнины, явились центрами формирования и развития культур древних земледельцев Южного Узбекистана.

Таким образом, региональная дифференциация природных ресурсов создавала предпосылки для возникновения на отдельных участках юга Узбекистана раннеземледельческих оазисов, ставших основой сложения северо-бактрийского центра древневосточной протогородской цивилизации. Одновременно здесь имелись условия, способствующие развитию скотоводства, а охота была дополнительным источником питания в жизни древних земледельцев.

дить старое русло по всей длине, так как оно сивелировано во время освоения территории вновь организованными совхозами. Судя по рассказам старожилых, до недавнего времени здесь на протяжении нескольких километров были заметны четкие следы старого русла, от которого сейчас сохранились лишь отдельные участки шириной до 5—6 м и глубиной 1—1,5 м близ поселения Сапалитена и ниже его.

Археолого-топографическое исследование района подтверждает сообщение старожилых: русло пересекало селение Музрабад, а оттуда извилистыми линиями доходило до Амударьи. Об этом свидетельствуют и расположение по линии русла нескольких памятников эпохи бронзы: поселений Кузуктепа, Сапалитена, Кутьтепа, Кичиктепа и др.

Русло сая с устойчивым водным балансом функционировало долгое время. Уже в античную эпоху на берегу сая возникло поселение Шортена, расположенное недалеко от селения Музрабад. Вдоль русла Улабулаксай в 1 км к востоку от Кучуктепа, находится поселение Муничактепа, с которого собраны материалы раннего средневековья и предмонгольского времени.

Ныне только весной в сая течет много воды, летом же она едва доходит до селения Музрабад. Из-за постоянной нехватки воды огромные массивы пригодной для земледелия земли превратились в средневековье в бесплодную Музрабадскую степь.

Бустансайская группа памятников сосредоточена вдоль среднего течения старого русла Бустансай, западного дельтового протока Шерабадары. Верхнюю и нижнюю части русла

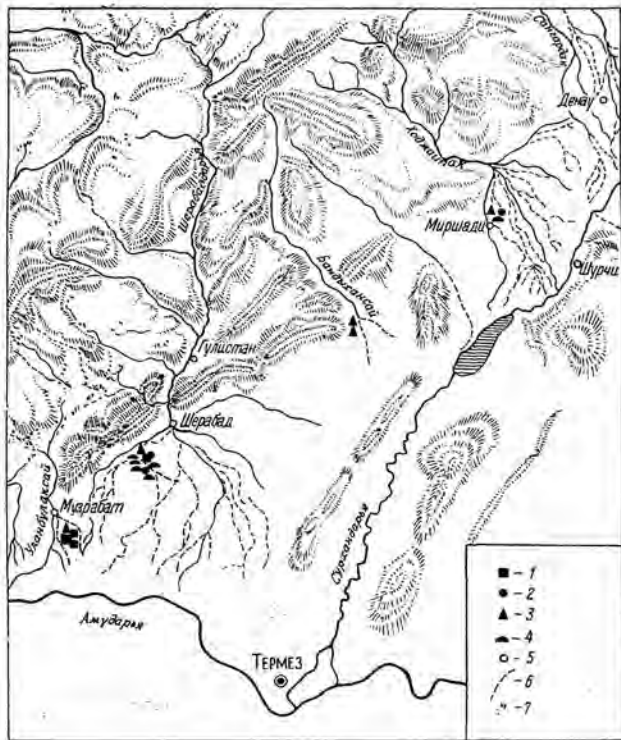

Рис. 1. Схематическая карта памятников юга Узбекистана. Условные обозначения:
 1—поселения спаллидского и джаркурганского этапов; 2—поселения мозаидского этапа; 3—поселения культуры расписной керамики эпохи поздней бронзы; 4—могильники; 5—населенные пункты; 6—сузле русло; 7—солончаки

проследить не удалось, так как они сnivelированы под поля хлопчатника. Сохранившаяся средняя его часть — широкий (местами до 1 км) каньон с крутыми обрывистыми берегами. В нижнем течении, в районе канала Занг, саяз разветвлялся на южный и западный протоки. Первый направлялся на юг, в сторону реки Карасув, а второй — на запад, в местность Талашкана, где поворачивал на юго-запад и, проходя мимо поселения Сапаллитена, сливался с руслом Уланбулакская.

При обследовании южного протока между каналом Занг и Карасув каких-либо памятников древности выявить не удалось, но по руслу западного протока в районе Талашкана зафиксировано несколько памятников архаического, античного времени и раннего средневековья (Рувладзе, 1974б, с. 74—75). Остатки поселения архаического времени обнаружены и возле селения Бешкутан, в 1,5 км к востоку от Сапаллитена (Аскаров, 1973а, с. 7). Однако этот небольшой безымянный бугор, к сожалению,

нию, разрушен при планировке участка. Сейчас здесь проложен коллектор для отвода сборных вод. На дне и в обрывах коллектора рассыпана керамика середины I тысячелетия до н. э.

Следы наиболее интенсивного обживания прослеживаются в верхней и средней частях главного русла сая. В верхней части, уже освоенной под хлопковые поля, выделяется несколько памятников кушанского времени. Лучшее сохранилась средняя часть русла, интенсивно обживавшаяся в эпоху бронзы. Здесь вдоль русла выявлено несколько поселений и могильников, условно названных нами Джаркутан и Бустан. На левом берегу Бустаня открыты памятники, получившие название Джаркутан 1 и 2 (поселение), Джаркутан 3 и 4 (могильник), на правом берегу — четыре могильника и одно поселение, названные Бустансай 1, 2, 3, 4, 5.

К северо-востоку от Шерабадского оазиса в подгорной части Байсунтау находится Бандыханский оазис, занимающий юго-западную часть подгорной аллювиально-пролювиальной равнины правобережья Сурхандарьи. В оазис входит Кызыркардаринская степь, имеющая вид треугольника с уклоном на юг. К югу степь расширяется и постепенно сливается с дельтой Шерабадарьи. Местами степь пересекается сагами и ложбинами меридиональной ориентировки. Сложена она рыхлыми кольцами осадочных пород — продуктами разрушения гор (Эргешов, 1974, с. 40).

В северо-восточной части степи — небольшая плодородная равнина, освоенная земледельцами в эпоху поздней бронзы. В узкой горной долине расположено урочище Бандыхан («плотина хана»). Бандыхансай берет свое начало от юго-восточного склона Байсунтау и при выходе с гор в равнину разветвляется на два рукава: первый — юго-восточный, под названием Бандыхан, доходил до реки Сурхандарьи, второй — под названием Ургусай, направленный на юго-запад.

В 1973 г. Э. В. Ртвеладзе во время маршрутных разведок в районе кишлака Бандыхан зафиксировал группу памятников трех исторических периодов — эпохи бронзы, архаического времени и античности (Ртвеладзе, 1974а, с. 489—490). В 1974 г. мы ознакомились с ними и убедились в наличии здесь древнеземледельческого оазиса.

Памятники расположены недалеко друг от друга и представляют собой компактный оседлоземледельческий микрооазис, сложившийся на базе временного водотока — Бандыхансай. Видимо, в древности Бандыхансай имел более постоянный сток воды, поэтому в среднем его

течении создавалась возможность формирования и развития оседлоземледельческой культуры.

Осмотр местности и подъемные материалы показывают, что памятники располагались в зоне командования русла Ургусая. Это — поселение эпохи поздней бронзы Майдатапа, зафиксированное Э. В. Ртвеладзе как поселение Бандыхан 1, крепость архаического времени Бандыхан 2, небольшое поселение того же времени Бандыхан 3 (Киндиктепа). Поселение Бандыхан 4 (Гази Мулла) с керамикой архаического периода находилось на территории кишлака Бандыхан. Наиболее крупное городище того же времени — Бандыхан 5 — расположено в 3 км к северо-западу от поселения Бандыхан 1. На северной окраине кишлака отмечено городище кушанского времени — Ялангтуштепа. У входа в Бандыханское ущелье найдено безымянное городище с керамикой кушанской эпохи и средневековья. В 2 км к северу от него выявлены остатки небольшого поселения эпохи развитого средневековья (Ртвеладзе, 1974а, с. 490).

Таким образом, археолого-топографическими исследованиями установлено, что на базе водного стока Бандыхансай, особенно по его руслу Ургусая, начиная с эпохи поздней бронзы и вплоть до средневековья существовали разновременные памятники, свидетельствующие о формировании здесь еще одного древнеземледельческого оазиса — Бандыханского.

В настоящее время Бандыханский оазис — маловодная долина с отличными пастбищами в прилегающих горных районах. Видимо, нехватка воды стала ощутимой с раннего средневековья, о чем свидетельствует почти полное отсутствие в этом районе памятников последующих периодов.

Центральная часть аллювиально-пролювиальной равнины реки Сурхандарьи — Шурчинский оазис, расположенный на конусе выноса Ходжаипака. На поверхности конуса обнаружены многочисленные остатки IV террасы Сурхандарьи, которая формировалась в голоценовское время (Эргешов, 1974, с. 41). Конус пригоден для земледелия, в предгорных зонах довольно много богарных земель. Климат в оазисе адырный и способствовал с глубокой древности формированию и развитию здесь орошаемого земледелия.

Первый памятник эпохи бронзы в Шурчинском оазисе — поселение Миршад — обнаружен в районе западной группы дельтовых саяв Ходжаипака, на территории села Миршад (Пугаченкова, 1972, с. 47—49; Бельева, Хакимова, 1973, с. 35—38). В 1970—1971 гг. по руслу Кызылсай открыты новые памятники эпохи

бронзы, отличные от археологического комплекса первой находки. Это — могильник Молали и одновременное с ним поселение (*Беляева, Хакимов, 1973, с. 38—43*). Последующее широкое обследование района показало, что Шурчинский оазис насыщен памятниками архайского, античного и раннесредневекового периодов. Среди них выделяются городище Кызылтапа с мощными культурными напластова-

ниями и столица чаганианских правителей Дальверзинтепа — памятник кушанского времени.

Таким образом, открытие целого ряда памятников эпохи бронзы на юге Узбекистана позволяет выделить для этой поры несколько древнеземледельческих районов, формировавшихся в Шерабадском, Бандыханском и Шурчинском оазисах.

ГЛАВА II. ПАМЯТНИКИ САПАЛЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Памятники культуры Сапалли разбросаны по трем районам в пределах Шерабадского и Шурчинского древнеземледельческих оазисов. Первая группа памятников расположена вдоль сухого русла Уланбулакская, вторая — по руслу Бустанская, третья — по руслу Кызылская, одного из дельтовых протоков Ходжайпака.

Памятники уланбулакской группы представлены тремя поселениями: Сапаллитепа, Культепа и Кичиктепа. Широкие раскопки производились лишь на Сапаллитепа. Поселения Культепа и Кичиктепа сивелированы под хлопчатник, на их месте сохранились лишь отдельные фрагменты керамики, кости животных и зольные остатки.

Планировка поселения Сапаллитепа

Поселение Сапаллитепа открыто Л. И. Альбаумом в 1968 г. на территории совхоза «Советабад» Гагаринского района Сурхандарьинской области, на левом берегу Уланбулакская, в месте его слияния с одним из ответвлений старого русла Бустанская (Аскаров, 1973а, с. 6). По микрорельефу памятник делится как бы на две части — центральную возвышенную и прилегающую к ней широкую площадь собственно поселения. Общая площадь поселения около 4 га. Значительная часть северной, восточной и юго-восточной сторон поселения разрушена и распахана при планировке полей. Частично пострадал и юго-восточный участок крепости (рис. 2).

Стационарные раскопки на поселении Сапаллитепа, начатые нами с согласия первооткрывателя в 1969 г., продолжались с перерывом в 1970 г. до весны 1974 г. Культурными остатками, как показали шурфы, заложённые в разных частях поселения, была насыщена лишь укрепленная часть, на остальных же участках культурный слой выветрен почти до основания. Поэтому широкие раскопки проводились только в пределах крепости.

Памятники, открытые по правому берегу Бустанская, названы джаркутанскими, а по левому берегу — бустанскими. В эту группу памятников входят поселения Джаркутан 1, 2, Бустан 4, а также могильники Джаркутан 3, 4, Бустан 1, 2, 3, 5. Стационарные раскопки проводились на могильниках Джаркутан 4 и Бустан 3. В крепости поселения Джаркутан заложен стратиграфический шурф. С поселений Джаркутан 2 и Бустан 4 собрано большое количество подъемного материала.

Третья группа — это поселение и могильник Молали, расположенные в Шурчинском оазисе. Раскопан только могильник, а на поселении собран подъемный материал.

В ходе многолетних планомерных работ полностью вскрыта крепость, выявлена общая планировка поселения и внутреннее устройство жилищ. В остатках поселения достаточно полно отражены процессы создания, обживания и разрушения памятника в пределах одной исторической эпохи — бронзового века. Верхний строительный горизонт разрушен, выветрен и размывает. От него сохранились только остатки стен в один-два кирпича, лежавшие на мощных культурных слоях по всей территории крепости. На других участках найдены лишь россыпи керамики, осколки костей животных. Остатки строений лежат на разных уровнях, четко прослеживаемых в стратиграфии культурных слоев мощностью до 2,5 м. Выявлено три основных строительных горизонта.

Главная цель полевых исследований — полное вскрытие каждого горизонта, следовательно, не было необходимости закладывать небольшие раскопки, которые не выявили бы общую планировку поселения и внутреннее устройство жилищ. Исходя из этого, мы и проводили сплошные раскопки всей площади

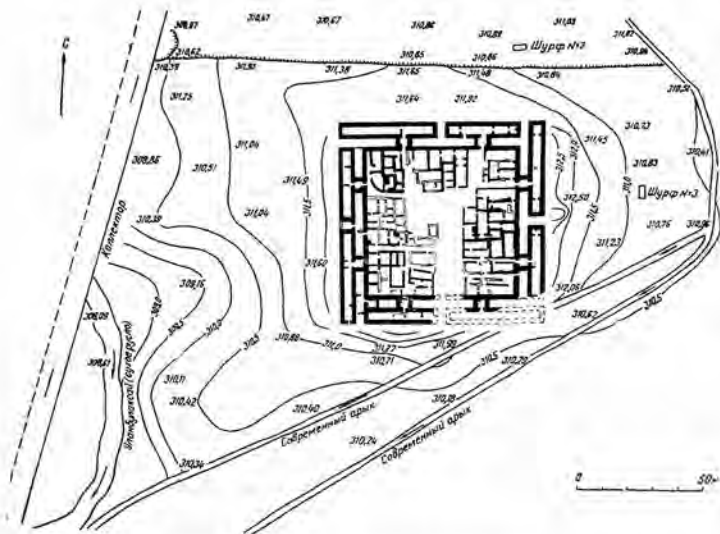

Рис. 2. План поселения и крепости Савалинцева

поселения. Работы первого сезона, направленные на вскрытие верхнего строительного горизонта, не привели к ожидаемым результатам, так как на уровне основания стен верхнего горизонта обнажились стены всех трех периодов. Так, в одном участке стена верхнего горизонта стояла на мощном культурном слое, в другом — на материке, в третьем — на небольшом слое культурных остатков (рис. 3). Не удалось проследить и пол комнат верхнего горизонта.

Таким образом, в первый полевой сезон выяснилось, что комнаты верхнего строительного горизонта, не связанные со стенами предыдущих строительных периодов, использовались при строительстве зданий последующих периодов, что исключает исследование только верхних горизонтов, так как остатки стен ранних периодов впоследствии употреблены под фунданты стен верхних горизонтов. Поэтому в процессе раскопок возникла новая задача, состоящая в исследовании плановых раскопках стратиграфический характер (Аскаров, 1973а, с. 12). Тщательная фиксация архитектурных остатков позволила довольно

четко проследить динамику застройки территории поселения.

Постоянные стратиграфические наблюдения, производившиеся в ходе раскопок, показали, что первоначально на небольшой естественной возвышенности сооружались мощные, в три ряда, стены крепости. На первом этапе строительства поселка были возведены фортификационные сооружения, освоены значительные площади жилых массивов (рис. 4), а во втором — достроены межквартирные свободные пространства, произведена некоторая перепланировка внутри кварталов, перестроены под жилые дома обводные помещения и некоторые коридоры, появились отдельные дома за пределами крепости (рис. 5). На третьем этапе продолжалось расширение кварталов, на руинах старых домов сооружались новые, широко осваивались площади за пределами крепости (рис. 6).

В первой публикации результатов работ было высказано предположение о том, что возвышенная часть памятника обнесена тремя кольцами стен оборонительного характера, между которыми образовались два параллель-

ных коридора (Аскаров, 1973а, с. 12). Дальнейшие раскопки внесли некоторые поправки в общую планировку крепости. Так, оказалось, что термин «обводной» применительно к коридорам не отражает его предназначения.

Для поселения древние земледельцы выбрали естественную возвышенность с относительно ровной поверхностью. В центре его построена квадратная (82×82 м) в плане кре-

Свободное пространство между внутренней кольцевой стеной и обводными помещениями разделено двумя рядами поперечных стен на восемь частей, в результате между стенами образовалось восемь проходных комнат, ведущих из крепости в обводные помещения. Между комнатами — восемь Т-образных в плане коридоров со входом с наружной стороны крепости. Эти коридоры были, видимо, ложными

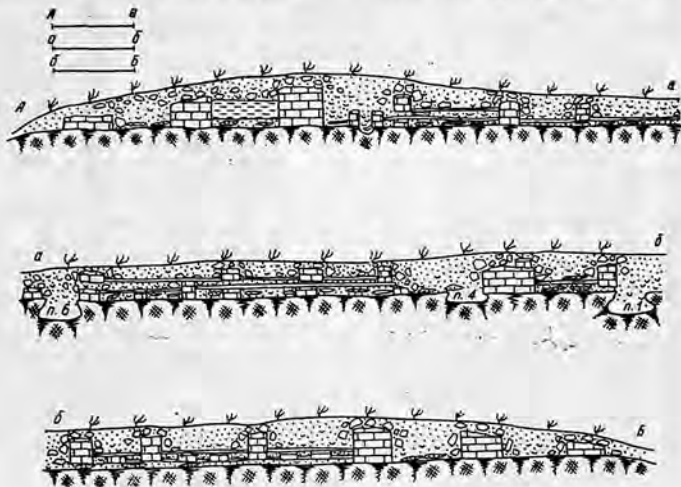

Рис. 3. Продольный разрез крепости с севера на юг

пость сложной конструкции. Первая внутренняя стена окружала центральную часть поселения. Снаружи к каждой из четырех сторон стены на расстоянии 3,2 м пристроены по два длинных коридорообразных помещения прямоугольной формы с входами со стороны крепости (см. рис. 3). Всего их восемь. Ширина помещений одинаковая — 3,1 м, длина же разная: у четырех (пом. II, IV, VI и VIII) — по 36 м, а у остальных — по 26 м. Между помещениями оставлены проходы шириной не более 3,2 м. Так как все коридорообразные помещения расположены за первой кольцевой стеной, в дальнейшем мы будем называть их обводными помещениями, что соответствует планировке крепости. Обводные помещения и кольцевая стена поселения составляют как бы единую систему фортификации.

входами в крепость, т. е. ловушками (см. рис. 4).

По наружному периметру внутренней кольцевой стены крепости располагались семь ложных входов: юго-западный, западный, северо-западный, северный, северо-восточный, восточный, юго-восточный. Южный Т-образный коридор был единственным подлинным входом в крепость поселения. Ширина коридоров-ловушек соответствует ширине обводных помещений. Наружные пристенные части внешнего кольца и коридоров-ловушек укреплены валикообразными отступками, выполняющими функцию контрфорсов. Обводные помещения и проходные комнаты — без оконных проемов, но в их стенах оставлены квадратные или прямоугольные вентиляционные отверстия размерами 14×16 см, 16×16 см, 16×20 см.

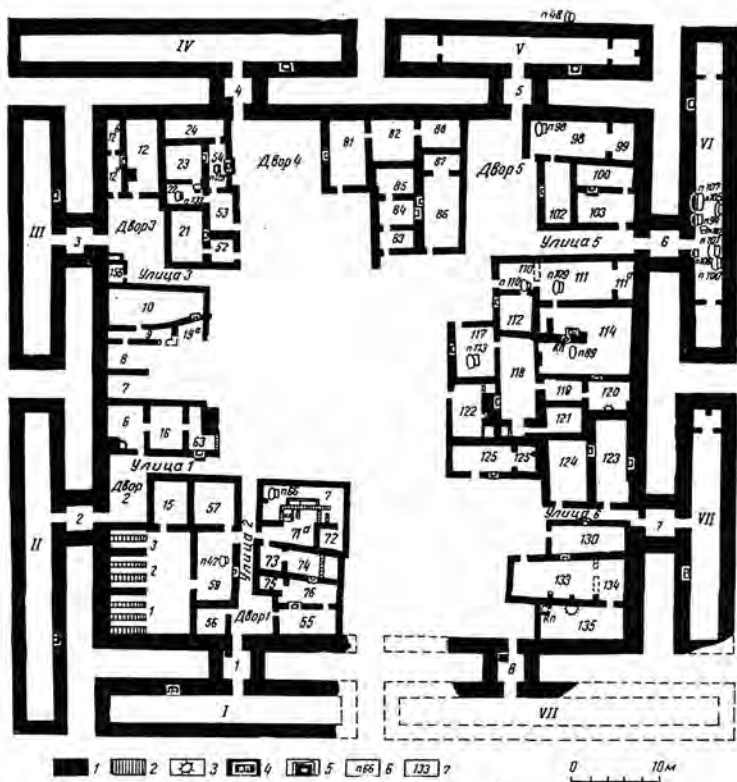

Рис. 4. План остатков жилищ и фортификационных сооружений первого строительного периода.
Условные обозначения:

1—стены первого строительного периода; 2—внутриквартальные перегородки; 3—хозяйственные дымо; 4—керамические печи;
5—огонь-камин; 6—ямы; 7—подвалы

Стены крепости сохранились на разную высоту (рис. 7). Сохранившаяся высота первой внутренней стены — 1,4—2 м, второй, средней — 1—1,2 м, третьей, внешней стены — 0,4—1 м. Очевидно, ступенчатость эта вызвана рельефом местности: крепость построена на возвышенности, остальная площадь поселения вокруг крепости постепенно понижается, поэтому наружная стена больше пострадала от дождей, снегов и ветров.

Предположение о поквартальном расчленении внутренней планировки крепости (Аскаров, 1973а, с. 12, 122) по окончании раскопок полностью подтвердилось. Вся внутренняя площадь крепости, начиная с первого этапа строительства, была разбита на восемь кварталов (жилых массивов), отделявшихся друг от друга узкими тупиковыми улицами или незастроенными межквартальными дворовыми площадями. Межквартальные участки посте-

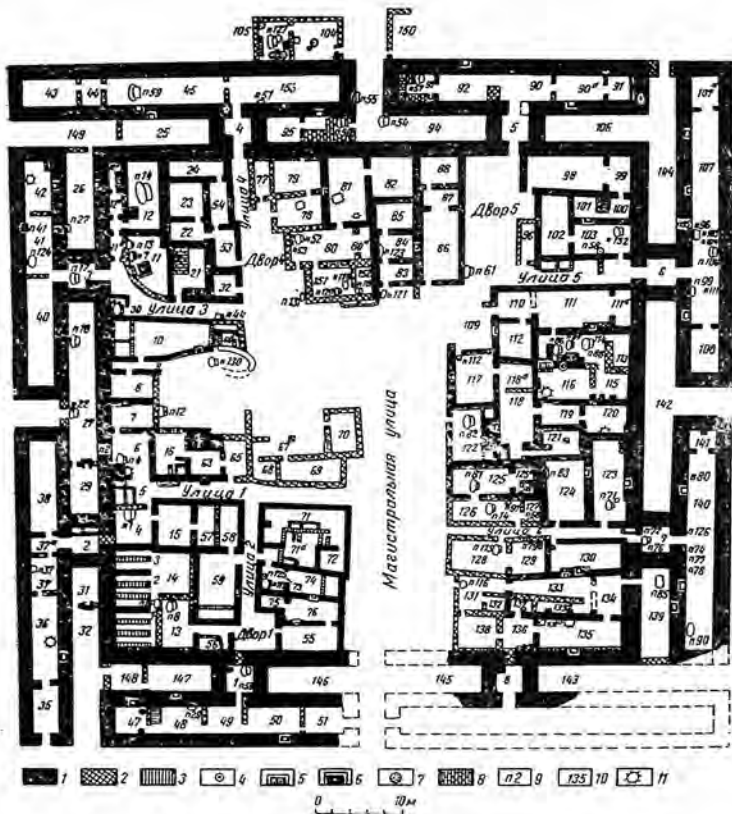

Рис. 5. План остатков жилищ и фортификационных сооружений второго строительного периода. Условные обозначения:

1 — стены первого строительного периода; 2 — стены второго строительного периода; 3 — внутрикомнатные перегородки; 4 — буми; 5 — керамические печи; 6 — очаги-камины; 7 — тандьры; 8 — кирпичная выкладка; 9 — во-ребенки; 10 — комнаты; 11 — хозяйственные ямы.

пению застраивались, и уже на третьем этапе строительства поселения «генеральный» план застройки внутри крепости получил свое окончательное архитектурное оформление (см. рис. 4—6). Полностью сформировались улицы: на первом этапе строительства их было пять, а ко времени второго строительного периода

стало шесть. От главных ворот крепости в сторону ее центральной площади проходила широкая незастроенная полоса, практически являвшаяся магистральной улицей. Все улицы выходили на магистральную и связывали жилые массивы с обводными помещениями крепости. Лишь три обводных помещения (пом.

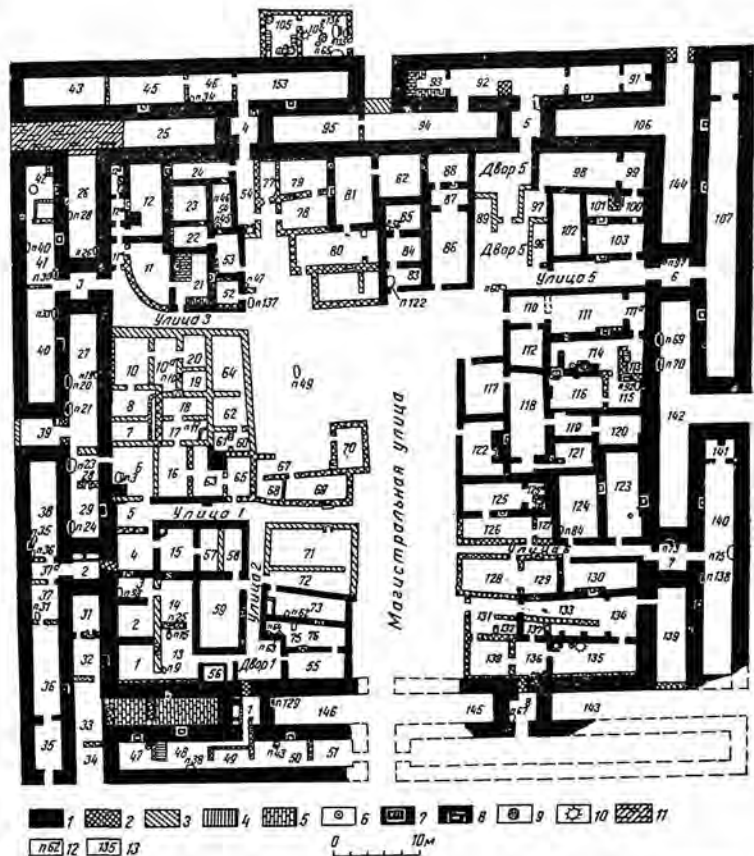

Рис. 6. План остатков жилищ и фортификационных сооружений третьего строительного периода. Условные обозначения:

1—стены первого строительного периода; 2—стены второго строительного периода; 3—стены третьего строительного периода; 4—внутрикомнатные перегородки; 5—кирпичная выкладка; 6—хуны; 7—керамические печи; 8—очаги-канины; 9—тангалы; 10—хозяйственные ямы; 11—забутовка глиной; 12—погребения; 13—комнаты

И, II, VIII), начиная со второго этапа, не были связаны с жилыми массивами внутри крепости.

Все кварталы располагались широкой полосой по периметру внутренней обводной стены. Центральная часть крепости не застраи-

валась и постепенно превращалась в мусорную свалку.

Квартал I находится в юго-западной части крепости и замкнут с юга и запада мощными стенами оборонительной системы, а с се-

вера и востока — коридорообразными улицами. Первоначально в квартале было построено семь комнат (1—3, 15, 56, 57, 59)¹. Три из них (1—3) пристроены влотию к внутренней западной обводной стене и представляют собой открытые с восточной стороны айваны с общей передней дворовой площадкой прямоугольной формы².

Внутри комнат расчищен ряд узких (шириной 70 см), расположенных с запада на

помещений данного квартала относится и комната 56 с отдельным входом с улицы, вскрывая к югу от комнаты 59. Под полом первого строительного этажа комнаты 59 обнаружено погребение 42 с богатым инвентарем.

С восточной стороны квартала проходит узкая улица, условно названная улицей 2. Первоначально предполагалось, что она опирается в южную кольцевую стену (Аскарова, 1973а, с. 20). Однако при повторной зачистке обвод-

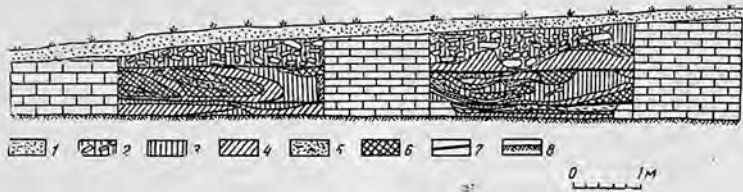

Рис. 7. Разрез оборонительных стен крепости. Условные обозначения:

1 — деревянный слой; 2 — завал сырцовых кирпичей; 3 — рыхлый слой с примесью песка; 4 — рыхлый красноват-серый слой с примесью зыла и песка; 5 — слой зыла с углекислым; 6 — сажа, уголь, жидкий слой; 7 — уровень пола; 8 — метр

восток, суф длиной каждая по 4 м и высотой не более 30 см. В комнате 1 обнаружены три суфы, в комнате 2 — две, в третьей — одна. Между суфами образовались коридоры шириной 70 см, заполненные рыхлым слоем земли, содержащим богатый археологический материал. Стенки суф тщательно обмазаны саманом в два и даже три слоя.

При зачистке внутрикомнатных коридоров встречались фрагменты керамики, заточенные ребра крупного рогатого скота, костяные ручки ножей и серпов, распиленные оленины рога, костяные шилья и большое число роговых орудий. Видимо, в комнатах действовала мастерская по изготовлению костяных и роговых орудий труда. Суфы предназначались, скорее всего, для работы сидя.

Вход в мастерскую был через комнату 59, в восточной стене которой встроены очаг-камин. К северу от комнаты 59 находилась квадратная в плане комната 57 со входом с юго-восточного угла. К западу от последней расположена комната 15 с дверным проемом со стороны дворовой части мастерской. К комплексу

ных стен на этом участке выяснилось, что в стене существовал дверной проем, ведущий через проходную комнату 1 в южное обводное помещение I.

Таким образом, перед нами — большой жилой комплекс, состоящий из жилых и хозяйственных помещений и мастерских. Можно предполагать, что все комнаты имели плоское перекрытие, а дворовая площадка перед мастерской была открытая.

На втором этапе строительства перед первым помещением мастерской сооружена продольная стена и частично выложена мощная южная стена, разделяющая дворовую площадку мастерской на две части. Вход в мастерскую со стороны комнаты 59 был закрыт, новый вход пробит через комнату 56. Вход в комнату 15 также заложили, новый дверной проем открыли со стороны двора 2. Комнату 57 разделили на две, а часть комнаты 56 превратили в зернохранилище. Входы в обводные помещения I и II наглухо закрыли. Площадь двора 2 была перегорожена поперечной стеной, в результате образовались две комнаты (4, 5). Комната 4 скорее всего предназначалась для жилья, а комната 5, возможно, для загона скота.

Внутри комнаты 5 выявлены три прямоугольных в плане микропомещения разных размеров, заполненные тонким слоем органических отложений и мусором и относящиеся к первоначальному этапу существования ком-

¹ Нумерация комнат устанавливалась в процессе их вскрытия, при этом для всех периодов дана единая сквозная нумерация.

² В первоначальной нашей публикации строительство квартала было ошибочно отнесено ко второму строительному периоду. Повторная зачистка полов многих комнат показала, что начало строительства ядра квартала можно отнести к первому периоду.

наты. Стены перегородок сложены из крупных, поставленных на ребро, кирпичей и сохранились на высоту до 40 см.

Микропомещения пристроены вплотную к западной стене, восточная половина комнаты, особенно северо-восточная ее часть, была заполнена мощным слоем угля. Выше верхнего уровня кирпичных кладок внутрикомнатных перегородок прослеживается пол верхнего горизонта.

К востоку от комнаты 5 начинается улица I. Оформление улицы, видимо, происходило в два этапа. Западная половина сформировалась еще на первом строительном этапе, восточная — на втором. На втором же этапе были сделаны кормушки, обнаруженные под северной стеной улицы. Следовательно, комната 5 и западная половина улицы I использовались в качестве загона для скота, о чем свидетельствует не только наличие кормушек и небольших внутрикомнатных перегородок, но и слой позеленевших органических отложений.

Таким образом, после некоторой перепланировки на втором этапе в юго-западной части крепости сформировались три жилых комплекса. Первый состоял из двух комнат (58, 59), второй — из шести комнат: мастерской (1—3), зернохранилища (56) и комнат жилого и хозяйственного назначения (13, 14). Под полом второго этапа комнаты 13 обнаружено коллективное захоронение (погр. 8) с богатым инвентарем, а под порогом прохода в мастерскую — другое захоронение (погр. 16). Третий комплекс состоял из трех комнат (4, 15, 57).

На третьем строительном этапе площадь квартала была значительно реконструирована. В связи с возведением новой стены в восточной стороне, мастерская перестроена под жилые дома, изменилось расположение дверных проемов. В северной стене комнаты 3 появились очаг-камин. Остатки другого очага расчищены в восточной стене комнаты 1. Число жилых комплексов увеличилось до четырех: первый и третий жилые комплексы продолжали функционировать без существенных изменений, а второй разделился на два.

В пределах квартала раскопано четыре захоронения. Первое — в северо-западном углу комнаты 13 (погр. 15), второе — в южной стене комнаты 14 (погр. 25), третье — под мощной стеной в юго-западном углу комнаты 3 (погр. 93), четвертое — в юго-западной части комнаты 13 (погр. 9). Третья могила оказалась богаче других. Кроме большого числа глиняных сосудов, здесь найдены и бронзовые предметы.

Исходя из результатов раскопок, можно констатировать, что площадь квартала I на всех этапах строительства поселка обживалась интенсивно и равномерно. При необходимости внутри квартала производились ремонтные работы, некоторые перестройки и перепланировка. Если на первом этапе всю площадь квартала занимала одна большая семья, то на последнем этапе число семей увеличилось до четырех, что, вероятно, вызвано выделением новых семей в рамках большого общинного дома. В первых двух периодах жилой массив являлся большим домом-мастерской по выделке орудий труда. На последнем этапе мастерская уже не функционировала, на ее месте появились жилые дома.

Квартал II. К северу от квартала I вдоль западной обводной стены крепости выявлена группа строений различной степени сохранности — квартал II. С западной стороны квартал замкнут оборонительной стеной, а с северной отделен от следующего квартала улицей 3. К востоку от строений расположена огромная незастроенная площадь.

На первом этапе строительства в пределах квартала была построена группа комнат (7—9, 10, 19а), от которых сохранились в большинстве случаев отдельные остатки стен, и один целый жилой комплекс (комнаты 6, 16, 63), условно названный «домом гончара», внутри которого размещались ишкорная печь (в комнате 6), печь для обжига керамики и домашний очаг-камин (в комнате 63).

Более интенсивно квартал осваивался на втором этапе. Изменилась планировка «дома гончара»: отделилась комната 6, с восточной стороны вплотную к дому пристроена комната 65, гончарная печь, располагавшаяся в комнате 63, была перенесена в комнату 16, очаг-камин остался на месте, а северо-западный угол комнаты превращен в хумхану.

Расширение квартала шло на восток от «дома гончара». Вдоль улицы I построены четыре комнаты (67—70). В трех из них (67, 69, 70) сохранились остатки очагов, что свидетельствует о жилом характере помещений. Без каких-либо изменений они функционировали и на последнем этапе. На руинах восточной продольной стены комнат 7 и 8 была воздвигнута новая стена, а с восточной стороны комнаты 10 пристроено хозяйство ремесленника, состоявшее из керамической печи и, возможно, комнаты для гончарного станка (66). Скорее всего, здесь располагалась еще одна гончарная мастерская.

Наиболее интенсивно квартал обживался на третьем этапе развития поселка. Были застроены все свободные участки. На мощных

культурных напластованиях предыдущих этапов воздвигнуты новые дома. В состав квартала включена вся площадь западного Т-образного коридора-ловушки, произведена перепланировка как внутри квартала, так и в жилых комплексах. Обе гончарные мастерские были заброшены, а на их руинах выстроены комнаты чисто жилищного типа.

Сохранность стен третьего строительного этапа на площади квартала весьма плохая: в большинстве случаев стены сохранились лишь в два-три, а на отдельных участках — в один кирпич. Это обстоятельство часто затрудняло выявление дверных проемов комнат, поэтому не удалось установить многие детали в планировке жилых комплексов. Тем не менее можно предположить, что квартал II на последнем этапе строительства поселка объединял не менее десяти жилых комплексов. Наличие двух керамических мастерских в пределах квартала и мощный (около 2 м) зольный слой в его центральной дворовой части говорят о развитом керамическом производстве.

На территории квартала обнаружено семь захоронений. Из них четыре относятся ко второму периоду (погр. 2, 4, 12, 130), а три — к последнему этапу (погр. 3, 10, 11).

К в а р т а л III. К северу от квартала II выявлена группа жилых и хозяйственных комнат сравнительно лучшей сохранности. С севера и запада комнаты замкнуты обводными стенами крепости, с востока отделены от соседнего квартала межквартальным двором 4, с юга — ограничены улицей 3. Эта группа домов, расположенных в северо-западном углу крепости, и составляет квартал III. Первоначальное ядро квартала составляли 11 комнат, объединенных в четыре жилых комплекса одного общинного дома.

Первый комплекс состоял из трех комнат: две узкие коридорообразные — хозяйственные (12а, 12б), а одна большая (12), площадью 28 м² — жилая. Все комнаты имеют дверные проемы со стороны межквартального двора 3. Очаг-камин встроен в западную стену комнаты 12. Рядом с ним была обнаружена яма, заполненная мощным слоем земли. У входа, слева, вплотную к западной стене пристроен выступ типа суфы размерами 140×130 см и высотой более 1 м. Значительная часть северной половины комнаты выслана кирпичами, положенными плашмя в один ряд. Возможно, эта часть комнаты была спальней. В юго-западном углу двора 3 находилась еще одна комната (155) с очагом, которая функционировала лишь в первых двух периодах.

На втором этапе в дворовой части квартала появилась новая большая комната (11),

использовавшаяся, судя по остаткам разрушенной двухкамерной керамической печи, под гончарную мастерскую. У входа в мастерскую под полом комнаты обнаружены два захоронения (погр. 7, 13) с большим количеством сосудов. Перед комнатой устроена общая проходная (11а), откуда вход вел в северную и в комнату 12, поэтому первоначальный вход в комнату 12 был заложен кирпичами, а новый дверной проем открыт через складское помещение 12а. На втором этапе в складскую комнату 12б прорублен люк со стороны жилого помещения 12. Вдоль восточной стены комнаты 12б пристроены два небольших отделения с тонкими поперечными стенками, где были установлены большие хумы для хранения продуктов. Нижняя часть хумов зарыта в землю, а верхняя обмазана глиной с саманом.

При расчистке пола второго периода комнаты 12 обнаружено захоронение (погр. 14) с большим количеством керамики и бронзовых предметов.

Таким образом, на втором этапе первый жилой комплекс имел производственное назначение. Но вскоре керамическая печь перестала функционировать, о чем свидетельствуют остатки пола верхнего строительного горизонта, который перекрывал стенки керамической печи. На третьем этапе помещение керамической мастерской использовалось уже в качестве жилья и имело сквозное сообщение со вторым жилым комплексом.

Второй жилой комплекс первоначально состоял из двух сообщавшихся комнат (21, 52) со входом со двора 4. Домашний очаг-камин располагался в восточной стене комнаты 21, рядом с дверью. На втором этапе в северо-западном углу и вдоль южной стены комнаты 21 были пристроены широкие суфы-лежанки. Прежний дверной проем закрыли, новая дверь прорублена в южной стене, со стороны улицы 3. Комнату 52 переоборудовали под мастерскую для выплавки металла. В комнате выявлены три круглых очага, на ошлакованном дне которых обнаружены крупинцы металла с зеленым окислением. В середине северной стены мастерской сделан очаг-камин, по бокам которого устроены стеновые ниши. По три таких же ниши расположено в западной и южной стенах комнаты. Возможно, мастерская относилась ко второму жилому комплексу, где мастер работал и в зимнее время.

Третий жилой комплекс состоял из двух комнат (22, 23) со сквозным сообщением через комнату 53. Под полом первого строительного этапа в комнате 22 распоты два захоронения (погр. 124, 133) с богатым инвентарем. Домашний очаг располагался в восточной

стене комнаты 23 и, по всей вероятности, функционировал в первых двух периодах. На последнем этапе дверной проем в комнату 23 был наглухо заложен и в нее прорублен вход в виде люка со стороны комнаты 24.

Последний, четвертый, жилой комплекс квартала первоначально состоял также из двух комнат (24, 25) и имел сквозное сообщение через комнату 53. Домашний очаг находился в восточной стене комнаты 54 и функционировал лишь в первых двух периодах. Под полом первого периода комнаты 54 обнаружена могила (погр. 128). На третьем этапе комната 54 была заброшена, а на ее площади на уровне пола второго строительного этапа проведены еще два захоронения (погр. 45, 46). В комнату 24 пробит новый вход со стороны четвертого квартала. К числу комнат четвертого жилого комплекса квартала III можно отнести и комнату 54а, являющуюся раннее межквартальной улицей 4 и превратившуюся на третьем этапе в кухню со входом через восточную стену. В южной части комнаты устроен очаг. Его сильно обожженные стенки напоминают старозубские тандыры для выпечки хлеба.

На первом этапе своего существования квартал III был чисто жилым массивом, со второго же этапа в нем развивается ремесленное производство. В домашних условиях обитатели квартала изготавливали керамические и бронзовые изделия.

Квартал IV занимал центральную часть северных жилых массивов. С запада и востока он отделен от соседних застроек межквартальными дворовыми площадками 4 и 5, а с севера примыкает к мощной обводной стене.

Первоначальное ядро квартала состояло из восьми комнат, объединенных в три дома. Первый дом состоял из трех комнат (81, 82, 88), расположенных вдоль крепостной стены. Вход с площади в дом — через комнату 81, а из нее последовательно в комнаты 82 и 83.

Комната 81 по площади значительно больше других (30 м²). Очаг типа каминна с хорошо сохранившимся верхним дымоходом расположен в ее западной стене. На втором этапе около очага была вырыта прямоугольная яма размерами 190×85 см и глубиной 120 см. Сильно ошлакованные стенки указывают на использование ямы в качестве ишкорной печи. В юго-восточном углу комнаты обнаружена овальная выгребная яма размерами 100×60 см и глубиной 60 см со слоем золы и обгорелыми костями животных на дне. В северо-западном углу комнаты найдена бронзовая печать с перегородчатым узором. При расчистке внутрикомнатных культурных заполнений всех

помещений первого дома прослежены три уровня пола, которые наблюдались даже в разрезе зольного заполнения очага-каминна комнаты 81. При перепланировке второго этапа комната 88 была отделена от первого дома, прежний дверной проем заложен кирпичами, новый вход открыт в южной стене комнаты.

Второй жилой комплекс состоял из трех комнат (83—85) со сквозным сообщением, обжитых с первого периода строительства поселения и имевших определенное назначение на каждом конкретном этапе. Так, в комнате 85 первоначально функционировала печь, о чем свидетельствуют четкие следы ошлакованности и прокаленности на северной и западной стенах комнаты. В западной стене даже сохранились следы полуовального перекрытия на высоте 120 см. По всей вероятности, печь функционировала на первом и даже на втором этапах. Домашний очаг находился в соседней комнате 84, в восточной ее стене, и также действовал в первых двух периодах. На последнем этапе второй жилой комплекс, видимо, пришел в запустение.

Третий жилой комплекс на первом этапе состоял из двух комнат (86, 87), а в последующие периоды, с присоединением к нему комнаты 88, укомплектовался в трехкомнатный дом со сквозным сообщением. Первоначально домашний очаг находился в западной стене комнаты 86. На втором этапе его заложили кирпичами, а взамен построили новый очаг в южной стене комнаты 88, который функционировал до запустения поселения.

Интенсивное обживание квартала началось со второго этапа. На площади двора 4 вплотную к существующим домам пристроены три новых комплекса — это комнаты 77—80, 151, 152.

Четвертый комплекс — дом из хозяйственной (77) и жилых (78, 79) комнат, вплотную пристроенный к первому. Жилые комнаты имеют сквозное сообщение, а хозяйственная — отдельный вход.

Под северной стеной хозяйственного помещения раскопана большая прямоугольная (100×50 см) яма глубиной 1,2 м. Пол комнаты тщательно обмазан раствором глины с примесью какой-то белой массы. В северной стене комнаты 79 расположен домашний очаг с верхним дымоходом. На дне очага выявлены два горизонта пола, соответствующие уровням пола комнаты, что свидетельствует о функционировании очага до запустения комнаты. Почти в центре комнаты в материке вырыта прямоугольная яма размерами 100×70 см, ошлакованная до грязно-зеленого цвета. Не исключено, что это — ишкорная печь, на кото-

рой оказался 30-сантиметровый слой золы, четко разделяющийся на два горизонта: нижний — темный с угольками, верхний — из чистой золы белого цвета. Третья комната, видимо, служила спальней. В западной ее половине расположена широкая суфа высотой в один кирпич. На суфе обнаружен большой бронзовый листовидный нож. В восточной половине северной стены выявлены остатки разрушенного очага, а напротив его — круглая яма диаметром 50 см, заполненная золой с угольками, обгорелыми костями животных. Возможно, что яма являлась частью сандала.

Пятый жилой комплекс, построенный на втором этапе, состоит из двух комнат (80, 80а) со сквозным сообщением. Вход в дом — с юго-западного угла комнаты 80. Последняя сообщалась с комнатами первого и шестого жилых комплексов. В южной стене комнаты находился домашний очаг с хорошо сохранившейся отделкой. На дне очага — слой золы. К востоку от комнаты 80 расположена узкая комната 80а, под северной стеной которой расчищены остатки сильно разрушенного пристенного очага, не действовавшего, по-видимому, на последнем этапе.

Шестой жилой комплекс представлен двумя комнатами (151, 152) с входом со стороны комнаты 80. Очаг находился в северной стене жилой комнаты 151. Комната 152, по всей вероятности, имела складское назначение. Судя по плохой сохранности, на последнем этапе комплекс был заброшен.

В связи с застройкой межквартирного двора 4, на втором этапе здесь оформилась улица 4, ведущая от центральной площади крепости в четвертое обводное помещение. На третьем этапе эта улица была приспособлена под кухню (комната 54а) с входом через восточную стену. Одновременно она имела непосредственное сообщение с четвертым жилым комплексом третьего квартала, поэтому ее нельзя отнести к жилому массиву квартала IV.

Таким образом, при раскопках площади четвертого квартала выявлено шесть жилых комплексов (домов), оформленных в разное время. В основном строительство и перепланировка квартала проводилась на первом и втором этапах. Построенный третий строительный этап сохранился мало, поэтому невозможно определить с полной достоверностью число домов этого времени.

Квартал V расположен в северо-восточном углу крепости и замкнул с севера и востока стенами оборонительного кольца. С юга квартал ограничен улицей 5, а с запада — широкой межквартирной дворовой площадью 5.

Первоначальное ядро квартала составляли два дома из пяти комнат. Первый жилой комплекс объединял три комнаты (98, 99, 102) с общим входом со стороны дворовой площади 5, через который остальные комнаты имели сквозное сообщение. Домашний очаг находился в середине западной стены комнаты 102.

Второй жилой комплекс состоял из двух комнат (100, 103) и имел общий вход со сквозным сообщением со стороны улицы 5. Домашний очаг с хорошо сохранившимся дымоходом располагался в южной стене комнаты 100. На втором этапе в доме произведена перепланировка: прежние дверные проемы в комнаты 100 и 102 закрываются наглухо, новый вход в первую комнату устроен из помещения 99, а во вторую — из помещения 103. В комнате 100 к северной ее стене пристроена керамическая печь. Печь разделила площадь комнаты на две равные части, которые условно названы комнатами 100 и 101. С появлением печи дом приобрел, кроме жилого, и производственное назначение, т. е. образовался характерный для Сапалитена производственно-жилищный комплекс «дом гончара». Домашние очаги оставались на прежних местах, но под южной стеной комнаты 98 и под северной стеной комнаты 99 сложены пристенные очажки, от которых сохранились незначительные остатки боковых стенок и прокаленные участки на стенах комнат.

Тщательная расчистка стен комнаты 103 показала, что в конце второго периода здесь произошел пожар: потолок комнаты провалился, все стены комнаты закоптились и прокалились. Однако при разборке культурного заполнения комнаты не встречено следов пожара в виде обуглившегося камышового слоя и балок перекрытия. Видимо, после пожара комнату расчистили и продолжили жить в ней. Об этом свидетельствуют домашний очаг-камин в южной стене комнаты и свежая незакопченная кирпичная закладка прохода в комнату 102 со следами чистой саманной штукатурки, наложенной после пожара.

После перепланировки квартал существенно расширился в сторону площади двора 5 и вдоль улицы 5, а также за счет интенсивного обживания пятого обводного помещения. К западной наружной стене комнаты 103 была пристроена узкая комната 96 со входом с улицы 5, а у южной стены на улице 5 поставлена кормушка с двумя отделениями. Улица была разбита на две неравные части, в результате западная ее половина превратилась в коровник, а небольшая восточная часть — в проходную комнату второго жилого комплекса. Вплот-

не вероятно, что все это хозяйство относилось ко второму дому квартала.

На третьем этапе планировка квартала не претерпела существенных изменений. Лишь на площади двора 5 началось незначительное строительство домов. Однако из стены, поставленные на мощной толще культурных напластований, вскоре разрушились, а сохранившиеся остатки не дают четкого представления о планировке домов (комнаты 89, 97). Ни в одной из комнат не было обнаружено остатков очага, только в середине комнаты 89 выявлена вырытая в материке круглая яма диаметром 50 см с прокаленными стенками, на дне которой сохранился слой золы с угольками. Возможно, это был обогреватель нижней части сандала.

К в а р т а л VI расположен вдоль центральной части восточной стены крепости. С востока квартал примыкает к мощным стенам крепости, с севера и юга отделен от соседних кварталов улицами 5 и 6, а с запада граничит с магистральной улицей.

Площадь квартала с первого этапа была густо застроена жилыми помещениями и приквартальной гончарной мастерской. В северо-западном участке квартала находились два жилых дома, сообщавшихся через общий вход в комнату 110 из центрального двора крепости. Справа от входа располагался первый однокомнатный жилой дом (комната 112). Домашний очаг был обнаружен в западной его стене. Он функционировал лишь в первых двух строительных периодах поселка. Перед входом в комнату 110 под полом первого периода обнаружена могила-кенотаф (погр. 110) с большим количеством глиняных сосудов и бронзовым ножом. Второй дом располагался к востоку от проходной и представлял собой длинное прямоугольное помещение (111), разделенное на две комнаты. Меньшая, восточная, внутренняя комната (111а) с широким входным проемом являлась «ичкарни». Очаг дома первого этапа обнаружить не удалось. На втором этапе был сооружен домашний очаг в восточной половине южной стены комнаты 111. Этот очаг действовал и на третьем этапе.

К югу от второго дома находилась приквартальная гончарная мастерская. Первоначально вход в нее проходил через комнату 111, но на третьем этапе его наглухо заложили и открыли новый вход через комнату 111а. Перед первым входом в мастерскую в комнате 111 под полом первого периода раскопано коллективное захоронение (погр. 109).

На первом этапе гончарная мастерская занимала огромную площадь — более 77 м². В середине мастерской стояли две керамиче-

ские печи. На втором этапе мастерская была разделена на четыре комнаты (113—116), составившие гончарный «цех» квартала. При этом в комнате 113 была выложена керамическая облицовка пола. В западной стене комнаты 113 находилась еще одна керамическая печь, построенная, видимо, на последнем этапе жизни мастерской. Если сооружение печи действительно осуществлялось на третьем этапе, то керамическая облицовка пола была произведена на втором этапе, а комната в тот период служила, по-видимому, кладовой для зерна. На третьем этапе потребовалось расширение площади мастерской, и комната-зернохранилище была вновь использована для гончарного производства.

В мастерской обнаружено пять захоронений: одна могила — под полом первого периода (погр. 89), три — под полом второго периода (погр. 86—88), могила-кенотаф (погр. 92) — на последнем этапе.

Планировка первых двух жилых комплексов и гончарной мастерской с сообщением через комнату 110 показывает, что они представляли собой большой общинный дом, состоявший из нескольких семей. Второй общинный дом находился к югу от первого. Это — комнаты 117—121, которые, судя по трем домашним очагам, представляли собой третий, четвертый, и пятый односемейные дома.

Третий дом состоял из одной комнаты (117) со входом в северо-западном углу. Домашний очаг был встроено в западную стену и функционировал в первых двух периодах. Под полом первого периода в комнате находилась могила (погр. 113) с богатым инвентарем, состоявшим из многочисленных сосудов и бронзовых предметов. Другая могила (погр. 112), раскопанная под порогом входной двери, по всей вероятности, относится ко второму периоду.

В восточной стене комнаты 117 сделан вход в четвертый дом, состоявший из двух помещений (комнаты 118, 121). Очаг-камень располагался в западной стене комнаты 118 и функционировал на всех этапах жизни поселения. Около очага расчищена яма, заполненная золой. Под слоем золы лежали обломки аккуратно сложенных обожженных костей животных. В юго-западном углу комнаты — комнатка с кирпичной выстилкой пола и тщательно обмазанными стенами. Кирпичный пол замаскирован глиной с примесью белой массы. Видимо, комнатка служила зернохранилищем. В юго-восточном углу комнаты пробит узкий (50 см) проход в комнату 121, в центре которой на полу второго периода стоял большой хум, заполненный золой. На втором этапе к запад-

ной части комнаты пристроено второе зернохранилище четвертого дома. Не исключено, что комнату 121 полностью использовали под склад. Четвертый дом существовал и на последнем этапе жизни поселения.

Пятый дом состоял из двух комнат (119, 120) со входом из комнаты 118. В северной стене узкой комнаты 119 у входа сделана ниша. Очаг-камин находился в северной стене комнаты 120 и, по всей вероятности, функционировал в первые два периода жизни поселения. Под южной стеной комнаты 120 выявлена круглая яма диаметром 1 м при глубине 1,6 м, вырытая в материке еще на первом этапе. Яма заполнена мусором, на дне сохранилась каолиновая глина, следовательно, она предназначалась для хранения керамического сырья в течение первых двух периодов. На последнем этапе она была заброшена и заполнена мусором.

Остальные жилые дома квартала были преимущественно однокомнатными, для небольших семей, с отдельным входом. На первом этапе здесь располагались три однокомнатных дома и один двухкомнатный, на втором этапе к ним прибавился еще один двухкомнатный дом.

Первый однокомнатный дом (комната 122) — шестой жилой дом квартала, расположенный к югу от комнаты 117, со входом с магистральной улицы. Очаг встроен в середине восточной стены. По бокам очага — две комнаты с кирпичной выстилкой пола и со следами неоднократной тщательной обмазки. Вероятно, эти клетушки использовались для хранения продуктов. Первоначальная планировка комнаты без каких-либо существенных изменений сохранялась и в последующих двух периодах. В середине комнаты под полом второго периода обнаружено богатое захоронение (погр. 82) со множеством глиняных сосудов, бронзовых изделий и других предметов.

Седьмой жилой комплекс квартала (комната 123) расположен в пристенной полосе юго-восточной части квартала и представляет собой однокомнатный жилой дом, оформленный еще на первом этапе строительства поселения и функционировавший без существенных изменений в последующие периоды. Вход в помещение был с улицы 6 в южной стене помещения. Очаг с хорошо сохранившимся дымоходом располагался в восточной стене. Вполне вероятно, что меньшая, северная, часть комнаты была отделена тонкой перегородкой и использовалась под склад, о чем свидетельствуют три хума, поставленных под восточной стеной комнаты. В южной части восточной стены устроена ниша. Недалеко от нее на полу первого периода находилась домашняя печка-

санда, от которой сохранились лишь топка диаметром 50 см, обложенная обломками зернотерок, и слой золы на дне. Под полом второго периода вскрыто кенотафное захоронение (погр. 71) с несколькими глиняными сосудами. Между могилой и южной стеной комнаты обнаружена небольшая яма, в которой найдены две глиняные статуэтки из необожженной глины, несколько миниатюрных чаш и горшков.

Третий однокомнатный дом (комната 124) — восьмой жилой комплекс — расположен к западу от предыдущего. Дом был построен еще на первом этапе строительства поселения и обжигался в течение всех последующих периодов. Вход в него также вел с улицы 6 и находился в южной стене помещения. Очаг, расположенный в северной части восточной стены, действовал в первые два периода. Под западной стеной в нише первого периода обнаружено захоронение (погр. 83), относящееся, видимо, ко второму строительному периоду. Второе захоронение (погр. 84) устроено также под западной стеной и относится к последнему этапу жизни на поселении.

В юго-западной части квартала расположены два двухкомнатных дома. Один из них — девятый жилой комплекс — построен на первом этапе, а другой — десятый — на втором этапе строительства поселения. Девятый дом являет собой прямоугольное помещение (комната 125) со входом в южной стене. Восточная часть дома отделена поперечной стеной с широким входным проемом, в результате здесь образовалась узкая внутренняя комнатка — «ичкари» (комната 125а). На втором этапе в юго-западном углу «ичкари» устроена комнатка 125б с кирпичной выстилкой пола и тщательной обмажкой стен, что свидетельствует о назначении ее для хранения продуктов. Очаг, обнаруженный справа от входа в южной стене комнаты 125, функционировал в первые два периода. У входа под полом второго периода раскопано захоронение (погр. 81) с богатым инвентарем.

Десятый дом состоял из двух комнат (126, 127), пристроенных к предыдущему дому на втором этапе строительства поселения. Вход в него был с улицы 6 в южной стене комнаты 126. Справа от входа находилась комната 127, служившая для хранения продуктов. Очаг обнаружить не удалось, ибо он был встроен в западной части южной стены комнаты 126, которая к моменту раскопок оказалась разрушенной. В середине комнаты 126 под полом второго периода раскопано захоронение (погр. 114). Под северной стеной дома вскрыта еще одна могила, относящаяся к третьему периоду.

Общая картина развития квартала VI высвечивается в следующем виде: основные строения квартала создавались на первом этапе строительства — это девять жилых комплексов, представлявших собой одно-, двух- и трехкомнатные жилые дома для небольших семей, и приквартальная гончарная мастерская. На втором этапе в гончарной мастерской проведена перепланировка: увеличено количество керамических печей, в юго-восточном углу устроена жилая комната с очагом, а в северо-восточном — зернохранилище. На третьем этапе зернохранилище перестроено под керамическую печь, а в юго-западной части сооружен еще один жилой комплекс. Стены комнат неоднократно обмазывались и ремонтировались, но перепланировка помещений производилась здесь в гораздо меньшей степени, чем в других кварталах. Производственно-ремесленное назначение квартала настолько явное, что позволяет назвать его кварталом гончаров.

К в а р т а л VII. В юго-восточном углу крепости расположена группа помещений с хорошо сохранившимися стенами, названная нами кварталом VII. С юга и востока она примыкает к мощной оборонительной стене, с севера ограничена узкой улицей 6, а с запада — магистральной улицей крепости. Первоначально квартал состоял из пяти комнат, объединенных в два жилых комплекса.

Первый дом (комната 130) — однокомнатный, со входом в западной стене и очагом в северной. Очаг функционировал лишь на первом этапе жизни поселения. Второй жилой дом состоял из трех комнат (133—135) со сквозным сообщением. Вход в дом находился в западной части северной стены комнаты 133, а очаг, функционировавший и на втором этапе, — в северной. Среди помещений этого дома наиболее интересна комната 133 с огромной круглой ямой, являвшейся хранилищем гончарных припасов и керамической пельцью, что определяет производственный характер этого жилого комплекса, названного «домом гончара».

На втором этапе квартал был значительно перестроен. Рядом с первым домом вдоль улицы 6 пристроены две комнаты (128, 129), дверной проем первого дома был заложен, а новый вход открылся с улицы 6. Очаг-камин дома переместился на южную стену комнаты и функционировал до запустения дома. На втором этапе пол комнаты был выстлан кирпичом, а перед выходом из комнаты сделана водопоглощающая яма, в ней стоял большой сосуд с отверстием в дне. Во втором доме также заложили первоначальный вход и открыли в западной стене комнаты 133 новый. В комнате

133 была построена стена, разделявшая помещение на две неравные части — комнаты 133 и 133а. В западной части коридорообразной комнаты 133а сложена поперечная стена, образовавшая третью комнату (137) с входом в нее в южной стене. Комната 135 по-прежнему сохраняла производственный характер, и пол ее покрыли кирпичами. В середине южной стены комнаты устроен очаг-камин, существовавший до запустения дома. В этот период через западную стену комнаты гончара прорублен проход в новую комнату 136.

Юго-западная часть квартала расширилась до стен «дома гончара». К нему пристроено несколько новых помещений, в связи с чем проход в обводное помещение VIII через площадку квартала был закрыт наглухо. Из числа вновь построенных помещений комната 136 использована под керамическую мастерскую. Под ее южной стеной обнаружена керамическая печь, действовавшая до запустения поселения. Два помещения (комнаты 132, 137), по всей вероятности, являлись складами продуктов, на что указывает кирпичная выстилка полов, тщательная отделка стен и небольшие размеры комнат. Две комнаты (131, 138) были жилыми. При входе в комнату 131 под полом второго периода вскрыта могила (погр. 116) без сопровождающего инвентаря. Вход во все эти комнаты был один, с магистральной улицы через комнату 131.

Именно на втором этапе через восточную крепостную стену в комнате 134 прорублен дверной проем в юго-восточный Т-образный коридор-ловушку, а северная часть коридора перестроена под жилище (комната 139). В восточной стене жилья был установлен очаг-камин, который продолжал функционировать и на последнем этапе строительства поселения. При входе в комнату 139 под полом второго периода обнаружена могила (погр. 85) с богатым инвентарем, состоявшим из керамических и бронзовых изделий. Скорее всего, комнаты 131—139 представляют собой большой гончарный комплекс. Община состояла не менее чем из трех или четырех семей. Общинный дом располагал гончарной мастерской с двумя керамическими печами.

Последний жилой комплекс второго периода занимал северо-западный участок квартала и состоял из комнат 128 и 129 со сквозным сообщением. Вход в дом был с улицы 6 и находился в северной стене комнаты 128. У входа в комнату под полом второго периода расчищено кеоэфатное захоронение (погр. 115) с богатым инвентарем. Очаг-камин находился в северной стене комнаты 129 и функционировал до конца жизни на поселении. Пол комнаты

был выстлан кирпичами и тщательно обмазан глиной с саманом. В северо-восточном углу комнаты стоял большой хум, врытый наполовину в землю, рядом с ним лежал другой хум с останками ребенка (погр. 79).

На последнем этапе в планировке квартала не произошло существенных изменений. Необходимо отметить, что на хорошо сохранившихся стенах четко прослеживаются следы текущих ремонтов, неоднократных штукатурок и даже следы каолиновой грунтовки. Можно предполагать, что все жилые дома, хозяйственные и производственные комнаты продолжали функционировать и на последнем этапе жизни на поселении.

Квартал VIII примыкает к южной оборонительной стене крепости. С запада и востока он ограничен улицами 1, 2, с севера — магистральной улицей. Квартал был полностью застроен на первом этапе и без существенных перестроек просуществовал до конца третьего этапа. Весь квартал состоял из двух домов с приквартиральной гончарной мастерской.

Первый дом составляли три комнаты (55, 75, 76) с общим сквозным сообщением через комнату 55 со стороны двора 1. Очаг-камин дома находился у входа в северной стене комнаты 55. В юго-западном углу комнаты 76 стоял большой хум, наполовину врытый в землю. Комната 76 являлась, вероятно, складом продуктов. Пол и стены комнаты тщательно обмазаны глиной с примесью белой массы. Следы неоднократных обмазок стен (до пяти слоев) указывают на длительное обживание дома.

Второй дом состоял из двух жилых комнат (73, 74) и гончарной мастерской (комнаты 71, 71а, 72), что позволяет называть его «домом гончара». Вход в жилую часть дома и мастерскую общий, со стороны улицы 2. Справа от входа расположены жилые комнаты со сквозным сообщением. Очаг-камин встроен в южную стену комнаты 74. Меньшая, восточная, часть комнаты, отделенная узкой и низкой перегородкой, во всей вероятности, использовалась под склад. Стены комнаты тщательно обмазаны. На отдельных участках стен сохранилось пять слоев штукатурки.

С северной стороны дома пристроена огромная прямоугольная гончарная мастерская (комната 71а), в центре которой располагалась двухкамерная керамическая печь. В юго-восточном углу мастерской находился комната гончара (72), где изготавливались сосуды на гончарном круге. В центре комнаты на полу лежал плоский округлый камень с углублением в середине, на котором сохранились четкие следы вращения деревянной оси станка.

Значительная площадь мастерской (комната 71) предназначалась для сушки сосудов до их обжига.

Мастерская функционировала в первые два периода без каких-либо изменений в ее планировке. Ремонтные работы, несомненно, производились, гончары, следяли за состоянием мастерской. Об этом говорят относительно хорошая сохранность керамической печи и следы неоднократных ремонтов стен мастерской. На третьем строительном этапе печь была заброшена, а на ее руинах появилась огромная жилая комната (71а) с очагом в северной стене, что подтверждается наличием полов верхнего строительного горизонта, который перекрывал разрушенные стенки печи.

Обождая приведенный выше материал, следует сделать вывод, что планировка кварталов, система размещения построек первого строительного периода значительно отличается от планировки последующих периодов. Первоначально строители поселка строго придерживались общего плана укрепления. Расположение обводных помещений и Т-образных коридоров-ловушек строго продумано, и в целом система укреплений обеспечивала высокую обороноспособность поселения. Коридоры-ловушки на первом этапе строительства не застраивались и даже не использовались для хозяйственных целей. Поэтому застройкой первого периода соответствовали генеральному плану крепости и отвечали основному замыслу строителей: обводные сооружения выполняли чисто фортификационную роль.

Однако вскоре боевая система укреплений поселения утратила свое значение и со второго строительного периода под жилища начали осваивать не только обводные помещения, но и коридоры-ловушки, а также огромная территория за пределами крепости.

Обводное помещение 1, расположенное слева от главных ворот крепости, в первом периоде имело непосредственное сообщение с жилыми комплексами первого и восьмого кварталов через улицу 2 и проходную комнату 1. В западной части северной стены помещения находилась керамическая печь, функционировавшая на первом этапе строительства поселка. Других строений первого этапа обнаружить не удалось. Можно лишь предполагать, что в системе укрепления это помещение использовалось для производственных целей. Остается открытым и вопрос о назначении проходной комнаты 1. В северо-западном углу ее сооружена квадратная в плане суфа высотой не более 1 м, тщательно обмазанная глиной с примесью мелкорубленного самана. Вполне

вероятно, что над суфой находился люк, через который поднимались на крышу дома.

На втором этапе вход в проходную комнату, а следовательно, и в обводное помещение, был заложен наглухо. Новый дверной проем открыт со стороны главных ворот крепости. В этот период в помещении устроено пять жилых комнат (47—51), из них две — с очагами типа каминя.

Очаг в комнате 47 находился в северной стене и функционировал на втором и третьем этапах. Вблизи него стоял большой хум, наполовину врытый в землю. Верхняя часть хума обмазана глиной с примесью мелкорубленой соломы. Такой же хум стоял у южной стены комнаты. В северо-западном углу комнаты 48 расчищена суфа-лежанка. Под северной стеной комнаты, под полом второго периода открыто коллективное захоронение (погр. 29). Другое захоронение, относящееся ко второму этапу, обнаружено под полом проходной комнаты I (погр. 39). Его погребальный инвентарь состоял из большого числа глиняных сосудов. Второй очаг находился в южной стене комнаты 50. На последнем этапе он был заложен кирпичами, а вместо него был сооружен очаг в северной стене комнаты. Справа от очага стоял хум, наполовину врытый в землю и обмазанный в верхней части глиной с саманом. Второй хум находился слева от очага. В нем оказался скелет младенца (погр. 43), поребленного на последнем этапе жизни поселения. К этому же времени относится и погребение 38, обнаруженное под полом комнаты 48.

На последнем этапе некоторая перепланировка проведена в проходной комнате I. Вдоль западной стены была построена комнатка, состоявшая из двух отделений с хорошо отделанными стенами. Другая пристройка — в юго-восточном углу комнаты. В ней обнаружено несколько целых глиняных сосудов. Видимо, проходная комната I со второго этапа использовалась как кладовая.

Можно полагать, что в пределах первого обводного помещения на втором и третьем этапах обитали две семьи, которые пользовались одной общей кладовой.

T-образный коридор в юго-западном углу крепости на первом этапе строительства поселения выполнял роль ложного входа. Коридор был открыт лишь в наружную часть крепости.

На втором этапе восточная часть коридора была превращена в жилой дом из двух комнат (147, 148) со сквозным сообщением с западной частью коридора. Очаг-камин находился в южной стене комнаты 147. В конце второго этапа здесь произошел пожар и этот жилой

комплекс был заброшен. Вскоре мощный слой накопившегося здесь мусора покрылся сплошной кладкой в два ряда кирпичей, тщательно обмазанной глиной с примесью мелкорубленой соломы. Эта кирпичная выстилка проходила намного выше домашнего очага, что исключает функционирование его на третьем этапе жизни поселения.

Северная часть коридора также была использована под жилье. На втором этапе здесь построено однокомнатный дом (комната 31) с домашним очагом в южной поперечной стене. На последнем этапе дом расширился. Вплотную к нему пристроена еще одна комната (32) с керамической печью в восточной стене. Южная входная часть коридора (комната 33), видимо, использовалась под скотный двор, судя по мощному слою чистого гумуса.

Обводное помещение II, расположенное к западу от предыдущего коридора-ловушки, на первом этапе имело прямое сообщение с жилыми комплексами внутри крепости. Южная часть его была отгорожена поперечной стеной, образовавшей комнату 35, около которой в восточной стене помещения был встроены очаг-камин, функционировавший на всех этапах жизни поселения.

На втором этапе дверной проем в проходную комнату 2 со стороны крепости был закрыт, а новый проем открылся в южной стене обводного помещения. Внутри помещения построены жилые комнаты 36—38. Вторая проходная комната была превращена в зернохранилище, о чем свидетельствуют два отделения с керамической выстилкой пола, пристроенные вдоль его северной стены. Вся площадь комнаты 35 и значительная южная часть комнаты 36 выстланы сырцовыми кирпичами, а около очага вырыта выгребная яма. Здесь также произошел большой пожар, на что указывают прокаленные до красноты стены и слой золы с остатками балок.

На последнем этапе жизни поселения почти все комнаты помещения были обжиты, проходная комната 2 продолжала функционировать в качестве кладовой.

В пределах обводного помещения II выявлено четыре захоронения, одно из них (погр. 37) находилось под полом второго периода, три остальных (погр. 31, 35, 36) относятся к последнему этапу.

Западный T-образный коридор-ловушка на первом этапе строительства поселения также выполнял роль ложного входа в крепость. Со второго этапа он использовался под жилье. В этот период первоначально широкий (3,1 м) вход к нему сузился, а южная часть коридора перегородкой превращена в жилую комнату

(29) с очагом в северной стене. На последнем этапе вход в коридор с наружной стороны крепости заложен наглухо. Новый дверной проем прорублен через внутреннюю обводную стену крепости. Таким образом западный Т-образный коридор-ловушка соединился с квартирой 11. Число комнат в нем увеличилось до трех (комнаты 28, 29 и 39). В северо-восточном углу комнаты 39 был сооружен тигель для плавки металла, а в восточной стене комнаты 29 построена керамическая печь.

В пределах коридора обнаружено семь захоронений. Два из них (погр. 18 и 22) вскрыты под полом второго периода и содержали большое количество глиняных сосудов, бронзовых изделий и каменных бус. Пять захоронений (погр. 19—21, 23, 24) относились к последнему этапу жизни на поселении. В этих могилах встречены лишь глиняные сосуды. Рассматриваемый комплекс на втором этапе использовался как жилье, с третьего этапа он приобрел производственный характер.

Обводное помещение III, расположенное в западной стороне крепости, на всех этапах строительства поселка имело прямую связь с жилыми комплексами внутри крепости через третью проходную комнату. В юго-восточном углу последней, как и в проходной комнате 1, была сооружена квадратная суфа (1×1 м) высотой не более 1 м. Возможно, она была элементом лестничного марша на крышу через люк. Под полом комнаты второго периода вскрыто захоронение (погр. 17) с богатым керамическим инвентарем.

На втором этапе площадь обводного помещения была разбита на три комнаты (40—42). Правая от входа часть помещения представляла собой двухкомнатный жилой комплекс (комнаты 41, 42) с очагом-камином в восточной стене комнаты 42, который функционировал и на последнем этапе жизни поселения. Напротив очага в материке вырыта круглая яма, стенки которой были вымощены обломками зернотерок. Судя по слою золы на дне ямы, это была нижняя часть садала. В юго-восточном углу комнаты тонкой стеной отгорожено квадратное (2,3×2,2 м) отделение, в северо-восточном углу находилась другая пристройка хозяйственного назначения. Южная половина помещения (комната 40), судя по наличию керамической печи в восточной стене, сначала использовалась под гончарную мастерскую. На последнем этапе она была заброшена и на ее руинах произведено захоронение (погр. 33). Два захоронения (погр. 41, 42) с богатым погребальным инвентарем вскрыты под полом второго периода комнаты 41. Третье захоронение (погр. 40), относящееся к послед-

нему периоду, обнаружено под западной стеной, а четвертое (погр. 30), также последнего этапа,— в восточной стене.

Таким образом, начиная со второго этапа помещение используется под жилье со всеми удобствами, здесь же функционировала и придомовая керамическая мастерская. Жилой комплекс (комнаты 41, 42) и гончарная мастерская (комната 40) составляли пятый дом третьего квартала. Этот жилой комплекс можно условно назвать приквартальным «домом гончара».

Северо-западный коридор, как и предыдущие, на первом этапе строительства поселения являлся ложным входом в крепость, поэтому в нем не было никаких внутренних сооружений. Но на втором этапе коридор был разделен двумя поперечными стенами на три части (комнаты 25, 26, 149), образовавшими два однокомнатных жилых дома с очагами. Первый дом (комната 25) с очагом в северной части комнаты занимал восточную часть коридора, второй дом (комната 26)—с очагом в восточной стене. Под западной стеной второго дома в этот период совершенно захоронение (погр. 27) с богатым керамическим комплексом. В конце второго этапа западная часть коридора (комната 149) была забутована глиной и кирпичами. Поэтому вход в оба жилых дома закрылся наглухо. В заброшенной на последнем этапе комнате 26 произведены два захоронения (погр. 26, 28).

Обводное помещение IV сообщалось с жилыми комплексами внутри крепости через проходную комнату 4. В юго-западном углу последней сооружена квадратная (1×1 м) суфа высотой до 1 м. Комната стала жилой лишь на последнем этапе, когда в северной стене был сооружен очаг-камин, дно которого соответствовало уровню пола третьего строительного периода.

Первоначально в четвертом обводном помещении, кроме очага-камня, построенного в южной стене справа от входа, других элементов жилья не было. На втором этапе оно разделилось перегородками на пять комнат (43—46, 153), составивших два жилых комплекса. Восточная половина помещения превратилась в однокомнатный дом (комната 153), в южной стене которого располагался огромный очаг с верхним дымоходом. Устье очага сделано в форме ложного свода. Внутри очага в мощном слое золы найдены глиняные подставки для котлов. Очаг, вероятно, функционировал на всех этапах жизни поселения. Недалеко от очага под южной стеной комнаты под полом второго периода обнаружено захоронение (погр. 51).

Западная половина помещения на втором этапе состояла из трех комнат (43—45). На третьем этапе в комнате 45 сооружена поперечная стена, в результате образовался четырехкомнатный жилой дом. Полы всех комнат выстланы кирпичами и обмазаны глиной с саманом. Очаг с верхним дымоходом находился в южной стене комнаты 45. Устье очага сложено в форме ложного свода. Из золотого слоя на дне очага извлечены глиняные подставки для котлов.

Под полом второго периода в комнате 45 обнаружено кенотафное захоронение (погр. 59), а в юго-западном углу комнаты 46 прямо на полу второго периода расчищена еще одна могила (погр. 34).

Северный коридор-ловушка на первом этапе соответствовал своему назначению ложного входа в крепость. На втором этапе западная его часть была устроена под жилье. Здесь сложился самостоятельный однокомнатный жилой комплекс (комната 95), разделенный на две части. Очаг находился в северной стене первой половины дома и функционировал лишь во втором периоде. Значительная часть комнаты была выстлана кирпичами, в результате здесь образовалась суфа. Вторая половина дома не содержала никаких сооружений. В конце второго периода дом деликом сгорел. На стенах сохранились четкие следы пожара, а на полу комнаты образовался толстый (20—30 см) слой золы и угольков от сгоревшего камышового перекрытия. После пожара дом был заброшен.

Под южными стенами стояло несколько кувшинов и хумов с остатками обуглившихся зерен культурных злаков. Здесь же вскрыто захоронение (погр. 50). Под западной стеной входного коридора обнаружено захоронение (погр. 55) с богатым и разнообразным инвентарем, третье захоронение (погр. 54) с большим количеством сопровождающего инвентаря открыто у входа в комнате 94.

На последнем этапе в планировке северного коридора произошли некоторые изменения: прежний широкий (3,1 м) вход в коридор закрыт толстой кирпичной стеной, а новый дверной проем открыт со стороны пятого обводного помещения. Однако назначение северного Т-образного коридора после его присоединения к обводному помещению стало непонятным.

Обводное помещение V, построенное вдоль северной кольцевой стены, сообщалось с жилищными комплексами внутри крепости через пятую проходную комнату. В отличие от предыдущих, в обоих концах помещения имелись две комнаты (91 и 93). Остатков очагов первого этапа в этих комнатах не обнаружено. В сере-

дине мощной восточной стены комнаты 91 пристроен выступ квадратной формы высотой не более 1 м. В восточной половине южной стены за пределами комнаты 91 находился очаг, функционировавший по крайней мере в течение первых двух периодов жизни поселения.

На втором этапе обводное помещение было обжито уже полностью. Все помещение разделено еще на три комнаты (90, 90а, 92). Таким образом, на втором этапе здесь оформились два жилых дома, каждый из которых состоял не менее чем из двух комнат. В восточной половине размещался дом из двух комнат (90а, 91) со сквозным сообщением через центральную комнату 90. Очаг в нем был сооружен еще на первом этапе. Комната 91, по всей вероятности, служила спальней. Боковые стороны суфы в спальне отделялись тонкой стенкой в один кирпич и предназначались для хранения продуктов. В юго-западном углу комнаты 90а под западной стеной в небольшой яме найден клад бронзовых предметов, состоявший из браслетов и лопаточки. Возможно, этот дом продолжал функционировать и на последнем этапе жизни поселения.

Второй дом составляли комнаты 92 и 93, расположенные в западной половине обводного помещения. Вдоль трех стен комнаты 93 воздвигнута суфа шириной до 1 м при высоте 0,5 м. Слева от входа в углу сооружен очаг. Напротив него под северной стеной — выгребная яма. На стенах комнаты и суфы видны следы неоднократной обмазки с примесью мелкорубленного самана. Этот дом, видимо, обжился и на последнем этапе.

При разборке заполнения комнаты 92 около южной стены под полом второго периода обнаружено полусгнившее бревно диаметром 16 см. На последнем этапе большая часть южной стены разрушилась, и в ней сделан упомянутый проход в коридор-ловушку. Единственная могила, встречаемая в пятом обводном помещении, была вырыта под полом второго строительного этапа в комнате 93 (погр. 57). При окопировании внешних стен северных обводных помещений (IV и V) у входа в северный коридор открыты три комнаты (104, 105, 150). Две из них (104 и 105) расположены слева от выхода из коридора, третья (150) — справа. Сохранность стен первых двух комнат относительно хорошая, но последняя оказалась почти разрушенной. Очаг комнаты 150 находился в южной стене, что указывало на жилой характер комнаты. К востоку от комнаты 150 выявлены остатки отдельных стен другого помещения, в пределах которого стояло более десятка разбитых хумов, поэтому мы условно назвали его «хумханой».

Комнаты 104 и 105 имели особое назначение. Дверной проем находился в юго-восточном углу комнаты 104, через нее проходил вел в комнату 105. В комнатах расчищено четыре тандыра и обнаружено более 10 зернотерок. Следовательно, здесь была пекарня (новвайхана).

По обеим сторонам дверного проема комнаты 104 стояли два каменных подпятия. В юго-восточном углу рядом с входом выявлен миниатюрный очаг с ошлакованными стенками. В центре комнаты расчищены остатки тандыра. Под западной стеной комнаты открыта круглая яма с прокаленными стенками — сандал. Рядом с тандыром лежал большой разбитый хум. На остальных участках комнаты зарегистрированы зернотерки и несколько глиняных сосудов.

В комнате 105 обнаружены остатки трех тандыров. Два из них располагались вдоль южной стены комнаты, третий — в северо-западном углу. По форме и конструкции они не отличаются от современных тандыров юго-западных областей Узбекистана. Тандыры сделаны ленточным способом из хорошо обработанной глины с примесью шерсти животных. Ширина каждой ленты не менее 40 см. На изготовление тандыра хватало двух лент. Внутренняя поверхность тандыров тщательно заглажена, а внешняя обработана более грубо. Между двумя тандырами стоял хум средних размеров, далее в сторону южной стены комнаты — несколько целых глиняных сосудов.

В середине восточной стены комнаты находился пристенный очаг, в котором стояла горшкообразная хумча емкостью около 20 литров. Наружная поверхность хумчи сильно закопчена, прилонная часть — со следами прокаленности. Вдоль западной стены комнаты выявлены небольшие, сложенные из сырового кирпича, пристенные очажки, состоявшие из семи отделений. Стенки последнего очага, стоявшего в юго-западном углу, сильно ошлакованы, а на дне сохранился небольшой слой золы. По конструкции этот очаг аналогичен очагу в комнате 104. Гладкое дно обоих очагов тщательно обмазано огнеупорной глиной и слегка наклонено в сторону от узкого устья. По размерам и устройству они резко отличаются от обычных домашних очагов. Однако их назначение остается пока непонятным.

Стратиграфические наблюдения показали, что новвайхана построена на втором этапе. На третьем этапе или, возможно, в конце второго периода во время пожара перекрытия обеих комнат обрушились и жизнь здесь прекратилась. Видимо, пожар начался внезапно, обитатели дома не успели вывести из комнат

домашнее имущество, о чем свидетельствует большое количество целых глиняных сосудов, зернотерок и других предметов, лежавших непосредственно под слоем пожарища. Поверхность сосудов закоптилась, а те части, которые упали в землю и стены оказались чистыми. Не исключена возможность, что пожар в новвайхане произошел одновременно с пожаром в жилом доме, расположенном в северном Т-образном коридоре (комната 95), а также то, что внутрикоридорный дом (комната 95) и новвайхана принадлежали одной семье. При раскопках новвайханы вскрыты четыре захоронения (погр. 65, 127, 135, 136). Одно из них (погр. 127) отнесено ко второму периоду, а три других (погр. 65, 135, 136) — к третьему.

Северо-восточный коридор-ловушка на первом этапе строительства выполнял функции ложного входа в крепость, поэтому внутри его не было никаких строений. На втором этапе широкий проход в коридор был заложен поперечной стеной с оставленным в ней узким входом, а сам коридор был использован для хозяйственных целей.

Обводное помещение VI имело постоянное прямое сообщение с жилыми комплексами внутри крепости через проходную комнату 6. Как и пятое, оно было перегорожено с обоих концов тонкими поперечными стенами, образовавшими внутрикоридорные комнаты. Очагов в этих комнатах не было. На первом этапе в западной стене центральной части помещения сооружен большой очаг-камин, на втором этапе рядом с ним в стену встроили такой же очаг. Третий очаг находился справа от входа. Очаги функционировали и на последнем этапе.

Интересно, что шестое обводное помещение не разделено на комнаты, а его центральная часть в первые два периода использовалась под кладбище. Нам кажется, что очаги, построенные в помещении, имели культовое назначение. Возможно, они предназначались для варки мяса жертвенных животных во время похорон. Всего в помещении вскрыто 15 захоронений (погр. 94—96, 99а, 99б, 100—108, 111), что указывает на вероятность существования здесь приквартального могильника.

Восточный Т-образный коридор-ловушка во все периоды существования поселения не перестраивался и не менял архитектурный облик, приобретенный еще на первом этапе строительства. На последнем этапе под западной стеной коридора произведены два захоронения (погр. 69, 70) с богатым керамическим комплексом.

Обводное помещение VII также имело постоянное прямое сообщение с жилыми комп-

лексами внутри крепости через проходную комнату 7. В северном конце помещения узкой поперечной стеной отгорожена внутрикоридорная комната 141 с широким входом в середине ее стены. Напротив входа к северной мощной поперечной стене комнаты пристроен выступ высотой около 1 м, по бокам которого располагались кладовки. В южной стене западной половины помещения находилась керамическая печь, которую на втором этапе перестроили в очаг-камины. В это же время в северной половине западной стены появился еще один очаг, на дне которого образовался значительный слой золы, состоявший из двух горизонтов. Дно очага обмазано глиной, между горизонтами слоя золы расчищена кирпичная выстилка, следовательно, очаг функционировал в последних двух периодах.

На втором и третьем этапах строительства поселения никаких дополнительных застроек в помещении не производилось. Видимо, оно, как и шестое помещение, использовалось под кладбище, так как здесь и в седьмой проходной комнате обнаружены 11 могил (погр. 72—78, 80—90, 126, 138) второго и третьего этапов жизни поселения.

Юго-восточный коридор-ловушка к моменту раскопок был разрушен до основания при планировке окружающих полей под хлопчатник. Первоначально он выполнял функции ложного входа в крепость, а на втором этапе северная часть коридора использовалась под жилье. Для этого сооружена поперечная стена и прорезан дверной проем со стороны комнаты 134 квартала VII. Очаг, функционировавший и на последнем этапе жизни поселения, устроен в восточной стене. Под нижним полом дома напротив входа обнаружено захоронение (погр. 85) с богатым инвентарем, состоявшим из глиняных и бронзовых сосудов, бронзовых орудий труда. Вопрос об использовании другой части коридора остается открытым.

Обводное помещение VIII, расположенное в южной стороне крепости, также было полностью разрушенным. Поэтому трудно составить представление о его назначении. Сохранились лишь остатки стен проходной комнаты 8, по которым можно заключить, что на первом этапе восьмое обводное помещение сообщалось с жилыми комплексами внутри квартала через проходную комнату 8. Однако на втором этапе проход в эту комнату закрылся наглухо, а новый вход был, видимо, открыт со стороны главного ворот, через западную стену помещения. В юго-западном углу проходной комнаты обнаружено коллективное захоронение (погр. 67). В северо-восточном углу комнаты стояла полуразрушенная квадратная суфа.

Южный Т-образный коридор был единственным подлинным входом в крепость. К моменту раскопок коридор оказался сильно разрушенным, что не позволило составить конкретное представление об устройстве и архитектуре ворот крепости.

Довольно сложен вопрос о назначении обводных помещений. Как отмечалось выше, на первом этапе они имели прямую связь с жилыми комплексами внутри крепости. В каждом из них, за исключением первого и седьмого помещений, в стенах было устроено по одному очагу-камину размерами больше обычных очагов жилых домов. Можно ли считать эти обводные помещения жилыми домами из-за наличия в них очагов-каминов? Скорее всего, нет, так как помещения не имеют характерных для жилья форм и слишком велики по площади (60—80 м²). К тому же, в них обнаружены мощные слои золы и кухонных отбросов, структурно одинаковые с культурными напластованиями, образованными в дворových частях и керамических мастерских. Возможно, помещения имели культовое назначение, т. е. являлись приквартальными общественно-культурными объектами типа алтаря, где поддерживался священный огонь. При отсутствии в других частях поселения следов алтарей такое предположение выглядит вполне вероятным. Однако в последующие периоды большинство обводных помещений перестроено под жилые дома, причем в других из них еще на первом этапе функционировали керамические печи. Остается лишь предполагать, что отдельные эти помещения на первых порах использовались как загон для скота.

Обводные помещения в системе фортификационных сооружений прежде всего предназначались для обороны. Закономерно, что такая планировка крепости (сочетание обводных помещений с ложными входами-ловушками) вытекала из чисто практических соображений. Поэтому некоторые обводные помещения на первых порах использовались для загона скота, а другие служили керамическими мастерскими. Довольно скоро жителям поселка стало ясно, что не было необходимости укреплять крепость столь мощно, и они начали застраивать под жилые дома большинство обводных помещений. Прежние входные проемы многих помещений закрываются наглухо, новые входы прорубались уже с наружной стороны крепости. Два обводных помещения были превращены в приквартальные могильники (одно из них являлось кладбищем еще с первого этапа строительства поселка).

Остается загадкой лишь назначение очагов, расположенных в стенах приквартальных

Могильников. Возможно, они были необходимы во время похорон для приготовления жертвенной пищи. Не исключено, что очаг-камин в восточной стене комнаты 41 был также культовым, так как в комнате было четыре захоронения, а в соседней комнате 42, где имелся домашний очаг, не произведено ни одного захоронения.

Результаты исследования жилых комплексов крепости приводят к выводу о том, что застройка первого строительного периода велась в соответствии с генеральным планом крепости. Первоначально жители строго придерживались замысла, заложенного в архитектурную идею крепости. По нему обводным сооружением отводилась чисто фортификационная роль. Но вскоре система укреплений утратила свое прежнее назначение, и со второго строительного периода под жилища начала застраиваться не только внутренняя площадь крепости, но и обводные помещения и Т-образные коридоры-ловушки.

Жилые комплексы состояли из одно-, двух- и трехкомнатных домов с одним очагом-камином, возле которого иногда находились массивные зернотерки и большие сосуды. По бокам очагов чаще всего располагались ниши или клетушки. Если жилой комплекс состоял из двух или трех комнат, то одна из них была жилой, другая — хозяйственной, а третья имела производственное назначение. В мастерских часто размещались очаги-канины. Комнаты различны по форме — квадратные или прямоугольные.

Стены жилых домов и оборонительных сооружений были сложены из сырцовых кирпичей разных размеров ($22 \times 12 \times 42$ см, $20 \times 10 \times 42$ см, $22 \times 12 \times 44$ см, $24 \times 13 \times 46$ см, $20 \times 12 \times 40$ см). На полах в некоторых помещениях встречены гипсовые обмазки или кирпичные подстилки с глиняной штукатуркой. Комнаты с гипсовой обмазкой служили для хранения зерна. В отдельных зернохранилищах полы были облицованы керамикой. На стенах почти всех комнат хорошо сохранилась ровная многослойная саманная штукатурка, иногда с четко прослеживаемой каолиновой грунтовкой. Грунтовка чаще всего встречается на стенах жилых помещений (комнаты 12, 21, 24 и др.).

Сохранность стен разная. В кварталах III—VII стены сохранились хорошо. В очень плохом состоянии были стены квартала II, так как дома здесь построены на мощном культурном слое, что способствовало разрушению стен. Стены комнат вдоль кольцевой крепостной стены сохранились гораздо лучше. Высота их от 1,0 м до 1,6 м. Стены первого строитель-

ного горизонта на площади всей крепости более устойчивые и лучшей сохранности. Они составляли основу строений в последующих периодах.

В каждом жилом комплексе имелся домашний очаг. Очаги представлены двумя типами: 1) очаг-камин с верхним дымоходом, встроенный в стену; 2) пристенный очаг временного типа без верхнего дымохода. Исключительное большинство составляют очаги первого типа (рис. 8). Устье их обычно низкое, высотой не более 60—70 см. Фасадная часть напоминает ложный свод, внутренняя стенка хорошо оштукатурена глиной с примесью мелкорубленой соломы. Нижняя часть очага шире верхней. Высота внутренней стороны очага 80—120 см, ширина 70—80 см. Дымоходы узкие, прямоугольной формы (10×16 см или 16×20 см) с постепенным сужением кверху.

Описанное устройство представляет собой «коробку» очага, специальные сооружения внутри «коробки» не обнаружены. Иногда внутри «коробок» в зольном слое встречались небольшие глиняные подставки, на которых были установлены котлы-горшки. Подставки обнаружены на дне очагов в комнатах 12, 21, 45, 63, 81, 103, 135, 153 и др.

Очаги-канины функционировали длительное время. С изменением уровня полов изменялось и дно очага, о чем свидетельствует наличие двух, иногда трех горизонтов пола очага. Дно очага обычно обмазывалось толстым слоем глины. В нескольких случаях прямо на зольный слой укладывались кирпичи, которые затем обмазывались. Если очаг был заброшен в более ранний период, то он закладывался кирпичами и обмазывался глиной. Часто возле очагов первого типа находили массивные зернотерки и сосуды, чаще всего разбитые.

Очагов второго типа в домах Сапалалтепа найдено только четыре. Сложены они из сырцовых кирпичей и устраивались, видимо, в помещении без перекрытий. Вполне вероятно также, что в лотолке над очагом оставалось дымовое отверстие.

В нескольких помещениях (комнаты 42, 89, 104, 123, 135 и др.) на полах обнаружены обогревательные печи-сандалы круглой формы, чаще всего с каменной облицовкой.

В отдельных помещениях открыты круглые в плане наземные тандыры, установленные вертикально. В других случаях тандыры были подземными.

В поселении было хорошо развито гончарное дело. Почти в каждом квартале имелись керамические печи. По конструкции они разделялись на три типа: 1) наземные двухкамерные; 2) двухъярусные; 3) подземные. В пер-

вичной публикации двухкамерные наземные печи рассматривались нами как двухъярусные, так как плохо сохранившиеся остатки стен не позволили тогда установить их подлинные формы. После вскрытия новых керамических печей стало ясно их двухкамерное устройство.

Двухкамерных наземных печей на поселении встречено три (печи № 2, 4, 9). Лучший

и выстлан обломками зернотерок. По всей вероятности, печь функционировала в течение первого и второго строительных периодов.

Вторая двухкамерная печь (№ 2) расположена в комнате 16 квартала II и относится ко второму строительному этапу. Как и предыдущая, она состоит из двух отделений — топочного и обжигательного. Печь пристроена

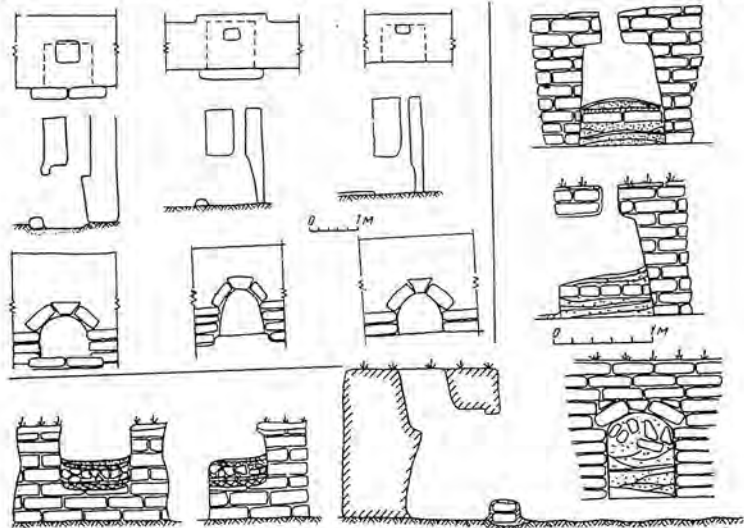

Рис. 8. Планы и разрезы очагов-каминов

всех сохранилась печь № 9 в квартале VIII. По форме она прямоугольная и состоит из двух отделений — топочного и обжигательного. Устье обращено к югу. Обжигательная камера, в отличие от двухъярусных печей, расположена не над топочной, а рядом с ней, но на много (40 см) выше пола топочной камеры (рис. 9). Над левым бортиком топки — невысокий (8—10 см) овальный выступ, ошлакованный до мутно-зеленого цвета. Ошлакованность прослеживается и на всех стенках топки выше зольного слоя. Топочная камера узкая (45×120 см). Стенки до уровня пола обжигательной камеры поднимаются вертикально, а выше сужаются, значит печь имела сводчатое завершение. Обжигательная камера прямоугольная (120×90 см). Стенки ее прокалены до кирпичного цвета на глубину 5—6 см. Под ров-

вплотную к стенам юго-восточного угла комнаты и обращена устьем к северу. Хорошо сохранилась узкая (120×40 см) топка, сложенная рядом с обжигательной камерой. Над левым краем топки — овальный сильно ошлакованный невысокий бортик. Левая стенка сохранилась до высоты 50 см, а задняя — до 120 см. Выше зольного слоя обе стенки ошлакованы до мутно-зеленого цвета. Обжигательная камера квадратная (80×80 см). Пол ее, в отличие от печи № 9, не выстлан камнями и на 40 см выше дна топки. Южная и восточная стенки обжигательной камеры сохранились на высоту до 55 см. Стенки и дно камеры прокалены на 5—6 см до кирпичного цвета. Топка и обжигательная камера, видимо, имели общее сводчатое перекрытие.

Рядом с печью находилась выгребная яма, заполненная золой и угольями. Толстый слой золы в комнате 16 и в квартальной свалке, расположенной за северной стеной комнаты, говорят об интенсивном использовании печи на протяжении длительного времени в пределах второго строительного этапа. На послед-

Частично сохранился овальный ошлакованный бортик над левым краем топки. Обжигательная камера квадратная (70×70 см), стенки и пол ее прокалены до кирпичного цвета. На последнем этапе печь была заброшена.

Значительное число печей, вскрытых на

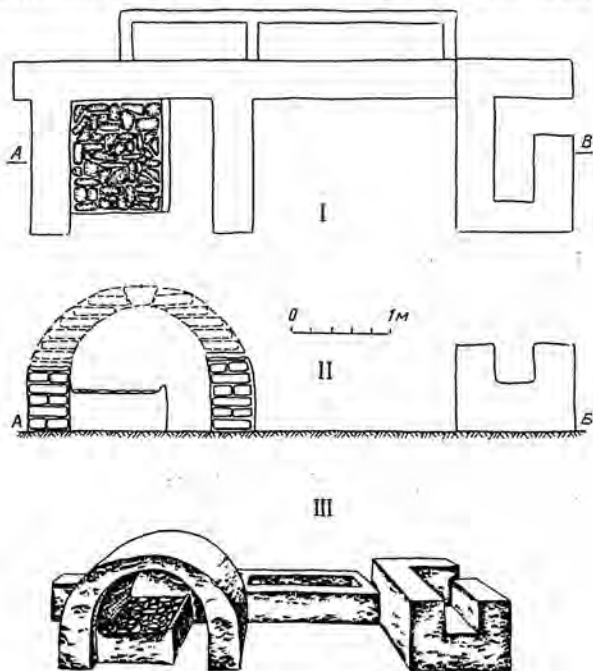

Рис. 9. Двухкамерная печь № 9:

I — план; II — разрез; III — реконструкция

леднем этапе над стенками печи скопился мощный слой мусора и воздвигнута стена нового строения.

Третья двухкамерная печь (№ 4), отнесенная ко второму строительному этапу, найдена в комнате II квартала III. Сохранность печи плохая. Все стенки обжигательной камеры разрушились почти до основания. Лучше сохранились стенки узкой (100×40 см) топочной камеры. На дне камеры небольшой слой золы.

поселении Сапаллитепа, составляют двухъярусные керамические (№ 5—8, 16), устроенные в разное время исключительно внутри мощных крепостных стен и поэтому сохранившиеся лучше других. Две из них (№ 5, 16) сложены на первом этапе строительства поселения, одна печь (№ 6) — на втором этапе, а две другие (№ 7, 8) — на третьем.

Наиболее точное представление о конструкции двухъярусных печей дает печь № 5 (рис.

10), сложенная в обводном помещении I на первом этапе строительства поселения. При сооружении стены для печи было оставлено свободное пространство прямоугольной формы (130×90 см), в котором выстроили печь с двумя отделениями топки и общей обжигательной камерой со сводчатым потолком и узким (18 см) верхним дымоходом. Ширина топков 40 см, высота также 40 см. На дне топки скопился слой золы толщиной около 15 см, из которого извлечен большой обломок пода печи

та 147). Дно топки лежало прямо на материке, а пол очага — намного выше, на уровне пола второго строительного периода, следовательно, очаг мог быть сооружен только на втором этапе. Значительная часть стенок обжигательной камеры сильно ошлакована. На дне топки в зольном слое найдено несколько камней, неоднократно побывавших в огне.

Полностью идентична по конструкции двухъярусная керамическая печь № 16 сдельного обводного помещения, сооруженная на

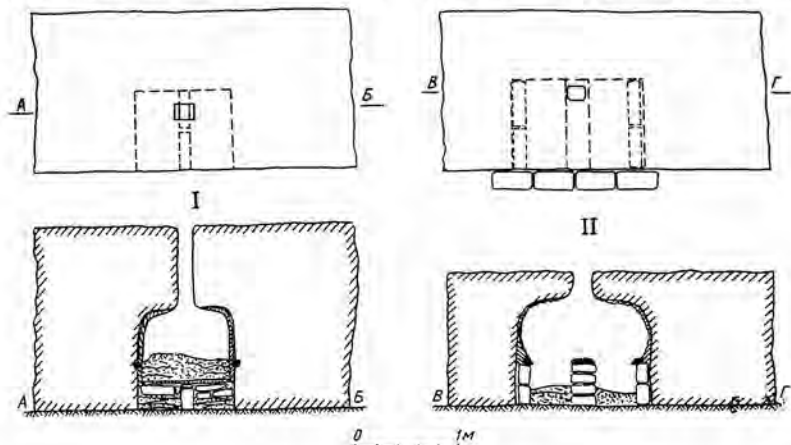

Рис. 10. Планы разрезы двухъярусных печей:

I — печь № 6; II — печь № 5.

с жаропроводящими отверстиями. Под печи находился между топкой и обжигательной камерой и представлял собой терракоту прямоугольной формы с круглыми жаропроникающими отверстиями. Видимо, под изготовлен из огнеупорной глины, обожженной до терракотового цвета. Для равномерной подачи горячего воздуха потолок камеры оформлялся в виде свода, а верхний дымоход был сделан близ задней стенки печи. Высота обжигательной камеры около 60 см.

Печь функционировала лишь на первом этапе строительства поселения. Это подтверждается тем, что задняя стенка печи сильно разрушена на втором этапе при сооружении очага-камнина жилого дома в восточной части юго-западного Т-образного коридора (компа-

нента 147). Дно топки лежало прямо на материке, а пол очага — намного выше, на уровне пола второго строительного периода, следовательно, очаг мог быть сооружен только на втором этапе. Значительная часть стенок обжигательной камеры сильно ошлакована. На дне топки в зольном слое найдено несколько камней, неоднократно побывавших в огне.

Полностью идентична по конструкции двухъярусная керамическая печь № 16 сдельного обводного помещения, сооруженная на

первом этапе строительства поселения. Под печи сильно разрушен, сохранились лишь небольшие его обломки, которые позволили установить размеры топки и обжигательной камеры. Встроенная в стену прямоугольная печь состояла из двух отделений топки в нижней части и обжигательной камеры — в верхней. Поверхность стенок обмазана раствором глины с саманом и сильно ошлакована. Второй слой обмазки не ошлакован, прослеживаются лишь следы прокаленности и запыленности. Вскоре печь превратили в домашний очаг-камни, при этом всю ошлакованную поверхность стенок обмазали раствором глины, а нижнюю часть топки заполнили строительным мусором и устроили поверх него пол очага, на дне которого затем образовался слой золы.

По устройству двухъярусные печи резко отличаются от подземных печей и сооружены, как и двухкамерные, на поверхности земли. В жилых кварталах крепости найдены остатки топочных камер каких-то печей. У одной из них (№ 1), обнаруженной в комнате 63, развалились даже стенки топочной камеры, по-

комнаты, на западной стене комнаты сохранились четкие следы ошлакованности. На этом участке накопился толстый слой золы, свидетельствующий о назначении печи как керамической.

Треть исследованных керамических печей составляют однокамерные подземные печи, ко-

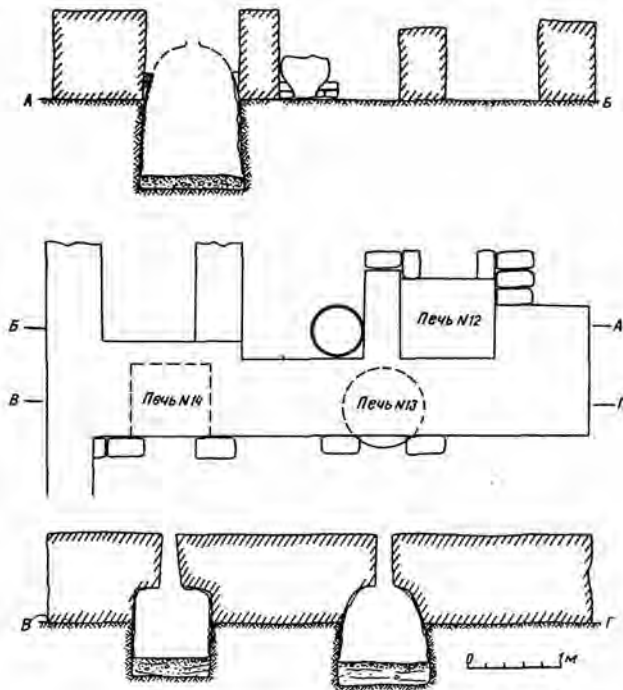

Рис. 11. Планы и разрезы подземных печей № 12—14

этому конструкция и размеры печи не установлены. Вторая печь (№ 3) с непонятным устройством открыта в комнате 66. На высоте 30 см у печи сохранилась овальная стенка с внутренней ошлакованной поверхностью, а на дне сооружения — мощный слой золы. Еще одна печь (№ 10), вскрытая в комнате 85, оказалась разрушенной до основания. Она была пристроена к стенам северо-западного угла

торые, в отличие от предыдущих двух типов, вырыты в земле и имеют круглую, прямоугольную и квадратную форму (рис. 11). Всего в жилых кварталах обнаружено семь подземных печей: одна в квартале V (№ 11), четыре — в квартале VI (№ 12—15) и две — в квартале VII (№ 17, 18). На первом этапе строительства поселения функционировали три печи (№ 12, 13, 17), на втором их уже стало

шесть (№11—14, 17, 18), а на последнем этапе прибавилась еще одна печь (№ 15).

По конструкции подземные печи разделяются на печи, встроенные в стены, и на печи, глубоко врытые в землю у стен. Печи первого варианта напоминают двухъярусные, построенные внутри мощных крепостных стен, но, в отличие от них, они одноярусные и врыты в землю.

Типична для второго варианта печь № 11, расположенная в комнате 100 квартала V. Печь врыта в материке, глубина ее более 1 м, размеры 85×65 см. С юга и запада она ограждена специально сооруженной стеной (наземная часть печи), а с севера — стеной комнаты. Устье обращено на восток. Внутренняя поверхность подземной части, обмазанная глиной с примесью дресвы, сильно ошлакована в результате длительного ее использования. На дне печи находился слой золы толщиной более 20 см с включением нескольких камней. Следов ошлакованности в наземной части обнаружить не удалось, но в середине западной стенки прослеживаются слабые следы законченности, что свидетельствует о наличии здесь верхнего дымохода. Наклонность наземных стенок вовнутрь указывает на сводчатое перекрытие печи.

Аналогичные печи (№ 17, 18) вскрыты в квартале VII. Печь 17 врыта в материке в северо-западном углу комнаты 135. Форма печи круглая, диаметром 90 см при глубине 160 см. По периметру бортика — кирпичная кладка шириной 30 см и высотой в два кирпича (20 см). На дне печи — слой золы толщиной около 30 см. Вся внутренняя поверхность стенок ошлакована до мутно-зеленого цвета на высоту до 130 см. Значительная наземная часть разрушена, поэтому устройство перекрытия установить не удалось.

Погребения Сапаллитепы

В поселении Сапаллитепы раскопано и исследовано 138 могил. Основную массу составляют одиночные погребения — 125 могил, в 13 могилах встречены коллективные захоронения. Всего в могилах было 158 погребенных, в том числе 104 взрослых, 7 подростков, 47 детей до 10 лет. В четырех могилах обнаружены захоронения животных, в шести — кенотафы.

В нашей первой публикации (Аскарлов, 1973а, с. 42—70) описаны 46 могил, открытых в первые годы раскопок. Почти все захоронения, раскопанные в последующие годы, сохранились хорошо и не ограблены (табл. I—XII).

Печь 18, раскопанная в комнате 136, — прямоугольная (110×80 см), глубиной 160 см, врыта в материке. По сторонам ее — кирпичная кладка. На дне — слой золы толщиной 20 см. Вся внутренняя поверхность стенок ошлакована до мутно-зеленого цвета.

Печь второго варианта (№ 12) открыта и в центре комнаты 114 квартала VI. По устройству она не отличается от печи 11: прямоугольная в плане, размерами 100×90 см, глубиной 1 м. На дне печи лежал слой золы толщиной более 10 см. Внутренняя поверхность стенок сильно ошлакована.

Три керамические печи первого варианта (№ 13—15) сохранились значительно лучше. В двух случаях остались целыми даже перекрытия печей. У прямоугольной (85×80 см) печи № 14, встроенной в стену, сохранилась вся наземная часть. Высота печи 1 м. Дно устлано слоем золы толщиной 20 см. Внутренняя поверхность стенок и топков сильно ошлакована. Сохранился и прямоугольный (16×12 см) дымоход. Устройство двух остальных печей первого варианта мало отличается от печи № 14. Все три печи составляют керамический комплекс в пределах гончарной мастерской.

Таким образом, в поселении Сапаллитепы открыты и исследованы 18 керамических печей различной степени сохранности. Семь печей (№ 1, 5, 9, 12, 13, 16, 17) функционировали на первом этапе строительства поселения. На втором этапе прибавились еще семь печей (№ 2—4, 6, 10, 11, 18), а из старых три (№ 1, 15, 16) были заброшены. На последнем этапе перестали действовать печи № 2—4, 9, 10 и появились четыре новые (№ 7, 8, 14, 15), т. е. продолжали функционировать 10 печей.

Почти все могилы катакомбные или подбойные. Иногда встречались могилы в грунтовых ямах, это были чаще всего детские погребения. Погребения детей производились не только под полом и стенами домов, но и в стенах жилых помещений.

Катакомбные могилы обычно состояли из входной ямы и погребальной камеры. Входная яма чаще всего неглубокая, прямоугольной формы, небольших размеров и врыта в материке. Погребальная камера овальной формы, со сводчатым потолком и ровным материковым полом располагалась под западной стеной. Обычно погребальная камера значительно глубже входной ямы, т. е. могила имеет

ступенчатое устройство. Входное отверстие закрывалось кирпичами и тщательно замазывалось глиной (рис. 12). Затем входная яма до бортика заполнялась рассыпчатой материковой землей. Иногда в погребальной камере оставалось пустое пространство (погр.

ра на юг. Как правило, северо-западную часть камеры занимал скелет погребенного, а остальную площадь — разнообразный погребальный инвентарь. Иногда в камере лежал большой хум со скелетом погребенного внутри (погр. 14, 22), обращенный устьем к северу.

Рис. 12. Сапалитепа, погребение 93:
I — перед вскрытием; II — после вскрытия

1, 7, 35, 100, 101). Скелеты и погребальный инвентарь в таких могилах были покрыты вековой пылью. Внутри могил сохранились высушенные остатки пищи в сосудах, мягкие предметы, остатки одежды, кожи и волос погребенных. Однако в большей части катакомб кирпичная закладка входного отверстия проваливалась в камеру, которая заполнялась впоследствии землей.

Катакомбные могилы находились под полами жилых домов, под улицами и стенами. Погребальные камеры ориентированы с севе-

Устройство подбойных могил подобно катакомбным. Но, в отличие от катакомбных, они устраивались только под крепостными стенами и под стенами домов, часто без заглабления в материк или с небольшим заглаблением. Поэтому в большинстве случаев входная яма у подбойных могил отсутствует. Погребальная камера — сравнительно небольших размеров, потолок низкий и неровный. В подбойных могилах обычно мало погребального инвентаря.

Ямные могилы не характерны для Сапалитепа, и в них хоронили почти всегда грудных

детей. Лишь в трех случаях (погр. 82, 85, 89) встречены захоронения в ямных могилах взрослых, причем это были, видимо, знатные люди (см. табл. VI).

Первая из них (погр. 82) представляла собой большую прямоугольную яму размерами 215×180 см (рис. 13). На глубине 55 см от пола комнаты расчищены боковые ступеньки, предназначенные, вероятно, для укрепления деревянных балок перекрытия, которое целиком провалилось в яму еще в древности. Глу-

Рис. 13. Сапалитена, погребение 82

бина могилы около 2 м. В середине ямы лежал огромный хум, обращенный устьем к северу. В нем находился скелет женщины, а вокруг — различные сосуды, бронзовые изделия и др.

Вторая могила (погр. 89) также прямоугольная в плане, размерами 195×125 см и глубиной 60 см от пола комнаты (рис. 14). В глубине размеры ее уменьшались, поэтому образовалась внутренняя яма размерами 150×85 см при глубине 45 см. Во внутренней яме обнаружен деревянный гроб прямоугольной формы (120×60 см) высотой 40 см. В гробу головой на север лежал скелет мужчины. От гроба сохранились лишь четкие следы сгнивших досок толщиной не менее 3 см. Стенки гроба состояли из двух досок каждая и были укреплены по углам деревянными столбиками. Из-за плохой сохранности трудно представить форму столбиков. Однако на них видны следы креплений, места прибитых деревянных гвоз-

дей. Под углом гроба подложены обломки зернотерок, на которых он был установлен.

Третья ямная могила (погр. 85) была также найдена под полом жилой комнаты (рис. 15). Могила вырыта в материке, в плане прямоугольная, размерами 205×110 см. По устройству она отличается от двух предыдущих отсутствием ступенек для балок перекрытия и тем, что вдоль ямы была выложена стена высотой в один кирпич, в пазах которой положены деревянные балки, перекрывающие яму

поперек. Истлевшие остатки балок отмечены в шести местах. В глубокую (75 см) яму опущен деревянный гроб размерами 134×70 см. Высота гроба 40 см, толщина стенок 2,5—3,0 см. Каждая стенка состояла из двух досок, скрепленных по углам квадратными в сечении деревянными столбиками с пазами для крепления. Доски прибиты к столбикам деревянными гвоздями. Сверху гроб прикрыт ветками, местами от них даже сохранились сучки и листья. В гробу лежал почти целиком сохранившийся скелет мужчины. По четырем углам под гроб подложены большие обломки зернотерок.

Все три ямных погребения богаты инвентарем: много бронзовых изделий — орудий труда и предметов быта, а также каменных и золотых (погр. 82) бус.

Более 90% исследованных могил сохранились очень хорошо, скелеты погребенных лежат в анатомическом порядке. Довольно редки

могилы с потревоженными скелетами. За время раскопок их встречено всего четыре — это погребения 38, 75, 121, 134 (см. табл. IV, VII, IX).

Идеальная сохранность погребений позволила установить ориентировку скелетов: они лежали на боку в скорченном положении, чаще всего головой на север. Северная ориентировка скелетов довольно устойчива, она составляет более 80% от общего числа вскрытых могил. Однако в 23 случаях это правило нарушено, особенно при захоронении детей: в девяти случаях это были грудные младенцы, в пяти — дети в возрасте до 8—9 лет и в пяти случаях — подростки. В четырех могилах (погр. 29, 38, 49, 116) скелеты взрослых ориентированы на восток (2 раза), на запад (1 раз), на юг (1 раз) и на юго-восток (1 раз). Следует отметить, что одно захоронение из этих четырех — коллективное. Еще в двух коллективных захоронениях (погр. 65, 109) отдельные скелеты не имели северной ориентировки (см. табл. II).

Отклонения от основного правила в погребениях 65 и 109 были вызваны, видимо, теснотой погребальных камер. Так, в погребальной камере могилы 65 размерами 160×100 см в западной части камеры вплотную друг к другу лежали три скелета (см. табл. III). Два из них ориентированы головой на север, а третий отклонен на северо-восток. То же самое наблюдалось и в погребении 109, в котором захоронены двое мужчин. Один из них — головой на север, другой — на северо-запад (см. табл. VIII). Скелет с северной ориентировкой окружен глиняными сосудами. Из-за недостатка места в камере несколько сосудов были поставлены даже в дромосе могилы. В южной части камеры в ногах первого скелета погребен второй, положенный поперек могилы головой на северо-запад.

Важно отметить, что, независимо от ориентировки погребенных, все без исключения скелеты лежат на боку в скорченном положении. Мужчины уложены на правый, а женщины — на левый бок³. Подростки, дети и грудные младенцы также положены в соответствии с их полом — мальчики на правом, девочки на левом боку. Это подтверждается не только погребальным инвентарем, но и антропологическими данными. Кисти рук погребенных часто находятся около лицевой части черепа. Ноги при сильной скорченности скелетов прижаты к животу или к тазовым костям. Свободная скор-

ченность является характерной для погребенных в Сапаллитена.

Большая часть могил содержит богатый сопровождающий погребальный инвентарь. В расстановке погребального инвентаря в могилах имеется своя закономерность. Скелет обычно находился в северо-западной части погребальной камеры. Это характерно для ката-

Рис. 14. Сапаллитена, погребение 89

комбных и подбойных могил. В ямных захоронениях это правило часто нарушается, так как в большей их части, за исключением могил взрослых, мало или вообще отсутствуют сопровождающие вещи. Имеются также могилы, где скелет погребенного занимает половину камеры. Восточная половина камеры и южная часть ямы заполнены погребальным инвентарем, основную массу которого составляет керамика. Изредка встречается посуда и из мягких материалов — рогаза, соломы, дерева и т. п. Вблизи черепа погребенного стояли плоские деревянные сосуды с небольшим бор-

³ Определение пола и возраста погребенных проведено антропологом Т. К. Ходжайовым, за что выражаю ему глубокую благодарность.

тиком, в которых лежали кости животных. Сохранность погребального инвентаря, особенно изделий из мягких материалов, зависела от состояния могил. В могилах с оставшимся незаполненным пространством сохранились изделия из мягких материалов.

В 29 могилах найдены различные изделия из металла и камня. Из них 23 могилы (погр. 1, 6, 14, 18, 29, 41, 43, 50, 57, 61, 76, 81, 82, 93, 94, 99, 101, 113, 114, 117, 124, 132, 136) принадлежали женским погребениям, а 6 могил (погр. 22, 54, 85, 89, 110, 115) — захоронениям

и предметы приношения, т. е. вещи, пригесенные умершему соплеменниками. Приношения помещались в плоских сосудах из соломы или рокоза и ставились либо у головы погребенного, либо в южной и восточной частях камеры. Часто эти сосуды разрушались, сохранялись лишь находившиеся в них бронзовые и мраморные предметы. Набор подношений составляли браслеты, сосудики для сурьмы, булавки, веретена, шилья и т. п. В мужских могилах встречаются орудия труда и оружие — ножи, тощи, топоры, тесла, наконечники стрел

Рис. 15. Сапалитена, погребение 85

мужчин. Из женских могил извлечены 104 металлических предмета как личного обихода, так и приношения. В мужских могилах обнаружены 26 изделий из бронзы.

В женских могилах преобладают богатые украшения и предметы туалета: бронзовые браслеты, височные кольца, бусы различных форм из цветных камней, бронзовые булавки, зеркала, лопаточки, сосудики для сурьмы. Встречаются также иголки, шилья, веретена, спицы и др. В единичных случаях в женских могилах найдены печати-эмблемы (погр. 82, 94, 101, 113), диадема (погр. 57), гребни (погр. 35, 101).

Каждый предмет занимал в могиле определенное место. Предметы личной собственности умершего, например, браслеты были надеты на руки, серьги находились около ушных отверстий, шпильки — в области черепа, бусы — часто в грудной клетке скелета, зеркало — обычно около лица. В могилах имелись

и копий и др. Женские могилы обычно богаче мужских по погребальному инвентарю.

Рядом с погребенными, обычно взрослыми, клали кости животных (в 63 могилах), причем, как правило, в могиле оставляли две задние ноги, лопатку, несколько ребер, иногда груднику.

В нескольких случаях встречены кенотафные захоронения (погр. 40, 71, 92, 102, 110, 115). Скелет человека в таких могилах отсутствует (рис. 16). Богатый погребальный инвентарь располагался вдоль восточной и южной стенок погребальной камеры (см. табл. VI, IX). В некоторых кенотафах (погр. 115) встречались кости животных.

В четырех могилах (погр. 7, 44, 90, 996) вместо людей захоронены животные — овцы и козы, лежавшие в том же положении, что и люди (рис. 17). Скелеты животных во всех случаях были окружены множеством глиняных сосудов с пищей (см. табл. VI, XI).

В ходе исследований древних захоронений неоднократно возникал вопрос: был ли при поселении Сапаллитепе отдельный могильник? Как отмечалось выше, захоронения производились под полами жилых домов, под улицами,

лежат единый комплекс с погребениями, вскрытыми на площади крепости поселения. Многочисленные наши попытки выявить могильник за пределами поселения Сапаллитепе не увенчались успехом, так как окружающая

Рис. 16. Сапаллитепе, погребение 71

межквартальными площадями, в обводных помещениях, на площади Т-образных коридоров, под стенами домов и оборонительных сооружений, в стенах и т. д. Иногда встречались могилы вне крепости, но в пределах поселения (погр. 5, 48, 65, 127, 135, 136). Однако и эти могилы, за исключением одной (погр. 5), были обнаружены под полами помещений и состав-

местность была разработана под хлопок еще до начала раскопок.

Захоронение умерших в пределах поселения — явление не новое. Подобные случаи известны в раннеземледельческих памятниках Южной Туркмении. Так В. М. Массон при раскопках энеолитического поселения Кара-депе обнаружил 26 погребений. Скелеты лежали на

боку в скорченном положении, головой на юг и юго-запад (В. Массон, 1961, с. 329—331). Однако автор не пишет об устройстве раскопанных им могил. Судя по плану раскопа I на Кара-депе (площадь раскопа 10×10 м), могилы были обнаружены под полами помещений (погр. 15, 16, 17, 20 и др.). В. М. Массон (1961, с. 328—329, рис. 5) отмечает, что могилы иногда обкладывались сырцовыми кирпичами. Аналогичные могилы встречены в слоях периода Кара 2 и 3 под полами жилых домов и на

тому этапу, когда часть населения, передав-шаяся в новые районы, бросала старые дома, а оставшееся население использовало заброшенные дома для захоронения умерших. Например, комнаты 83—85 в квартале IV в первых двух периодах были обитаемы, а на последнем этапе заброшены. Руины этих комнат использовались для захоронения умерших (погр. 56, 122). Комната 104, расположенная за пределами крепости, была заброшена после пожара, а в ее развалинах на последнем этапе

Рис. 17. Сапалитена. погребение 90

незастроенной площади поселения (В. Массон, 1961, рис. 6, 8). Могилы под полами или в руинах жилых домов вскрыты В. И. Сарниди на поселениях Геоксюрского оазиса (*Сарниди*, 1961, с. 229—238, рис. 2). Однако они не имели погребального инвентаря или в них было очень мало керамики, бус и бронзовых изделий. Хронологически эти могилы намного древнее погребений Сапалитена.

К сожалению, исследователи не сообщают об обычаях захоронения под полами жилых домов, под стенами и внутри стен поселения. В. И. Сарниди раскопал в Северном Афганистане аналогичные памятники эпохи бронзы и отметил, что захоронения на поселении Дашлы 1, 3 производились в руинах жилых домов.

Стратиграфические наблюдения показали, что и на поселении Сапалитена были случаи захоронения в руинах жилых домов. Однако они относятся лишь к последнему строитель-

совершены три захоронения (погр. 65, 135, 136). Могилы в руинах домов, где погребенные лежали прямо на полу под мощным слоем культурных остатков, обнаружены в комнатах 6 (погр. 3), 13 (погр. 9, 15, 32), 26 (погр. 26, 28), 27 (погр. 19—21), 28 (погр. 23), 38 (погр. 35, 36), 41 (погр. 30, 40), 46 (погр. 34), 48 (погр. 38), 50 (погр. 43), 54 (погр. 45, 46), 75 (погр. 63, 64) и др.

Довольно много захоронений под полами жилых домов и под стенами оборонительных сооружений (рис. 18). В первом периоде в пределах квартала I произведено лишь одно захоронение (погр. 42), в квартале II они вообще отсутствуют. Много могил под полами жилых домов первого периода найдено в кварталах III (погр. 128, 133, 134; табл. IX, XII) и VI (погр. 89, 109, 110, 113; табл. VI—IX), по одной могиле — в пределах кварталов V (погр. 98) и VIII (погр. 66; табл. II). Несколько мо-

гил (погр. 94, 100, 101, 102, 105, 107, 108; табл. V, VII—IX) вскрыто в шестом обводном помещении. Интересно, что многие из могил находились у порога комнаты или напротив входа внутри нее.

Стратиграфия и расположение могил в жилых домах указывают на то, что все захороне-

ния производились не в руинах заброшенных домов, а под полами жилищ в период их функционирования, и что уже на первом этапе строительства поселения начал образовываться могильник вне жилых домов — в шестом коридорообразном обводном помещении.

На втором строительном этапе число мо-

Рис. 18. Сапалитера, погребение 74

ния производились не в руинах заброшенных домов, а под полами жилищ в период их функционирования, и что уже на первом этапе строительства поселения начал образовываться могильник вне жилых домов — в шестом коридорообразном обводном помещении.

На втором строительном этапе число мо-

гил под полами жилых помещений значительно увеличилось. Если на первом этапе погребен 21 взрослый и отсутствовали могилы детей, то на втором этапе число погребенных детей возросло до 19, а взрослых до 59. В третьем периоде захоронения детей отмечены 35 раз, а взрослых — 23. Возможно, что

117, 126) могилы детей достоверно отнесены ко второму периоду. В двух случаях (погр. 17, 117) дети похоронены вместе со взрослыми в катакомбных могилах, в трех случаях (погр. 53, 80, 112) захоронения детей произведены в катакомбных могилах, в трех — в подбойных ямах (погр. 68, 72, 126).

Если все детские могилы действительно относятся к третьему периоду, то можно предположить, что на первых двух этапах где-то за пределами поселения существовал отдельный могильник для детей и захоронение умерших детей под полами жилых домов в период их функционирования не практиковалось. Лишь на последнем этапе, когда значительная часть жителей поселка оставила свои дома, в руинах заброшенных домов стали хоронить и детей.

На втором этапе отдельные участки каждого квартала превратились во внутриквартальные могильники. Например, шестое обводное помещение в первые два периода служило приквартальным могильником (15 погребений). Со второго этапа превращена в приквартальный могильник и площадь седьмого обводного помещения (13 погребений). В квартале V могильник образовался в двух местах: на северо-западном участке квартала, где в течение первых двух периодов было захоронено 10 умерших, и на юго-западном участке квартала VI и прилегающей к нему части квартала VII.

Поселение и могильники Джаркутан

В преамбуле к разделу о культуре Сапалли отмечалось, что по руслу Бустаная в местности Джаркутан открыта еще одна группа памятников эпохи бронзы, названных нами джаркутанскими. В группу входят поселение Джаркутан с крепостью и двумя грунтовыми могильниками, поселение и четыре грунтовых могильника Бустан.

Поселение Джаркутан расположено на левом берегу русла Бустаная на территории колхоза им. В. И. Ленина Шерабадского района Сурхандарьинской области и состоит из нескольких отдельно стоящих естественных всхолмлений, раскинутых вдоль сая на расстоянии более 1 км. Общая площадь поселения более 50 га. Вся поверхность поселения усыпана фрагментами керамики, обломками зернотерок и костей животных, что говорит о довольно густой обжитости территории поселения.

Широкая надпойменная терраса берегов русла представляет собой адыробразные всхолмления с небольшими пологими ложбинами и крутыми оврагами (джар). Здесь колхозом им. В. И. Ленина сооружен загон для

Этот участок, как и седьмое обводное помещение, превращено в кладбище со второго этапа (13 погребений).

Интересно, что в пределах квартала V (за исключением трех могил) внутриквартальное кладбище так и не было создано. Видимо, умерших обитателей квартала хоронили в шестом обводном помещении. Та же самая картина отражается и в квартале VII, где обнаружены только три могилы. Скорее всего, основная масса умерших второго и третьего периодов этого квартала похоронена в седьмом обводном помещении.

Приквартальный могильник существовал и в квартале IV. На первом этапе умерших, видимо, хоронили в шестом обводном помещении, а со второго этапа в юго-западной части квартала сформировалось свое кладбище. Со второго этапа наблюдается сосредоточение могил и в западном Т-образном коридоре, в третьем обводном помещении, на площади хозяйственных построек за северными пределами крепости.

Необходимо отметить, что ни одна могила в квартале IV не имела намогильного сооружения. Большинство из вскрытых могил, в первую очередь катакомбных, после разборки рыхлого золотого культурного слоя окультуривалось. Могилы были заполнены чистой рыхлой материковой землей.

скота. Отсюда название Джаркутан — загон для скота у оврагов.

Поселение состоит из двух неравных частей — крепости и примыкающей к ней с юга площади собственно поселения. Крепостная часть поселения представляет собой квадратный в плане холм с округлыми углами площадью 4 га. С трех сторон ее обгибает старое русло сая, образуя как бы полуостров с пониженным к центральной площади (рис. 19).

Огромная территория, расположенная к югу и востоку от крепости вдоль русла сая, составляет площадь собственно поселения Джаркутан. Подземный материал, собранный на всех участках крепости и поселения, однороден и хронологически не различается.

Заложение на отдельных участках небольшие шурфы показали, что наиболее перспективной для стратиграфического изучения памятника является территория крепости, где мощность культурного слоя достигает 1,0—1,5 м, а местами—2,5 м. Весной 1973 г. на территории крепости поселения Джаркутан нами были сделаны разрезы стены на двух участках и заложены стратиграфический шурф на пони-

женном участке в западной части крепости. Размеры шурфа 5×5 м (рис. 20), углублен он до материка, который в южном участке обнажился на глубине более 1 м. Значительная северная часть шурфа оказалась на месте древней мусорной ямы. Шурфом была захвачена южная часть ямы неправильно овальной формы глубиной более 2,5 м от дневной поверхности. Судя по разрезу, шурф заложен в пределах какого-то большого двора, поэтому здесь

4 м.— в северо-западном углу крепости, около спуска к руслу сая, а второй, аналогичный первому, — примерно в 80 м к востоку от первого. Как в первом, так и во втором разрезах установлено наличие мощной стены шириной 4 м, построенной из сырцового кирпича. Сохранившаяся высота стены, стоящей на материке, на обоих участках 70—80 см.

На участке первого разреза на поверхности стены обнаружен очаг, для топки кото-

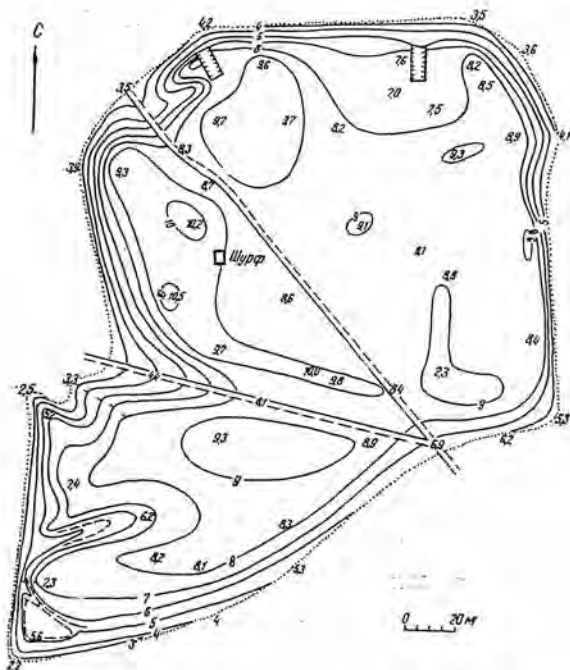

Рис. 19. Схематический план крепости поселения Джаркутан

не было остатков стен. Однако контуры ямы в стенке шурфа четко прослеживаются с верхнего уровня до материкового дна ямы, что свидетельствует об относительно позднем ее происхождении.

Разрезы стены сделаны в северной части крепости. Первый, длиной 13 м и шириной

рого из глубины 40 см была вырезана верхняя часть стены. Это говорит о том, что на последнем этапе жизни на поселении стена утратила свое первоначальное оборонительное значение и была заброшена.

Огромная площадь поселения, примыкающего к крепости, состоит из трех адыробраз-

ных холмов, разделенных широкими пологими ложбинами и оврагами. Первый холм расположен к северо-востоку от крепости. Поверхность его неоднократно распахивалась под бахчевые поля. По распаханному полю разбросаны фрагменты керамики: кубки на высоких ножках, банкообразные чаши и стройные массивные вазы на бляснообразной ножке. Вторая

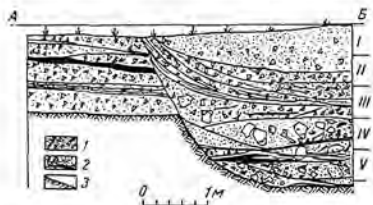
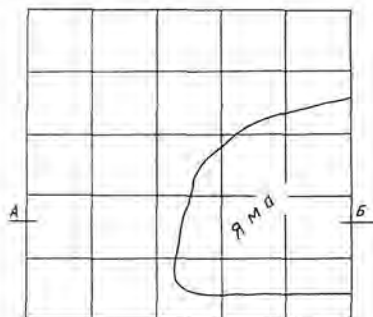

Рис. 20. План и разрез шурфа на площади крепости поселения Джаркутан. Условные обозначения:

1—верхний слой желтоватого цвета; 2—пепельный слой с золой; 3—материк

часть поселения расположена к югу от крепости и занимает огромную площадь, местами размытую и разрушенную весенними дождями. Юго-восточная половина холма занята временными загонами для скота. Вся площадь второго холма покрыта фрагментами сосудов. К западу от него за небольшой ложбинкой расположен третий холм с относительно ровной поверхностью и немногочисленными культурными остатками. Поверхность холмов в плане округлая, овальная и прямоугольная. Видимо, это — руины отдельно стоявших многокомнатных домов.

Могильники Джаркутан расположены на двух больших естественных возвышенностях вдоль левого берега русла сая к югу от поселения. Общая их площадь более 13 га.

Первый могильник довольно обширный, площадью 11 га; северная его сторона ограничена глубоким оврагом, служащим ныне естественным коллектором для сбросовых вод. Овраг отделяет могильник от поселения. Восточная часть могильника ныне занята временными постройками скотного двора и разрушена несколькими силосными ямами. Сохранилось лишь четко очерченное могильное поле вдоль широкой полосы надпойменной террасы русла сая. К югу от первого могильного поля за широкой и глубокой ложбинкой на естественных останцевых возвышенностях обнаружено второе могильное поле площадью 2,5 га.

Оба могильника грунтовые, состоящие из многочисленных неглубоких овальных и круглых ям. На площади первого могильника, условно названного Джаркутан 3, по внешним признакам зафиксировано более 1500, а на площади второго — Джаркутан 4 — более 600 могил.

На поверхности могильников иногда встречаются фрагменты керамики, видимо, из разрушенных могил, что свидетельствует об образовании отдельных захоронений.

Разведочные раскопки были произведены на обоих могильниках: весной 1973 г. на могильнике Джаркутан 3 раскопаны две могилы, а на Джаркутан 4 — три.

Широкие стационарные раскопки производились в 1974 г. в течение двух сезонов. Объектом для стационарной работы был выбран могильник Джаркутан 4 (рис. 21), расположенный на трех небольших естественных холмах, раскинутых по левому берегу Бустан-сая. Холмы условно названы Джаркутан 4А, Б, В.

Могильник Джаркутан 4А — сравнительно больших размеров, в плане овальный, вытянутый с северо-востока на юго-запад. С западной его стороны проходит русло сая, а с северо-восточной он ограничен краем оврага. К востоку от него за мелкой ложбинкой стоит другой овальный холм — Джаркутан 4Б, а к югу от последнего — третий останец — Джаркутан 4В. Площадь всех холмов занята грунтовыми могилами. На холме Джаркутан 4А по предварительным подсчетам находится более 360 могил, на площади Джаркутана 4Б — 36, а на Джаркутане 4В — 211 могила.

Сплошное вскрытие проводилось только на могильнике Джаркутан 4А. За три полевых сезона на площади в 0,25 га вскрыто 149 могил, содержавших археологический материал

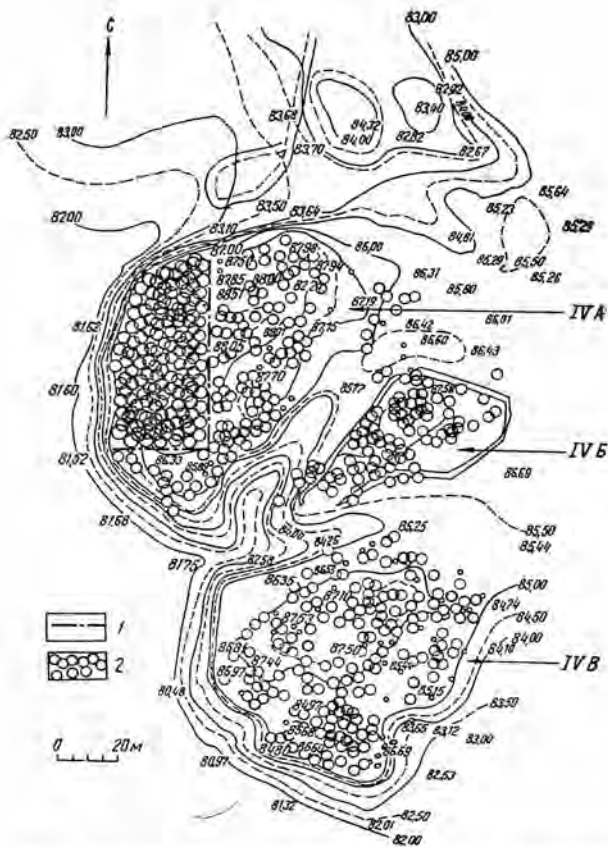

Рис. 21. Схематический план могильника Джаркутан. Условные обозначения:
1 — граница разрознённой части; 2 — погребения

двух хронологических этапов. Могилы двух периодов находились на одном могильном поле. Иногда они оказывались друг над другом или совсем рядом. Встречались случаи, когда поздние захоронения захватывали часть площади более ранних. Так, например, в двух случаях (погр. 7, 67) могилы с комплексом позднего Джаркутана задевали могилы раннего Джар-

кутана. В другом случае могилы оказались друг над другом. В пяти могилах (погр. 4, 31, 33, 50, 52) находились разрозненные фрагменты керамики двух хронологических этапов.

По составу погребального инвентаря и ориентировке 88 могил относятся к раннему комплексу (погр. 2, 46, 5, 6, 76, 9—12, 16, 17,

19—21, 24—26, 29, 30, 31б, 33б, 37—40, 44—48, 50б, 52б, 53, 59, 60, 67б, 69, 71—74, 76—78, 80, 81, 86, 88, 91—95, 97—100, 102—104, 106, 109, 110, 113—121, 123—127, 129—135, 139, 141, 142), а 61 могила — к позднему (погр. 1, 3, 4а, 7а, 8, 13—15, 18, 22, 23, 27, 28, 31а, 32, 33а, 34—36, 41—43, 49, 50а, 51, 52а, 54—58, 61—65, 66а, 66б, 67а, 68, 70, 75, 79, 82—85, 87, 96, 101, 105, 107, 108, 111, 112, 122, 128, 136, 137, 138, 140).

жены, кости выброшены из ям или разбросаны по всей их площади, поэтому во многих случаях установить первоначальное положение скелетов не удалось. Лишь в 19 могилах скелеты и погребальный инвентарь не тронуты (погр. 2, 7б, 24, 25, 29, 37, 40, 44, 45, 48, 60, 67б, 69, 71, 76, 114, 115, 118, 142) и в 10 могилах (погр. 5, 9, 38, 39, 46, 53, 59, 78, 93, 124) скелеты разрушены частично.

Рис. 22. Джаркутан, погребения 7а, 7б

В 128 погребениях присутствовал погребальный инвентарь, в остальных его нет.

Выше отмечалось, что из 149 вскрытых могил 88 относятся к раннему Джаркутану. Из них в 13 погребениях (погр. 44, 77, 92, 98, 100, 103, 104, 130, 131—135) погребальный инвентарь отсутствует, но ориентировка могил аналогична могилам с сопровождающим инвентарем.

Основную массу могил раннего Джаркутана составляют одиночные захоронения — их 86, в двух случаях (погр. 69, 78) встречены двойные захоронения — женщина с ребенком и мужчина с ребенком. В 84 могилах встречены погребения взрослых, в четырех могилах — скелеты детей: два грудных (погр. 69 и 113) и два подростка (погр. 72 и 74).

К сожалению, 59 могил раннего Джаркутана оказались ограбленными еще в древности. Скелеты погребенных сильно потрево-

жены, кости выброшены из ям или разбросаны по всей их площади, поэтому во многих случаях установить первоначальное положение скелетов не удалось. Лишь в 19 могилах скелеты и погребальный инвентарь не тронуты (погр. 2, 7б, 19, 24, 25, 45, 59, 88, 89, 93, 142). Большинство могил (59 случаев) разрушено грабителями, отдельные могилы (погр. 7б, 31б, 33б, 50б, 52б, 67б) утратили первоначальную форму при последующих захоронениях в позднеджаркутанское время. Много могил разрушилось из-за мягкости и рыхлости почвы. Грунт здесь песчаный, сырой, с большим количеством солей, которые также способствовали разрушению. Входные ямы могил осели, вследствие этого образовались небольшие углубления овальной и округлой формы, через которые вниз проникали дождевые воды, размывавшие своды погребальных камер. В камерах некоторых могил сохранились сырцовые кирпичи от перекрытия входных отвер-

стей. Это также указывает на катакомбное устройство многих исследуемых могил.

Катакомбные могилы Джаркутана состоят из входной ямы и погребальной камеры. Входная яма узкая, короткая, в ней находятся плашмя положенные друг на друга сырцовые кирпичи или беспорядочно лежащие их обломки (рис. 23, 24). Интересно, что входная яма часто находится на одном уровне с дном

Все скелеты лежат в скорченном положении на боку, мужчины — на правом боку, а женщины — на левом. Подростки, дети и даже грудные младенцы погребены так же⁴.

В могилах прослеживается определенная закономерность в расположении скелетов и погребального инвентаря. В большинстве случаев (погр. 5, 76, 25, 29, 37, 38, 40, 46, 48, 93, 114, 124, 142) (рис. 25, 26) скелет занимает сере-

Рис. 23. Джаркутан, погребение 45

камеры. Это указывает на то, что катакомбные могилы Джаркутана не имели ступенчатого устройства, характерного для Сапалли. Кирпичи в могилах Джаркутана несколько длиннее, чем в Сапаллитепе ($55 \times 22 \times 10$ см, $50 \times 20 \times 10$ см). Свод камеры овальный, пол ровный (табл. XIII). Большинство камер ориентировано с севера на юг, иногда с северо-востока на юго-запад и с северо-запада на юго-восток. Все могилы, как обрабленные, так и целые, заполнены землей.

Из 88 раскопанных могил только в 35 удалось установить ориентировку погребенных. Большинство захоронений (погр. 29, 37, 39, 46, 48, 676, 71, 93, 115, 124, 142) ориентировано головой на северо-запад (табл. XIII), девять могил — с северной ориентировкой (погр. 2, 76, 24, 25, 38, 40, 59, 76, 114), в трех могилах — северо-восточная ориентировка (погр. 5, 45, 69).

дну погребальной камеры, а сопровождающий инвентарь находится в южной половине ямы (погр. 37, 40, 48), вокруг скелета (погр. 5, 29, 46, 114, 124, 142), в северо-восточной части ямы (погр. 25, 38, 93) и в одном случае — в юго-западной стороне могилы (погр. 76). Имеются захоронения, в которых скелет занимает северо-западную площадь могилы (погр. 2, 45, 59, 71, 115). Погребальный инвентарь в них расположен по-разному. В двух случаях (погр. 2, 45) сосуды находились в восточной половине ямы, в одном (погр. 115) они стояли у головы и ног погребенного, и еще в одном (погр. 71) основная масса керамики занимала северо-восточную часть погребальной камеры.

Есть могилы богатые инвентарем, скелет в них лежал в юго-западной части ямы, а ос-

⁴ Определение пола и возраста всех погребенных производилось Т. К. Ходжайовым и Х. Халиповым.

новная масса погребального инвентаря — в северо-восточной ее половине (погр. 67б). В одном случае (погр. 69) скелет занимал северную половину ямы, а вещи находились вокруг него, в другом (погр. 24) погребенный лежал в южной половине ямы, а глиняные сосуды располагались в северной ее части.

Большая часть неграбленных могил содержит разнообразный сопровождающий ин-

погребенных. Из-за разграбленности и плохой сохранности большинства могил нам не удалось выявить предметов приношения, за исключением керамики. Поэтому при определении богатства могил на Джаркутане не играет существенной роли наличие в могилах изделий из бронзы. Например, в погребении 6 найдены бронзовые серьги и только три глиняных сосуда, в погребении 26 — шило и со-

Рис. 24. Джаркутан, погребение 48

вентарь. Основную его массу составляет керамика. В могилу обычно ставилось от одного до шести глиняных сосудов с пищей. В некоторых погребениях встречены бусы из благородных камней (погр. 29, 45, 46, 69, 114, 115) и предметы из бронзы: орудия труда и быта, украшения. Бронзовые изделия найдены в 18 погребениях. В большинстве случаев это железные могилы (погр. 6, 21, 24, 25, 29, 38, 45, 46, 48, 69, 110, 114, 115, 139, 141). В двух мужских погребениях (погр. 73, 93) обнаружены ножевидная пластинка, нож и обкладка от ножа. В одном случае (погр. 26) пол погребенного установить не удалось.

Женские могилы, как всегда, богаты украшениями: бронзовыми браслетами, височными кольцами, бронзовыми шпильками, каменными бусами различной формы, предметами быта — иголками, шильями, спицами и т. п., в мужских могилах найдены вотинные ножи.

Эти изделия, как нам кажется, в основном являлись предметами личной собственности

суд, в погребении 38 — две серьги и три сосуда, в погребении 110 — обломки браслета и два сосуда и т. п.

Вместе с тем встречались погребения, где при отсутствии металлических предметов найдено большое количество глиняных сосудов, в которых сорочиды умерших во время похорон преподносили пищу. К таким погребениям можно отнести погребения 67б (11 сосудов), 78 (8 сосудов), 142 (13 сосудов) и др. Целая группа могил (погр. 24, 29, 45, 48, 69, 71, 93, 114, 115) содержала и бронзовые изделия, и обильный комплекс глиняной посуды (от 8 до 29 сосудов). Это — категория «богатых» могил. Необходимо подчеркнуть, что богатство могил здесь определяется наличием в них металлических предметов и большим числом глиняных сосудов. Возможно, что большое число глиняных сосудов в отдельных могилах зависело от возраста погребенных и их общественного положения.

Одним из важных элементов погребального ритуала являлось жертвоприношение животных. При раскопках ранней группы могил Джаркутана в трех погребениях (погр. 69, 114, 115) зафиксировано наличие костей животных около черепа умерших, иногда — в сосудах. Обычно в могилу клали одну лопатку, несколько ребер и задние ноги животных. Все погребения с остатками костей животных принадле-

жали погребальной камерой могилы. Небольшая глубина обнажения контуров могил говорит о значительном разрушении верхних горизонтов грунтового могильника.

Во всех без исключения могилах произведены одиночные захоронения.

Сорок могил были ограблены еще в древности. Погребальный инвентарь и скелеты погребенных раздавлены и разбросаны по всей

Рис. 25. Джаркутан, погребение 25

жат к богатым могилам, в них обычно было большое число бронзовых предметов и глиняных сосудов.

Таким образом, по конструкции и погребальному инвентарю могилы раннего Джаркутана в общих чертах сходны с погребениями в Сапаллитепе, хотя и несколько отличаются от них.

Выше отмечалось, что из общего числа вскрытых могил 61 погребение относится к поздней группе захоронений. Из них в восьми могилах (погр. 54, 56, 57, 85, 87, 105, 108, 137) погребальный инвентарь отсутствует, но ориентировка погребальной камеры и положение скелетов аналогичны с теми могилами, в которых имеются сопровождающие покойника вещи.

Могилы находились на разной глубине: от 40 см до 2 м от дневной поверхности. Наличие захоронений устанавливалось по могильным пятнам, выявлявшимся на глубине 20—60 см от дневной поверхности. Часто эти пятна ока-

заны погребальной камерой могилы. Лишь 21 могила сохранилась полностью (табл. XIV), из них в девяти могилах (погр. 34, 41, 42, 51, 55, 68, 70, 87, 138) скелеты потревожены в разной степени, а погребальный инвентарь пострадал мало.

В шести могилах (погр. 3, 7а, 23, 27, 49, 82) вещи не были разграблены. Одна могила (погр. 32) с трупосожжением и пять кенотафных захоронений (погр. 8, 15, 36, 101, 122) также не подверглись ограблению (рис. 27—28).

Скелеты в неограбленных могилах лежали на боку в скорченном положении, головой на запад или на восток. Точную ориентировку и положение погребенных удалось установить лишь в 14 случаях.

В трех случаях в нетревоженных могилах умершие лежали головой на восток (погр. 34, 82, 87), а в шести — на запад (погр. 3, 7а, 27, 41, 51, 68), в трех — на юг (погр. 42, 49, 138), а в двух — на юго-запад (погр. 23, 70).

Рис. 26. Джаркутан, погребение 29

Рис. 27. Джаркутан, погребение 15

Исходя из приведенных данных, можно констатировать, что западная ориентация скелетов является господствующей для могил позднего Джаркутана.

Устройство могил, возможно, было катакомбное (рис. 29). Однако своды большинства катакомб оказались разрушенными, поэтому

Иногда сосуды окружали самого погребенного. При этом скелет занимал центр камеры.

По данным Т. К. Ходжайова и Х. Халилова, 47 могил принадлежат взрослым мужчинам и женщинам, восемь могил (погр. 28, 51, 63, 64, 66а, 70, 107, 112) — детям, в том числе три погребения (погр. 63, 107, 112) — грудным детям.

Рис. 28. Джаркутан, погребение 23

восстановить полную конструкцию могил удавалось очень редко. Из 61 могилы в 15 случаях установлено устройство катакомбы (погр. 7а, 23, 27, 34, 42, 51, 61, 62, 63, 66а, 66б, 68, 107, 138, 140). Не исключена возможность наличия здесь и ямных захоронений.

Скелеты обычно лежали под одной из стен ямы, подальше от входного отверстия. Глиняные сосуды ставились часто около черепа, напротив его лицевой части, или в области ног.

В пяти могилах (погр. 8, 15, 36, 101, 122) зафиксированы кенотафные захоронения. Обычно они не отличаются от остальных могил, в них находилось по несколько глиняных сосудов и в двух случаях — предметы из бронзы. Расположение сосудов в кенотафных захоронениях разное. Так, в кенотафном погребении 8 в северо-западной части ямы стояли семь глиняных сосудов и одно пряслице из мрамора, а остальная площадь могилы была неза-

полненной. В погребении 15 в южной половине ямы стояли шесть глиняных сосудов. Под северной ее стенкой находилась еще одна ваза с костями животных внутри. Центральная часть ямы пустовала. В погребении 36 найдены семь глиняных сосудов и бронзовый нож. Здесь погребальный инвентарь занимал южную часть ямы, небольшой участок в северной ее части оставался пустым (рис. 30).

В кенотафной могиле 101 глиняные сосуды

пом углу была пристроенная яма размерами 50×55 см, в северо-восточной части которой на глубине 43 см обнялся сырцовый кирпич с земляным пятном. Юго-западная часть ямы заполнена фрагментами керамики, обгорелыми человеческими костями.

Все скелеты лежали на боку в скорченном положении, женщины — на левом, мужчины — на правом боку. В большинстве могил наличествовал погребальный инвентарь. Как правило,

Рис. 29. Дзаркутан, погребение 42

занимали почти всю центральную часть ямы. Здесь в одном месте поставлены восемь глиняных сосудов различных форм. В погребении 122 вещи, сопровождавшие отсутствующего покойника, расставлены в южной части ямы, а значительная часть в центре и с северной стороны могилы осталась незаполненной. В могиле стояли шесть глиняных сосудов малых размеров. Между сосудами лежал однолезвийный вотивный нож с коротким клинком.

Все захоронения производились с соблюдением обряда трупоположения, только в одном случае (погр. 32) встречено трупосожжение. Могильная яма погребения 32 в плане прямоугольная (140×100 см), вытянутая с северо-востока на юго-запад. На глубине 40 см от бортика в середине ямы находились шесть глиняных сосудов — миска, два горшка биконической формы, ваза, кувшинообразный и вытянутый горшки. На площади ямы остатков костей не обнаружено. Однако в юго-восточ-

ных могилах встречается от одного до шести глиняных сосудов. Имеются захоронения с большим количеством керамики и металлических предметов: в погребении 36 находились семь глиняных сосудов и бронзовая «бритва» или сапожный нож. В могилах 42, 101, 107 найдено по восемь глиняных сосудов, в могиле 75 стояли 9 сосудов, в погребении 41 обнаружены 11 сосудов и бронзовая чаша. Самым богатым оказалось погребение 49, где умершего сопровождали 16 глиняных сосудов и семь бронзовых предметов.

В 15 погребениях встречались различные бронзовые изделия: ножи, бритвы, браслеты, булавки, шпиль, серьги, спицы, лопаточки. В одном случае (погр. 112) найдена золотая серьга. В двух могилах (погр. 23, 34) встречались каменные бусы. Но при всем этом могилы позднего Дзаркутана по составу и количеству погребального инвентаря гораздо беднее могил раннего Дзаркутана. Бронзовые

Рис. 30. Джаркутан, погребение 36

изделия чаще всего мелкие, во фрагментах. В двух случаях (погр. 8, 22) в женских могилах встречались каменные пряслища.

Мужские могилы богаче женских погребальным инвентарем: из семи «богатых» могил в пяти оказались погребения мужчин, а из 15 могил, где были обнаружены бронзовые предметы, лишь семь захоронений принадлежали женщинам.

При раскопках четырех могил (погр. 15, 34, 62, 67) обнаружены кости мелкого рогатого скота — жертвоприношения, причем в могилу клались определенные части молодого барана — лопатка, задние ноги и несколько ребер.

Таким образом, исследования могильника Джаркутан показали, что обряд захоронения как раннего, так и позднего этапов был одинаков, одинаково и устройство грунтовых могил.

Захоронение умерших в скорченном положении на боку (женщины — на левом, мужчины — на правом) является общим для могил обоих периодов. Единственное отличие здесь прослеживается лишь в ориентировке погребенных. Для раннего Джаркутана характерны северо-западная и северная ориентации, для позднего Джаркутана — преимущественно западная и восточная ориентации. Расположение скелетов и погребального инвентаря в могилах раннего Джаркутана производилось в строгом соответствии с требованиями ритуалов. На позднем этапе древние традиции уже нарушаются.

Наиболее существенно различие в керамическом материале и в наборе погребального инвентаря, что позволило наметить хронологическую разновременность могильника Джаркутан.

Поселение и могильники Бустан

В 1974 г. во время маршрутной разведки по правому берегу сухого русла Бустанская на территории колхоза им. В. И. Ленина Шерабадского района нами открыты поселение и четыре могильника — Бустан 1—5. Памятники разбросаны на естественных холмах вдоль русла сая на протяжении более 5 км. По внешнему виду они ничем не отличаются друг от друга, значительная поверхность их выветрена.

На поселении собран подъемный материал — керамика и каменные изделия. Могилы вскрывались только на незначительной площади могильника Бустан 3, где было обнаружено 38 погребений.

Могильник Бустан 1 расположен на трех естественных возвышенностях в 2 км к северу от поселения Джаркутан. Поверхность могильника покрыта густой растительно-

стью, поэтому здесь не видны углубления, свидетельствующие о наличии грунтового могильника. Кроме того, значительную площадь его занимают бахчевые поля. Через могильник проходит водосборный арык, который, прорыв каньон двухметровой глубины, местами разрушил древние захоронения. В четырех местах в разрезе арыка на глубине 1,0—1,5 м сохранились полуразрушенные остатки могил со скорченными костями, сопровождавшимися несколькими глиняными сосудами позднеджаркутанского облика (см. табл. LXII). Ориентировка скелетов преимущественно западная. По нашим подсчетам, арык на протяжении около 100 м разрушил 12 могил.

Могильник Бустан 2 находится в 2 км к юго-западу от Бустана 1. На поверхности двух овальных холмов площадью более 1 га четко прослеживаются многочисленные углубления — явные признаки древних захоронений. Рядом с могильником образовалось современное кладбище, которое частично захватывает площадь древнего могильника. Об этом свидетельствуют фрагменты керамики позднеджаркутанского времени на насыпях отдельных современных могил.

Могильник Бустан 3 занимает два небольших холмика в 1 км к югу от Бустана 2. Площадь могильника около 0,4 га. На его поверхности четко видны многочисленные углубления от древних захоронений. Весной 1974 г. мы произвели здесь раскопки, во время которых вскрыто 38 могил с керамикой позднеджаркутанского облика.

Из 38 вскрытых погребений 24 (погр. 1—8, 10, 11, 13, 15, 16, 18, 21—24, 26, 28, 29, 31, 34, 37) по устройству могил относятся к ямным захоронениям, 13 могил (погр. 9, 12, 14, 17, 19, 20, 25, 27, 30, 32, 33, 35, 36) — к каткомбным и одна (погр. 38) — к подбойному типу.

Большинство могил ограблено, скелеты сильно потревожены, часть костей выброшена из ям, мелкие позвонковые обломки костей погребенных находились на разных уровнях ям, поэтому установить анатомический порядок скелетов трудно. Лишь в шести могилах (погр. 1, 2, 9, 12, 18, 35) представилась возможность судить о положении погребенных: покойники лежали на боку в скорченном положении. Даже из этих шести могил четыре (погр. 1, 2, 12, 18) пострадали от грабителей, скелеты в них были потревожены частично. За исключением шести (погр. 9, 14, 22, 26, 35, 38), все погребения оказались потревоженными, из них две могилы (погр. 14, 22) — кенотафные захоронения.

В двух могилах (погр. 26, 38) не было следов не только скелетов, но и погребального инвентаря. Погребальный инвентарь отсутствовал во многих могилах (погр. 1, 6—8, 18, 20, 26, 34—36), а если он и был, то сохранился исключительно во фрагментах керамики. Только в трех могилах (погр. 9, 14, 22) сосуды дошли до нас археологически целыми. В двух могилах (погр. 23, 33) найдены бронзовые предметы, в одном случае (погр. 19) — кости животного, одно захоронение — с трупосожжением (погр. 16).

Ориентация скелетов неустойчивая. Из шести погребений, в которых сохранился анатомический порядок скелетов, южная ориентация скелетов встречается один раз (погр. 1), юго-западная — два (погр. 2, 35), юго-восточная — один (погр. 12), восточная — один (погр. 9) и западная ориентация — один раз (погр. 18).

Погребальные ямы в большинстве ориентированы с северо-запада на юго-восток (11 погребений), 10 ям ориентированы с северо-востока на юго-запад, с севера на юг ориентированы 9 погребений, с запада на восток 8 погребений. Так как могилы были ограблены и сохранились плохо, установить в целом закономерность расположения скелетов и погребального инвентаря в могилах было трудно. Лишь в отдельных случаях наблюдалось, что скорченный скелет лежал на правом боку в середине ямы (погр. 9), у головы и ног погребенного стояло по одной миске. В кенотафном погребении 14 три сосуда стояли в северо-восточном углу погребальной камеры, со стороны входной ямы, а четвертый — в середине ямы. В другой кенотафной могиле (погр. 22) все три сосуда находились в южном углу ямы.

Среди вскрытых могил нет ни одного захоронения с богатым инвентарем, ибо богатые могилы были ограблены начисто. Раскопки могильника продолжаются, поэтому мы ограничиваемся лишь описанием материалов для характеристики комплекса в целом.

Поселение Бустан 4 расположено рядом с могильником Бустан 3 на двух плоских холмах общей площадью более 0,5 га. Поверхность поселения лишена растительности и представляет собой такыровидную площадку. На площади холмов встречаются фрагменты керамики, обломки каменных орудий и костей животных позднеджаркутанского облика. Один из холмов поселения распахан под бахчевые культуры.

Могильник Бустан 5 находится в 1 км к югу от поселения и занимает три небольших холма.

ка общей площадью более 1 га. На поверхности грунтового могильника четко прослеживаются многочисленные углубления, свидетельствующие о наличии здесь древних захоронений. На площади могильника встречаются фрагменты керамики позднеджаркутанского облика, видимо, из разрушенных

могил. Разведочные раскопки здесь еще не производились.

Дальнейшее стационарное изучение новых памятников времени позднего Джаркутана в районе Бустанса, несомненно, даст много интересных материалов для характеристики племен позднего этапа культуры Саллалы.

Поселение и могильник Молали

В 1970 г. археолог Б. Тургунов открыл на правом берегу основного русла Кызылтая, одного из дельтовых ответвлений реки Ходжаипака в землях колхоза им. К. Маркса Шурчинского района Сурхандарьинской области поселение Молали с одноименным грунтовым могильником (Белева, Хакимов, 1973, с. 40—43). Раскопки на поселении еще не производились.

Поселение расположено на нескольких всхолмленных, раскинутых вдоль сая на площади более 1 га. По внешнему виду трудно определить и представить наличие здесь поселения, так как остатки материальной культуры — орудия труда, фрагменты керамики, свидетельствующие о жизни первобытного человека, были сильно задернованы наложениями последующих периодов мощностью 50—60 см.

Территория поселения местами смыта водой, образовались ложбинки, овраги и промоины, в которых встречается значительное количество фрагментов керамики из разрушенного слоя поселения. Остатки культурного слоя и глубокие ямы с четко очерченными краями глубиной иногда 3 м прослеживаются и в обрыве русла сая. Ямы заполнены мощным слоем золы и фрагментами керамики. На протяжении более 200 м в разрезе обрыва не намечается остатков каких-либо строений. Лишь на одном участке были обнаружены остатки керамической печи с сильно ошлакованной внутренней поверхностью обжигательной камеры.

Крутые обрывы позволяют четко проследить залегание культурных остатков и изучить микротопографическую ситуацию поселения. Мощность культурного слоя не более 1 м. Судя по микротопографии, поселение обжито неравномерно, оно состояло из отдельных, сравнительно близко расположенных друг к другу, групп домов. С северной стороны поселение обнесено стеной — здесь на 30—40 м прослеживаются сильно оплав-

шие остатки вала. С востока оно опирается в русло сая. За валом следует широкая пологая ложбина, далее расположен небольшой холмик, на поверхности которого заметны небольшие овальные и круглые углубления, видимо, следы древних захоронений.

Могильник Молали находится в 1 км к юго-западу от поселения. Этот небольшой бугор естественного происхождения сивелирован при прокладке дороги. Здесь были зафиксированы всего семь могил, находившихся под двухметровой толщей десса.

Часть могил (погр. 1, 7) имела прямоугольную форму, другая (погр. 4, 6) — овальную. В трех случаях (погр. 2, 3, 5) форму могил и ориентировку скелетов установить не удалось, так как захоронения были разрушены, скелеты раздавлены и разбросаны по всей площади ямы, а сопровождающие покойников вещи находились во фрагментах. Скелеты лежали на боку в скорченном положении головой на северо-восток (погр. 1, 4) и на восток (погр. 6). В погребении 7 скелет лежал в вытянутом положении головой на юг, лицом на запад. При скелетах находились два-четыре глиняных сосуда, поставленных в основном у головы погребенного, а иногда у его ног.

Погребальный инвентарь состоял из керамики, бронзовых изделий (зеркало с ручкой), встречались бусинки из золота.

Основную массу погребального инвентаря составлял керамика, представленная несколькими вазами на высоких ножках, кувшинами с подкошенной нижней частью тулова, стройными горшками на поддоне, чашами, мисками, цилиндрическими чашами и т. д.

Комплекс керамики могильника Молали аналогичен керамике одноименного поселения и составляет единый археологический комплекс с синхронными памятниками Шерабадского оазиса — поселением и могильником Джаркутана.

ГЛАВА III. ВЕЩЕВОЙ ИНВЕНТАРЬ КУЛЬТУРЫ САПАЛЛИ И РАЗДЕЛЕНИЕ ЕЕ НА ЭТАПЫ

Богатый археологический материал, полученный из разных памятников культуры Сапалли, четко характеризует ее в целом. Вместе с тем стратиграфия объектов, детальный анализ и классификация археологических находок позволяют поставить вопросы разделения ее на этапы.

Типологическая классификация археологических материалов и стратиграфия памятников показали, что материалы, полученные из двух нижних строительных горизонтов поселения Сапаллитепа, представляют ранний этап культуры, названный нами сапаллинским. Материалы верхнего слоя Сапаллитепа и раннего Джаркутана составляют следующий — джаркутанский этап культуры Сапалли. Для характеристики комплексов завершающего этапа культуры Сапалли получен материал из поздней группы могил могильника Джаркутан, из могильников Бустан и Молали, а также из соответствующих слоев поселения Джаркутан и других объектов (рис. 31).

Выделение хронологических периодов в культуре Сапалли стало возможным после открытия и исследования поселения и могильников Джаркутан и Бустан. Так, при раскопках грунтового могильника Джаркутан на одном поле были вскрыты 149 захоронений. Сопровождающий инвентарь одних могил четко отличался от погребального комплекса других захоронений, причем набор погребального комплекса части захоронений, особенно керамика, имел много общего с комплексом Сапаллитепа, а другой части — с материалами могильника Молали (*Беляева, Хакимов, 1973, рис. 8—11*) и поселения Тахирбай 3 Мургабского оазиса (*В. Массон, 1959, табл. V—VII, IX, X*).

В свое время, когда еще не был открыт комплекс памятников на Джаркутане, нами было предложено отнести могильник Молали к позднему этапу культуры Сапалли, и он был назван молалинским (*Аскаров, 1973а,*

с. 125—126). Кроме того, при публикации материалов первых двух лет раскопок поселения Сапаллитепа мы отмечали, что верхние слои поселения и отдельные его могилы (погр. 35, 40) дают несколько отличный материал. Так, горшкообразные хумчи с высоким прямым горлом, цилиндрические чаши типа банок, лепные полусферические миски четко отличались от общей категории сосудов нижних строительных горизонтов.

Отсутствие памятника промежуточного периода между Сапалли и Молали не позволило хронологически расчленить материалы Сапаллитепа на два этапа. Как уже отмечалось, это стало возможным только после открытия поселения и могильников Джаркутан. Разновременность материалов могильников Джаркутан получила свое подтверждение и в стратиграфии могил. Так, при раскопках в ряде случаев наблюдалось, что могилы с материалами, аналогичными тахирбайскому и молалинскому типу, затрагивали часть ям ранних захоронений с комплексом сапаллинского облика или при вскрытии могил позднего времени разрушались могилы более ранних периодов.

В могильнике Джаркутан раскопано большое число могил как раннего, так и позднего этапов, но ни в одном случае не было зафиксировано могил со смешанным материалом двух периодов. На площади могильника Бустан 3 вскрыто 38 могил с погребальным комплексом только молалинского этапа. Все это говорит о том, что археологический комплекс этих памятников, с одной стороны, характеризует культуру Сапалли в целом, а с другой — позволяет проследить этапы развития культуры в пределах трех хронологических отрезков времени.

Стратиграфический материал получен и при шурфовке крепости поселения Джаркутан. Стратиграфический шурф, заложенный в дворовой части какого-то здания, дал смешанный материал, но в нижней части

шурфа, где культурный слой не нарушен поздней ямой, преобладает керамика ранне-джаркутанского облика.

Хронологическое членение культуры Сапалли в некоторой степени выявляется и в обряде захоронения и ориентировках погребенных, о чем более детально говорилось в предыдущей главе. Избегая излишних повторений, отмечаем лишь, что в сапаллинском этапе скелеты погребенных занимают исключительно северо-западную часть ямы, а сопровождающие покойника вещи находятся в основном в восточной и юго-восточной частях камеры. Встречаются захоронения в хумах (погр. 14, 22, 55), а в кушинах (погр. 10, 37, 43, 51, 58, 79, 91). Господствующая ориентация скелетов — северная. В жаркутанском же этапе, наряду с продолжением традиции предыдущего этапа, намечается целый ряд отклонений: могильник здесь выходит за пределы поселения, тогда как в сапаллинском этапе могильник остается еще в поселении, стала чаще встречаться северо-восточная и северо-западная ориентация скелетов. Погребенные обычно занимали северную половину ямы, а вещи — южную. В жаркутанском этапе не встречены захоронения в хумах и кушинах.

Обряд захоронения молалинского периода продолжает основную традицию предшествующих этапов. Наряду с этим появляются и новые элементы обряда, характерные для завершающего этапа. Теперь западная и восточная ориентация скелетов становится господствующей. Нет ни одного случая северной, северо-западной и северо-восточной ориентировки скелетов. Появляются трупосожжения, чего не было раньше. Размещение скелетов и сосудов в ямах неустойчивое.

Погребальный инвентарь могил сапаллинского и жаркутанского этапов довольно многочисленный, иногда число предметов доходит до 50, в том числе около 30 глиняных сосудов. В могилах молалинского этапа такого изобилия вещей не наблюдается — сосудов значительно меньше. Бронзовые орудия труда из могил молалинского этапа исключительно вотивные, в то время как погребения Сапалли и Жаркутана содержат немало бытовых и производственных орудий труда и боевое оружие.

Членение на хронологические этапы культуры Сапалли особенно четко прослеживается на керамике. Типологический анализ глиняных сосудов сапаллинского, жаркутанского и молалинского этапов показал, что керамика этих этапов имела не только много общего, но и значительно различалась. По тол-

кости изготовления и правильности пропорций сапаллинская керамика превосходит жаркутанскую, а по разнообразию форм и вариантов — молалинскую. Керамика жаркутанского этапа, в сравнении с керамикой Сапалли, более грубая. Цвет керамики часто красновато-розовый, черепок хрупкий. Сосуды массивные, тяжелые, толстостенные, намечается грубоватая технология гончарного круга. Вся посуда — хорошего обжига.

Жаркутанская керамика имеет ряд специфических черт. Так, большие тазики (тагора) конической формы с вогнутой придонной частью в материалах жаркутанского этапа почти отсутствуют. В комплексе раннего Жаркутана нет горшкообразных чаш со сливами, столь характерных для керамики Сапалли. Почти исчезают чайники с трубчатым носиком, а если они иногда и встречаются, то с более усеченной придонной частью, сферическим плечиком, четко выделенным горлом. Сероглиняные вазы на поддоне с вогнутой придонной частью, типичные для керамики Сапалли, в этот период отсутствуют вообще.

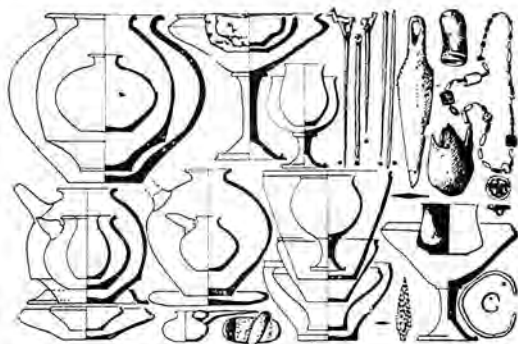
Сильно видоизменились вазы на высоких ножках, конические чаши, кубки на высоких ножках, горшкообразные хумчи, чайники и др. Вазы на ножках с открытым венчиком времени Сапалли в период Жаркутана становятся более стройными: ствол ножки довольно высокой, тонкий, а резервуар более открытый. Дальнейшее развитие получили приземистые вазы на высоких ножках с глубоким коническим резервуаром, увеличилось число неглубоких ваз.

Конические чаши с широко открытым венчиком и узким плоским дном времени Сапалли становятся широкодонными, устье суживается, форма сосуда постепенно приближается к цилиндрической. Кубки на высоких ножках с горшкообразным резервуаром, иногда биконической формы, времени Сапалли в период Жаркутана становятся значительно крупнее, округлыми, у некоторых сосудов сильно суживается верхняя часть резервуара. Появляются новые формы: миски, цилиндрические банки, чайники с коротким клювовидным желобчатым носиком, чаши со сливчатым носиком и т. д.

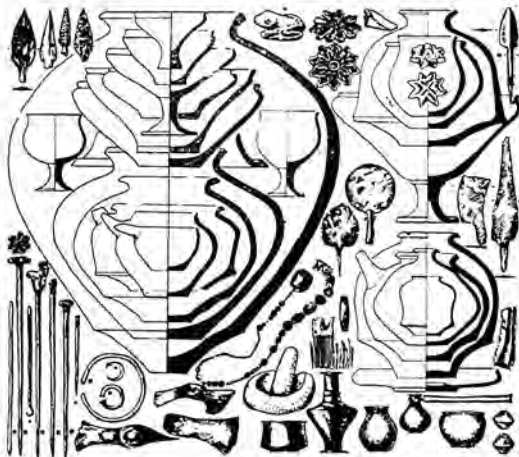
Классификация керамики и анализ ее форм показывают, что многие типы керамики жаркутанского этапа являются прямым продолжением традиций сапаллинского этапа, это свидетельствует о генетическом их родстве.

Исчезновение старых и появление новых форм сосудов, видоизменения, происшед-

Джаркутанский этап (1500-1350 гг. до н.э.)

Сапаллинский этап (1700-1500 гг. до н.э.)

шие в формах некоторых сосудов, указывают на непрерывность развития культуры, результатом которого является выделение джаркутанского периода.

Молалинский комплекс рассматривается нами как завершающий этап культуры Сапалли.

Если керамические материалы, предшествующие двум периодам, во много сходны, то комплекс молалинского этапа отличается по всем типам керамики. Гончарная керамика исключительно высокого качества обжигается. Поверхность сосудов обычно гладкая, часто покрыта слоем белого ангоба, имеется ряд сосудов темно-красного ангоба, иногда с

Молалинский этап (1350-1000 гг. до н.э.)

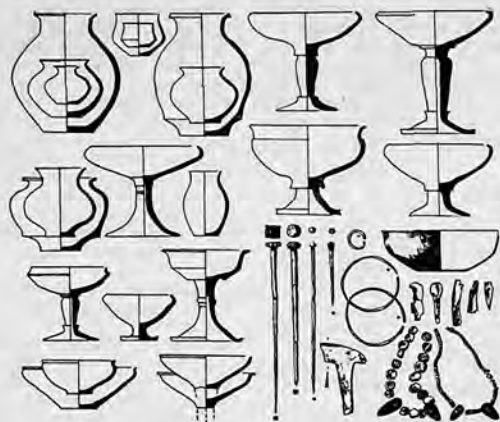

Рис. 31. Хронологическая таблица комплексов культуры Сапалли

зеленоватым оттенком по поверхности черепка. Количество типов керамики и их вариантов, по сравнению с предшествующими периодами, ограничено. Но необходимо отметить, что на примере молалинских глиняных сосудов можно наблюдать дальнейшее усовершенствование гончарного производства культуры Сапалли в целом.

Сравнение каждой категории сосудов с соответствующими типами предыдущих этапов дает следующую картину.

Типы и варианты ваз джаркутанского этапа количественно ограничены — состоят из двух вариантов, молалинские вазы представлены шестью типами. Только первый тип ваз молалинского периода имеет пять вариантов. Вазы комплекса Молали по оформлению резервуара, ножке и их оснований четко отличаются от ваз предшествующих этапов, они представлены и на высоких блясинообразных, и на низких массивных ножках. Все вазы на блясилах покрыты белым ангобом, характерным только для ваз молалинского этапа.

Крышки молалинского этапа с некоторыми видоизменениями продолжают форму анало-

гичных сосудов комплекса предыдущего периода, только стали более стройными, узкими и мелкими. Эти сосуды обычно покрыты белым ангобом. Горшки молалинского этапа более мелкие, разнообразные и уже других форм. Большая часть горшков покрыта белым ангобом.

Кувшины молалинского периода высокие, с прямым горлом, на плечиках многих сосудов нанесены параллельные горизонтальные линии. Часть кувшинов покрыта белым ангобом. Миски, только начавшиеся изготавливаться в период Джаркутана, в молалинский период производились очень широко.

В целом количество форм и вариантов глиняных сосудов молалинского этапа значительно меньше, чем в керамике предыдущих двух периодов. Сосуды стандартные и имеют более четкие отличия, чем сходство, особенно в формах.

Хронологическое членение культуры Сапалли на три этапа можно проследить и по другому инвентарю, который будет анализироваться далее в процессе классификации всего вещевого инвентаря культуры по этапам.

Сапаллинский этап и его материалы

Археологические материалы сапаллинского этапа исключительно богаты и разнообразны — это керамика, орудия, труда, оружие, туалетные принадлежности и украшения, предметы культового назначения и т. д. Часть материалов уже получила предварительное освещение в печати (Аскаров, 1971, с. 40—43; 1973а; 1974, с. 26—32). Однако в ходе дальнейших раскопок поселения найдены обильный дополнительный материал.

Керамика

Керамика получена исключительно из культурных слоев поселения и могил Сапаллентепа. Количественно она составляет громадный материал, детальная классификация которого по типам и вариантам требует специального исследования. Поэтому мы ограничимся лишь классификацией по категориям, что позволяет получить полное представление в целом о керамике раннего этапа культуры Сапалли.

По техническим признакам всю керамику можно разделить на лепную и гончарную. Лепной посуде относительно мало — это массивные плоские сковородки, толстостенные большие хумообразные котлы и т. д. Тесто сосудов с примесью дресвы, поверхность сильно закопчена.

Основную массу сосудов составляет гончарная керамика, изготовленная из тщательно обработанной эластичной глины без каких-либо дополнительных примесей. Все сосуды хорошо обожжены. У значительной группы сосудов на поверхности сохранились следы ангоба, потеков и дощениа. Это — хумчи (табл. XIX, 1, 2, 4—7), конические чаши, кубки и вазы (табл. XV, 3, 4, 7, 8; XVI, 7, 8, 12, 15, 16; XVIII, 2, 5—8, 17, 18). Вся керамика с дощением — розовато-красного и темно-красного цвета, остальные столовые и парадные сосуды — бледно-розовые, зеленовато-белые. На дне конических чаш на узком плоском поддоне и чайников наблюдаются следы среза при помощи нитки.

Все сосуды — без наружных украшений. Однако на поверхности большой группы кувшинов крупных размеров, отдельных кольцевых подставок и чайников имеются знаки мастеров в виде крестов, полуovalов, oвалов, схематических рисунков сердца, узоров в виде буквы «А» и др. (табл. XXI, 13; XXII, 12). Иногда знаки встречаются и на поверхности кольцевых поддонов (Аскаров,

1973а, рис. 36). Эти знаки наносились небрежно тупым или острым инструментом по сырой глине.

Среди обилия форм гончарной керамики выделяется группа сосудов, изготовленных из серой глины. Это — вазы на поддоне, чайники с длинным трубчатым носиком, шаровидные кувшины с узким горлом, чаши со сливом и т. д. (табл. XV, 13—15; XX, 10; XXIII, 3, 4, 7; XXII, 4).

При полном отсутствии орнаментации гончарная керамика делится на вазы и кубки, хумы и кувшины, чайники и горшки, чаши и газики и т. д. Каждая категория сосудов, в свою очередь, подразделяется на типы. Некоторые типы сосудов разделяются на варианты.

1. Вазы представлены двумя типами: 1) на высоких ножках; 2) на кольцевых поддонах.

Первый тип, как основная форма, составляет более 95% от общего числа керамики Сапалли. Вазы на высоких ножках (высота 24—32 см, диаметр 24—36 см) подразделяются на два варианта. Вазы первого варианта имеют глубокий конический резервуар и относительно низкую ножку. Верхняя часть резервуара резко загнута внутрь, а заостренный бортик отогнут наружу (рис. 32, 1—1), поэтому они названы вазами с открытыми резервуарами (табл. XV, 1—12). У ваз второго варианта коническая чаша несколько глубже, ножка низкая, верхняя часть резервуара округло загнута внутрь, край бортика тупой или срезающий прямо (рис. 32, 1—16). По профилю венчика они условно названы вазами с закрытыми резервуарами (табл. XVI, 1, 2, 5, 6, 10, 11, 17).

Вогнутое основание ножки по бортику обоих вариантов в одних случаях завершено выступающим ребром по краю, в других — округло приподнято, в третьих — вогнуто приподнято и завернуто вовнутрь. Основание ножки второго варианта ваз более широкое, ствол ножки сравнительно короткий, что придает вазам приземистый вид. Среди ваз на высоких ножках встречена небольшая серия (15 экз.) идентичных форм (рис. 32, 1—1а, б), но меньших размеров (высота 15—16 см, диаметр резервуара 17—18 см).

Вазы на кольцевом поддоне (рис. 32, 1—2) представлены всего 12 экземплярами (табл. XV, 13—16), обнаруженными в катакомбных погребениях первых двух строительных горизонтов Сапаллентепа. В основ-

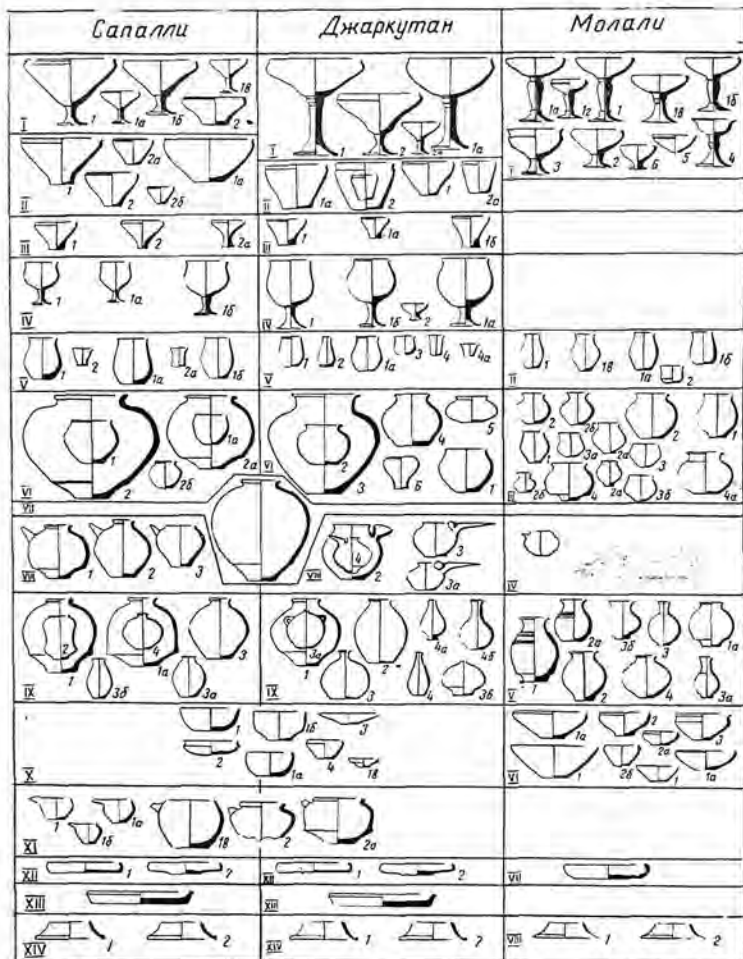

Рис. 32. Хронологическая классификация керамики культуры Сапалли

ном они изготовлены из серой глины и хорошо обожжены. Внутренняя и внешняя поверхности сосудов залощены до зеркального блеска. Сосуд имеет широкий открытый бортик, верхняя часть резервуара загнута внутрь и отогнута наружу. Придонная часть вазы вогнута, расширяющаяся плоский кольцевой поддон имеет следы среза ниткой. Размеры ваз стандартные (высота 10—11 см, диаметр венчика 28 см), черепок в изломе розовато-красного цвета.

II. Кониусовидные сосуды представлены двумя типами: 1) тазики (тагора); 2) чаши.

Тазики большие и глубокие (рис. 32, II—1), с широким открытым бортиком и вогнутым профилем в придонной части (табл. XVII, 1—8, 16). Бортик слегка отогнут, при переходе от корпуса к краю венчика иногда образовывался небольшой желобок. Среди тагора выделяется небольшая серия сосудов полусферического типа с затупленным краем бортика (рис. 32, II—1а; табл. XVII, 9—12), составляющая около 5% от общего числа тазиков.

Чаши — конической формы, с открытым устьем, надломленным бортиком и узким плоским дном (рис. 32, II—2, 2а; табл. XVIII, 1—18). На дне многих чаш в процессе вращения круга образовались концентрические линии. Край венчика заостренный, прямой, слегка утонченный. Вдоль бортика иногда проходит узкий желобок или небольшой уступчик. На поверхности часто видны следы вертикального полосчатого лощения (табл. XVIII, 2, 5—8, 16, 18). Средняя емкость чаш 2 л. Конические сосуды второго типа составляют основную массу сосудов культуры Санабли.

Среди большого количества глубоких конических сосудов имеются и миниатюрные конические чаши, условно названные нами пшалами (табл. XVIII, 9, 10, 12, 13). По профилю и оформлению венчика они ничем не отличаются от аналогичной керамики больших размеров, но стенки их исключительно тонкие, черепок звонкий. Дно пшал узкое и плоское, бортик широкий и открытый, с заостренным краем надломленного венчика (рис. 32, II—2б). Скорее всего, это детские пшалки, о чем свидетельствует наличие их только в детских погребениях. Большая группа пшал была обнаружена в культурных слоях поселения.

III. Вазообразные чаши представлены двумя типами (рис. 32, III).

Чаши первого типа по форме примыкают к серии конических сосудов, но вогнутая и вытянутая придонная часть чаш позволяет отнести их к категории вазообразных чаш

(табл. XVIII, 1—3, 8). Широкий открытый венчик плавно переходит к сильно суживающемуся высокому дну, что указывает на усовершенствование форм глубоких конических чаш и появление сосудов на кольцевом поддоне (рис. 32, III—1).

Чаши второго типа имеют вазообразную форму, с открытым устьем и надломленным бортиком, на узком кольцевом поддоне (рис. 32, III—2, 2а). Высокая вогнутая придонная часть сосуда в некоторых случаях является как бы поддоном внутри сосуда. Все чаши тонкостенные, стройных пропорций. Число кубкообразных ваз на узком поддоне невелико (14 экз.), обнаружены они только в погребениях (табл. XVII, 13—15).

IV. Кубки на высоких ножках (рис. 32, IV) с горшковидным резервуаром открытого типа представлены несколькими разновидностями.

Небольшую серию составляют кубки со сферо-биконическим резервуаром, слегка отогнутым заостренным краем венчика и профилированным перехватом (рис. 32, IV—1б; табл. XVI, 7, 8, 12, 16). Встречаются кубки с биконическим резервуаром и четко выделенным ребром (рис. 32, IV—1а; табл. XVI, 3, 4). Основную же массу сосудов четвертой категории составляют кубки с округлым резервуаром (рис. 32, IV—1; табл. XVI, 7—9, 13—15). Почти все кубки одинаковых размеров, емкостью до 1 л. Исключение составляет небольшая группа кубков малых размеров (табл. XXII, 19). По оформлению основания ножки кубки всех вариантов имеют несколько разновидностей. Так, у одних кубков вогнутое основание ножки по бортику слегка приподнято-заостренное, у других — плоское. На поверхности значительной части кубков — следы вертикального полосчатого лощения (табл. XVI, 8, 12, 14—16).

V. Кринки представлены двумя типами (рис. 32, V).

Сосуды первого типа — с отогнутым заостренным краем венчика, округло-вытянутым туловом и плоским дном (рис. 32, V—1, 1а, б). Размеры кринок почти одинаковые, высота 11—13 см. Черепок легкий, звонкий, в изломе розоватого или кирпичного цвета (табл. XXIII, 10—17).

Второй тип — миниатюрные цилиндрические кринки с расширяющимися кверху корпусом и развернутым затупленным краем венчика (рис. 32, V—2, 2а). Встречаются экземпляры с широким выделенным дном (рис. 32, V—2), обнаруженные на поселении (табл. XXII, 14—18), в могилах они не встречались.

На дне многих из них сохранились следы концентрических кругов.

VI. Горшки подразделяются на два основных типа (рис. 32, VI).

Первый тип горшков характеризуется широко открытым устьем, сферо-биконическим туловом, отогнутым краем венчика и широким плоским дном (рис. 32, VI—1, 1а; табл. XXII, 9—11). В погребальных комплексах эти горшки встречались очень редко, но на поселении их найдено несколько десятков и среди них — значительное количество миниатюрных горшков с открытым прямым венчиком и сферо-биконическим туловом.

Большую серию составляют крупные горшки второго типа, названные нами «горшкообразными хумча» (Аскаров, 1973а, с. 77). По форме эти сосуды больше соответствуют горшкам со сферическим туловом (рис. 32, VI—2, 2а, б). Горло сосудов широко открыто, тулово сферическое, крючкообразный бортик сильно отогнут, придонная часть скошена (табл. XIX, 1—8). Емкость 15—20 л и более. Поверхность красноангобированная, часто со следами горизонтального лощения по сырой основе (табл. XIX, 1, 2, 5, 7). Встречаются горшки средних и небольших размеров (рис. 32, VI—2б), которые, в отличие от крупных, не имеют скошенную придонную часть (табл. XIX, 9—20).

VII. Хумы вытянуто-овальных форм с раздутым туловом и скошенной придонной частью (рис. 32, VII) встречаются в комплексах керамики как сапаллинского, так и джаркутанского этапов. По форме хумы обоих этапов почти одинаковы. На сапаллинском этапе они иногда использовались как погребальные «саркофаги» для захоронения умерших (погр. 14, 22, 55, 82 и др.).

В поселении хумы обычно стояли у стен комнат, часто рядом с суфой или очагом. В этих случаях придонная часть зарывалась в землю, а верхняя обмазывалась глиной с примесью самана. Емкость самого маленького хума около 40 л, но есть и огромные хумы емкостью до 200 л.

VIII. Чайники без ручки с трубчатым туловом представлены тремя типами (рис. 32, VIII).

Чайники первого типа низкие, со сферическим туловом, сильно отогнутым краем венчика и скошенной придонной частью (рис. 32, VIII—1; табл. XX, 1—5). На поверхности узкой придонной части сосуда — песчаная подсыпка, на плечике — легкой трубчатый носик с суживающимся концом. На плечиках некоторых крупных чайников встречаются знаки мастеров, процарапанные по сырой глине.

Чайники второго типа — меньших размеров, по форме они во многом схожи с чайниками первого типа, но без признаков скошенности (рис. 32, VIII—2; табл. XX, 6—16). Сферическое тулово плавно переходит к плоскому дну. В отдельных случаях край венчика имеет форму затупленного треугольника. Встречены два чайника, изготовленные из серой глины (табл. XX, 10).

Третий тип представлен единичными экземплярами чайников с едва заметным венчиком (табл. XX, 6—8) и конической придонной частью (рис. 32, VIII—3).

IX. Кувшины представлены четырьмя типами (рис. 32, IX). Среди большого разнообразия сосудов кувшины занимают одну из ведущих мест.

Первый тип составляют кувшины с низким слегка выделенным горлом, отогнутым круглым или подтреугольным краем венчика, сферическим или вытянуто-овальным туловом (рис. 32, IX—1). Придонная часть всегда скошена (табл. XXI, 9—11, 13—16). На плечиках многих кувшинов процарапаны знаки мастеров. На поверхности узкой придонной части — песчаная подсыпка. Внутри этого типа выделяется серия кувшинов такого же профиля, но с более четко выделенным горлом (табл. XXI, 5, 10, 12).

Второй тип кувшинов отличается широким горлом, почти незаметным завернутым наружу бортиком и сильно выгнутым профилем тулова (рис. 32, IX—2; табл. XXI, 2—4). Верхняя часть кувшинов выступает округло, а нижняя — биконической формы с заостренным ребром. К этой форме несколько приближаются кувшины со сферическим плечиком, относительно узким низким бортиком и цилиндрической нижней частью корпуса (рис. 32, IX—1а; табл. XXI, 8, 12). Иногда сферическое плечико выступает меньше, а цилиндрическая часть тулова расширена (табл. XXI, 6, 7).

Кувшины третьего типа вытянутые, округлые, с отогнутым краем венчика и плавным переходом от тулова к плоскому дну (рис. 32, IX—3, 3а; табл. XLVII, 1—8).

Среди сосудов этого типа встречаются кувшины яйцевидной формы (рис. 32, IX—3б; табл. XLVII, 9—12). Эта форма кувшинов была ведущей в джаркутанском этапе.

Четвертый тип составляют узкогорлые кувшины с шаровидным туловом и сильно отогнутым заостренным бортиком (рис. 32, IX—4; табл. XXIII, 1—9; XLVIII, 5—7). Узкое, сравнительно высокое горло с сильно отогнутым овально завернутым бортиком и приплюснутое тулово, иногда с выступающим ребром

придают сосуду биконическую форму с катушкообразным венчиком (табл. XXIII, 5). На плечиках некоторых кувшинов процарапаны знаки мастеров в виде овалов, круга, зигзага и т. п. В одном случае знак напоминает полосу змею (табл. XXIII, 2).

Среди шаровидных кувшинов с катушкообразным горлом часто встречаются сосуды, изготовленные из серой глины, которые, в отличие от остальной массы подобных кувшинов, сначала ангоброваны жидкой каолиновой глиной темного цвета, а затем залощены керамическим ножом (табл. XXIII, 7, 9; XLVIII, 6).

Х. Миски подразделяются на четыре типа (рис. 32, X). Встречены они и в Сапаллитепе, и в Джаркутане. Большая часть мисок найдена в слоях и погребениях джаркутанского комплекса, поэтому характеристику и классификацию керамики этой категории мы сочли целесообразным дать в разделе о керамике джаркутанского этапа.

XI. Чаши со славом (рис. 32, XI) подразделяются на два типа.

Первый тип — чаши небольших размеров, напоминающие по форме полусферические (рис. 32, XI—1, Ia, б). Нижняя половина чаши коническая, верхняя характеризуется постепенным сужением округлого края бортика. Основную массу составляют сосуды со сферическим туловом (табл. XXII, 1—8). На поверхности некоторых из них прослеживаются сплошные вертикальные, а иногда горизонтальные следы лощения (табл. XXII, 3, 4, 6).

Встречаются чаши малых размеров, изготовленные из серой глины. Все чаши имеют устья длинной желобчатой, с постепенным сужением конца слива, который прикреплялся до обжига. Имеются чаши и более крупных размеров, которые встречались во фрагментах только на поселении Сапаллитепе (рис. 32, XI—1в).

Чаши второго типа обычно крупных размеров, тулово округло-выступающее с отогнутым наружу венчиком и коротким желобчатым носиком у устья бортика (рис. 32, XI—2, 2а). По профилю придонной части они подразделяются на два варианта: чаши с конической придонной частью (рис. 32, XI—2) и чаши со скошенной придонной частью с опоясывающим ребром (рис. 32, XI—2а). Оба варианта встречались на поселении во фрагментах. Некоторые сосуды употреблялись, видимо, в качестве котлов, о чем свидетельствуют следы закопченности на их поверхности. Обнаружено несколько фрагментов венчиков, вдоль бортика которых сим-

метрично расположены каплеобразные наделенные ушки с вертикальными и сквозными отверстиями для подвешивания.

XII. Плоские блюда в виде подносов или тарелок (рис. 32, XII—1, 2) встречались в основном в комплексе керамики джаркутанского этапа, лишь отдельные экземпляры попадались в поселении Сапаллитепе. Поэтому их характеристика и классификация будет дана в разделе о керамике джаркутанского этапа.

XIII. Сковороды (рис. 32, XIII) встречаются среди керамики всех этапов культуры Сапалли.

XIV. Кольцевые подставки (рис. 32, XIV) также встречаются в керамике всех этапов культуры Сапалли. Нижняя часть подставок намного шире верхней. Верхний бортик обычно срезан, стенка в профиле волнистая (табл. XXII, 12, 13). На поверхности некоторых подставок прочерчены по сырой основе знаки мастеров. В одном случае нанесен знак в виде буквы «Л», а в другом — схематический рисунок сердца (Аскаров, 1973а, рис. 36). Кольцевые подставки предназначались для хумов, кувшинов, больших чайников, крупных горшкообразных корчаг со скошенной придонной частью.

Таким образом, мы выявили 13 категорий, 25 типов и около 50 вариантов керамики, характерных для раннего этапа культуры Сапалли. Исключительное большинство составили сосуды, изготовленные на гончарном круге (95%). Вся гончарная посуда имеет хороший равномерный обжиг, что свидетельствует о большом опыте мастеров-керамистов.

Сосуды из камня и металла

Помимо глиняной посуды в комплексе Сапалли есть большая серия каменных и бронзовых сосудов, обнаруженных в могильнике Сапаллитепе.

Каменные сосуды — миски, чаши и кувшины (9 экз.) — изготовлены из белого или розового мрамора и мергелистого известняка. Найдены они в большинстве среди погребального инвентаря раннего этапа культуры Сапалли. Миски (6 экз.) сделаны из мрамора. Одна миска — полусферической формы с плоским дном (Аскаров, 1973а, табл. 32, 18), пять — с округлым туловом и слегка выступающим венчиком (табл. XXIV, 3, 4, 6; XXV, 4—6). Все миски приземистые.

Особенно интересны два кувшина из мергеля с прямым венчиком, раздутым туловом и плоским дном (табл. XXIV, 1, 2).

Единственным экземпляром представлена коническая чаша с грубо обработанной поверхностью. Необходимо отметить, что все каменные сосуды миниатюрные и, видимо, не употреблялись в быту, так как находили их только среди погребального инвентаря.

Металлические сосуды (29 экз.) более разнообразны по форме. Исключительно все они извлечены из погребений раннего комплекса Сапаллитела.

Большую серию составляют миниатюрные литые графинчики на плоском выступающем дне, с высокой узкой горловниной, широким плоско-отогнутым бортиком и конусовидным туловом (табл. XXV, 1—3, 10—12; XXVI, 1—11). Иногда по узкому горлу прочерчены две или три параллельные линии (табл. XXVI, 2, 5, 8). Встречаются экземпляры со слегка округлым раздутым туловом (табл. XXVI, 11), но основную массу составляют сосуды с широким уступчатым плечиком. В этом варианте от широкого плечика к плоскому дну сосуд резко сужается, в результате чего приобретает форму опрокинутого конуса (табл. XXVI, 1—10). По размерам сосуды одинаковые, высотой 7—10 см. Как показали результаты химического анализа, в сосудах хранился свиной, использовавшийся в качестве сурьмы для бровей.

Вторая группа сосудов состоит из цилиндрикоконических чаш (3 экз.) со слегка вогнутым корпусом (табл. XXVII, 9—11; XXVIII, 5, 6). Край венчика заостренно-отогнутый, плоский, стенки довольно тонкие. Высота сосудов 10—14 см.

Среди бронзовых сосудов имеются пять конических и полусферических чаш со сливом. Конические чаши — с желобчатым сливом (табл. XXVII, 15—17). У полусферической чаши вдоль заостренного прямого бортика выделяется выукло-округлый валик (табл. XXVII, 14).

Следующая группа сосудов — это полусферические чаши с выступающим плоским бортиком и узким дном (5 экз.). Три чаши глубокие (табл. XXVII, 4—6), две — сравнительно мелкие (табл. XXVII, 7, 8). Желобчатый слив отсутствует, по размерам чаши этой группы значительно больше чаш со сливом.

Последнюю группу бронзовых сосудов составляют горшки (3 экз.) с плоским выступающим бортиком (табл. XXVIII, 3, 4; XXVII, 1—3). Сферическое тулово двух горшков несколько вытянуто в верхней части.

Единственными экземплярами представлены еще два бронзовых сосуда. Первый — конической формы, с заостренным надломленным венчиком (табл. XXVII, 12). Вто-

рой — редкий экземпляр — высокогорлый кувшинчик с шаровидным туловом, узким дном, отогнутым краем венчика, слегка расширяющимся кверху. К горлу прикреплена ручка длиной 20 см в виде шипцов, состоящая из двух частей трубы (табл. XXVII, 13; XXVIII, 1). Диаметр трубы 2,5 см, внутри нее — деревянный стержень, к которому прикреплена бронзовая пластинка, приделанная к горлу кувшина.

Таким образом, при характеристике каменных и бронзовых сосудов из комплекса сапаллитского этапа мы выявили три категории каменных и семь — бронзовых сосудов. Многие типы и формы сосудов, как каменных, так и бронзовых, являются прототипами глиняных сосудов. Это — чаши и кувшинчики разных вариантов, горшки и чаши со сливами и т. д.

Деревянные и плетеные изделия

Деревянные сосуды (14 экз.) получены исключительно из захоронений раннего комплекса Сапалли. По форме они подразделяются на четыре типа: 1) плоские блюда (8 экз.) в виде широко открытой тарелки с небольшим бортиком и слегка выделенным плоским дном (табл. XXV, 13, 14); лишь три блюда (погр. 1, 6, 101) удалось извлечь из могил неведомыми, остальные (погр. 3, 54, 55, 66, 76) были во фрагментах; 2) миниатюрные миски (4 экз.) — две целые (табл. XXV, 7, 8) и две весьма плохой сохранности; одна миска (погр. 1) мелкая, полусферическая, с плоским, слегка выделенным и прямо срезанным венчиком (табл. XXV, 7), другая (погр. 101) — глубокая, с почти прямым корпусом и слегка выделенным плоским дном, еще две миски (погр. 6, 18) не удалось извлечь из могил неведомыми; 3) полусферическая чаша (погр. 6) сравнительно больших размеров; 4) блюдечко-розетка (погр. 23) с небольшим прямо срезанным бортиком, украшенное по кругу бортика насечками в виде пиловидных зубцов. Блюдечко еще в древности сломалось на две части и затем было починено, о чем свидетельствуют четкие пары скалывших отверстий для шиток.

По одному экземпляру представлены миниатюрные сосудики из кожи и рога (*Аскаров*, 1973а, табл. 33, 3), которые, по всей вероятности, предназначались для ритуальных целей.

В погребениях раннего комплекса Сапалли (погр. 1, 4, 6, 12, 18, 27, 35, 54, 57, 61, 82, 94, 106, 113, 119) обнаружены 30 сосудов из

рогоза и соломы — это плетеные корзины и плоские блюда. Сохранились они очень плохо и рассыпались при первом прикосновении к ним. Только в пяти случаях при помощи химических закрепителей их удалось извлечь невредимыми (табл. XXV, 9). В большинстве случаев от плетеных блюд сохранилась лишь труха или отпечатки. Внутри сосудов иногда находились остатки пищи, кости животных, часто — бронзовые украшения, миниатюрные керамические или бронзовые сосудики. В одном случае на сосуде оказалась кожаная шапочка.

Таким образом, при изучении посуды из дерева, кожи, рогоза, соломы, камня, металла и рога раннего комплекса культуры Сапалли выявлено еще несколько форм, не представленных в коллекции керамики: бронзовые миниатюрные графинчики, цилиндрический сосудик-туесок, плетеные блюда, блюдечко-розетка и др. Наряду с этим масса сосудов, изготовленных как из твердых, так и из мягких материалов, повторяет некоторые формы керамики. Это относится, прежде всего, к мискам из мрамора, дерева и бронзы, кувшинам из мрамора и бронзы, коническим чашам из бронзы и т. д.

В комплексе джаркутанского этапа изделий из камня, бронзы, дерева и мягких материалов не обнаружено, так как большинство могил этого времени на Джаркутане оказались ограбленными, к тому же плохая сохранность могил ускорила разрушение вещей из мягких материалов.

Орудия труда и оружие

Одно из важных направлений производственной деятельности первобытных людей — изготовление орудий труда и оружия. Несмотря на большую роль бронзы в производственной деятельности обитателей Сапаллитепа, изделия из камня занимали еще значительное место¹.

Наконечники стрел (57 экз.) происходили исключительно из поселения (53 экз.) Сапаллитепа и могил (4 экз.), из них 55 изготовлены из высококачественного розовато-дымчатого кремня, один — из бронзы и один — из кости.

¹ Каменные орудия и оружие Сапаллитепа, в отличие от керамики, по типам и формам хронологически не выделяются на два этапа. Поэтому при классификации мы сочли необходимым рассмотреть их в данном разделе. При этом мы убеждены, что многие каменные и костяные орудия труда и оружие относятся к джаркутанскому этапу культуры Сапалли.

Форма наконечников лавролистная, подтреугольная, овальная, со слабо выраженным черешком на основании (табл. XXIX). Размеры их в основном крупные, но встречаются сравнительно небольшие экземпляры со слабо выраженным черешком. Все наконечники тщательно обработаны с двух сторон техникой отжимной ретуши.

Бронзовый наконечник — подтреугольной формы, с длинным черешком и полностью имитирующий кремневые (табл. XXX, 4). Последнее перо с обеих сторон выступает ребро, образующее в сечении ромб. Черешок у основания пера сделан для удобства крепления к древку высечатым. По бокам выступающего ребра сделан ряд мелких ямок народобие фасеток у кремневых наконечников, что указывает на стремление мастера повторить форму кремневых стрел. Длина наконечника 4,7 см, с обоих концов он частично обломан.

Совершенно идентичную форму имеет костяной наконечник стрелы. Последнее треугольника пера слегка выступает ребро, но оно заметно лишь в заостренном конце, а ближе к основанию ребро плавно переходит к короткому плоскому черешку (табл. XXXVI, 13). Вся поверхность наконечника тщательно обработана, концевая часть пера затуплена до зеркального блеска, боковые края заострены.

Ножевидные пластины (12 экз.) найдены только на поселении Сапаллитепа. Пластины обработаны по затупляющему краю односторонней отжимной ретушью со стороны брющка, некоторые имеют мельчайшие следы ретуши со стороны спинки по одному краю. Встречаются пластины, обработанные по двум рабочим краям со стороны брющка, концы лезвия у них заострены путем снятия мелких фасеток. Среди них есть пластины довольно мелких размеров, без каких-либо признаков вторичной обработки, лишь по острому рабочему краю видны следы частичной изношенности.

Скребки (13 экз.) также происходили из поселения Сапаллитепа. В коллекции представлены округлые (3 экз.), боковые (6 экз.) и концевые скребки (4 экз.), сделанные из кремневых отщепов. У двух скребков-отщепов ударные площадки широкие, со снятием нескольких пластинок со стороны брющка. Обработка по рабочему краю производилась лишь со стороны брющка. Боковые скребки — более архаичного облика, также с широкими ударными площадками. Рабочее лезвие у них специально не подправляется, имеются следы изношенности, образовавшиеся в процессе употребления. Концевые скребки обычно

оформлялись на пластинчатых или нуклеидных отщеплах.

Описанные скребки среди большой коллекции орудий труда составляют единичные экземпляры и не являются продуктами массового производства, в отличие от наконечников стрел, которые производились в большом количестве.

Доказательством существования у сапалитцев производства кремневых изделий служат находки нуклеусов (16 экз.), многочисленных отщепов (67 экз.) и др. Восемь нуклеусов — призматической формы, четыре — карандашевидной, четыре нуклеуса более архаичного облика приобрели форму неправильной призмы. На всех нуклеусах имеются следы снятия пластин и отщепов. Нет сомнения, что описанные выше орудия труда изготовлялись из того же сырьевого материала, который лежал в основе нуклеусов.

Зернотерки (более 600 экз.) изготовлены из гранитных пород камня. Нижний камень зернотерок всегда большой, форма чаще овальная, подпрямоугольная, иногда округлая, толщина от 8 до 20 см, длина иногда достигает 60 см. Рабочая поверхность слабоогнута.

Ступки (12 экз.) сделаны из кристаллизованной твердой гранитной породы. В середине ступки — чашеобразное углубление полусферической формы с гладкой внутренней поверхностью. Чашеобразные углубления двух больших ступок выдолблены на глубину до 10 см, диаметр по бортику до 16 см. Остальные ступки мелкие, с диаметром углубления 10—12 см при глубине до 10 см.

Пестики (32 экз.) изготовлены из удлиненных мелкозернистых галек серого цвета, мраморизованного камня, кремневого известняка и кристаллизованной твердой гранитной породы. Сохранились целыми 14 пестиков, остальные — в обломках. Длина целых пестиков 10—14 см, в сечении все они круглые. Кошачьи рабочие части все они стертые и изношены в результате растирания зерна, и, возможно, красок.

В числе каменных изделий — молоты секачьеобразной формы (около 40 экз.), отбойники (более 500 экз.), отбойники-гладилки (более 50 экз.), гладилки, точила.

Интересны три каменных рубящих орудия, условно названные топорами. Один топор изготовлен из улощено-массивного кремня подтреугольной формы. Широкая (15 см) рабочая часть орудия сильно затуплена, что говорит о длительном его использовании. Два других топора также подтреугольной формы с широким (13 см)

слегка затупленным лезвием изготовлены из диорита темного цвета. Узкая массивная часть топора, особенно острей края, подправлена для удобного захвата правой рукой.

В материалах Сапалиттепа встречаются поднятые камни, навершия булавок, колесники, ядра для пращ и т. д. Особенно многочисленны каменные (около 200 экз.) и глиняные (более 300 экз.) ядра для пращ.

Подытоживая характеристику наиболее интересных каменных орудий и оружия с поселения Сапалиттепа, нужно отметить, что изучение следов обработки на рабочих частях и назначения предметов производилось путем визуального осмотра. Дальнейшие экспериментальные и трасологические исследования, несомненно, позволят более точно определить способы изготовления и назначения этих орудий, чему посвящается работа Т. Широнова, сотрудника лаборатории первобытной техники Института археологии АН УзССР.

Пряслица — одна из многочисленных (125 экз.) групп орудий труда. Встречены как каменные (43 экз.), так и глиняные (82 экз.) пряслица. Каменные пряслица изготовлены из белого мрамора (табл. XXXV, 1, 2, 9, 10; XXXIV, 5, 6, 8, 23) и найдены на поселении Сапалиттепа, лишь три из них обнаружены в погребениях (погр. 8, 66, 93). Глиняные пряслица (табл. XXXV, 3—8, 11—15; XXXIV, 1—4, 7, 9—22, 24—36) хорошо обожжены и имеют гладкую поверхность.

Все пряслица — биконической формы, с округлыми очертаниями или острым ребром и сквозным цилиндрическим отверстием в центре. Одно пряслице — цилиндрической формы (табл. XXXIV, 9).

Группа каменных и глиняных пряслиц (23 экз.) ornamentирована с обеих сторон кружочками в виде глазков и заштрихованными треугольниками (табл. XXXV, 9; XXXIV, 1, 5). Одно пряслице сплошь покрыто горизонтальными линиями, сделанными каким-то тупым предметом (табл. XXXIV, 4). Не исключена возможность, что часть этих пряслиц использовалась как бусы.

Большое значение в производственной деятельности обитателей поселения Сапалиттепа имело изготовление орудий труда и оружия из бронзы. Из бронзы изготовлялись ножи, топоры, тощи, тесла, долота, визальные крючки, спицы, иглы, шилья и др.²

² Отдельные металлические изделия, обнаруженные на поселении Сапалиттепа могут быть отнесены к джаркунскому этапу, так как они, как и каменные, по типам и формам не выделяются на хронологические этапы.

Ножи (10 экз.) — разной степени сохранности; восемь ножей — целые, а два — в обломках. В основном они двухлезвийные (табл. XXX, 1, 2, 6, 15). В двух случаях ножи несколько повреждены. Первый нож довольно тонкий, с несколько изогнутой спинкой, длиной 5,5 см (табл. XXX, 14). Второй — также пластинчатый, узкий, плоский и сильно поврежденный (табл. XXXI, 7). Оба ножа не имеют выделенного черешка, характерного для остальных ножей комплекса.

Двухлезвийные черешковые ножи по оформлению клинка делятся на четыре варианта: 1) с удлинено-листовидным клинком; 2) с лопатовидным клинком; 3) с вытянуто-овальным клинком; 4) с лавролистым клинком.

Ножи первого варианта имеют удлинено-листовидную форму с плоским клинком и четко выделенным, несколько утолщенным и расширенным к основанию черешком. Длинный клинок ножа плавно сужается к овалному концу (табл. XXX, 7). Длина ножа 25 см, наибольшая ширина клинка 5 см. Второй нож — с вытянуто-овальным клинком и плавным переходом, коротким утолщенным черешком (табл. XXX, 6). Длина ножа 18,5 см, наибольшая ширина 2,5 см.

Ножи второго варианта — с лопатовидным клинком и плоским, четко выделенным черешком. У одного ножа черешок зазубренный (табл. XXX, 9), у другого к черешку была прикреплена костяная ручка (табл. XXX, 15). Конеч клинка в обоих случаях закруглен и слегка утолщен. Длина первого ножа 8,5 см, ширина 2,5 см, длина второго 6,5 см, ширина 1,8 см.

Ножи третьего варианта — вытянуто-овальной формы, с четко выделенным черешком и резко суженным концом клинка. Черешок в сечении прямоугольной формы и несколько утолщен (табл. XXX, 1). Длина ножа 14 см, наибольшая ширина 3 см.

Единственным экземпляром представлен четвертый вариант — это нож или дротик в форме лаврового листа, клинок в середине слегка утолщается и приобретает ромбическое сечение. Оба лезвия заострены, конец сильно сточен (табл. XXX, 2). Длина ножа 7,7 см, наибольшая ширина 2,5 см.

Тещи (2 экз.) имеют расширяющееся и слегка волнутое лезвие (табл. XXXI, 2; XXXII, 1). В отличие от современных, они сделаны без выступающих трубчатых втулок. В проухе обеих тещ сохранились остатки деревянных ручек. Необходимо отметить, что обе находки в быту не употреблялись и имитировали в погребальном инвентаре рабочее орудие.

Топоры (3 экз.) представлены двумя типами. Первый тип — проушной секирообразный боевой топор (табл. XXVIII, 2). Обух топора слегка расширен и приобрел вид удлиненного плоского молотка, лезвие сильно оттянуто назад. На втулке топора с обеих сторон начертаны ромбовидные фигуры со сквозными круглыми отверстиями в центре. В результате получились как бы изображение глаз. Проух — правильной формы, слегка расширяющийся к лезвию. Само лезвие расширяется к низу, немного изогнуто, передний его край слегка опущен. В проухе топора сохранились позделенные остатки деревянного топорща. Длина топора 19 см, ширина лезвия 10 см.

Второй тип проушных топоров представлен двумя экземплярами. В отличие от первого, они вотинные и являются топорами-теслами (табл. XXXI, 3; XXXII, 2). Обуховая половина обоих орудий заканчивается полукруглым лезвием. У проуха топор расширяется и затем, сужаясь, переходит в узкий клин с полукруглым лезвием. В проухах обоих топоров-тесел сохранились остатки деревянных топорщ. Как и тещи, они не использовались в быту и лишь имитировали форму рабочих орудий.

Долота (3 экз.) распадаются на два типа: 1) массивное с параллельными гранями долото с широким полуовальным лезвием (табл. XXX, 10); 2) долото с расширяющимися гранями и узким клиновидным прямым лезвием (табл. XXX, 11, 12).

Тесла (7 экз.) подразделяются на два типа. Тесла первого типа (4 экз.) имели плоские широкие пластинки прямоугольной формы (табл. XXXI, 4, 5; XXXII, 3, 4). Рабочая часть шире противоположной, прямая, слегка закругленная, что указывает на ее использование. Не исключается возможность, что и узкая часть тесла была рабочей, так как в этой части нет никакого утолщения. Длина тесел 7—10 см.

Тесла второго типа (3 экз.) изготовлены из тонкой пластинки в виде трубчатого желобка с одним широким и другим узким концами (табл. XXXI, 6; XXXII, 5). Длина 8—9 см. Тесла — вотинный погребальный инвентарь в могилах строителя-плотника.

Бронзовые наконечники копий (2 экз.) представляют особый интерес. Первое — с подтреугольным пером (табл. XXX, 8), коротким и плоским черешком. В целом наконечник сделан в форме несимметричного ромба. Общая длина его 11,5 см, длина пера 9 см, длина черешка 2,5 см.

Второй наконечник, в отличие от первого

го, довольно массивный, с овальным пером (табл. XXVIII, 7). В середине пера слабо намечена грань, поэтому сечение его ромбовидное. Черешок довольно длинный (19 см), с квадратным сечением. На черешке сохранились остатки древка. Края пера сильно сточены. Длина пера 12 см, наибольшая ширина 4,5 см.

Бронзовый нагрудник представлен единственным экземпляром. Форма нагрудника прямоугольная, углы скругленные, размеры 14×38 см. По углам — круглые отверстия, видимо, для крепления (табл. XXVIII, 8). Нагрудник изготовлен из тонкого листа металла и встречен на поселении Сапаллитета впервые.

Вотивные лестницы (2 экз.) изготовлены техникойковки из пластинки, ширина лестниц 4 см, отверстия широкие, подпрямоугольной формы (табл. XXXI, 8; XXXII, 6). Длина первой лестницы 20 см с четырьмя отверстиями, второй — 24 см с шестью отверстиями. Все отверстия сделаны грубо каким-то клиновидным орудием, края неровные.

«Бритва» и вязальный крючок представлены единственными экземплярами.

Бритва однолезвийная, с утолщенной и слегка выпуклой спинкой, черешок короткий и широкий, лезвие прямоугольное (табл. XXX, 3). Рабочая часть лезвия полуовальная и заостренная. Длина бритвы 11 см, ширина лезвия 5 см.

Вязальный крючок сделан из проволоки с одним круглым утолщением в сечении концом и другим — тонким закругленным (табл. XXXIII, 24). Длина крючка 11,5 см.

Спицы (15 экз.) изготовлены из круглой в сечении проволоки. Концы спиц утолщенные, длина от 5 до 20 см (табл. XXXIII, 1—12).

Иглы (7 экз.) также сделаны из тонкой круглой в сечении проволоки. Одна иглолка изготовлена из четырехгранной проволоки (табл. XXXIII, 20). Один конец иглолки заострен, другой — плоский, с отверстием для вдевания нити (табл. XXXIII, 19, 21; XL, 16—18). Большинство иглолок сохранилось очень плохо, длина от 3 до 8 см.

Шилья (12 экз.) по форме распадаются на два типа: с четырехгранным (табл. XXXIII, 14—16) и круглым сечением (табл. XXXIII, 13, 18, 25; XL, 12, 20; XLI, 10). Длина крупных шильев 18—20 см, мелких — 10—12 см.

Большой серией представлены шилья из кости и дерева (20 экз.). Три шилья изготовлены из дерева, остальные — из обломков трубчатых костей животных (табл. XXXVI,

7—9, 15, 17, 18). Боковые края рабочей части обычно подправлены острым металлическим предметом и заполнены до зеркального блеска. Выделяется шилья с затупленно-овальным концом и тщательной полировкой, которое можно отнести к категории ткаческих ножей (табл. XXXVI, 16).

Из трубчатых костей животных и рогов оленей изготавливались мотыгообразные землекопалки, ручки от ножей, серпов. Судя по всему, рога оленя со следами полировки на одном конце являлись землекопалками (табл. XXXVI, 10, 11, 14). К землекопалкам отнесены еще два обломка мотыгообразных орудий, рабочая часть которых сильно отполирована явно в трудовом процессе.

Костяные ручки от ножа и серпа изготовлены из трубчатых костей (Аскаров, 1973а, табл. 33, 11, 12). Поверхность ручек первоначально обрабатывалась острым предметом, затем тщательно полировалась. Длина ручек 8—9 см.

Предметы туалета и украшения

В коллекции вещевого инвентаря Сапаллитета выделяется большая серия предметов, которые принято называть предметами туалета и украшениями.

В набор предметов туалета входят бронзовые зеркало, сурмадон, лопаточка, деревянный гребень и т. д.

Зеркала (12 экз.) представлены двумя типами: круглые зеркала с выступающей длинной ручкой и зеркала без ручек (табл. XXXVII, 1—12). Для зеркал обоих типов характерна ровная и плоская лицевая поверхность. По окружности лицевой стороны зеркала — утолщение в виде бортика, заостренного и выгнутого внутрь.

Зеркала первого типа (табл. XXXVII, 1, 3, 5, 6, 8) по оформлению ручки распадаются на два подтипа: зеркала с фигурной ручкой и зеркала с простой ручкой. Ручки обоих подтипов обычно отбивались отдельно и затем припаивались к зеркалу. Ручки зеркал первого подтипа сделаны в виде стилизованной фигуры женщины. По боковым сторонам ручки размещены два ушка овальной формы (табл. XXXVII, 6, 8). Одно из зеркал, самое маленькое, в отличие от остальных, имеет целиком с ручкой (табл. XXXVI, 5). Сохранность зеркал относительно хорошая.

Гребни (2 экз.) сделаны из арчового дерева в виде одностороннего частого гребешка с тонкими продолговатыми и двумя толстыми боковыми зубьями (табл. XXIV, 12, 13). У первого гребешка 22 тонких зубца, у

второго — 20. Сохранились гребешки весьма плохо.

Сурмадоны (12 экз.) — литые сосуды для хранения сурьмы — представлены двумя типами. Первый тип составляют сурмадоны в виде графичков на плоском выступающем поддоне, с узкой высокой горловиной и конусовидным туловом (табл. XXVI, 1—11). Подробная характеристика их дана в разделе классификации сосудов. Поэтому, избегая излишних повторений, отметим, что внутри всех сосудов оказались остатки свинца, использовавшегося в древности как заменитель сурьмы.

Второй тип представлен одним экземпляром, напоминающим по форме ручку какого-то предмета (табл. XXVI, 1). Сосуд литой, круглый в сечении, с утолщенным плоским дном и узким цилиндрическим бортиком. Внутри он был заполнен свинцом, что позволило также условно назвать его сурмадоном.

Лопаточки (6 экз.) представляют собой длинный стержень с круглым сечением. Один конец стержня заострен, другой — утолщен в виде лопаточки овальной формы (табл. XLI, 12—16). Название «лопаточка» условно и исходило из формы предмета. Одна лопаточка отличается от остальных: один ее конец толстый, другой — прямоугольно-утолщенный, с заточенным лопатообразным лезвием (табл. XLI, 11). Этот предмет мог быть использован в качестве косметической бритвы для бровей.

Наибольший интерес представляют украшения, которые состоят из камешных бус, бронзовых браслетов, серег, булавок и др.

Бусы. Раскопки на поселении Сапаллитена дали богатый комплекс камешных бус, изготовленных из различных благородных камней. В двух случаях бусы сделаны из золота, в одном — из бронзы.

Наиболее широко для изготовления бус использовались лазурит грязно-голубого цвета, сердолик светло-красного цвета, полостатый агат и опикс. Много бус из серовато-розоватой опки, бирюзы от бледно-зеленого до серого цвета с зеленоватым оттенком. Значительное число составляют бусы из коралла и известняка. Отдельные экземпляры бус сделаны из мрамора, кварцита, змеевика и диабазы.

По форме они делятся на бусы, бисер, бусы-подвески и бусы-пуговицы (рис. 33).

Следя классификация камешных бус, разработанной археологом Г. Г. Леммлейном (1947, с. 22—30; 1949, с. 13—16; 1950, с. 157—172), бусы из Сапаллитена можно разделить на цилиндрические, эллипсоидные, ромбические, биоконические, дисковидные, овалы-

ные, пирамидальные, шаровидные, плоскогранные и фигурной формы.

Цилиндрические бусы подразделяются на три подтипа: короткоцилиндрические, удлиненно-цилиндрические и трубчатые (рис. 33, 1).

Эллипсоидные бусы двухсторонне сегментированы у тонких концов, сечение бус круглое (рис. 33, 2). Их можно назвать и биконическими (Аскаров, 1973а, с. 96). Среди эллипсоидных бус выделяется небольшая группа бус сплюснuto-эллипсоидной формы с овальным сечением. Именно в такой форме сделаны бусы из золота.

Ромбические бусы по форме подразделяются на ромбические с правильным очертанием и ромбические с округлыми краями. Сквозные отверстия у них предельно мелкие. Сечение обоих вариантов заостренно-овальное (рис. 33, 3).

Биоконические бусы сегментированы параллельно с обоих конических концов (рис. 33, 4).

Дисковидные бусы в некоторой степени напоминают цилиндрическую форму, но имеют ряд отличительных особенностей, характерных только для дисковидных бус (рис. 33, 5). Во-первых, дисковидные бусы имеют уплощенно-цилиндрическую форму с отверстиями, выскерленными насквозь с торцевых сторон. Во-вторых, в отличие от цилиндрических, они с обеих плоских сторон покрыты различными узорами, нанесенными точечной и резной техникой. В-третьих, отдельные экземпляры инкрустированы лазуритовыми глазками с торцевой стороны. В-четвертых, дисковидные бусы обычно крупные. Овалоидные бусы подразделяются на два подтипа — ромбовидно-овальные и овальные, сегментированные по телу вращения (рис. 33, 6). Среди этих бус имеются несколько экземпляров крупных размеров, представляющих деформированные и сближенные по Леммлейну формы с овальным и подтреугольным сечением. На плоскостях бус нанесены узоры.

Небольшую серию составляют бусы шаровидной и уплощенно-глобоидной формы (рис. 33, 7). Эти формы выведены из тел вращения и представляют кривогранные бусы.

Плоскогранные бусы представлены призматическими формами и подразделяются на четырехгранно-призматические и уплощенно-призматические подтипы. По широкой плоскости бусы орнаментированы точечной и резной техникой и имеют сквозной канал с торца (рис. 33, 8).

Сквозные каналы всех форм бус расположены на оси фигуры, а у дисковидных — перпендикулярно ей.

Форма	Бусы	Бисер	Бусы-подвески	Бусы-пуговицы
Цилиндрическая				
Эллипсоидная				
Рамбическая				
Биконическая				
Дисковидная				
Овальная				
Пирамидальная				
Шаровидная				
Плоскогранная				
Фигурная				

Рис. 33. Классификация каменных бус, потесок и амулетов. Основные формы бисера, который количественно занимает второе место после бус, — цилиндрическая и биконическая.

Бусы-подвески представлены тремя типами: пирамидальные в виде креста, овальные в виде серьги и фигурные в виде ноги. Пирамидальные бусы-подвески покрыты орнаментом, нанесенным точечной техникой.

Небольшую группу составляют бусы-пуговицы, разделяющиеся на два подтипа: конические, сегментированные односторонние, с пер-

пендикулярным поперечным сквозным каналом и плоской стороной и дисковидные, с петелькой с обратной стороны. Лицевая сторона всех дисковидных бус-пуговиц сплошь покрыта орнаментом, нанесенным точечной техникой.

Особый интерес представляет техника изготовления — сверление, шлифовка или моделировка бус.

Г. Г. Леммлейн отмечает, что основной характерный признак всякой бусины как изде-

лия — сквозное отверстие. В процессе изготовления каменной бусины сверление — самая ответственная операция (*Леммлейн*, 1947, с. 122), так как дальнейшая моделировка бус и центровка отверстия зависят от удачного сверления канала.

По следам, оставленным сверлом на стенках и в особенности на дне просверленного канала, установлены принципы техники сверления. Визуальный осмотр отверстий многих образцов показывает, что основная масса бус просверлена штифтовой техникой, о чем свидетельствует округлое дно отверстия на многих бусах с несовпадающими встречными каналами. Кроме того, на стенках и на дне канала обычно проследиваются многочисленные тлвые концентрические штрихи — следы зерен абразива, особенно в бусах, изготовленных из сердолика, агата и оникса. Видимо, на конце металлического бронзового сверла заправлялись одно или два зерна твердого камня — кремня или корунда, а затем производился процесс сверления. Все удлиненные бусы из твердых минералов просверлены двухсторонним сверлением штифтовым сверлом, мелкие бусины просверлены с одного конца. Одностороннее сверление применялось в бусах из твердых минералов короткоцилиндрической, биконической и укороченно-эллипсоидной формы. Все бусы, изготовленные из коралла, известняка, опок, независимо от размеров просверлены с одной стороны штифтовым сверлом.

Среди большой коллекции каменных бус выделяются две бусины удлиненно-цилиндрической формы с широким биконическим кратероидным двухсторонним сверлением. На поверхности канала отсутствуют концентрические следы действия зерен абразива. Вся цилиндрическая поверхность бус и каналов одинаково тщательно отшлифована и отполирована, видимо, вручную на терке, что свидетельствует о наиболее архаичном способе сверления. Возможно, эти бусы относятся к наиболее раннему периоду. Диаметр отверстий 5—8 мм.

Имеется еще значительная группа крупных бус шаровидной двухстороннегеометрированной формы, изготовленных из бирюзы, также со следами кратероидного отверстия. Форма кольцевого углубления у двух бус кратерообразная. Сквозное отверстие всех бус широкое — 3—4 мм, поверхность тщательно отшлифована и заполирована. Все бусы этой группы просверлены с двух сторон.

Обработка, шлифовка и моделировка бус зависели от материала, из которого они изготавливались. Так, например, большое разно-

образие и изящество форм, тщательность моделировки и тончайшая отделка наблюдаются на бусах из сердолика, агата, оникса, халцедона. Поэтому бусы из этих минералов получили такие изящные формы, как эллипсоидная, биконическая, призматическая, бочкообразная. Эти типы бус при обилии экземпляров и распространении представлены значительным числом форм и свидетельствуют о развитом камнерезном производстве и прочно налаженных торговых связях (*Леммлейн*, 1950, с. 167). Действительно, эти формы бус и именно из таких камней широко известны в памятниках оседлоземледельческого круга всего Древнего Востока, начиная с энеолитического и даже неолитического времени.

Другие типы бус по форме очень простые, иногда грубой отделки и малым числом ведущих форм. Сюда относятся цилиндрические и ромбические бусы, изготовленные большей частью из лазурита, группы кальцитов. Качество лазурита, из которого были сделаны цилиндрические, ромбические и часть бочкообразных бус, невысоко. Цвет их в основном грязновато-темный. Бусы из группы кальцитов часто рассыпаются. Возможно, они изготовлялись в тех же кремнерезных мастерских, но не предназначались для «экспорта».

Несмотря на наличие большой группы бус относительно простой отделки, основная их масса отличается тщательностью полировки, точностью изготовления, моделирования и совершенством штифтового сверления. Это, бесспорно, указывает на высокий уровень производства камнерезных мастерских того времени.

Наибольший интерес представляет орнамент бус. Однако не все типы и формы бус орнаментированы. Так, цилиндрические, ромбические, овальные, шаровидные, биконические и конические бусы не имеют узоров. Орнаментированы только бусы плоскоряной, дисковидной, крестовидной формы. В орнаментации бус доминируют ааморфные, растительные и геометрические фигуры. Видимо, это — результат религиозных представлений — фетишизации некоторых объектов. Многие фигуры на бусах часто имели магическое значение.

Необходимо отметить, что изображения на бусах весьма разнообразны, стилизованы, поэтому иногда невозможно определить рисунок. В целом же многие рисунки четко передают семейство растений и животных и их конкретные виды. Многие бусы содержат по два, три, иногда до четырех изображений на каждой плоскости (табл. XLV).

Браслеты (34 экз.) сделаны из круглой в сечении проволоки разной толщины с несомкнутыми и слегка утонченными концами. Целыми оказались 23 браслета, 11 были в обломках. На поверхности отдельных браслетов нанесены насечки в виде спирали (табл. XXXVIII, 15; XXXIX, 4—6). Два браслета или, скорее всего, носовые кольца сделаны из серебра и отлиты целиком (табл. XXXVIII, 1, 2). Концы некоторых браслетов напоминают голову змеи (табл. XXXVIII, 7, 12, 14, 16, 18).

Височные кольца (22 экз.) изготовлены из тонкой круглой бронзовой проволоки (табл. XXXIX, 7—19). Одно кольцо отлито в виде змеи с тонким хвостом, четко выраженной головкой подтреугольной формы (табл. XXXIX, 7) и хорошо намеченными глазами. У большинства колец один конец тупой, а другой утонченный. Выделяются два массивных кольца с сильно затупленными буферобразными несомкнутыми концами (табл. XXXIX, 17, 19), изготовленных из серебра. Единственным экземпляром представлена плоская округлая серьга с выступающим с торца ушком, имеющим сквозное отверстие для подвешивания, сделанная из серовато-белого мрамора (Аскарлов, 1973а, табл. 24, 25). Вся поверхность серьги отполирована до блеска.

Примечательны три находки в виде тополиного листка с длинным стеблем, сделанные из тонкого листа бронзы и, видимо, выполнявшие функции диадем (табл. XXXIX, 1—3). Листки были обнаружены в лобной части черепа в погребении 57, что также свидетельствует об их назначении в качестве диадемы.

Булавки (29 экз.) четко разделяются на четыре типа: булавки-печатки с розетковидным навершием, гвоздеобразные булавки с биконической и конической шляпкой, булавки с кулакообразным навершием, булавки с фигурным навершием.

Нам кажется, что булавки, скорее всего, использовались как головные шпильки. При вскрытии могил мы обнаруживали их в основном на черепа или под черепом погребенных.

Булавки-печати с розетковидным навершием (5 экз.) имеют вид длинного, слегка заостренного, с круглым сечением стержня, увенчанного плоской шляпкой, оформленной в виде шести-, семи- и восьмилестковой розетки с кружком посередине (табл. XL, 7—10, 13). Длина булавок от 10,5 до 24,4 см.

Гвоздеобразные булавки (11 экз.) подразделяются на несколько подтипов: булавки с биконической шляпкой, булавки с округлой

шляпкой, булавка с кольцевой шляпкой и булавка с лазуритовой шляпкой. У булавок с биконической шляпкой (3 экз.) шляпка насажена на стержень и украшена многочисленными вертикальными или косыми насечками (табл. XL, 1—3). Длина булавок от 15 до 24 см. Все булавки круглые в сечении, стержень одной из них под шляпкой гофрирован (табл. XL, 3).

Булавки с округлой шляпкой представлены шестью экземплярами. Две из них изготовлены из бронзы, остальные — из кости и дерева. Все в сечении круглые. Шляпки бронзовых булавок насажены на стержни, одна шляпка украшена насечками (табл. XL, 4). Костяные и деревянные шпильки сильно отполированы и по форме ничем не отличаются от бронзовых. Верхняя часть стержня украшена горизонтальными линиями и косыми насечками (табл. XXXVI, 1—3). Головка одной булавки украшена насечками. Булавки с округлой головкой короткие — от 8 до 12 см.

Булавка с кольцевой шляпкой, представленная единственным экземпляром, сделана из бронзы и представляет собой небольшой (3 см) стержень с круглым сечением. Один конец заострен, другой — с кольцевой шляпкой (табл. XLI, 5). Верхняя часть стержня под шляпкой гофрирована и кольцевая шляпка насажена на стержень, затупленный конец последнего слегка выступает над шляпкой.

Бронзовая булавка с лазуритовой головкой также представлена единственным экземпляром. Острый конец булавки обломан. Длина сохранившегося стержня 7,5 см. Стержень в сечении круглый, верхняя часть резко утончена. На стержень насажены две цилиндрические бусины — опока и лазурит, затем бронзовая бусина и, наконец, над ними — лазуритовая бусинка округлой формы с многочисленными вертикальными нарезками вокруг (табл. XLI, 5). Над лазуритовой бусинкой слегка выступает конец стержня.

Булавка с кулакообразным навершием (6 экз.) имеет форму длинного слегка заостренного округлого в сечении стержня с кулакообразным навершием. Длина булавок от 15 до 20 см. Кулак с пятью пальцами выделяется очень четко (табл. XL, 5, 6; XLI, 2—4).

Булавка с фигурным навершием (1 экз.) — это длинный (18 см) и круглый в сечении стержень, завершающийся фигуркой азиатского муфлона. Перед фигуркой муфлона — стилизованное изображение человека (табл. XLI, 1). На первый взгляд, фигурка похожа на архара. Однако характерные черты, свойственные для архаров, особенно для самцов, здесь не отмечаются. Перед нами — самец муфло-

на с полным оборотом сильно изогнутого рога. Конец рога слегка отогнут наружу. В нижней части шеи муфлонов шерсть удлинена и образует так называемый подвес. Подвеса на шее у самцов-архаров не бывает, рога у них огромны, спирально изогнуты больше одного оборота, а концы направлены в стороны. У фигурки же на булавке концы рогов направлены вперед, что характерно именно для азиатских муфлонов, в том числе для таджикского (Захидов, 1971, с. 255—256).

Фигурка изображена до того реалистично, что четко обозначены глаза, ушки и рот, подшейный подвес, изогнутые рога, небольшой хвост и даже ребра. Ноги не разделены, но обозначены тонкой линией. В целом фигурка муфлона, принадлежащего к роду диких баранов и являющегося одним из родоначальников домашних овец, достаточно выразительна.

Предметы культового назначения

В коллекции комплекса Сапалитипа имеется целая серия предметов (например, подвески с изображениями животных, печати), которые мы условно назвали предметами культового назначения.

Подвески с изображениями животных (2 экз.) имеют крестовидную форму. Выше центра тяжести — два сквозных отверстия. С обеих сторон подвеска покрыта изображениями.

Первая подвеска размерами 2,5×2,5 см изготовлена из опок и обнаружена в погребении 94. Сквозные каналы расположены в двух противоположных концах креста. На одной стороне подвески весьма реалистично изображен двугорбый верблюд: четко переданы длинная шея, копыта и короткий тонкий хвост. На обратной стороне — фигура человека с длиной шеи, который бежит за верблюдом, а верблюд на скаку, повернув шею, как бы смотрит на человека.

Вторая подвеска отлита из бронзы и найдена в погребении 82, размеры ее 3,5×3,5 см. Сквозные отверстия сделаны в двух противоположных концах креста. На одной стороне изображены четыре змеи, направленные в четыре стороны. Хвосты змей сосредоточены в центре подвески, при этом змеи как бы выходят из одного места. Хорошо переданы на рисунке их глаза, подтреугольные головы, туловища и хвосты. На обратной стороне подвески — целая композиция. Здесь расположены фигуры четырех животных: горного козла, кабана, льва и камышового кота. Морды животных направлены в четыре стороны, а задние части объединены в два оборота. Вну-

три — кружочек, укавывающий центровку расположения фигур.

В целом изображения четырех животных переданы древним художником-литейщиком, имевшим большой опыт не только в металлургии, но и знавшим природу животных, очень выразительно.

Печати (22 экз. — 1 терракотовая, 7 — из камня и 14 — из бронзы) по форме подразделяются на четыре группы: овальные, крестовидные, розетковидные и печати-булавки.

Первые три группы — с петелькой. Печать овальной формы представлена единственным экземпляром и охарактеризована нами в предыдущей публикации (Аскаров, 1973а, с. 99; табл. 26, 1).

Печать крестовидной формы также всего одна и сделана из мрамора. На лицевой стороне печати — изображение орла с распахнутыми крыльями. Голова орла передана в профиль, четко намечены горбатый клюв и глаз. На противоположной стороне — петелька со сквозным каналом (табл. XLVI, 8).

Большую серию составляют печати розетковидной формы, подразделяющиеся на два подтипа — это печати в виде округлой розетки и печати в виде лепестковой розетки. Первый подтип представлен восемью экземплярами. Три печати изготовлены из камня, одна — из терракоты и четыре — из бронзы. На лицевой части каменных печатей изображены по кругу цветы, соединенные между собой стеблями, а на обратной стороне сделаны петелька с отверстием. На лицевой стороне терракотовой печати каким-то тупым предметом прочерчен круг, а от круга к центру — широкие и глубокие насечки. Центральную часть диска занимает кружочек, сделанный тем же способом, что и насечки (табл. XLVI, 7). Противоположная сторона печати имеет вид затупленного конуса с отверстием. Содержательней изображения из бронзовых экземпляров. На лицевой части двух печатей очень хорошо передано изображение орла с четким горбатым клювом, стилизованным стройным хвостом и крыльями (табл. XLVI, 5).

Третья и четвертая бронзовые печати по изображению на лицевой части отличаются от остальных. По окружности лицевой части первой печати изображены семь треугольников (табл. XLVI, 2), а на второй — ветки с тремя отростками, отходящими от одного ствола (табл. XLVI, 9). При этом перегородчатое изображение приобрело рисунок цветка или елки.

Второй подтип розетковидных печатей, представлен семью экземплярами. Три печати сделаны из камня, четыре — из бронзы. Ка-

менные печати изготовлены в виде восьмилепестковых звездочек, две из них — с петельками, а одна — без петельки, со сквозным отверстием в центре.

На лицевой части двух каменных печатей от центра к зубцам прорезаны желобки с заостренными концами, на третьей — крестик в центре, а вокруг него — четыре полунальных желобка с заостренными концами, объединяющими каждый по два лепестка (Аскаров, 1973а, табл. 24, 35). На обратной стороне, как обычно, петелька.

Все бронзовые печати изготовлены в форме многолепестковых розеток с петельками. Лицевая сторона их оформлена перегородками разных цветов. Первая печать шестилепестковая (табл. XLVI, 3), вторая — семилепестковая (табл. XLVI, 1), третья — восьмилепестковая, с лицевой стороны лепестки треугольной формы, в центре расположены

Джаркутанский этап и его материалы

Археологический материал джаркутанского этапа представлен богатым комплексом керамики, орудиями труда и оружием, украшениями и другим инвентарем различного назначения. Основную массу его составляет керамика.

Керамика

В настоящее время в нашем распоряжении имеется более тысячи глиняных сосудов, пятая часть которых археологически целая. По техническим признакам вся керамика делится на лепную и гончарную.

Лепные сосуды — сковородки, большие горшки типа котлов, полусферические чаши, отдельные ялцевидные сосуды и небольшие чайники — встречаются в основном во фрагментах. Основную массу сосудов составляет гончарная керамика. По сравнению с керамикой сапаллинского этапа, она обработана грубовато. Черепок в изломе часто красновато-розовый, хрупкий. Сосуды массивные, тяжелые, толстостенные, но все они хорошего равномерного обжига. На плечиках отдельных кувшинов небрежно нанесены знаки мастеров или царянины. Наружные украшения отсутствуют.

Большинство сосудов краснофоновые, но встречаются отдельные экземпляры серых сосудов, например, ялцевидные кувшины с узким катушкообразным горлом и т. д.

По форме и назначению керамика джаркутанского этапа очень разнообразна, здесь имеются вазы на высоких ножках, конические

четыре каплевидных цветка, которые вместе образуют крестик (табл. XLVI, 4). Четвертая печать десятилепестковая. На ее лицевой стороне в центре кружком изображены две лепестковые розетки (табл. XLVI, 6). Манера исполнения более модернизированная, чувствуется тонкость и четкость работы мастера. Это — целый красивый букет цветов.

Наконец, в коллекции представлена серия комбинированных предметов — печати-булавки (5 экз.), рассмотренные нами в разделе украшения как булавки с розетковидной шляпкой. Печати-булавки — это длинные круглые в сечении стержни, на тупой конец которых напаяны техникой перегордки шести-восьмилепестковые розетки. В центре лепестков обычно кружочек (табл. XL, 7—10, 13). Стержневые розетки ничем не отличаются от печатей с петелькой, что позволяет называть их печатями с длинными стержнями.

Чаши и банкообразные цилиндрические сосуды, кубки на высоких ножках, горшки и чайники, кувшины и миски, котлы и сковородки и т. д.

Вазы на высоких ножках (рис. 32, 1) представлены двумя вариантами: 1) вазы с открытым венчиком резервуара (рис. 32, 1—1, 1а); 2) вазы с закрытым венчиком резервуара (рис. 32, 1—2, 2а). Преобладают вазы второго варианта.

Оба варианта во многом схожи с вазками сапаллинского этапа.

Вазы с открытым бортиком имеют конический резервуар, заостренный бортик, отогнутый наружу (табл. XLIX, 1, 2, 5; LII, 1—7). У этих ваз, в отличие от аналогичных сосудов сапаллинского этапа, ствол ножки довольно высокий, тонкий и стройный. Коническая чаша мелкая, переход от ножки к резервуару профилированный. Высота сосудов от 28 до 36 см, диаметр венчика от 28 до 32 см. Возгнутое основание ножки в одних случаях завершено острым краем и выступающим ребром по бортику, в других — приподнятый бортик основания имеет продольный желобок.

Вазы второго варианта сделаны с глубоким коническим резервуаром и округло загнутой внутрь верхней частью (табл. XLIX, 3, 4, 6—9). По профилю венчика они условно названы вазами с закрытыми резервуарами и ничем не отличаются от подобных ваз сапаллинского этапа. Ствол ножки чаще всего короткий, основание ножки по бортику завернуто округло или слегка приподнято и заострено. Форма ваз массивная, размеры крупные. Ди-

аметр венчика от 22 до 30 см, высота сосуда от 25 до 32 см, емкость 6—7 л.

Необходимо отметить, что в раннем Джаркутане вазы этого типа составляют основную массу подобных сосудов, тогда как в поздних могилах Сапаллитена их очень мало.

Выделяется серия ваз совершенно идентичных форм, но меньших размеров (рис. 32, 1—2а). Подобные вазочки встречались в материалах комплекса Сапалли, но на джаркутанском этапе их число значительно увеличилось. Черепок у вазочек хрупкий, тесто с примесью растительности. Высота сосудов от 12 до 18 см, диаметр венчика от 14 до 18 см.

Чаши (рис. 32, 11) представлены двумя типами: 1) глубокие конические чаши с широким открытым устьем, надломленным бортиком и узким плоским дном (рис. 32, 11—1, 1а; табл. L, 1, 2; LIII, 7—10, 14—16); 2) банкообразные конические сосуды с надломленным венчиком (рис. 32, 11—2а, 2б; табл. L, 4—12).

Край венчика чаш первого типа часто заостренный, прямой, иногда бортик затупленный, вдоль бортика проходит узкий желобок или небольшой уступчик. Размеры чаш разные, емкость от 1 до 5 л. По форме они ничем не отличаются от подобных чаш сапаллинского этапа.

Если первый тип сосудов имеет много общего с керамикой сапаллинского этапа и является продолжением старых традиций, то второй тип уже не характерен для раннего этапа, т. е. это новый вариант чаш, присущий именно джаркутанскому этапу.

В профиле чаш этой группы произошли некоторые изменения. Уступчатый бортик стал более выразительным, утолстились стенки сосудов, вдавленная полоса по краю прямого венчика расширилась, размеры узкого плоского дна удвоились, утратилось резкое коническое сужение. Конические чаши стали более массивными, тяжелыми. Формы сосудов постепенно приближаются к цилиндрической с четко выделенным уступом в верхней части корпуса и прямым затупленным краем венчика. Так, например, если глубокая коническая чаша из нижних слоев Сапаллитена при высоте 13,5 см имеет диаметр дна 6,5 см и диаметр венчика 19 см, то диаметр дна аналогичной чаши из могильника Джаркутан или верхнего слоя Сапаллитена при той же высоте 13,5 см уже равен 9 см, а венчика — 19 см.

Банкообразные сосуды по своим размерам неоднородны, тесто также различно. Значительная часть их изготовлена из плотной глины с примесью извести. Дно сосудов массивное, широкое, стенки почти прямые, по форме они напоминают цилиндр (табл. XLVIII, 9, 13,

LIII, 1, 3, 5, 6, 12). Четко выделяются прямой венчик с затупленным краем и уступчик в верхней части корпуса. Эта форма характерна только для керамики верхнего слоя Сапаллитена и могильника Джаркутан.

Размеры этих сосудов разные — от малых, емкостью 0,5 л, до крупных, емкостью 6—7 л.

Выделяется небольшая (10 экз.) серия сосудов крупных размеров, заменивших, видимо, тазики (тагора) сапаллинского этапа. Но, в отличие от тазиков, они не имеют вогнутую придонную часть (табл. LIII, 5, 9).

Вазообразные чаши (рис. 32, 11—1, 1а, 1б) по профилю корпуса ничем не отличаются от подобных чаш первого типа сапаллинского этапа. Как и сапаллинские, они сделаны с открытым устьем и уступчатым бортиком, на высоком кольцевом поддоне (табл. L, 3, 13; LIII, 2, 3). Вогнутая придонная часть чаш, в отличие от подобных сосудов сапаллинского этапа, массивная, толстая, грубоватой отделки, удвоились размеры кольцевого поддона, выделяется овально выступающее или острое ребро в верхней части корпуса.

Кубки на высоких ножках (рис. 32, IV) представлены двумя типами. Основную массу кубков составляют сосуды первого типа, а второй тип представлен всего шестью экземплярами.

Первый тип кубков подразделяется на кубки на высоких ножках с горшкообразным резервуаром (рис. 32, IV—1, 1а; табл. XLIX, 11, 12, 18) и кубки на высоких ножках со сферическим резервуаром и слегка суженным бортиком (рис. 32, IV—1б; табл. XLIX, 10, 14).

Кубки первого типа по форме мало отличаются от кубков сапаллинского этапа, но более крупных размеров и грубее по отделке. Сферическое тулово резервуара выше, чем у сапаллинских сосудов, с вытянутой горловиной, слегка отогнутым краем венчика и профилированным перехватом ножки с резервуаром.

Оформление основания пожек разное: у одних кубков оно вогнутое, с заостренным валиком по бортику, у других вогнутое основание по бортику плоское.

Второй тип кубков — миниатюрные рюмки с полусферическим резервуаром (рис. 32, IV—2; табл. XLII, 19). Ножки с коническим профилем напоминают опрокинутую чашку. Кубки этого типа не характерны для керамики сапаллинского этапа. Отделка их грубоватая. Находили их только в верхнем горизонте Сапаллитена, но в могилах Сапалли и Джаркутана не обнаружено ни одного экземпляра.

Крынки (рис. 32, V) по своей форме подразделяются на четыре типа.

Первый тип — крынки с отогнутым краем венчика и округло вытянутым туловом (рис. 32, V — 1, 1а; табл. LI, 6, 7). По форме и размерам они ничем не отличаются от аналогичных сосудов сапаллинского этапа. Однако количественно в комплексе джаркутанского этапа они представлены сравнительно мало.

Крынки второго типа имеют бутылкообразную форму с узким прямым горлом, плавно расширяющимся к выделенному плоскому дну (рис. 32, V—2), и представлены единичными экземплярами небольших размеров. Встречались они в комплексе керамики поселения.

Третий тип крынок представлен двумя миниатюрными сосудами биконической формы со слегка отогнутым краем венчика (рис. 32, V—3), обнаруженными в верхнем слое поселения Сапаллитгепа.

Четвертый тип — миниатюрные цилиндрические крынки, расширяющиеся к венчику (рис. 32, V—4, 4а). Эти сосуды встречались среди керамики поселения и чаще всего характеризуют джаркутанский этап культуры Сапаллита.

Горшки по форме подразделяются на шесть типов.

Первый тип горшков комплекса Джаркутана совершенно тождествен аналогичной керамике сапаллинского этапа (рис. 32, VI—1).

Второй тип горшков, названный нами горшкообразными хумча, несколько отличается от сапаллинских. Так, джаркутанские горшкообразные хумча сравнительно меньших размеров и без скошенной придонной части (рис. 32, VI—2; табл. XLVIII, 1, 2; LI 11, 12; L, 16). На плечике одного из них прочерчены две горизонтальные линии и между ними — волнистая линия (табл. XLVIII, 2).

Третий тип горшков составляют сосуды с раздутым плечиком, конически сужающейся придонной частью и четко выделенным отогнутым бортиком (рис. 32, VI—3). Размеры их большие, средняя емкость 15—20 л. Встречались они как в верхних слоях поселения Сапаллитгепа, так и в могильниках Джаркутана.

Четвертый тип сосудов — горшки со сферическим туловом, четко выделенным узким горлом и отогнутым краем бортика (рис. 32, VI—4; табл. XLVII, 5—8; LV, 7), характерные только для керамики Джаркутана. Емкость сосудов не более 6—8 л.

Горшки пятого типа — реповидные сосуды призматических пропорций на выделенном плоском дне и с сильно отогнутым краем венчика (рис. 32, VI—5; табл. L, 15). Встречаются они довольно редко и лишь в комплексе керамики джаркутанского этапа.

Шестой тип горшков — цветочки вытянутых форм с широким устьем венчика, выгнуто раздутым плечиком и постепенным сужением тулова к удлиненной придонной части (рис. 32, VI—6; табл. XIX, 21, 22). Относятся они к верхнему слою поселения Сапаллитгепа.

Хумы (рис. 32, VII) ничем не отличаются от хумов сапаллинского этапа. Поэтому, избегая повторений, ограничимся лишь ссылкой на характеристику хумов предыдущего этапа.

Чайники (рис. 32, VIII) джаркутанского этапа, представленные тремя типами, резко отличаются от аналогичных сосудов сапаллинского этапа, в то время как отдельные типы чайников времени Сапалла иногда попадались и среди керамики джаркутанского этапа. Например, чайники с трубчатым носиком и с подковообразной придонной частью сапаллинского этапа обнаружены и в Джаркутане (табл. XLVI, 4, 8). Чайники первого типа — крупных размеров, грубоватой отделки, с высоким горлом. Плечики сосуда округлые, придонная часть усеченно-коническая (табл. XLIV, 2; LV, 3).

Второй тип чайников — сосуды со сферическим туловом и коротким клововидным лепным носиком (рис. 32, VIII—2; табл. XLVIII, 4; LI, 9, 10; XLIV, 1, 5, 6). К этому типу примыкает еще один маленький чайник с округлым туловом, плавным переходом к плоскому дну и прямым заостренным венчиком. Отломленный носик этого чайника имел, видимо, также клововидную форму. Чайники с клововидным носиком происходят только из слоев джаркутанского этапа.

В коллекции чайников оказались три миниатюрных сосуда со сферическим туловом, четко выделенным горлом и сильно отогнутым утонченным бортиком, которые составили третий тип (рис. 32, VIII—3, 3а). На плечике чайников — удлиненный узкий носик типа слива, подтянутый к бортику сосуда (табл. XLIV, 9, 10). Все чайники изготовлены на круге и тщательно обработаны, не заметно даже, что носик наклепан на корпус сосуда.

Чайники четвертого типа — сферокопической формы, изготовленные из серой глины ручной лепки, со следами грубой обработки по корпусу (рис. 32, VIII—4; табл. XLIV, 3, 7; LI, 8). Горло прямое, невысокое, со слегка отогнутым бортиком и клововидным желобчатым носиком. Последние три типа чайников происходят в основном из ранних групп могил Джаркутана.

Кувшины (рис. 32, IX) джаркутанского этапа разделяются на четыре типа.

Первый тип кувшинов имеет сферическое или вытянуто-овальное тулово со слегка вы-

деленным горлом и подкошенной придонной частью (рис. 32, IX—1). Эта форма кувшинов в комплексе Джаркутана представлена с более четко выделенным горлом (табл. LV, 2, 4, 5, 9; LI, 1—4). На джаркутанском этапе более часто встречаются кувшины вытянуто-овальных пропорций, составляющие второй тип кувшинов (рис. 32, IX—2; табл. LV, 8; LI, 5; XLVII, 1—4).

Первый тип сосудов составлял ведущую форму кувшинов сапалитского этапа, но в джаркутанском периоде их количество резко сокращается, и они становятся редкими. Ведущей формой джаркутанского времени становятся кувшины второго типа.

Третий тип кувшинов — сосуды с узким горлом и шаровидным туловом (рис. 32, IX—3, 3а, 3б; табл. XLVIII, 5—7; LI, 15—16; LV, 6). Часть кувшинов изготовлена из серой глины, часть — из светлофоновой. В форме сосудов не замечается никаких видоизменений. Шаровидные кувшины с узким катушкообразным бортиком характерны для керамики как сапалитского, так и джаркутанского этапов. Единственное отличие заключается в том, что отдельные экземпляры кувшинов джаркутанского этапа сильно приплюснуты, с подкошенным дном и приобрели репообразную форму (рис. 32, IX—3б; табл. XLVIII, 7). Два сосуда из поздних групп могил Сапалитена имеют придонное усеченноконическое оформление. На одном шаровидном кувшине с катушкообразным бортиком из верхнего слоя Сапалитена на плечике напелены две маленькие ручки (табл. XLVIII, 5).

Четвертый тип — кувшины яйцевидной и грушевидной формы (рис. 32, IX—4, 4а, 4б; табл. XLVII, 9—16). В обеих формах суживающиеся кверху высокие горла заканчиваются слегка отогнутым округлым или овальным бортиком. Один грушевидный кувшин поставлен на узкий кольцевой поддон (рис. 32, IX—4а; табл. XLVII, 13), на поверхности тулова сохранились следы вертикального лощения. Один кувшин изготовлен из серой глины (табл. XLVII, 16). К числу сероглиняных яйцевидных кувшинов относятся еще два сосуда, один из которых по поверхности тщательно залощен (табл. XLVII, 14), а другой от верхней части корпуса до узкого горла орнаментирован горизонтальными в шесть рядов линиями. Промежутки между линиями заполнены то групповыми вертикальными насечками, расположенными в шахматном порядке, то ломаными полосами, образующими треугольники (Аскарова, 1973, рис. 35).

Миски подразделяются на четыре типа (рис. 32, X). Как отмечалось выше, отдельные

экземпляры мисок встречались и среди керамики сапалитского этапа. Однако в комплексе керамики джаркутанского периода они составляют основную часть.

Первый тип — лентные миски — представлены двумя вариантами: полусферические миски с плоским дном (рис. 32, X—1, 1а) и полусферические миски со скошенной придонной частью (рис. 32, X—1б, 1в). В обоих вариантах у мисок неровный заглушенный край венчика, глиняное тесто грубое, вся внутренняя поверхность неровная, отслаивается тонким слоем, довольно слабого обжига. Находили их только в погребениях (табл. XLVIII, 10—12). Одна лентная миска по форме напоминает цилиндрикоконическую (рис. 32, X—1б; табл. XLVIII, 10).

Миски второго типа, как и миски последующих типов, изготовлены из гончарном круге. Встречены они в основном в комплексе верхнего слоя поселения Сапалитена (табл. XLVIII, 15). Устье мисок широко открытое, дно уплощенное, ниже бортика — желобок, который образует при переходе к венчику уступающее плечико (рис. 32, X—2). Попадаются и миниатюрные миски из серой глины, но они, в отличие от мисок предыдущей формы, не имеют четкого плоского дна. Вся их внутренняя и внешняя поверхность покрыта черным ангобом и залощена до зеркального блеска.

Миски третьего типа сделаны в виде довольно мелких тарелок конической формы (рис. 32, X—3). Миски этого типа встречаются редко и в обломках в комплексе верхнего слоя Сапалитена и на поселении Джаркутан. Только одна целая миска была найдена в погребении Сапалитена (погр. 104).

Миски четвертого типа также конических форм, с уступчатым переходом к венчику сосуда (рис. 32, X—4), но, в отличие от предыдущих, довольно глубокие и напоминают банкообразные сосуды из джаркутанского комплекса. На поселении Сапалитена их не обнаружено, лишь изредка они встречаются в керамике Джаркутана.

Чаши со сливами на джаркутанском этапе, видимо, вышли из употребления. В могилах, относимых нами к верхнему слою Сапалитена, и в могильнике Джаркутан чаши подобной формы не встречались. Лишь в одном случае фрагмент чаши оказался среди керамики Джаркутана. Однако имеются чаши со сливами больших размеров (второй тип), встречаемые только в комплексе сапалитского этапа, часть из которых была найдена в верхнем слое Сапалитена, т. е. в слое, относимом к джаркутанскому этапу (рис. 32, XI—2, 2а).

Плоские блюда в виде подносов или

тарелок (рис. 32, XII) имеют небольшой (2—3 см), округло загнутый внутрь, заостренный или тупой бортик. В центре внутренней части некоторых блюд — углубленное кольцо с незаметным заостренным бортиком. У всех блюд дно уплощенное, с песчаной подсыпкой, лишь в одном случае плоское дно блюда выделено (табл. LI, 13, 14). Этот тип сосудов характеризует комплекс керамики верхних слоев поселения Сапаллита и ранних групп могил Джаркутана (погр. 5, 46).

Лепные сковородки с четкими следами закованности на поверхности (рис. 32, XIII) встречаются в комплексе керамики в небольшом количестве.

Кольцевые подставки встречались в керамике всех этапов культуры Сапалли (рис. 32, XIV).

Таким образом, при анализе керамики джаркутанского этапа, как кухонной, так и парадно-столовой, выявлено 13 категорий сосудов с многочисленными типами и вариантами. Многие формы керамики джаркутанского этапа продолжают традиции сапаллинского этапа, что свидетельствует о их генетическом родстве.

Однако целый ряд различий, а также исчезновение старых и появление новых форм сосудов, указывает на непрерывность развития культуры.

Орудия труда и другие изделия

При анализе керамики джаркутанского этапа мы убедились, что многие сосуды комплекса Джаркутана по форме и функциональному назначению мало отличаются от таковых предыдущего периода. Это относится также и к орудиям труда, вооружению, предметам туалета и украшениям, изделиям культового назначения и т. д.

Камень, как один из важных сырьевых материалов, все еще сохранял свое важное значение в производстве орудий труда и оружия. Из него изготавливались наконечники стрел, ядра для пращ, зернотерки, ступки, пестики, молоты, отбойники, точилки, пряслица и т. д.

На поселении Джаркутан обнаружены сотни каменных изделий. В их числе 6 наконечников стрел, изготовленных из высококачественного кремня серого цвета. Форма и тип наконечников такие же, как и в Сапалли. В комплексе более 20 зернотерок, 6 пряслиц, 2 ступки, 4 пестика, более 40 отбойников и ядер для пращ, которые также не отличаются от изделий сапаллинского этапа.

Однако при изучении бронзовых изделий нам удалось выявить и разницу с бронзовыми предметами сапаллинского этапа. Правда, отличия выявляются не всегда на всех видах бронзовых изделий. Так, например, иглы, шила, спицы, булавки сохранили прежнюю форму с незначительными изменениями.

В комплексе периода Джаркутан шесть бронзовых орудий труда — это спицы и нож.

Если бронзовые спицы (3 экз.) джаркутанского периода (табл. LVII, 1—3) ничем не отличаются от спиц сапаллинского этапа, то нож (3 экз.) Джаркутана представлен особым типом, неизвестным для периода Сапалли. Нож Джаркутана сделаны в виде кинжалов вытянуто-ромбической формы с четко выделенным коротким и широким черешком. На черешке имеются три сквозных отверстия для закрепления его на костяной или деревянной ручке. В середине клинка нож слегка утолщается и приобретает при этом ромбическое сечение (табл. LVI, 1). Длина ножа 18 см, наибольшая ширина лезвия 3,6 см.

Интересны предметы туалета и украшения. В их числе три длинные гвоздеобразные булавки, обнаруженные в могильниках Джаркутан, изготовленные из круглой в сечении проволоки с постепенным утончением к рабочему концу (табл. LVII, 4—6). Длина булавок от 8 до 15 см. В отличие от сапаллинских, на их тупых концах конические шляпки отлиты в стержень.

Имеются и две булавки с фигурными навершиями, аналогичные булавкам из Сапалли, найденные в погребениях 24 и 45.

Первая булавка — с фигурной муфлон. Фигурка выполнена более грубо, чем сапаллинская. Рога обломаны, глаза и рот обозначены плохо, волосы густые и длинные. Подшейей подвес намечен хорошо (табл. LVI, 5). Длина булавки 14 см. Вторая булавка представляет собой круглый в сечении стержень, заканчивающийся плоской прямоугольной площадкой, на которую напаяна фигурка лежащей овцы с тщательно обозначенными ушами, глазами, носом и ртом (табл. LVI, 6). По кругу вдоль площадки выступают бугорки, расположенные в один ряд.

Раскопки могильника Джаркутан дали богатый комплекс камешных бус с необычайным обилием форм. Излюбленным материалом для изготовления бус времени Джаркутана была лазурит, агат, бирюза и полосчатый известняк. Есть бусы из олози, коралла и кварцита (табл. LVIII, 1—2).

Форма бус цилиндрическая, ромбическая, эллипсоидная. Техника изготовления ничем не отличается от техники предыдущего этапа.

Поэтому, избегая излишних описаний и классификации бус данного комплекса, отмечаем, что единственной отличительный признак каменных бус периода Джаркутана — это широкое применение для их изготовления нового материала — агата и полосчатого известняка.

Две бусины из погребения 29 покрыты стилизованной орнаментацией.

В комплексе джаркутанского периода много предметов культа: глиняные статуэтки, изображающие людей, фигурки животных, бронзовые печати и др.

В коллекции три статуэтки. Одна обнаружена в кенотафном захоронении погребения 40 (Сапаллитена) среди миниатюрных необожженных глиняных сосудов, а две другие — на южном бортике погребения 71, в небольшой яме, вырытой в полу комнаты верхнего строительного горизонта поселения Сапаллитена.

Статуэтки изготовлены из глины и высушены на солнце. Фигурки исполнены весьма схематично.

Одна статуэтка, найденная в погребении 40 третьего строительного этапа Сапалли, изображает стоящего человека с раскинутыми в стороны руками, короткой, слегка уплощенной и заостренной головой, широкой талией (Аскаров, 1973а, рис. 49).

Вторая статуэтка изображает сидящую беременную женщину. Намечаются обе руки, голова, одна грудь (голова и руки обломаны). Особенно хорошо виден выпуклый живот с пупком (табл. XXIV, 14).

Третья статуэтка — полная стоящая женщина с четко намеченным лицом, руками и даже головным убором (табл. XXIV, 11). Вторая и третья статуэтки, обнаруженные на борту погребения 71, были обращены лицом друг к

другу и изображали беременную женщину и повитуху.

При вскрытии помещений найдены четыре фигурки животных. Три из них выделены из глины, одна выточена из камня. Глиняные фигурки до того схематизированы, что даже трудно распознать в них животных. Головки фигурок отломаны, сильно пострадали ноги. Лишь в одном случае сохранился короткий заостренный хвост животного. Одна из фигур напоминает домашнюю свинью (табл. XXIV, 9).

В отличие от глиняных фигурок, четко и реалистично исполнена каменная статуэтка жабы. По размерам статуэтка маленькая, выточена из мергеля. Правая передняя нога обломана. Морда, вытуклые глаза, сидячая поза обозначены хорошо (табл. XXV, 15).

Интересна бронзовая печать розетковидной формы с петелькой. На лицевой части печати передано изображение орла с горбатым клювом, стилизованным хвостом и крыльями (табл. LVII, 10). По крыльям орла с двух сторон вверх ползут две змеи, головы которых встречаются у головы птицы. Техника изготовления печати и манера передачи изображения орла ничем не отличаются от традиций сапаллинского этапа.

Таким образом, при анализе вещевого инвентаря рассматриваемого комплекса мы убедились, что археологический материал джаркутанского этапа, с одной стороны, продолжает традиции предыдущего периода, с другой — четко отличается от него по целому ряду признаков, характерных только для джаркутанского этапа. Эти отличия позволили нам выделить джаркутанский этап культуры древних земледельцев Северной Бактрии и рассматривать его хронологически как второй этап развития культуры Сапалли.

Молалинский этап и его материалы

Археологический материал молалинского этапа представлен главным образом богатым набором керамики и бронзовых изделий как бытового, так и производственного назначения. Выделяя молалинский этап, мы исходили из того, что весь археологический материал и ориентировка погребенных четко отличались от комплексов двух предыдущих периодов культуры Сапалли.

Керамика и сосуды из бронзы

В комплексе посуды Молали более 5 тыс. фрагментов керамики, около 600 глиняных со-

судов, из них более 300 экз. археологически чистых.

По техническим признакам вся керамика комплекса Молали разделяется на лепную и изготовленную на гончарном круге. Количество форм лепных сосудов ограничено — это толстостенные массивные сковородки с невысоким бортиком и толстостенные котлы типа корчаг.

Основную массу сосудов составляет гончарная керамика, изготовленная из хорошо отмоленной, тщательно обработанной эластичной глины. Облик сосудов довольно высокого качества. Черепок в разломе кирпичного цвета, поверхность большинства сосудов обычно гладкая, покрыта слоем белого ангоба. В ряде слу-

чаев поверхность черепка сосудов зеленоватого или красного оттенка.

Формы гончарной посуды довольно разнообразны, и каждая из них имеет многочисленные варианты. Это — вазы и кувшины, миски и горшки, представленные несколькими типами.

Вазы (500 экз.) представлены шестью типами и несколькими вариантами (рис. 32, 1).

Первый тип сосудов составляют вазы на высоких балюснообразных ножках (табл. LIX, 1, 3—5, 9; LXIV, 1—10). По оформлению венчика и некоторым деталям ножки они подразделяются на четыре варианта.

Вазы первого варианта имеют резервуар полусферической формы с загнутым внутрь под острым углом краем венчика. Высокая полая ножка перевернута-балюснообразная, с круглым и слегка вогнутым основанием. Переход от ножки к тулову профилированный (рис. 32, 1—1; табл. LIX, 1, 4, 5). Профиль резервуаров ваз второго варианта такой же, как и у первого, но переход от ножки к резервуару оформлен широким желобком, поэтому ножка приобрела вид опрокинутого конуса (рис. 32, 1—1а; табл. LIX, 3, 9). Вазы третьего варианта отличаются от первых двух только тем, что край венчика полусферического резервуара у них овально загнутый внутрь (рис. 32, 1—1б; табл. LXI, 3; LXIV, 10). К этому же варианту относится одна ваза точно такой же формы, но ножка ее оформлена без балюсны (рис. 32, 1—1в; табл. LXI, 5).

Четвертый вариант ваз такой же, как первый и третий. Однако вазы этого варианта более миниатюрные, полусферическая чаша резервуара завершается уступчатым переходом к отогнутому заостренному бортику (рис. 32, 1—1г; табл. LX, 6). По окружности выступающего ребра резервуара каким-то острым инструментом нанесены зубчики. Все вазы покрыты белым ангобом зеленоватого оттенка. Строгие, подчеркнутые формы ваз — результат быстрого вращения гончарного круга.

Фрагменты ваз на балюснообразных ножках встречались в керамике поселения Молали (Беляева, Хакимов, 1973, рис. 2).

Второй тип сосудов составляют вазы на низкой профилированной ножке, с овально загнутым внутрь краем венчика и глубокой эллипсоидной формы чашкой (рис. 32, 1—2; табл. LXI, 18; LXIV, 12—14). В одном случае посередине ствола ножки выступает кольцевой валик (табл. LXIV, 12). По краю круглого основания ножки иногда выступает небольшой бортик. Поверхность ваз часто покрыта слоем белого ангоба, в некоторых случаях ангоб почти полностью отслоился. Встречаются вазы с зеленоватым оттенком и вазы цвета жженого

кирпича, происходившие как из могильника, так и из поселения Джаркутан.

Третий тип сосудов представлен вазами на низких профилированных полых ножках с овально-отогнутым краем венчика и глубокой эллипсоидной формы чашкой (табл. LX, 2, 4, 5). На плечиках сосудов — уступчик, выше него — высокий вогнутый венчик (рис. 32, 1—3). Обычно у этих ваз, как и у ваз предыдущей формы, сделано сильно выступающее валикообразное ребро, отделяющее ножку от тулова. По окружности основания ножки часто выступает небольшой валик (табл. LX, 4), иногда оно оформлено узким желобком (табл. LX, 2). Часть этих сосудов — со следами белого ангоба, большая часть — цвета жженого кирпича. Несколько экземпляров подобных ваз найдено в могильнике и поселении Молали (Беляева, 1973, рис. 8, 9).

Четвертый тип сосудов представлен вазой на высокой полый ножке, с широким открытым, отогнутым наружу под острым углом краем венчика и четко выраженным ребром на тулове чаши (рис. 32, 1—4). По краю широкого вогнутого основания ножки слегка выступает бортик, посередине ствола ножки — валикообразный уступчатый бордюр с опоясывающими рядами горизонтальных линий (табл. LX, 1; LXIV, 15). К этому же типу можно отнести еще одну вазу без ножки (табл. LX, 9). Аналогичная ваза с уступчиком на туловине была найдена на поселении Тахирбай 3 (В. Масков, 1959, табл. VII, 3).

Пятый тип сосудов составляют несколько фрагментов ваз с довольно широким и уступчатым переходом к овальному краю бортика (рис. 32, 1—5; табл. LX, 7, 8, 10).

Шестой тип представляет единственным экземпляром вазочки на низком плоском кольцевом поддоне (рис. 32, 1—6). Край венчика вазы овально загнут внутрь под острым углом. По краю основания ножки выступает овальный бортик (табл. LX, 3).

Крышки по форме подразделяются на два типа. Первый тип крышек составляет основную массу сосудов этой категории. Форма крышек вытянуто-овальная, венчик слегка отогнут и заострен (рис. 32, II—1, 1а, 1б), размеры почти стандартные, высота 11—13 см. Сосуды легкие, звонкие, белого цвета и с зеленоватым оттенком (табл. LXVI, 1—5). Встречаются экземпляры с туловом биконического профиля (рис. 32, II—1а).

Второй тип — крышки цилиндрических форм, довольно мелких размеров, со слегка вогнутым профилем корпуса и отогнутым наружу краем венчика (рис. 32, II—2). Сосуды этого типа встречаются довольно редко, по форме они на-

попадают цилиндрические сосуды ахеменидского времени.

Горшки (более 100 экз.) представлены четырьмя типами. Первый тип — горшки вытянуто-овальных форм со слегка отогнутым заостренным венчиком, исключительно на кольцевом поддоне (рис. 32, III — 1). Размеры горшков нестандартные. Все горшки легкие, звонкие, белого с зеленоватым оттенком цвета (табл. LIX, 2, 8; LXI, 16; LXVI, 7, 18, 19).

Горшки второго типа — сферические, с сильно отогнутым заостренным венчиком (рис. 32, III — 2, 2а). По профилю они делятся на два варианта. Горшки первого варианта более призматические, с четко выделенным низким горлом и сильно отогнутым утолщено-овальным или заостренным краем бортика (табл. LXVI, 6, 9, 17). Горшки второго варианта поставлены на кольцевой поддон (табл. LXV, 17). К этому варианту примыкает группа горшков с шаровидным туловом и более вытянутым широким горлом (рис. 32, III — 2б).

Горшки обоих вариантов относительно однотипны. Цвет горшков в основном белый с зеленоватым оттенком, но отдельные экземпляры имеют цвет жженого кирпича.

Третий тип — биконические тонкостенные, звонкие, с заостренным венчиком горшки малых размеров (рис. 32, III — 3, 3а; табл. LXI, 1, 2, 11, 12, 14; LXVI, 10 — 15). Иногда попадаются горшки со слегка утолщенным краем венчика. Цвет горшков красный, розоватый или зеленовато-белый. Выделяется один горшок больших размеров с двумя отверстиями вдоль венчика (табл. LXVI, 10). К этому же типу примыкает серия стандартных мелких биконических горшков с удлиненной верхней частью и заостренно-отогнутым венчиком (рис. 32, III — 3а; табл. LXI, 12, 14; LXVI, 11, 12). Цвет горшков розоватый, лишь один покрыт белым ангобом зеленоватого оттенка.

Четвертый тип — это призматические крупные горшки с широким низким горлом (рис. 32, III — 4, 4а). По оформлению придонной части эти горшки подразделяются на два варианта: горшки со скошенной диагональю (рис. 32, III — 4, табл. LXVI, 8; LXI, 19) и горшки без скошенной придонной части (рис. 32, III — 4а).

Все горшки, за исключением отдельных экземпляров, довольно мелких размеров, в большей части красного или розового цветов.

Чайники представлены единственным экземпляром сферической формы с трубчатым носиком и относительно широким венчиком (рис. 32, IV). Размеры чайника небольшие, по форме он похож на шаровидные горшки.

Кувшины (около 40 экз.) разделяются на четыре типа. Кувшины первого типа имеют

вытянутые формы, высокое и широко отогнутое горло, скошенную придонную часть (рис. 32, V, 1). Край венчика заострен. Туловище вытянуто-овальное, иногда округлое. На плечиках кувшинов прочерчены двумя группами овальные линии (табл. LIX, 6, 7; LXV, 2, 3, 6, 7, 10, 11, 14, 15), у некоторых сосудов между горизонтальными линиями небрежно нанесены зигзаги туловым инструментом. К этому типу примыкает еще один кувшин с подковошным дном, но с туловом, близким к сферической форме и низким горлом со слабо выраженным венчиком (рис. 32, V — 1а). Этот кувшин более стройный, чем другие, вся внешняя и внутренняя поверхность его покрыта белым ангобом зеленоватого оттенка.

Второй тип кувшинов составляют сосуды небольших размеров с четко выделенным горлом и сильно отогнутым заостренным краем венчика, без скошенной придонной части (рис. 32, V — 2, 2а; табл. LXI, 9, 10). Туловище кувшинов раздутое, близко к сферической форме (табл. LXI, 6; LXVI, 16). На плечиках некоторых сосудов нанесены горизонтально прочерченные линии. Подобный сосуд встречен в комплексе Тахирбай 3 (В. Массон, 1959, табл. V, 4).

Третий тип — небольшие высокорольные кувшины с шаровидным туловом и узким плоским поддоном (рис. 32, V — 3, 3а). Край венчика сильно отогнут, часто заострен. Эти сосуды наиболее типичны для молдалицкого этапа.

Четвертый тип кувшинов составляют единичные экземпляры сосудов со сферо-биконическим туловом и коротким узким горлом, напоминающие кувшины четвертого типа комплекса Савалли и третьего типа комплекса Джаркутан (рис. 32, V — 4).

Миски (более 60 экз.) делятся на три типа. Для всех них характерны широко открытые устье и узкое плоское дно.

Первый тип — глубокие миски со сферическим корпусом и со слегка выделенным надломленным венчиком (рис. 32, VI — 1, 1а). Край венчика очень уплощенный, иногда отогнуто-овальный (табл. LXIII, 1 — 5, 7, 8, 13, 15, 16, 20, 21). Размеры разные. Диаметр венчика наиболее крупных мисок 20 см, а маленьких — 12 см. Основная часть мисок — со следами белого с зеленоватым оттенком ангоба, а меньшая — розоватого цвета. По профилю миски первого типа подразделяются на два варианта: первый — с четкими коническими очертаниями (рис. 32, VI — 1; табл. LXIII, 1, 2, 5, 7, 8, 13, 16, 21) и второй — со слегка вогнутым переходом к невысокому кольцевому поддону в нижней части корпуса (рис. 32, VI — 1а; табл. LXIII, 4, 20).

Миски второго типа — более подчеркнутых форм. Конический корпус в верхней части завершается уступчатым переходом к отогнуто-овальному или подтреугольному краю венчика (табл. LXIII, 10, 11, 18). Нижняя часть корпуса слегка вогнута и образует четкий поддон миски.

Миски третьего типа имеют четко выраженную коническую форму с желобчатым переходом от корпуса к венчику (рис. 32, VI — 3; табл. LXIII, 9, 12).

Плоские блюда (рис. 32, VII) представлены в комплексе всего четырьмя экземплярами. Корпус овально вогнут внутрь, невысокий (5—6 см), дно широкое, уплощенное (15—18 см), диаметр венчика 18—24 см (табл. LXIII, 6, 22). По форме они напоминают блюда сапаллинского и джаркутанского этапов.

Кольцевые подставки, одинаково встречаемые на всех этапах культуры Сапалли (рис. 32, VIII), аналогичны подставкам из сапаллинского и джаркутанского этапов.

Анализируя керамику комплекса Молали в целом, можно отметить, что количество форм и вариантов здесь значительно меньше, чем в керамике предыдущих двух периодов. Формы стандартные. Все сосуды изготовлены на гончарном круге, обжиг высокого качества, черепок зvonкий, значительная часть их тонкостенная.

В комплексе археологического материала Молали имеются три бронзовых сосуда. Первый, сильно поврежденный грабителями, обнаружен в погребении 79. Судя по мелким фрагментам, это была полусферическая чаша с прямо срезанным краем венчика. Дно чаши было, видимо, плоское. Второй сосуд, как и первый, найден во фрагментах в погребении 49 могильника Джаркутан. В целом виде сосуд имел цилиндрическую форму с сильно выступающим краем донца. Третий сосуд — полусферическая чаша из погребения 75. Край венчика затупленный, дно плоское. Высота чаши 4,5 см, диаметр дна 5 см, диаметр венчика 12 см (табл. LXIV, 16).

*Орудия труда,
предметы туалета
и украшения*

Основная масса каменных и бронзовых орудий труда, предметов туалета и украшений расматриваемого комплекса была получена из поселения и могильника Джаркутан. Это — каменные зернотерки, пестики, пряслица, бронзовые ножи, булавки и лопаточки, браслеты и колечки, каменные бусы, подвески и т. д.

Наиболее многочисленны каменные зернотерки. По форме и технике обработки они ничем не отличаются от аналогичных изделий Сапаллинтепа.

В двух экземплярах представлены пестики. Один пестик изготовлен из гранита, другой — из кремнистого известняка. Рабочие концы пестиков сильно стертые.

Каменные пряслица (2 экз.) биконической формы с отверстием в центре найдены в крепости поселения и погребении 22 могильника Джаркутан.

Единственным экземпляром представлен бронзовый сапожный нож, обнаруженный в могильнике Джаркутан в кенотафии захоронения 36 (табл. LXVII, 15). Рабочее лезвие сделано в форме полуovalа с прямоугольным концом с одной стороны и клювовидным — с другой, а плоская черешковая поперечная ручка — в виде удлиненной трапеции. Аналогичная форма ножей бытует среди сапожных инструментов и в настоящее время.

В коллекции бронзовых изделий комплекса Молали имеется серия миниатюрных вотивных ножей разных форм. Ножи обнаружены как в мужских (погр. 51, 122), так и в женских (погр. 62, 138) погребениях (табл. LXVII, 10—12, 14).

Бронзовая лопаточка с коротким черешком и уплощенным заостренным округлым лезвием обнаружена в женской могиле позднего Джаркутана (табл. LXVII, 13). Возможно, что данный предмет мог использоваться в качестве бритвы для бровей. Лопаточка входила в набор предметов женской косметики. Из числа предметов женской косметики можно отметить и круглое зеркало с ручкой из могильника Молали (Беляева, Хакимов, 1973, с. 40), которое по форме ничем не отличается от сапаллинских зеркал с простой ручкой.

Из украшений могильника Джаркутан наиболее интересны четыре бронзовые булавки или шпильки с разнообразно оформленными навершиями. В одном случае на тулой конец стержня с круглым сечением напаяна плоская квадратная печать с четырьмя симметрично расположенными кружочками, которые образуют в углах изображение креста (табл. LXVII, 1). Цилиндрикоконический стержень другой булавки завершается конической шляпкой (табл. LXVII, 3). На стержень третьей булавки насажено навершие в форме булавки с рубчатыми краями (табл. LXVII, 2). Последняя булавка — меньших размеров, на ее круглый стержень насажено навершие, заканчивающееся цилиндрической бусинкой из агата (табл. LXVII, 4).

В материалах молалинского этапа имеется шпилька с лазуритовой инкрустацией на головке, два бронзовых браслета и два височных колечка. Браслеты и височные колечки сделаны из круглой в сечении проволоки с несомкнутыми концами и найдены в обломках в могильнике позднего Джаркутана (табл. LXVII, 5—9). По форме они ничем не отличаются от браслетов и височных колец комплекса Сапалли.

При раскопках могильника Джаркутан в двух погребениях обнаружены каменные бусы, состоящие из семи лазуритовых бусин каплевидной формы, и большое число кальцитовых бус короткоцилиндрической, плоскоцилиндрической и ромбовидной формы (табл. LXVII, 16—19). Несколько каменных бусинок найдено на площади разрушенной могилы могильника Молали. Бусы из каолина цилиндрической и ромбической формы широко известны в памятниках более ранних периодов. Но крупные каплевидные бусы, сделанные из бадахшанского лазурита, которые даже можно назвать подвесками, встречаются впервые.

Среди украшений имеется несколько золотых бусинок, найденных в могильнике Молали (погр. 2), и золотая серьга с затупленными буферобразными несомкнутыми концами из могильника Джаркутан.

Небольшое количество бронзовых изделий в комплексе Молали и их фрагментарность не является, на наш взгляд, признаком «кризиса» домашней металлургии культуры Сапалли на последнем ее этапе. Скорее всего, это — результат массового ограбления могил. Если учесть сумму данных, указывающих на наличие богатых погребений, причем с благородными металлами, то факты говорят в пользу дальнейшего развития домашней металлургии и продолжения старых традиций снабжать покойников всевозможными личными вещами и приношениями. Так, например, при вскрытии погребения 49 (Джаркутан) найдено 16 глиняных сосудов и 7 бронзовых предметов, в детском погребении 112 — золотая серьга, а в погребении 2 (Молали) — несколько золотых бусинок.

ГЛАВА IV. ВОПРОСЫ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ И АБСОЛЮТНОЙ ХРОНОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ САПАЛЛИ И ЕЕ ЭТАПОВ

Обильный и разнообразный вещевой инвентарь культуры Сапалли позволяет довольно четко определить хронологические рамки ее существования и выявить круг памятников культуры в целом. Определение ареала и хронологии культуры базируется как на традиционном типологическом методе археологии — определении параллелей в соседних комплексах, так и на использовании данных радиоуглеродового анализа.

Первый путь открывает большие возможности для определения не только территории распространения культуры, но и ее периодизации.

Закономерно, что наиболее полные аналоги культуры Сапалли обнаруживаются на территориально и хронологически близких ей памятниках Северного Афганистана, ставших известными лишь в последние годы. Памятники Северного Афганистана, составлявшего некогда южную часть Древней Бактрии, представлены археологическими комплексами Дашлинского и Фарукабадского оазисов, которые оказались не только хронологически совпадающими с памятниками культуры Сапалли, но и с памятниками родственных племен, одновременно появившихся в обеих частях Древней Бактрии, о чем более подробно писалось в нашей первой публикации о результатах археологического исследования поселения Сапаллитепе (Аскарлов, 1973а, с. 101—127).

Результаты раскопок последующих лет на Сапаллитепе и других открытых нами памятниках эпохи бронзы Южного Узбекистана еще раз подтвердили правильность наших тезисов уже на значительно большем фактическом материале. Поэтому привлечение более обширных материалов из североафганских синхронных комплексов для установления хронологии памятников культуры Сапалли в данном случае считаем излишним. Однако В. И. Сариниди, проводивший в последние годы археологические исследования на территории Северного Афганистана, комплексе памятников типа

Дашли датирует в целом второй половиной II тысячелетия до н. э. При этом весь добытый материал дается одним периодом без хронологической детализации, которая не установлена из-за отсутствия стратиграфическированных комплексов, особенно из могильных памятников. Радиоуглеродные даты с поселений Дашли 1 (1570 ± 45 — 1250 ± 45 гг. до н. э.), Дашли 2 (1390 ± 40 гг. до н. э.) и Дашли 3 (1490 ± 50 гг. до н. э.) соответствовали результатам типологических сопоставлений всего комплекса Дашли с другими памятниками.

Во время поездки в Афганистан осенью 1975 г. мы ознакомились с материалами из разрушенных могильников и поселений Дашли 1—3 и убедились в возможности разделения памятников эпохи бронзы Северного Афганистана на хронологические периоды. Так, отдельные могильники Фарукабадского оазиса дают комплексы, синхронные с сапаллинским этапом (вазы на высоких ножках, конические чаши, крынки, чайники с трубчатым носиком). В отдельных могильниках встречена керамика, аналогичная керамике молалинского периода (миски на поддоне, мелкие горшки, кувшины). В Дашлинском оазисе в одном могильном поле находились разновременные захоронения, синхронные с джаркутанским и молалинским периодами культуры Сапалли.

Поселение Дашли 1 дает материалы более раннего облика, подобные материалам Сапаллитепе, а Дашли 3 содержит материалы как джаркутанского, так и молалинского периодов по нашей хронологической шкале (Сариниди, 1976, с. 21—86).

В целом, все типы и варианты ваз на высоких ножках, конических сосудов, кубков и крынок, горшков и чайников, кувшинов и мисок, сланчатых чаш и кольцевых поддонов культуры Сапалли в полном наборе представлены в памятниках Северного Афганистана. Необходимо отметить и некоторые отличительные черты характерные для керамики каждого центра бактрийского региона. Так, в комплексах са-

паллинского и джаркутанского периодов наиболее широкое распространение получили вазы на высоких ножках и конические чаши, а кубкообразные сосуды на узком вогнутом кольцевом поддоне здесь довольно редки. В материалах же Дашли самыми распространенными были разнотипные кубкообразные сосуды на узком вогнутом кольцевом поддоне. Особенно их много в комплексах могильников. По размерам они мелкие. Тяжелые банкообразные сосуды джаркутанского периода, видимо, вообще отсутствуют в керамике Дашли. Дашлинские сосуды конического профиля — легкие, звонкие, с тонкими стенками и представлены разнообразными вариантами. Такого изобилия в керамике Сапалли нет.

Интересно, что в материалах Дашли нет ни одной крупной сероглиняной вазы на кольцевом поддоне сапаллинского типа (табл. XV, 13—16), шаровидных кувшинов с катушкообразным горлом (табл. XXIII, 1—9), ваз на высоких балеснообразных ножках (табл. LXIV, 1—10) и широкогорлых стройных кувшинов с прочерченными линиями (табл. LXV, 2, 3, 6, 7, 10, 11, 14, 15) молазанинского этапа. Если не придавать значения этим небольшим различиям,

Вопросы хронологии сапаллинского и джаркутанского этапов

Анализ материалов культуры Сапалли показал, что комплексы сапаллинского и джаркутанского периодов, хотя и имеют некоторые различия, во многом сходны, а материалы молазанинского этапа четко отличаются от них по целому ряду признаков. Поэтому при датировке материалов культуры Сапалли мы сочли целесообразным рассматривать комплексы первых двух периодов вместе, а завершающего этапа — отдельно.

Как отмечалось в предыдущей главе, основная масса глиняных сосудов сапаллинского этапа изготовлена из глины без каких-либо дополнительных примесей. Обожж выскокого качества. Керамика этого этапа в основном красноцветная, бледно-розового и зеленовато-белого цветов, часто покрыта розовато-белым ангобом.

Керамика джаркутанского периода сделана более грубо. Ангобированная керамика и сосуды с темно-красными потеками в Джаркутане крайне редки, в то время как большая группа парално-столовой посуды сапаллинского периода покрыта жидкой каолиновой глиной темно-красного цвета. Поверхности многих сосудов покрыта вертикальными потеками, как бы образующими узоры. У большой группы кувшинов, отдельных чайников и кольцевых поддонов обоих этапов отмечены следы проца-

рам, то можно констатировать, что культура Сапалли во всех ее проявлениях находит близкие параллели с комплексами дашлинского типа Северного Афганистана.

Переходя к типологическому сопоставлению основного археологического материала культуры Сапалли с комплексами других областей, следует отметить, что памятники, аналогичные как по времени, так и по культуре нашим комплексам, распространены, в первую очередь, в Мургабском оазисе, подгорной полосе Южного Туркменистана, Северо-Восточном Иране, иранском и афганском Сейстане. Однако археологическая изученность синхронных с Сапалли памятников этих древнеземледельческих центров неравномерна, материалов опубликовано еще недостаточно. Особенно это касается памятников Мургабского оазиса и подгорной полосы Южного Туркменистана, где памятники этого времени исследованы слабо. Южный Афганистан (Мунидаг IV), Северо-Восточный Иран (Гиссар IIIc, Шах-тепе IIa) изучены гораздо полнее благодаря широким систематическим раскопкам Ж. Касая (Мунидаг), Е. Шидта (Тепе Гиссар), Т. Арне (Шах-тепе) и др.

ранных знаков. Основную массу сосудов составляет светлофоновая керамика (97%), но встречаются отдельные формы сосудов, изготовленных из серой глин (3%).

При сопоставлении керамики культуры Сапалли с материалами других древнеземледельческих центров выявляется, что наш комплекс близок синхронным памятникам Мургабского оазиса (Аучин-депе, Тахрибай 3), соответствующим слоям подгорной полосы Южного Туркменистана (Алтай-депе, Намазда-депе, Улуг-депе и т. д.), Южного Афганистана (Мунидаг IV), Мунидагская керамика, в отличие от сапаллинской, в большей части орнаментирована. Памятники Северо-Восточного Ирана (Гиссар IIIc, Шах-тепе IIa и др.) характеризуются исключительно серой и черной обожженной керамикой, не характерной для памятников Южного Узбекистана, Северного Афганистана, Мургабской долины и подгорной полосы Южного Туркменистана, за исключением самых западных областей последнего.

Таким образом, можно сделать вывод, что по фактуре керамики культура Сапалли состоит в единстве с комплексами культуры Намазда-га.

При синхронизации памятников большое значение приобретают формы керамики. Так, в комплексе Сапалли представлены 12 экз.

ваз на кольцевом поддоне (табл. XV, 13—16). Все они, за исключением одного экземпляра (табл. XV, 16), изготовлены из серой глины. Близкие по форме сосуды известны в Намазга-депе в слое Намазга IV (В. Массон, 1956а, табл. XXXI, 11) и на «вышке» в слое позднего Намазга VI (Хлопина, Альбом иллюстраций к кандидатской диссертации «Намазга-депе — эпоха поздней бронзы Южной Туркмении», рис. 15, 4, 4а). Подобной формы ваз нет в керамике Мургабской долины, Северо-Востоchnого Ирана, Южного Афганистана и даже в даштинском комплексе. Сероглиняные вазы на кольцевом поддоне отсутствуют и в керамике джаркутанского этапа. Видимо, эта форма керамики является одной из наиболее ранних в культуре Сапалли.

Довольно ограничены параллели сапаллинским вазам на высоких ножках разных размеров. По своим пропорциям они подразделяются на два подтипа. Вазы первого подтипа имеют конический резервуар с широко открытым, отогнутым наружу бортиком и относительно низкой ножкой (рис. 32, 1—1; табл. XV, 1—12). Вазы подобной формы встречаются и в керамике джаркутанского этапа, но они отличаются от сапаллинских тем, что коническая часть их мелкая, широко открытая, у верхней части резервуара перегиб более резкий, ножка довольно высокая, тонкая (рис. 32, 1—1, 1а; табл. LI, 1—7).

Эта форма широко представлена и в керамике Дашли. Однако в малалинский период ее заменяют, видимо, вазы на массивных ножках с желобчатым бортиком (табл. LX, 2, 4, 5). Форма, аналогичная сапаллинским вазам с открытым венчиком резервуара, встречается в материалах с «вышки» Намазга-депе (Хлопина, 1972, рис. 6, 1). Но вазы Намазга-депе, датируемые поздним комплексом Намазга VI, в деталях четко отличаются от сапаллинских. Ножки у них более массивные, сами вазы приземистые, с довольно низким стволom ножки, что не характерно для ваз с открытым венчиком как сапаллинского, так и джаркутанского периодов. Скорее всего, вазы с «вышки» Намазга-депе как по форме, так и по хронологии близки к вазам из Молали.

Второй подтип — вазы с глубоким коническим резервуаром, загнутым вовнутрь бортиком и низкой массивной ножкой (рис. 32, 1—16; табл. XVI, 1, 2, 5, 6, 10, 11, 17). Он широко представлен в керамике первых двух этапов культуры Сапалли. Джаркутанские вазы, в отличие от сапаллинских, более грубой отделки, массивные и красно-охристого цвета. Подобная форма ваз встречается в материалах Аучин-депе (В. Массон, 1959, табл. II, 5), близ-

кая по форме ваза найдена и в могильнике Янги-кала (Ганяли, 1956а, рис. 4).

Широкие аналоги находят все типы сосудов конической формы. Так, конические тазики на массивном кольцевом поддоне (рис. 32, II—1; табл. XVII, 1—8) сапаллинского этапа часто встречаются в аучинском комплексе (В. Массон, 1959, табл. II, 2; III, 2), в керамике Улуг-депе (Масимов, 1972, табл. 4, 17). В джаркутанской керамике подобный сосуд известен лишь в одном экземпляре.

В джаркутанском периоде крупные тазики заменяются подобными сосудами меньших размеров (табл. LIII, 4, 5, 6, 8, 11, 12), появляются новые их варианты с более прямыми стенками (табл. LIII, 1, 5, 12, 13). Сосуды становятся более массивными, тяжелыми, особенно их донная часть, толстостенными. Довольно часто встречаются глубокие конические чаши разных размеров с надломленным бортиком (рис. 32, II—2). Эта форма сосудов характерна для керамики обоих периодов культуры Сапалли (табл. LIII, 1—3, 7—10, 13—16). Однако конические чаши каждого из них имеют свои специфические черты.

Многие глубокие конические чаши сапаллинского этапа со гладкой поверхности несут следы вертикального потока темно-красного цвета, который полностью отсутствует в джаркутанских чашах. Конические чаши сапаллинского периода обычно с широко открытым венчиком и узким плоским дном, у подобной чаши Джаркутана устье несколько сужается, плоское дно становится широким, тяжелым, при этом сосуд постепенно приобретает полуцилиндрическую форму. Тонкость и изящность форм чаш Сапалли теряется, и они становятся толстостенными. Верхняя часть корпуса загнута вовнутрь, в результате образован выступающий уступчатый переход к прямому венчику (табл. L, 4—14). Конические чаши обоих периодов культуры Сапалли являются одной из ведущих форм керамики даштинского комплекса, поселения Аучин-депе (В. Массон, 1959, табл. I, 10), Намазга-депе (Масимов, 1974, рис. 5, 1, 3, 6, 9).

Наиболее характерная форма керамики культуры Сапалли — кубкообразные чаши на узком высоком кольцевом поддоне (рис. 32, III; табл. XVII, 13—15). Они типичны для керамики обоих периодов. Однако в Джаркутане эта форма количественно преобладает, удваиваются размеры кольцевого поддона, верхняя часть корпуса становится округло-выступающей или заостренно-ребристой (рис. 32, III; табл. XLVIII, 14; L, 3, 13). В керамике Аучин-депе встречается только сапаллинский вариант

подобного сосуда (В. Массон, 1959, табл. III, 6, 7).

Довольно широко представлены кубкообразные чаши в слоях Улуг-депе времени позднего Намазга V (Масимов, 1972, рис. 4, 19) и в Намазга-депе (В. Массон, 1956а, табл. XXXVII, 2; Масимов, 1974, рис. 3, 1—6). Эта форма кубкообразных чаш в разнообразных вариантах довольно широко распространена в керамике Дашли.

Особенно интересны кубки на высоких ножках комплекса Сапалли. В керамике сапаллинского этапа кубки чаще всего имеют горшкообразный резервуар с отогнутым заостренным бортиком (табл. XVI, 7—9, 12—16), иногда резервуар сделан с биконической пропорушкой (табл. XVI, 3, 4, 8). В Джаркутане они становятся более сферическими, крупными (табл. XLIX, 10—18), верхняя часть резервуара некоторых кубков сильно сужается (табл. XLIX, 10, 14).

Кубки на высоких ножках в комплексе Аучин-депе отсутствуют. Нет их и в южнотуркменских памятниках. Зато они известны в комплексах Северо-Восточного Ирана. Так, в комплексе Гиссар III представлена целая серия кубков с горшкообразным резервуаром на высокой ножке (Schmidt, 1933, pl. CXVII, H1636; Он же, 1937, pl. XXXVI, H1135, H5215), характерных для керамики Сапалли. Удивительно, что среди керамики Шах-тепе, хотя этот памятник расположен почти по соседству с Тепе Гиссар и имеет много сходных материалов, нет кубков с горшкообразным резервуаром, подобных гиссарским и сапаллинским. Имеющиеся отдельные экземпляры кубков с Шах-тепе представлены иной формой — коническим резервуаром на узкой ножке (Arne, 1945, pl. XXXIV, 623, 666). Такой сосуд найден в одном экземпляре в верхнем слое Сапаллитепе (табл. XX, 19).

Кубки с горшкообразным резервуаром на высоких устойчивых ножках, подобные сапаллинским, широко известны в слое Мунидага IV (Casal, 1961, fig. 66, 190, 191, 192, 1901; 96, 450). Среди кубков джаркутанского комплекса имеются единичные экземпляры со сферическим резервуаром. При этом нижняя половина резервуара расширяется, а верхняя часть сужается к венчику сосуда (табл. XLIX, 10, 14). Аналогичные кубки на высоких ножках составляют одну из ведущих форм керамики Мунидага IV (Casal, 1961, fig. 63, 156, 163, 164, 166; 64; 65). Следует отметить, что все кубки Мунидага IV несут растительный и геометрический орнамент. Довольно большим набором представлены в Мунидаге горшки с широко открытым венчиком и сферическим ту-

ловом сапаллинского типа (табл. XXII, 9—11). Причем они встречаются в III и IV слоях Мунидага (Casal, 1961, fig. 54, 64; 55, 70; 56, 88, 88a; 61, 143, 143a, 144; 66, 195, 195a, 195b, 195c, 195d; 67; 68). В Мунидаге IV их стало больше, чем в третьем слое, и в обоих периодах эти горшки орнаментированы геометрическими узорами.

Призматические горшки со сферическим туловом культуры Сапалли обычно встречаются на поселениях, в погребальном инвентаре они отсутствуют. Аналогичные горшки известны в Намазга-депе (Масимов, 1974, рис. 3, 9), в Улуг-депе (Масимов, 1972, рис. 4, 20).

В материалах Сапаллитепе представлена целая серия горшкообразных хумча крупных размеров, встречаемых обычно в богатых могилах (табл. XIX, 1—8). Подобные сосуды известны в керамике Аучин-депе (В. Массон, 1959, табл. II, 8). Однако в Джаркутане они претерпели некоторые изменения. Так, например, горло хумчи становится более высоким и прямым, край бортика резко отогнутый, придонная часть вытянуто-ковшечная (табл. L, 15, 16; LI, 11, 12). Эти сферические горшки с катушкообразным горлом характерны только для керамики джаркутанского этапа.

В материалах сапаллинского этапа довольно часто встречаются кувшины с низким горлом, отогнутым бортиком, сферическим или вытянуто-овальным туловом и скошенной придонной частью (табл. XXI, 5, 9, 10, 13, 16). В период Джаркутана их стало сравнительно мало, ведущей формой здесь выступают яйцевидные и грушевидные кувшины (табл. LI, 1—5; XLVII, 1—8). Встречаются они в основном в верхнем стратиграфическом горизонте поселения Сапаллитепе. Отдельные экземпляры кувшинов изготовлены из серой глины (табл. XLVII, 14, 16). Широко представлены они в памятниках Северо-Восточного Ирана. Так, в Гиссаре III подобные кувшины сделаны как из серой глины, так и из бронзы (Schmidt, 1933, pl. CXIV, H614; 1937, pl. XXXIV, H2164; pl. VII, H3497; Schaeffer, 1948, fig. 238, 1, 9, 10). Интересно, что даже в Сапалли имеется один экземпляр серой керамики с узором, подобным керамике Гиссара III б, с (Schaeffer, 1948, fig. 238, 8, 33). В большом количестве аналогичные кувшины обнаружены в керамике Шах-тепе. Причем яйцевидные и грушевидные кувшины с катушкообразным бортиком и штриховым лощением встречаются в слое Шах-тепе III (Arne, 1945, pl. XXII, 544; XXXI, 1708; XLII, 1461), особенно много их в керамике Шах-тепе IIa (Arne, 1945, pl. XXV, 573; XXVI, 148; XXXIX, 988).

Среди грушевидных узкогорлых кувшинов Сапаллитепе интересен один экземпляр с вы-

деленным катушкообразным поддоном (табл. XVII, 13). Эта форма довольно широко известна в керамике Мундигака IV (Casal, 1961, fig. 73, 234a, 234; 96, 452, 543). Отдельные экземпляры мундигацкой керамики, в отличие от сапаллинских, имеют расписной орнамент (Casal, 1961, fig. 71, 218). Узкогорлые кувшины грушевидной формы известны и в долине Читрал (Stacul, 1969, fig. 15; 16).

Большое место в комплексе Сапалли занимают чайники, представленные несколькими вариантами. В керамике сапаллинского этапа широко распространены чайники с трубчатым носиком (табл. XX). Иногда они сделаны со скошенной придонной частью (табл. XX, 1—5), чаще — со сферическим туловом и плавным переходом к плоскому дну (табл. XX, 6—16). Известны также чайники и в материалах Аучи-депе (В. Массон, 1959, табл. 1, 5). Намазга-депе (Масимов, 1974, рис. 4, 1—7). В Джаркутане форма чайников несколько видоизменяется: придонная часть с трубчатым носиком становится более вытянутой. Количественно они резко сокращаются, появляются чайники с клювовидным коротким носиком (табл. LIV, 1, 2, 4—6, 8) и небольшие приплюснуто-шаровидные чайники с удлиненным узким носиком типа слива (табл. LIV, 9, 10). Последние два варианта чайников в керамике сапаллинского периода отсутствуют вообще. Встречаются чайники, изготовленные из серой глины (табл. LIV, 3, 7). Приплюснуто-шаровидные чайники со сливчатым носиком встречаются в керамике могильника Сумбар (Хлопин, 1973, с. 10) и поселения Мадау-депе (В. Массон, 1956, рис. 33, 1, 2; 45, 2; 47, 2).

Сероглиняные шаровидные чайники с трубчатым носиком из Сапалли находят близкие аналогии в керамике Гиссара IIIc (Schaeffer, 1948, fig. 238, 34). Они достаточно широко представлены в соответствующих слоях Шах-тепе (Arne, 1945, pl. XXIII, 197, 198, 43, 65, 62, 66; XXVI, 564; XXXIII, 1429, 749, 750, 751). Следует отметить, что чайники Сапалли, в отличие от шахтелинских и гиссарских, оформлены низким горлом или совсем без него, в то время как североиранские сделаны с подчеркнуто высоким узким горлом и иногда с ручкой.

Наиболее близкие параллели находят среди керамики североиранских памятников джаркутанские чайники с приплюснуто-сферическим туловом и длинным клювовидным желобчатым носиком (табл. LIV, 9, 10). Носик с верхней части основания подтянут к бортику сосуда. Эта форма представлена всего лишь двумя экземплярами, изготовленными из красной глины. Близкие по форме чайники с уз-

рами изредко попадаются в слое Гиссар IIIc (Schaeffer, 1948, fig. 235, 26).

Наличие в комплексе горшковиных чаш со сливами является одной из характерных особенностей сапаллинского этапа (табл. XXII, 1—8). В материалах джаркутанского этапа подобные чаши отсутствуют, но известны в комплексе Аучи-депе (В. Массон, 1959, табл. III, 1). Чаши со сливами на Намазга-депе имеют несколько иные пропорции и напоминают большие чайники (В. Массон, 1956а, табл. XXXVII, 9). Близкие по форме чаши со сливами из серой глины встречаются в комплексе Мадау-депе (В. Массон, 1956б, рис. 28, 1, 44, 48) и в Сумбарском могильнике (Хлопин, 1973, с. 10).

Наиболее широко распространены чаши со сливами сапаллинского типа в памятниках Северо-Восточного Ирана. Основная масса сапаллинских экземпляров, как отмечалось выше, сделана из красной глины, а отдельные экземпляры — из серой (табл. XXII, 4). Аналогичные чаши в значительном количестве найдены в Гиссаре IIIc (Schmidt, 1933, pl. CXVI, H102a, H420; О. М. же, 1937, pl. XXXVI, H2141; XXXVIII, H3956, H4104; XLII, H4021; Schaeffer, 1948, fig. 238, 7, 30; 239, 34).

Такие же чаши широко представлены в соответствующих слоях Шах-тепе Па (Arne, 1945, pl. XXX, 268; XL, 746, 748, 1761; L, 361; LIX, 468, 469, 470, 471; LX, 479, 484).

В комплексе Сапалли имеется несколько мисок, изготовленных на круге и ручной лепки, относящихся к джаркутанскому этапу (табл. XLVIII, 10—12, 15). Аналогичные миски часто встречаются в комплексе Намазга-депе (Масимов, 1974, рис. 3, 7, 8, 10, 14).

Небольшую серию керамики Сапалли составляют миниатюрные цилиндрические стаканчики с развернутым бортиком (табл. XXII, 15—18), аналогичные керамике Мундигака IV (Casal, 1961, fig. 77, 266—268, 270—274), овально-вытянутые горшки (крынки) со слегка отогнутым заостренным краем венчика (Casal, 1961, fig. 71, 220—222, 224; 72, 225; 73, 234, 236d). Они являются одной из форм керамики Сапалли и Джаркутана (табл. XXIII, 10—17; LI, 6—7).

Особый интерес представляют шаровидные кувшины с катушкообразным горлом, встречающиеся в комплексах как сапаллинского, так и джаркутанского этапов (табл. XXIII, 1—9; XLVIII, 5—7; LI, 15, 16).

Сосуды этой формы в материалах других среднеазиатских памятников не обнаружены, но широко известны в комплексе Мундигака IV (Casal, 1961, fig. 76, 255, 256; 97, 459, 460, 462; 101, 483), хотя горло их несколько шире,

чем у сапаллинских. Наиболее близкая по форме серая керамика отмечается в материалах Шах-тепе, где она встречается со времени Шах-тепе III (Arne, 1945, fig. 173, 545; 218, 1215; 200, 1736; 221, 1732; 247, 1323). Особенно широко эти сосуды распространены в комплексе Шах-тепе IIa (Arne, 1956, fig. 183, 771; 188, 765; 193, 559; 191, 257; 194, 567; 196, 668, 669; 203, 952, 961, 949; 210, 542; 211, 504; 237, 655; 261, 1247; 264, 1077; 272, 1762; 302a).

Идентичные серооленные сосуды найдены в слое Гиссар IIIc (Schmidt, 1933, pl. CXIII, H1000; Schaeffer, 1948, fig. 238, 25), в долине Сват (Stacul, 1969a, с. 80, fig. 18, Period, II).

В Шах-тепе шаровидные кувшины с узким катушкообразным горлом представлены двумя вариантами. В одном случае узкое горло кувшина довольно высокое, что не характерно для керамики Сапалли, в другом — сравнительно низко, как на Сапалли. Следует отметить, что североиранские кувшины, в отличие от сапаллинских, изготовлены в основном из серой глины и украшены по поверхности орнаментом. В обоих случаях кувшины залощены до блеска, а некоторые сапаллинские сосуды покрыты темно-красными потеками по светло-серому фону (табл. XXIII, 7, 9; XLVIII, 6). Мультипликационные кувшины этой формы стройные, с изысканной конфигурацией и расписным орнаментом.

Изобилие сероглиняных шаровидных кувшинов сапаллинского типа в комплексах Шах-тепе, Гиссара и других памятников указывает на североиранское их происхождение (табл. XXIII, 3, 4, 7; XLVIII, 6; LI, 15, 16). Не исключена возможность, что эти сосуды, как и вся подобная керамика Сапалли со светлым фоном, были изготовлены по образцу североиранских. Это становится более убедительным, когда среди ряда форм сапаллинской керамики находятся и сосуды из серой глины: один экземпляр чайника с трубчатым носиком (табл. XX, 10), чаша со сливами (табл. XXII, 4), мелкие миски с уплощенным дном (табл. XLVIII, 15) и чайники с удлиненным сливчатым носиком (табл. LIV, 3, 7; LI, 8) и т. д.

Отнести их к привозным сосудам довольно трудно, так как вся вышеупомянутая серая посуда подражает основным типам и вариантам керамики культуры Сапалли и является продукцией местных мастеров под влиянием западных соседей.

Сероглиняная посуда не является характерной для комплексов не только культуры Сапалли и ее южных соседей — дашлинских памятников, но и подгорной полосы Южного Туркменистана, Мургабского оазиса. Анализ керамики подгорной полосы Южного Туркме-

нистана показал, что здесь, начиная со времени Намазга IV, под влиянием комплексов Северо-Восточного Ирана также появляется серая керамика. Именно в это время в Северо-Восточном Иране (Тепа Гиссар, Шах-тепе, Тюринг-тепе) прекращается изготовление расписной керамики, ее полностью заменяют чернолощенные и серооленные сосуды.

Серая керамика широко распространяется на западе Прикопетдагской равнины, как это хорошо показывают материалы ашхабадского Ак-депе, а на Намазга-депе она менее обильна. Еще меньше ее на восточных памятниках — Алтын-депе и Халуз-депе. В синхронных с Сапалли слоях Намазга-депе и Улуг-депе, а также и в материалах Аучин-депе формы керамики мало, и она точно повторяет формы краснофоновых сосудов. Интересна серия кольцевых подставок, характерных для керамики обоих этапов культуры Сапалли (табл. XXII, 12—13). Аналогичные подставки известны в керамике Дашли (Сарианиди, 1974, с. 62) и Аучин-депе (В. Массон, 1959, с. 20—21).

Отдельные параллели керамике Сапалли намечаются в комплексе Шахри-Сохты. Так, например, конические чаши Сапалли аналогичны чашам из Шахри-Сохты (Tosi, 1968, fig. 19, a, b, g, i; 20, a, d; Он же, 1969, fig. 22, a, v, c, d; 23, a, v, d, e, f). В Шахри-Сохте много конических чаш из алебаstra (Tosi, 1968, fig. 19, g, i; 82, 85; Он же, 1969, fig. 40, a, b, c, d). По периодизации М. Този, Шахри-Сохта имеет четыре последовательных периода. Первые три относятся к энеолиту и развитой бронзе, четвертый — к поздней бронзе (Tosi, 1967, с. 15—30). В первых трех периодах керамика расписная, в четвертом слое ориентация глиняных сосудов полностью исчезает. Вместо сероглиняных и расписных сосудов времени Шахри-Сохты I—III широко распространяются сосуды кирпично-красного цвета, как на Сапалли. Археологический материал из слоя Шахри-Сохты IV является, судя по описанию и датировке, аналогичным комплексу Сапалли.

Подводя итоги типологического сопоставления глиняных сосудов, констатируем, что, если основной керамический комплекс сапаллинского и жаркутанского этапов культуры Сапалли больше всего близок комплексам Северного Афганистана (Дашли), Мургабского оазиса (Аучин-депе) и подгорной полосы Южного Туркменистана (Намазга-депе, Алтын-депе, Улуг-депе и др.), то материя культуры Мунидак IV (Южный Афганистан), Гиссар IIIc и Шах-тепе IIa (Северо-Восточный Иран), Шахри-Сохты IV (иранский Сейстан) и др. имеют сравнительно мало сходства с памятниками первой группы. Так, из сопоставления

типов глиняных сосудов Сапалли в 12 случаях отмечаются близкие параллели с керамикой Мургабской долины (Аучин-депе) и подгорной полосы Южного Туркменистана (Намазга-депе, Алтын-депе, Улуг-депе и др.), в 6 случаях — с керамикой Северо-Восточного Ирана (Тепе Гиссар, Шах-тепе и др.), в 5 — с керамикой Южного Афганистана (Мундигак IV). Слои Мундигак IV, Шахри-Сохта IV, Гиссар IIIc, Шах-тепе IIa, где была найдена керамика, аналогичная комплексам Сапалли, синхронизируются со слоями времени Намазга V, раннего и развитого Намазга VI — памятников подгорной полосы Южного Туркменистана, которые, в свою очередь, хронологически увязываются с культурой Сапалли.

Сходство и близкие параллели, обнаруженные в керамике, особенно ярко прослеживаются и на других материалах культуры Сапалли, в частности в металлических изделиях. Круг аналогий металлических предметов Сапалли намного шире и выразительнее, чем других предметов материальной культуры.

В комплексах культуры Сапалли имеется большая серия бронзовых сосудов: миниатюрные графинчики-сурмадоны, чаши с желобчатым носком, полусферические чаши, кувшины грушевидной формы, цилиндрикоконические сосуды с вогнутыми стенками и др.

Графинчики имеют узкое высокое цилиндрическое горло с катушкообразным бортиком, перевернуто-коническое тулово и четко выделенный кольцевой поддон (табл. XXVI, 1—11). Аналогичные бронзовые сосуды встречаются в слоях Гиссара IIIc (Schmidt, 1937, pl. LVII, H4014; Schaeffer, 1948, fig. 239, 19), Шах-тепе IIa (Arne, 1945, pl. XXXII, fig. 684). Близкий по форме бронзовый сосудик известен из верхнего слоя Алтын-депе времени Намазга V (Кузьмина, 1966, табл. XVI, 45). Особый интерес представляют бронзовые небольшие чаши с желобчатым сливом из Сапалли (табл. XXVII, 15—17). Идентичная форма бронзовых сосудов имеется в соответствующих слоях Гиссара IIIc (Schmidt, 1937, pl. LVII, H4883), причем чаши подобной формы в Гиссаре изготовлены из серебра (Schmidt, 1933, pl. CXXV, H375, H378), свинца (Schmidt, 1933, pl. CXXXVI, H476) и даже алебастра (Schmidt, 1933, pl. CXXXIX, H57; Он же, 1937, pl. LIX, H4187).

Важной находкой среди металлических предметов культуры Сапалли является цилиндрикоконическая чаша со слегка вогнутыми стенками, отогнутым бортиком и расширяющейся нижней частью тулова (табл. XXVIII, 5, 6; XXVII, 9—11). Подобной формы чаша из

золота найдена в Триалети (Куфтин, 1941, табл. СII, 1).

Важнейший датирующий материал культуры Сапалли — печати из глины, камня и бронзы (22 экз.). Имеется несколько печаток-амулетов дисковидной и крестовидной формы. Печати в большей части сделаны в виде многолепестковой розетки округлой или звездобразной формы, на лицевой плоскости — изображение орла и разных геометрических узоров (табл. XLVI, 1—9). На обратной стороне розетки обычно небольшая петелька или стержень (табл. XL, 7—10, 13).

Особенно интересны крестовидные печати-амулеты (табл. XLIV, 2, 3; XLV, 13), несущие с двух сторон изображения животных, людей, растений и т. п. Розетковидные печати с перегородчатым геометрическим узором и кружком посередине широко представлены в материалах дашлунского комплекса (Сарианиди, 1974, рис. 1, 3). Там же встречены и крестовидные печати. Розетковидная и крестовидная печати с петелькой найдены в верхних слоях Алтын-депе. Там же, в погребении времени позднего Намазга V, были обнаружены две бронзовые печати (В. Массон, 1970а, с. 419, рис. 2, 3; Масимов, 1970а, с. 422).

Розетковидные печати с перегородчатым изображением и петелькой найдены в погребении середины II тысячелетия до н. э. на Улуг-депе. Одна из печатей из Улуг-депе изображает орла (Сарианиди, Качурис, 1968, с. 343—344). Крестовидная печать с кружком посередине извлечена из слоя позднего Намазга V на поселении Намазга-депе (Литвинский, 1952, рис. 12, 4), здесь же найдена розетковидная печать с петелькой (Куфтин, 1956, с. 278; рис. 23). Розетковидная перегородчатая печать с кружком в центре обнаружена на южном холме Анау (Pimpelly, 1908, fig. 256). Обломок такой же печати найден на поверхности поселения Аучин-депе (В. Массон, 1959, табл. XII, 8). Печатки из серого камня с кружком в центре встречены на поселениях Тахирбай 3 и Тахирбай 4 (В. Массон, 1959, табл. XII, 6, 7). Печать-булавка с лепестковой розеткой с кружком посередине найдена в погребении Ашхабад (Кузьмина, 1966, табл. XVI, 9).

Как видно из приведенных данных, печати в виде многолепестковой розетки с перегородчатым растительным и геометрическим узором широко распространены в памятниках Древней Бактрии, Маргяны и подгорной полосы Южного Туркменистана времени Намазга V и Намазга VI. Крестовидная форма печати больше тяготеет ко времени Намазга V, розетковидные печати встречаются чаще всего в комплексах периода позднего Намазга V и ранне-

го Намазга VI. Одна из характерных черт этих печатей — это кружок посередине лицевой части розетки. Крестовидные печати комплекса Сапалли имеют более богатые изображения, чем подобные печати из других среднеазиатских памятников. Так, например, на одной крестовидной печатке-амulette изображена фигура человека и верблюда (табл. XLV, 13), на другой — елка (табл. XLV, 21, 23). В других среднеазиатских комплексах подобные печати-амулеты отсутствуют.

Наиболее близкие аналогии розетковидным и крестовидным печаткам комплекса Сапалли находят во II и III периодах Шахри-Сохты (Tosi, 1968, fig. 96; *Om* же, 1969, fig. 262, 263; *Lambert-Karlovsky, Tosi*, 1973, fig. 32—49). Печати из Шахри-Сохты многообразны по форме: розетковидные, крестовидные, пирамидальные, прямоугольные, подтреугольные, трапециевидные. Изображения на розетковидных и крестовидных печатках особенно близки к сапаллинским. М. Този синхронизирует их временем Намазга IV—V, что вполне приемлемо. Розетковидные печати из различных материалов известны в слоях Гиссара III (*Schmidt*, 1933, pl. CXXXIX, H458, H720) и Мундигака IV (*Casal*, 1961, pl. XLV, 4, 10, 11). Крестовидные печати, подобные сапаллинским, встречаются в соответствующих слоях Гиссара III (*Schmidt*, 1937, pl. 198, H267; fig. 135) и Мундигака IV (*Casal*, 1961, pl. XLV, 1, 3). Печать в виде лепестковой розетки была найдена в слое IV Яхья-тепа (*Lambert-Karlovsky*, 1970, pl. 25, f). Квадратные и розетковидные печати с изображением свастики и креста известны в Мохенджо-Даро (*Mackay*, 1937, pl. LXXXIII, 17, 37; XCVIII, 624).

Из приведенных аналогий видно, что наиболее близкое сходство намечается между печатками Сапалли и Шахри-Сохты. Розетковидные печати Сапалли с кружком посередине в комплексе Гиссара III, Мундигака IV, Яхья IV отсутствуют. Возможно, печати в виде лепестковой розетки с кружком посередине из Шахри-Сохты также относятся к слоям четвертого периода, который хронологически увязывается с комплексом Сапалли.

Следует отметить, что печати многих районов, имея общие, а иногда даже конкретные параллели с нашими материалами, четко отличаются друг от друга в деталях изображения на лицевой части и в формах. Это вполне закономерно. Но общий характер и стиль изображения печатей свидетельствуют о тесных связях историко-культурного и социально-экономического характера, которые объединяли племена южных районов Узбекистана, Северного и Южного Афганистана, Мургабского оа-

зиса, подгорной полосы Южного Туркменистана и Северо-Восточного Ирана II тысячелетия до н. э.

Особый для нас интерес представляют бронзовые двухлезвийные листовидные ножи из Сапалли (II экз. разной степени сохранности). Среди них имеется группа ножей удлиненно-листовидной формы с четко выделенным черешком, происхождение которых связывается с порой возникновения металлических изделий. В Средней Азии самые древние экземпляры подобных ножей представлены в слое Намазга I на поселении Джилгинди-депе и в северном холме Анау времени Намазга II (*Кузьмина*, 1966, табл. VII, 17, 22).

Е. Е. Кузьмина отмечает, что анауская форма ножей представляет дальнейшее развитие двухлезвийных ножей, являясь родоначальником большой серии двухлезвийных ножей с выделенной рукояткой, получивших широкое распространение в культурах бронзового века Средней Азии (*Кузьмина*, 1966, с. 38). Это положение получило полное подтверждение в материалах культуры Сапалли.

Аналогичные листовидные ножи встречаются в слое Намазга V в Алтин-депе, в Намазга-депе, на поселении Тахирбай 3 (*B. Mamon*, 1959, табл. XIV, 3, 4; *Кудгин*, 1956, рис. 24; *Кузьмина*, 1966, табл. VII, 15), в окрестностях городища Шурабаша (*Забнерровский*, 1962, табл. XXXIII, 1), по трассе БФК (*Кузьмина*, 1966, табл. VII, 3), в Чимбайлыкском кладе из Ташкентского оазиса (*Кузьмина*, 1966, табл. VII, 4).

Е. Е. Кузьмина в своде металлических изделий энеолита и бронзового века в Средней Азии приводит широкие аналогии этим ножам из евразийских степей, указывая при этом на распространение и эволюцию двухлезвийных ножей с черешком в памятниках ямной, полтавкинской и катакомбной культур, восточных районов Приуралья, Казахстана, Западной Сибири и афанасьевской культуры Минусинского котловина (*Кузьмина*, 1966, с. 39—40). Среднеазиатские двухлезвийные ножи с черешком, отмечает Е. Е. Кузьмина, не завезены с Кавказа, а являются автохтонными среднеазиатскими (*Кузьмина*, 1966, с. 40).

В памятниках Ближнего и Среднего Востока в круге древнеземледельческих культур подобные ножи встречаются довольно широко в слоях, увязывающихся с комплексом Сапалли (*Arne*, 1945, pl. LXXIX, fig. 658, 659; *Casal*, 1961, fig. 139, 3, 6; 140, 30; *Schaeffer*, 1948, fig. 90, 19; 249, 11, 46; 250, 11; 255, 1, 4; 255, 1, 3, 4; 260, 21; 312, 13—16). Ножи идентичной формы особенно широко представлены в культурах Мохенджо-Даро и Харанны (*Vats*, 1940, pl.

CXXIV, 45—49; CXXV, 65—77; CXXIII, 24—32, 36—47; *MacKay*, 1937, pl. CXX, 1—11, 15; CXXIX, 1—11; CXXXIII, 16, 17, 22—27, 29—35; *Он же*, 1943, pl. LXIII, 4, 5; LXIV, 1—6; LXV, 1—9; LXXV, 12, 17; LXXVI, 1, 7, 17, 29, 30). Дата появления двухлезвийных листовидных ножей определяется второй половиной III — началом II тысячелетия до н. э. Не исключена возможность появления сапаллинских ножей под влиянием индийских образцов.

Среди металлических изделий комплекса Сапалли имеются два наконечника копья. Первый — с подтреугольным пером и таким же черешком (табл. XXX, 8), второй — массивный, с овальным пером и слабо намеченным ребром посередине (табл. XXVIII, 7). Черешок второго наконечника — с квадратным сечением, довольно длинный (19 см), конец закругленный. Аналогии первому наконечнику копья нами уже были приведены (*Аскарков*, 1973а, с. 111), а второй же пока единственный в комплексах среднеазиатских памятников. Близкие формы известны в Сирии (*Schaeffer*, 1948, fig. 79; 85, 1), Египте (*Schaeffer*, 1948, fig. 89), Иране (*Schaeffer*, 1948, fig. 251, 9, 39; 255, 37).

Как мы уже отмечали, в комплексе культуры Сапалли имеются 12 бронзовых зеркал (табл. XXXVII, 1—12), из них 5 — с ручками. Ручки двух зеркал изображают стилизованную фигуру — подбоченившуюся женщину (табл. XXXVII, 6, 8), остальные ручки простые. В четырех случаях ручки припаяны к зеркалам. Одно зеркало — овальной формы с утолщенными краями по периметру, а остальные — круглые, с утолщенным бортиком.

В классификации зеркал Средней Азии Е. Е. Кузьмина выделяет три их типа: 1) круглое, несколько вогнутое; 2) с ручкой; 3) с петелькой на обратной стороне.

Наиболее раннее из них — круглое зеркало с вогнутой поверхностью, появившееся с периода позднего Намазга III (*Кузьмина*, 1966, с. 67, табл. XIII, 11). Подобное зеркало найдено на поселении Алтын-депе времени Намазга V, фрагменты нескольких зеркал обнаружены на Намазга-депе (*Кузьмина*, 1966, табл. XIII, 10, 12). Край намазганского зеркала утолщен в виде бортика. Аналогичные зеркала известны в более ранних слоях Гиссара III (*Schmidt*, 1937, pl. IV, H3192), в Мундагаке IV (*Casal*, 1961, fig. 139, 17), могильнике Заманбаба (*Гулямов, Исламов, Аскарков*, 1966, табл. XVI, 6, 9).

Самые ранние зеркала с ручкой найдены в Гази (*Schaeffer*, 1948, fig. 130, 5; 131, 2), Месопотамии (*Eliot*, 1950, табл. 24), Индии (*MacKay*, 1948, табл. XXII, 3). Идентичные сапаллинским зеркала с ручкой имеются в материа-

лах культур Мохенджо-Даро и Хараппы (*Vats*, 1940, pl. CXXIV, 19; *MacKay*, 1937, pl. CXIV; pl. CXVIII, 10; CXXXII, 11, 24, 26, 39; *Он же*, 1943, pl. XXV, 7; XVI, 2; *Он же*, 1948, pl. XXII, 3). В комплексе культуры Хараппы встречаются круглые зеркала без ручки (*MacKay*, 1943, pl. LXXIV, 10; LXXV, 10, 14). Поразительную аналогию нашим зеркалам с фигурной ручкой дает зеркало из южнобелуджистанского памятника Кулли, ручка которого также напоминает фигуру подбоченившейся женщины и датируется XVI в. до н. э. (*Piggott*, 1952, с. 112, fig. 11).

Идентичность всех типов зеркал из Сапалли с зеркалами из долины Инда указывает на то, что сапаллинские изделия продолжают традиции культур Мохенджо-Даро и Хараппы. Во многих памятниках, синхронных с Сапалли, и в памятниках конца II — начала I тысячелетия до н. э. зеркала с простой ручкой получают более широкое распространение. Они обнаружены в комплексе Дашли (*Сарианиди*, 1974, рис. 1, 10), в Сукулукском кладе (*Кузьмина*, 1966, табл. XIII, 9), в кладе с Садовое (*Кибиров, Кожемяко*, 1956, с. 38, 40, рис. 2—4). Каменные матрицы для производства аналогичных зеркал были найдены в чустской культуре (*Забнерповский*, 1962, табл. XX, 4, 5). Несколько зеркал с ручкой известны в комплексе некрополя Тете Сялка (*Schaeffer*, 1948, fig. 255, *Томе*, 7, 11; fig. 259, 15), в могильнике Кайтарих Ирана конца II — начала I тысячелетия до н. э. (*Fard*, 1969, рис. 12). Круглые зеркала с ручкой и без ручки имеются в материалах Раннетулхарского могильника (*Мандельштам*, 1968, табл. V, 2—4; VI, 1—4; VIII, 1—4).

Из приведенных аналогий видно, что круглые зеркала с ручкой и без ручки по происхождению являются древнеземледельческими, а зеркала с петелькой, которые известны лишь в памятниках более северных областей, принадлежат племенам степной зоны. Появление в комплексах отдельных степных культур (Заманбаба) круглых зеркал с вогнутой поверхностью и зеркал с ручкой в материалах семиреченских и чустских племен конца II — начала I тысячелетия до н. э. является результатом тесных контактов степного населения Средней Азии с племенами древнеземледельческих культур более южных областей. Зеркала с ручкой чустских племен — это продукция местного производства по образцам сапаллинско-дашлинского прототипа, о чем свидетельствуют находки матриц зеркал в Чусте и Дальверзине. Прототипом зеркал сапаллинско-дашлинского типа были, видимо, зеркала из долины Инда.

В комплексах Сапалли и Джаркутана есть 44 бронзовых браслета (табл. XXXVIII, 1—20; LVI, 7, 8, 10; LVII, 7, 9, 18—21) и 31 бронзовое колечко (табл. XXXIX, 7—19; LVI, 9; LVII, 8, 13—17, 22), изготовленные из круглой в сечении проволоки. Отдельные экземпляры браслетов и колец напоминают голову змеи (табл. XXXVIII, 6—8, 12, 14, 18; XXXIX, 7, 8).

Появление браслетов и колец подобной формы в комплексах древнеземледельческих памятников Древнего Востока относится к III тысячелетию до н. э., широко они распространяются во II тысячелетии до н. э. (Аскарлов, 1973а, с. 110—111, 113).

Большое значение в определении хронологии комплекса Сапалли имеют бронзовые топоры, представленные тремя экземплярами (табл. XXVIII, 2; XXXI, 3; XXXII, 2). Один из них боевой, проушной, секирообразный. Аналогичен ему среди синхронных памятников эпохи бронзы (табл. XXVIII, 2) отсутствуют. Два других топора — вотинные, с полукруглым лезвием (табл. XXXI, 3; XXXII, 2). Близкая форма топора-тесла с выступающей втулкой найдена в ауле Дайна в северо-западной части Копетдага (Ганялин, 1953, с. 14—19, рис. 1), другой топор-тесло без выступающей втулки найден в окрестностях Пянджикента (Тереножкин, 1948, с. 75, рис. 37).

Топоры-тесла с выступающей втулкой имеются в комплексе Мохенджо-Даро (Mackay, 1937, pl. CXX, 27). С. Пигот, учитывая, что эти топоры обнаружены в самом верхнем слое культуры Хараппа, синхронном слоям Гиссара III, Шах-тепе IIа, Тюринг-тепе и аккадскому периоду Месопотамии, датирует их 1800—1500 гг. до н. э. (Piggott, 1952, с. 228—229). Е. Е. Кузьмина довольно широко приводит аналогию этим топорам и определяет зону их распространения с конца III тысячелетия до н. э. (Кузьмина, 1966, с. 14—16). В настоящее время район распространения топоров ранних периодов ограничивается Кавказом (Майкоп), Дунаем, Эгейским миром, Ираном, долиной Инда.

Интересно, что эгейские и балканские топоры, в отличие от иранских и индийских, не имеют выступающих втулок, что характерно для топоров Сапалли и Средней Азии в целом. Вполне допустимо, что среднеазиатские топоры-тесла (Сапалли, окрестности Пянджикента) местного происхождения и развивались параллельно эгейским (Кузьмина, 1966, с. 15). Топоры из Сапаллита литые и более совершенных форм. А. И. Тереножкин (1948, с. 74, 75) в свое время справедливо отнес топоры-тесла из Таджикистана к сере-

дине II тысячелетия до н. э., что является наиболее вероятной датой и для наших топоров.

В комплексе Сапалли интересны также две вотинные тощи, напоминающие форму современных (табл. XXXI, 2; XXXII, 1). Появление тощи, плотнического инструмента, относится к концу III тысячелетия до н. э. Без существенных изменений они продолжают существовать до настоящего времени.

Ранние тощи с выступающей цилиндрической втулкой известны в Иране (Schaeffer, 1948, fig. 90, 9, 12; 309, 12), на Кавказе (Майкопский курган), в Мундигаче (Casal, 1961, fig. 139, 9). Несмотря на разнообразие, форма тощи всюду одинаковая.

К числу плотнических инструментов относятся и бронзовые тесла (табл. XXXI, 4, 5; XXXII, 3, 4), более простая форма тощи. Сапаллинские тесла во многом аналогичны подобным орудиям из Ахара (Южный Гуджарастан), Мохенджо-Даро и Чанху-Даро (Sankhio, Deo, Ansari, 1969, pl. XXII, 2, 3; Mackay, 1937, pl. CXVIII, 2—5; CXX, 26—31; CXXXI, 20—22, 28, 34—37, On же, 1943, pl. LXII, 12, 13, 20, 21, 23; LXIII, 3; XIV, 9—11; LXVI, 3—5, 15; LXVII, 8, 9, 11; LXXXVI, 4—6, 16). Хронологически ахарские тесла синхронны с сапаллинскими (Sankhio и др., 1969, с. 5—6), а тесла из Мохенджо-Даро и Чанху-Даро более ранние. Возможно, что форма сапаллинских тесел заимствована из долины Инда.

Большим набором в комплексах Сапалли и Джаркутана представлены кремневые наконечники стрел и бусы из разных минералов. Подобные наконечники (табл. XXIX) широко распространены в памятниках середины II тысячелетия до н. э. как степной зоны, так и племен оседлых земледельцев (Аскарлов, 1973а, с. 114).

Удивительное сходство в форме и технике изготовления сапаллинских бус из полудрагоценных камней прослеживается с аналогичными украшениями соседних областей. Если не обращать внимания на конкретный сырьевой материал, то каменные бусы по форме и технике изготовления одинаковы почти во всех памятниках. Трудно отличить бусы из Сапалли от бус из Хараппы и Мохенджо-Даро (Vats, 1940, pl. CXXVIII, 1, 2, 4, 6, 34—39, 48, 49; CXXXI; Mackay, 1937, pl. CXXXV, 19, 22; CX, 1, 61), Замаббабы и Раннего Тулхара (Аскарлов и др., 1966, табл. XX; Мандельштам, 1968, табл. XX, XXI), Гиссара и Шах-тепе (Schmidt, 1933, pl. XCIV, H1221, H1322; CVII, H402, H381, H490; Arne, 1945, pl. LXXV, fig. 599, 596; pl. LXXVI, fig. 601,

615, 616а, с), Мундигака и Дашли (Casal, 1961, fig. 138; Сараниди, 1974, с. 66).

Из приведенных аналогий видно, что зона распространения каменных бус довольно широкая, и всюду в комплексах памятников от неолита до поздней бронзы встречаются их основные формы — цилиндрическая, бочонковидная, крестовидная, ромбическая, эллипсоидная, прямоугольная. Это лишний раз говорит о тесных культурных контактах и о торговом обмене между племенами целого ряда областей Древнего Востока и степей Средней Азии.

К числу интересных и оригинальных вещей комплекса Сапалли относятся глиняные и каменные фигурки людей и животных, праслица и спицы, гребни и лопаточки, подвески и амулеты, бронзовые листочки и шпильки, шляя и иглы, различные каменные орудия труда и оружие и др.

Для определения хронологии комплекса Сапалли и Джаркутана немалое значение имеют булавки-шпильки (табл. XL, 1—6, XLI, 1—7; LVI, 4—6), представляющие булавки-печати с розетковидным извершем, булавки-шпильки с биконической или конической шляпкой, с кулакообразным или фигурным навершем. Всего их в комплексе 35 экземпляров. В публикации материалов раскопок первых двух лет были проведены широкие параллели и определен круг распространения булавок в зонах земледельческих племен всего Древнего Востока (Аскаров, 1973а, с. 111—113). Избегая повторений, отметим, что количество находок булавок-шпилек намного увеличилось и появилась новая форма — булавки с фигурным навершем (табл. XLI, 1; LVI, 5, 6).

Всего булавок с фигурным навершем три. На длинный стержень двух из них припаяна фигурка азиатского муфлона, а третья булавка — это также длинный стержень, заканчивающийся плоской прямоугольной площадкой, на которую напаяна лежащая фигурка барана.

Картографированием булавок с фигурным навершем в свое время занимался С. Пигот (1947—1948, с. 33—38). Еще более широкий свод подобных украшений был сделан Е. Е. Кузьминой (1966, с. 80—82). Согласно картографированию Пигота и Кузьминой, булавки с фигурным навершем в виде головки быка, козла, оленя, птиц и фигурок козла, человека, барана, оленя и др. широко распространены в памятниках Древнего Востока, начиная с III тысячелетия до н. э. до поздней бронзы. В слоях III тысячелетия до н. э. они

встречаются в Сузах, Кише, на островах Сирос, Аморгос, в Библе, в Теле-Гавра VI.

В конце III — первой половине II тысячелетия до н. э. характер исполнения фигур животных на булавах становится более объемным, с хорошо моделированными рогами и четко обозначенными передними и задними ногами.

Навершия в виде фигурок оленя из Аладжа-Эюка (Schaeffer, 1948, fig. 177, 10; 178, 4), барана и быка из Мегиддо XVIII (Schaeffer, 1948, fig. 135, 1, 3), барана и козла из Гиссара III (Schmidt, 1937, pl. XCVIII, H4885, H3578), навершия в виде двух сидящих баранов из Дашли (Сараниди, 1974, с. 67, рис. 1, 4), фигурки коровы с тельцом и сидящим сбоку доющим человеком из Хакского клада (Заднепровский, 1962, табл. XXXII, 2), фигурки быка из слоя времени Намазга VI в Алтын-депе (Кузьмина, 1966, табл. XVI, 1) и др. характеризуют вторую хронологическую группу булавок с фигурным навершем. Фигурные булавки культуры Сапалли примыкают к этой группе булавок. Сюда же можно отнести и булавки с навершем в виде сидящих задом друг к другу антилоп из Мохенджо-Даро (Mackay, 1948, pl. XXI, 10). Среди них выделяется серия булавок с прямоугольной площадкой, на которой напаяны фигурки животных.

Во второй половине II тысячелетия до н. э. булавки с фигурным навершем становятся композиционно более богатыми и встречаются в казахских комплексах (Куртин, 1941, рис. 87; Уварова, 1900, табл. XXIX, 2—4; Schaeffer, 1948, fig. 300, 5, 6, 10, 11, 14, 16), на северо-западе Ирана в некрополе Сиялка (Schaeffer, 1948, fig. 253, 2) и в материалах дуристанской бронзы (Schaeffer, 1948, fig. 264, 9; 267, 130, 133, 135).

Приводя краткую характеристику фигурных булавок трех хронологических периодов, мы убедились, что расцвет производства булавок второго хронологического этапа происходит не в конце III — начале II тысячелетия до н. э. (Кузьмина, 1966, с. 81), а падает на вторую четверть и середину II тысячелетия до н. э. Датировка, предложенная Е. Е. Кузьминой для среднеазиатских фигурных булавок (конец III — начало II тысячелетия до н. э.), вызывает некоторые сомнения особенно после новых находок в Сапалли и Дашли. Более убедительная дата, на наш взгляд, — XVII—XIV вв. до н. э. К этому времени относятся, видимо, булавка из Хакского клада, а к началу этой даты — булавка из верхнего слоя Алтын-депе. Появились среднеазиатские булавки совершенно самостоятель-

но и являются местным среднеазиатским производством. Контакт между населением Средней Азии, а именно Сапалли и Дашли, и долины Инда в этот период, несомненно, существовал, но появление индийских изделий объяснять влиянием среднеазиатских образцов (Кузьмина, 1966, с. 81) неправдоподобно, так как булавки из Мохенджо-Даро более ранние.

Подводя итоги типологическому сопоставлению предметов первых двух этапов культуры Сапалли с материалами ряда памятников близких и отдаленных областей, мы убедились, что наш комплекс синхронен культуре времени позднего Намазга V, раннего и развитого Намазга VI подгорной полосы Южного Туркменистана, Аучин-депе Мургабского оазиса, слоям Гиссар IIIc и Шах-тепе На Северно-Восточного Ирана, Мундигак IV, Шахри-Сохта IV, Ахар Ia, b, c, Навдлатали I и др.

Абсолютный возраст времени Намазга V на основе четкой стратиграфии поселения Намазга-депе В. М. Массон первоначально датировал первой половиной II тысячелетия до н. э., а слои Намазга VI — серединой и второй половиной II тысячелетия до н. э. (В. Массон, 1956а, с. 326). Позже культура Намазга V определялась им 2000—1600 гг. до н. э. (В. Массон, 1972, с. 112). Результаты широких раскопок на сточном памятнике Алтын-депе дали возможность несколько уточнить абсолютную хронологию Намазга V — 2100—1650 гг. до н. э. (В. Массон, 1970а, с. 418, 419). Ранний Намазга V датируется 2100—1850 гг. до н. э., а комплексы позднего Намазга V — 1850—1650 гг. до н. э.

Целый ряд предметов из слоев позднего Намазга V на Алтын-депе (конические чаши, кубкообразные конические чаши с надломленным бортиком, чайники с трубчатым носиком, вазы на высоких ножках, хумча со скошенной придонной частью, бронзовый графинчик, крестовидные и розетковидные печати, листовидные ножи, круглое зеркало и булавка с фигурным навершием) хорошо сопоставляется с материалами сапаллинского этапа, в то время как на Алтыне отсутствуют предметы джаркутанского типа. Комплекс Аучин-депе, подобно Алтыну, находит параллели больше всего с сапаллинским периодом.

Комплекс Аучин-депе, как памятник раннего Намазга VI, датируется 1700—1400 гг. до н. э. (В. Массон, 1959, с. 28).

Как отмечалось выше, одним из наиболее хронологически близких комплексов Ирана являются Гиссар IIIc и Шах-тепе IIa. В слоях этих памятников было найдено много материалов, сходных с комплексом Сапалли (шаровидные кувшины с катушкообразным

горлом, яйцевидные и грушевидные кувшины с вытянутым узким горлом, чайники с трубчатым носиком, чайники с клювовидным желобчатым носиком, чаши со сливами, кубки на высоких ножках, бронзовые графинчики, крестовидные печати, круглые зеркала без ручек, фигурная булавка). Э. Шмидт, публикуя материалы Гиссар-тепе, датировал слои Гиссар IIIc первой половиной II тысячелетия до н. э. (Schmidt, 1937, с. 321).

Т. Арне, сопоставляя слои Шах-тепе IIa¹ с соответствующими комплексами Гиссара III, Тюринг-тепе и многими другими памятниками Древнего Востока, датировал их 2000—1800 гг. до н. э. или несколько позднее (Arne, 1945, с. 323).

Автор последних разработок иранской хронологии памятников Р. Дайсон синхронизирует Гиссар IIIb с ранними этапами третьей династии Ура (2132—2034 гг. до н. э.), сопоставляя его материалы с материалами Шах-тепе IIa¹ (Dyson, 1965а, с. 240—248).

В. М. Массон изучал хронологию этих памятников и отметил ряд неувязок и противоречий. Он предлагает датировать соответствующие комплексы временем первых трех столетий II тысячелетия до н. э. (В. Массон, 1956а, с. 323). В 1969 г. в шестом номере «Угартика» (с. 139—163) появилась статья Ж. Дейе «Тюринг-тепе и период Гиссар IIIc» («Tureng tepe et la période Hissar IIIc»), где он подробно рассматривает слои Гиссара IIIc, сопоставляя их со слоями Тюринг-тепе. Согласно публикации Э. Шмидта, на Теппе Гиссар фаза IIIc была последней, после чего поселение было покинуто. Гиссар IIIc существовал одновременно с Тюринг IIIc и Шах-тепе IIa¹. Комплекс Тюринг III, в свою очередь, подразделен на периоды IIIc¹ и IIIc². Это стратиграфически прослежено на основе последовательности слоев в трех шурфах. Результаты стратиграфических шурфов на Тюринге дали пять последовательных слоев.

Самый нижний слой Тюринг IIIb выше девяти слоев, давших четыре фазы, т. е. переходный этап TIIIb—TIIIc¹, фаза TIIIc¹, второй переходный этап TIIIc¹—TIIIc² и верхняя фаза TIIIc². Тюринг IIIc² датируется 1700—1600 гг. до н. э., а самый нижний слой—TIIIb по C¹⁴ дал дату 1920±200 гг. до н. э. Технологическая эволюция этих пяти фаз хорошо прослеживается на керамическом материале. Алебастровые и свинцовые сосуды появляются здесь в начале периода TIIIc. Ж. Дейе, взяв за основу четкую стратиграфию Тюринг-тепе, приходит к выводу, что период Тюринг IIIc¹ синхронен Гиссару IIIc и Шах-тепе IIa¹, и отмечает при этом, что керамика Тюринга

III² не имеет аналогий в других памятниках. Из этого вытекает вывод, что Шах-тепе и Гиссар в переходном периоде ТПС¹—ТПС² были заброшены, так как на них керамика периода ТПС² отсутствует. Далее Ж. Дейе пишет, что, возможно, керамика, характерная для фазы ТПС², заполняет разрыв между Гиссаром IIIc и Западным Ираном. Ряд форм посуды повторно появляется во второй половине II тысячелетия до н. э. в Северо-Западном Иране, Сиялке. Некрополь А¹ датируется по С¹⁴ не позднее 1400 гг. до н. э.

Хронологическая разработка Ж. Дейе периодов Гиссар IIIc, Шах-тепе Па¹, Тюринг IIIc¹ и Тюринг IIIc² полностью согласуется с комплексом Сапалли. Если сопоставить периодизацию этих памятников, то сапаллинский период синхронен с периодами Гиссар IIIc, Шах-тепе Па¹, Тюринг IIIc¹, а жаркутанский период — с периодом Тюринг IIIc². Основные формы керамики фазы Тюринг IIIc² — чайники с клювовидным желобчатым носиком (по Ж. Дейе, рис. 53, 54, 75), миска со слегка выделенным плоским дном (рис. 78), вытянутый узкогорлый кувшин с конической придонной частью (рис. 59), шаровидная хумча с высоким прямым катушкообразным горлом (рис. 33, 35), ваза на высокой узкой стройной ножке (рис. 25) и др. — являются ведущими формами и для керамики жаркутанского периода. Нам кажется, что абсолютная дата слоя Тюринг IIIc² (1700—1600 гг. до н. э.), как и дата Гиссара IIIc, Шах-тепе Па¹ и Тюринга IIIc¹, немного удревнена, и датировать фазу IIIc² следует серединой и началом третьей четверти II тысячелетия до н. э.

Мы уже отмечали некоторые параллели, обнаруженные в материалах Сапалли и Мундигака IV. Это сходство прослежено в формах кубков на высоких ножках, горшков с широко открытым венчиком, узкогорлых кувшинов грушевидной формы, кувшинов вытянуто-овальной формы, цилиндрических стаканов с развернутым венчиком, чаш конической формы. Большинство этих сосудов, в отличие от сапаллинских, имеет роспись и относится

ко времени Мундигака IV¹, синхронизируемом Кассалом с комплексом Намазга IV, Шах-тепе Па², Гиссар IIIa. Если учесть наличие в Мундигаке IV¹ целого ряда форм сосудов, особенно каменных конической формы, появившихся в комплексе Гиссар IIIc, Шах-тепе Па¹, Тюринг IIIc¹, аналогичных комплексу Сапалли, то возникает вопрос: не слишком ли Кассал удревняет дату Мундигака IV¹? Ведь в комплексе Мундигака IV³ многие формы керамики находят близкие параллели с материалами молалинского комплекса культуры Сапалли. Нам кажется, Мундигака IV¹ хронологически соответствует жаркутанскому периоду, хотя последний имеет мало сходного с материалами Мундигака.

Следующий хронологически близкий комплекс — это Шахри-Сохта IV. По данным М. Този, среди керамики Шахри-Сохты IV встречаются конические чаши и сосуды подобной формы из алебаstra. Затем в этом периоде исчезает расписная керамика, характерная для предыдущих периодов — Шахри-Сохта I—III. Среди разнообразных печатей Шахри-Сохты встречаются розетковидные печати с кружком посредине и крестовидные печати типа печатей из Сапалли. Однако в этом слое встречаются кувшины и горшки на поддоне, характерные для керамики Мундигака IV³ и молалинского комплекса. Поэтому М. Този, датируя слой Шахри-Сохта IV по С¹⁴ 2000—1800 гг. до н. э., синхронизирует его с периодом Мундигака IV³ (Tosi, 1975, с. 44).

Несколько радиоуглеродных дат имеют поселения Сапаллитепе и Джаркутан. Первая радиоуглеродная дата Сапалли — 1690 лет до н. э., вторая — 1560 лет до н. э. Радиоуглеродная дата Джаркутана — 1650 лет до н. э. Образцы угля из Джаркутана были получены из нижнего слоя поселения.

Обобщая вышесказанные факты — типологическое сопоставление и результаты радиоуглеродных дат, мы склонны датировать первые два этапа культуры Сапалли 1700—1350 гг. до н. э., сапаллинский этап — 1700—1500 гг. до н. э., а жаркутанский — 1500—1350 гг. до н. э.

Вопросы хронологии молалинского этапа

Изучение комплекса Молали находится еще в начальной стадии. Археологический материал для его характеристики представлен в основном по результатам раскопок могильников, радиоуглеродная дата пока еще не установлена. Поэтому все наши построения, на-

правленные на определение хронологических рамок существования молалинского периода, базируются на традиционном археологическом методе — выявлении аналогий в соседних и отдаленных памятниках. При выделении молалинского комплекса, как завершаю-

щего периода культуры Сапалли, нами была предложена дата в пределах третьей четверти II тысячелетия до н. э. (Аскаров, 1973а, с. 126). В настоящее время, когда по культуре открыт целый ряд новых памятников и выявлен хронологически предыдущий джаркутанский комплекс, настало время уточнить его абсолютную дату.

Источниками для датировки комплекса Молали являются предметы производства, быта и произведения искусства, которые представлены в наборе керамики, орудий труда, предметов туалета и украшений. Однако имеющийся вещевой инвентарь, за исключением керамики, очень скуден, фрагментарен и невыразителен, многие вещи встречаются в комплексах разновременных памятников. Так, в комплексе Молали имеется серия вотивных бронзовых ножей разной формы, изготовленных из тонких пластинок и предназначенных, видимо, только для погребального инвентаря. Среди них выделяется группа однолезвийных пластинчатых ножей с обособленным черешком (табл. LXVII, 11, 14). Аналогичный пластинчатый нож, но без рукоятки, известен из могильника Заманбаба (Гулямов, Исламов, Аскаров, 1966, табл. XVI, 12). Два экземпляра пластинчатых ножей более крупных размеров с заостренным концом без выделения рукоятки известны в Ташкентской области (Кузьмина, 1966, табл. IX, 36, 37) и датируются концом II—началом I тысячелетия до н. э. Другой нож типа бритвы с черешком (табл. LXVII, 15) находит себе аналогию среди бритв анауского типа (Кузьмина, 1966, с. 50; табл. X, 5, 7, 8).

Наиболее выразительная форма бронзовых булавок (табл. LXVII, 1—4). В комплексе их всего четыре. Одна булавка с конической шляпкой, вторая — с квадратной, третья — с гвоздеобразным навершием, а последняя — с цилиндрическим. Следует отметить, что упомянутые булавки не являются характерными для комплекса, так как они широко распространены в памятниках древних земледельцев, начиная с эпохи энеолита.

Так, булавка с навершием с лазуритовой инкрустацией имеется в комплексе Сапаллитена (табл. LXVII, 1). Булавки с конической головкой были найдены в культуре Анау I и датируются IV тысячелетием до н. э. (Pitropelli, 1908, рис. 338—340; Кузьмина, 1966, табл. XVI, 6, 46, 47). Аналогичные булавки продолжают бытовать среди украшений времени Анау II (Pitropelli, 1908, рис. 224, 248; Кузьмина, 1966, табл. XVI, 48). Одна булавка была обнаружена и в слое Намазга II на поселении Кара-депе (В. Массон, 1961, с. 376,

табл. XV, 3). Подобные булавки были найдены на Геоксюре (Кузьмина, 1966, табл. XVI, 41, 49), на поселении Алтын-депе времени Намазга V (Кузьмина, 1966, табл. XVI, 39), на поселении Тахирбай 3 времени позднего Намазга VI (В. Массон, 1959, табл. XIV, 1).

Круг аналогичных бронзовых шпилек с конической головкой довольно широк, и встречаются они лишь в памятниках оседлых земледельцев юга Средней Азии. Эти украшения бытовали на протяжении более двух тысячелетий — с эпохи раннего энеолита до поздней бронзы. В памятниках более северных районов Средней Азии они не известны, но аналогичные украшения широко распространены в памятниках Ближнего и Среднего Востока. Несколько таких предметов встречалось в слоях Гиссар I—III (Schmidt, 1937, H4704, H3053, H2876, H3083).

Булавки с конической головкой были найдены в I и III слоях Тене Сналка (Chirshman, 1938, табл. XXXIV), в Анатолии — в ранних слоях Трон (2300—2100 гг. до н. э.), в Талише, Ага-Эвларе, в Гняне, Тарсе и др. (Кузьмина, 1966, с. 77). Во всех упомянутых памятниках булавки с конической головкой встречаются в основном в слоях времени энеолита и бронзы.

Не является устойчивым датировочным материалом и миниатюрная лопаточка из могильника позднего Джаркутана (табл. LXVII, 13). Близкие по форме лопаточки широко известны в памятниках энеолита и бронзы Средней Азии и за ее пределами. Самые ранние лопаточки с круглым сечением стержня и уплощенным лопатовидным навершием были найдены при раскопках поселения Кара-депе времени Намазга II (В. Массон, 1961, с. 329, табл. XV, 9—11). Лопаточка, идентичная карадепской найдена на поселении Алтын-депе у Чаача-Меана (Кузьмина, 1966, табл. XVI, 19). Несколько таких же лопаточек из бронзы обнаружено при раскопках поселения Сапаллитена. Из южных древнеземледельческих районов миниатюрные лопаточки распространяются на север, в степные зоны Средней Азии, что подтверждается их находками на поселении и могильнике Заманбаба (Аскаров и др., 1966, с. 159, табл. V, 4; XVI, 1—5, 11, 18; XVII, 27) и Раннегудхарском могильнике (Мандельштам, 1968, табл. VIII, 3, 4).

В комплексе могильника Молали имеется круглое зеркало с ручкой (Белыева, 1973, с. 40). Такие же зеркала имеются и в могильниках Сапаллитена и Раннегудхарского могильника (Мандельштам, 1968, табл. VIII, 1). Выше мы отмечали, что круглые зеркала с

ручкой широко распространены в памятниках синхронных Сапалли, и они встречаются, как показали находки Раннетулхарского могильника, в комплексе последней четверти II тысячелетия до н. э.

Бронзовые браслеты из проволоки с круглым сечением и несомкнутыми концами широко представлены в материалах Сапаллтепа. Встречаются они и в комплексе раннего Джаркутана. Идентичные браслеты найдены в погребении на поселении Ауцин-депе (В. Массон, 1959, с. 19, табл. IV, 6), в могиле на поселении Намазага-депе времени Намазага VI, в могильнике раннего Намазага VI на территории троллебучского парка г. Ашхабада (Кузьмина, 1966, табл. XVI, 63, 64), в верхнем слое поселения Кара-депе, относящемся ко времени Намазага III (В. Массон, 1961, с. 370, табл. XV, 2).

Серия аналогичных браслетов известна в синхронных и более древних памятниках Ирана, таких как Тепе Гиссар III (Schmidt, 1937, pl. LV, H3564), в погребении XXIII в. до н. э. в Сузах (Mecquenot и др., 1934, рис. 53, 7), в комплексе Тепе Гавра VI середины III — начала II тысячелетия до н. э. (Speiser, 1935, с. 80, pl. L, 13; XXXII, 22). Поэтому по браслетам также нельзя установить абсолютную дату комплекса Молали.

То же самое относится и к несомкнутым бронзовым колечкам из могильника позднего Джаркутана. Аналогичные височные кольца были широко распространены в памятниках эпохи позднего энеолита и бронзового века на территории Средней Азии. Более десятка таких колечек найдено в погребениях Сапаллтепа и Раннеджаркутанского могильника, три колечка — среди бронзовых изделий комплекса времени Намазага IV Мургабского оазиса (В. Массон, 1959, табл. XIV, 8—10). Круглые в сечении колечки с заходящими концами имеются в комплексе Яз I (В. Массон, 1959, табл. XXXIII, 6; XXXIV, 17). Височные колечки из тонкой круглой в сечении проволоки встречались среди материалов Раннеаркутанского и Раннеулхарского могильников (Мандельштам, 1968, табл. VIII, 8; XXI, 6—9), в ашхабадском погребении (Кузьмина, 1966, табл. XIV, 58), в погребальном инвентаре времени Намазага VI на Намазага-депе, в нижнем слое поселения Елькен-депе, в погребении Янгикадлинского могильника (Гандли, 1956а, с. 377, 379, рис. 3).

Из приведенной синхронизации бронзовых изделий комплекса Молали с материалами других районов, видно, что встречаются они в комплексах, начиная с эпохи энеолита вплоть до поздней бронзы. Поэтому мы мо-

жем считать бронзовые изделия не основным датующим материалом данного комплекса, а только дополнительным.

Главным источником при датировке комплекса Молали служит керамика. Основная масса керамики (более 98%) изготовлена на круге быстрого вращения. Сосуды имеют обжиг хорошего качества. Следует отметить, что в комплексе имеется незначительное число фрагментов (около 2%) кухонной посуды из шурфа на поселении Джаркутан, а в керамике из могил не встречается лентная посуда. Комплексы керамики составляют в основном сосуды из могильников. Поэтому в нашем распоряжении оказалась только высококачественная парадно-столовая посуда.

Парадно-столовые сосуды по своим размерам делятся на две группы. Первая группа сосудов состоит из ваз крупного размера на высокой бляешинообразной ножке, крупных кувшинов с высоким горлом и развернутым венчиком и небольших кувшинообразных горшков на кольцевом поддоне (табл. LIX, LXIV, 1—12; LXV, 2, 3, 6, 7, 10, 11, 14, 15). Все эти сосуды покрыты густым белым ангобом. Вторая группа — чашеобразные мелкие горшки, эскисы и мелкие горшки на кольцевом поддоне, мелкие призматические вазы на массивной полой ножке (табл. LX; LXI; LXIII; LXV, 1, 4, 5, 8, 9, 12, 13, 16). Большинство сосудов второй группы покрыто темно-красным ангобом. Сосудов с белым ангобом здесь мало.

Такое деление, на первый взгляд, ничем не оправдано. Однако, следует отметить, что в одних могилах найдены сосуды первой группы, а в других — второй. Правда, в отдельных случаях среди погребального инвентаря тех могил, откуда происходили сосуды второй группы, попадались небольшие кувшинообразные горшки на кольцевом поддоне. Но вазы на бляешинообразных ножках и большие кувшины с высоким горлом ни разу не встречались в могилах с сосудами второй группы. При анализе керамики комплекса нам не удалось выявить хронологического различия в этих погребениях. Может быть, это удастся сделать в дальнейшем. На данном этапе изучения комплекса это групповое деление керамики можно принимать за продукцию разных гончарных мастерских.

Территориально наиболее близкий памятник нашему комплексу — поселение Тахирбай 3. Здесь в пределах шурфа № 1 в конце V яруса обнаружен погребенный, лежащий на левом боку в скорченном положении головой за запад, что характерно для могил позднего Джаркутана. В могилах периода Молали сопровождающий покойника инвентарь

часто находится у головы и у ног погребенного. Подобный случай повторяется и в могиле на поселении Тахирбай 3 (*В. Массон, 1959, рис. 3Б, 4*). На поселении Тахирбай 3 раскопаны еще два погребения со скорченными костями, головой на северо-запад (*В. Массон, 1959, рис. 5*).

Сосуды, найденные при погребениях, ничем не отличаются от керамики комплекса Модалы. Так, например, тахирбайские вазы на высоких массивных ножках с ребристым профилем стенок, миска на поддоне, горшок со сферическим туловом и отогнутым округлым бортиком часто встречаются в керамике позднего Джаркутана (*табл. LX, 1, 6; LXI, 1, 4, 11, 13; LXIII, 1, 4, 10, 11, 14*). Приземистая ваза на массивной полой ножке с полусферическим резервуаром составляет одну из ведущих форм керамики комплекса Модалы (*табл. LX, 2, 4, 5*). Аналогичные вазы имеются в Тахирбае 3 (*В. Массон, 1959, табл. VII, 1, 5*). Довольно много среди сосудов молалинского комплекса ваз на высокой баласинообразной ножке. Чаша у этих ваз оформлена обычно с овально загнутым вовнутрь венчиком (*табл. LIX, 1, 3—5*). Один экземпляр чаши, видимо, от такой вазы встречен в тахирбайской керамике (*В. Массон, 1959, табл. VII, 10*). В поселении Тахирбай 3 особенно широко представлены вазы на высокой массивной ножке с мелким мискообразным резервуаром, край венчика которых овально отогнут и сделан с уступчиком (*В. Массон, 1959, табл. IX, 7, 9, 11*). Такие же вазы имеются и в нашем комплексе (*табл. LX, 7—10*).

Особенно важно отметить наличие в керамике Модалы и Тахирбай 3 прочерченного орнамента в виде горизонтальных зигзагов, параллельных линий, растительных и простых геометрических узоров, которые видны на поверхности многих кувшинов обоих комплексов. Абсолютная дата тахирбайского комплекса определена В. М. Массоном в пределах 1300—1000 или 1400—1100 гг. до н. э. (*В. Массон, 1959, с. 28*).

Второй памятник, хронологически близкий к комплексу Модалы, — это «вышка» Намазга-депе, где еще в 1950 г. были заложены два шурфа (третий и четвертый), которые дали в нижних горизонтах материалы времени Намазга V с перекрывающим их мощным слоем периода Намазга VI (*Куфтин, 1956, с. 266*). В последующие годы на «вышке» Намазга-депе продолжались раскопки стратиграфического характера, сопровождавшиеся вскрытием жилах массивов (*Хлопин, 1968; Шетенко, 1969, 1971, 1972*), которые дали богатый

материал, четко увязывающийся с комплексом молалинского этапа культуры Сапаллы.

Так, при шурфовке из слоев времени Намазга VI были извлечены горшководные сосуды приземистой формы и горшки на поддоне с красным и кремовым ангобом, вазы на массивных ножках, миски и чумчи с процарапанным орнаментом, находящиеся близкие параллели с подобными сосудами молалинского этапа (*В. Массон, 1956а, табл. XXXVIII, 1—7, 10, 11, 13, 14; XXXIX, 3, 5; Хлопина, Альбом иллюстраций к канд. дисс. «Намазга-депе — эпоха поздней бронзы Южной Туркмении», рис. 13, 1—17; 14, 1—20; 15, 1—3, 5—20; 16, 1—23; 19, 2—10; 23, 1—11*). По данным А. Я. Шетенко, на «вышке» Намазга-депе от пяти до семи строительных периодов Намазга VI, а мощность культурных слоев достигала в шурфе, заложеном в северо-западной части «вышки», 4,4 м (*Шетенко, 1969, с. 438—439; 1971, с. 431*). Верхние слои на «вышке» по С¹⁴ датируются 1036 г. до н. э. (*Хлопин, 1968, с. 350*).

Третий хронологически близкий, а возможно и одновременный с Модалы, памятник — это Раннегулхарский могильник. Но по облику материальной культуры комплекс Раннего Тулхара более архаичен, чем Модалы и Тахирбай, и является памятником скотоводческого населения.

Основная масса керамики Раннегулхарского могильника лепная, состоит из горшков с плоским дном, мисок и цилиндрических сосудов. Но встречаются горшки и миски из плоского поддона, плоскостенные миски с уступчатым бортиком, изготовленные на гончарном круге (*Мандельштам, 1968, табл. XII, 6—8; XIII, 1—5; XIV, 1—7; XVIII, 1—5*). Гончарная керамика Раннего Тулхара совершенно идентична сосудам комплекса Модалы. Нам кажется, что эти сосуды завезены в Ранний Тулхар из памятников позднего Джаркутана. Не исключена возможность, что лепные горшки с плоским дном изготовлены по образцам гончарной керамики позднего Джаркутана.

В керамике Раннего Тулхара попадают явственные лепные сосуды на коловальном поддоне (*Мандельштам, 1968, табл. XI, 5; XV, 5—6; XVII, 3; XIX, 3*). А. М. Мандельштам (1968, с. 72—95), подвергая всестороннему анализу материалы Раннего Тулхара, весьма осторожно датирует его XIII—IX вв. до н. э. В 1961—1966 гг. в долине р. Вахша Б. А. Литвинский исследовал памятник Тигровка Балка, синхронный с Ранним Тулхаром (*Литвинский, 1964, с. 157—158; Пьянкова, 1974, с. 165—180*), и раскопал 116 курганов с каменными насыпями, под которыми находились

могилы подбодно-катакомбного типа. Керамический материал (лепные горшки на поддоне, миски с плоским дном, высокогорлые кувшины с прочерченным орнаментом, биконические сосуды с узким устьем) и кремневый инвентарь (кремневые наконечники стрел подтреугольной формы с черешком) находят близкие параллели с комплексом Молали. По могильнику Тигровая Балка имеется и радиокарбоновая дата — 1380 ± 60 гг. до н. э. (Романов, Семенов, Тимофеев, 1972, с. 59—60), которая дает, по крайней мере, нижнюю дату могильника — XIV в. до н. э.

Более далекие аналогии дают некоторые памятники Ирана, датируемые концом II — началом I тысячелетия до н. э. (Fard, 1969, с. 26). Близ Шираза К. Фардом исследован могильник Кайтарех с чернолощенной керамикой. Среди богатого разнообразия керамики Кайтареха встречаются вазы на ножках и чаши на поддоне, подобные сосудам из Молали (Fard, 1969, fig. 10). Погребения, как и позднеджаркутанские, со скорченными костями на боку, а сопровождающий инвентарь находится у головы и у ног погребенных (Fard, 1969, fig. 1, 2).

Близкое и наиболее выразительное сходство обнаруживается в керамике памятников Северо-Западной Индии, особенно постхаррапской культуры долины Инда.

Прототипы ваз на балаясинообразной массивной ножке с мелкими, широко открытыми резервуарами молалинского этапа обнаружены в керамике Мохенджо-Даро (Mackay, 1937, pl. LII, 29, 34; LX, 13; LXV, 35; LXVI, 52) и Харалпы (Vats, 1940, pl. XXIV, 7; XX, 6, 10—14; LXXII, 7—10), в керамическом комплексе постхаррапской культуры Чанху-Даро (Mackay, 1943, pl. XXV, 1, 7, 19, 21, 27; XLI, 20, 22). Серия подобных ваз имеется в материалах Катхиявара и Центральной Индии, датируемых серединой — второй половиной II тысячелетия до н. э. (Щетенко, рис. 1, 25, 26, 36). Особенно примечательно сходство молалинских кувшинов с высоким горлом, развернутым венчиком и подкошненным дном с керамикой Харалпы (Vats, 1940, pl. LXX, 23, 29; LXXI, 36, 52), Чанху-Даро (Mackay, 1943, pl. XXVI, 71; XLI, 29, 41). Единственное отличие заключается в том, что харрапские

кувшины оформлены без скошенной придонной части. Многие другие формы керамики комплекса Молали, например, сферические горшки на поддоне, миски на поддоне и вытянутые кувшинообразные горшки с развернутым венчиком, также находят свои прототипы в керамике харрапской культуры (Mackay, 1937, pl. LII, 10, 22, 37; LIII, 6, 29, 32; LVI, 29, 37, 47—49; LX, 25—30, 37, 39; LXI, 23—28; 51—68; LXIV, 17, 52—55; Он же, 1943, pl. XXVI, 74—91; XXVII, 1—9; XXVIII, 3, 12, 19, 23, 24, 35, 50).

Абсолютная дата харрапской и постхаррапской культур старше, чем у Молали. Видимо, отмеченное сходство целого ряда форм керамики является результатом влияния со стороны носителей древнегородской цивилизации долины Инда на сложение комплекса Молали, о чем более подробно будет сказано далее.

Заканчивая типологическую синхронизацию керамики позднего Джаркутана с материалами ряда близлежащих и отдаленных памятников, констатируем, что комплекс Молали целиком и полностью синхронен с комплексами Тахирбай 3 Мургабского оазиса, Раннеулхарского могильника бишкентской культуры и могильника Тигровая Балка вахшской культуры юго-западных районов Таджикистана. Эти памятники, как отмечалось выше, датируются концом третьей — четвертой четвертью II тысячелетия до н. э. Затем, как уже говорилось, слои позднего Джаркутана перекрывают культурные слои раннего Джаркутана. Это наблюдалось и в стратиграфии могил.

Суммируя эти данные, мы склонны датировать комплекс Молали 1350—1000 гг. до н. э. При этом следует отметить, что стационарные раскопки в памятниках комплекса Молали начаты совсем недавно, накопление вещевого материала продолжается. Вполне возможно, что нижняя граница абсолютной хронологии комплекса в действительности несколько древнее, на что указывает некоторое сходство керамики Молали с комплексами харрапской и постхаррапской культур. Более детальная хронологическая разработка комплекса Молали — дело будущих исследований.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЮЖНЫЙ УЗБЕКИСТАН В ЭПОХУ БРОНЗЫ

ГЛАВА I. ИСТОКИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ КУЛЬТУРЫ САПАЛЛИ И ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ВЗАИМОСВЯЗЬ ЕЕ ПЕРИОДОВ

Вопросы происхождения культуры Сапалли

Анализ массовых археологических материалов показал, что территория Южного Узбекистана в эпоху бронзы благодаря своим благоприятным физико-географическим и экологическим условиям стала местом сложения культур высокоразвитых земледельческих племен, имевших тесные контакты с племенами юго-западных областей Средней Азии, Северо-Восточного Ирана, Южного Афганистана, с одной стороны, и с племенами северных районов Средней Азии — с другой. Результатом расселения на восток высокоразвитых земледельческих племен древневосточных цивилизаций второго порядка явилось формирование в этом районе сапаллинской культуры.

Наши исследования показали, что в пределах исследуемого региона материалы, на базе которых формировалась культура Сапалли, пока не обнаружены, что заставляет обратиться к более ранним комплексам сопредельных регионов древневосточной цивилизации второго порядка.

Сложение культуры Сапалли, как показывает весь археологический материал, неразрывно связано с развитием культуры племен с высокоразвитой древнеземледельческой традицией. Изучение совокупности всех данных позволило нам наметить пути развития культуры Сапалли (Аскаров, 1973а, с. 118—129).

Новый археологический материал, полученный в процессе раскопок последних лет как на поселениях Сапаллитена, так и в других памятниках культуры, еще раз убедил нас в правильности основных наших положений. Поэтому, избегая излишних повторений, отметим только, что типологическое сопоставление вещевого инвентаря комплексов Сапалли с материалами ряда памятников довольно четко очерчивает зону распространения культуры племен сапаллинского типа. Это — области Южного Узбекистана и Северного Афганистана, Мургабский оазис, подгорная полоса Южного Туркменистана и Северо-Вос-

точной Иран. По своему составу и формам керамические комплексы этих культурно-исторических областей во многом идентичны. Основная масса сосудов в памятниках этих районов изготовлена на гончарном круге. Сосуды хорошо обожжены и в значительной части покрыты ярко-красным и розовато-белым ангобом, за исключением североиранских комплексов. Особенно близки комплексы Сапалли и Дашли.

Основные формы керамики Сапалли и Дашли — это хумчи, кувшины, чайники, тазанки, чаши, кубки на высоких ножках, чаши со сливами, миски и т. д. Однако в Дашли отсутствуют шаровидные сероглиняные кувшины с катушкообразным горлом, сероглиняные вазы на кольцевом поддоне, характерные для керамики Сапалли, а в комплексе Сапалли нет крынок с выделенным дном, сосудов с цилиндрическими стенками на низком поддоне, цилиндрических банок (Сарианиди, 1974, рис. 7, IV—3; 8, IX—4; X—1), характерных для керамики Дашли. Эти незначительные локальные отличия не исключают генетической родственности обитателей этих двух центров древневосточной цивилизации.

Очень близкие параллели между культурами Сапалли и Дашли наблюдаются в комплексе бронзовых изделий (булавки с коническим навершием, фигурные булавки, круглые зеркала с ручкой, браслеты, височные колечки), в кремневом инвентаре (наконечники стрел листовидной формы без черешка и подтреугольной формы с черешком), в каменных бусах, изготовленных из полудрагоценных минералов (Сарианиди, 1974, рис. 1, 4, 5, 9, 10). Особенно примечательны печати розетковидной и крестовидной формы с петелькой или стержневые печати-булавки (Сарианиди, 1974, рис. 1, 3). Стиль орнамента и его сюжет поразительно сходны (Кругликова, Сарианиди, 1971б, с. 16—22). Многие бусы-пряслица из Сапалли и Дашли, изготовленные из камня и

глины, ориентированы фестоночками (*Сарианиди*, 1974, рис. 1, 8).

В обих культуррах одинаков обряд захоронения (на боку в скорченном положении, преимущественно головой на север). На Дашли и Сапалли раскопано много могил с богатым и разнообразным погребальным инвентарем под полами жилых домов, под стенами, в руинах заброшенных домов. В позднем периоде комплексов Сапалли и Дашли появляются отдельно стоящие грунтовые могильники. Захоронения производились в ямах, подбоях и катакомбах. Встречались кенотафные захоронения, погребения животных (*Кругликова, Сараниди*, 1971б, с. 168; *Сарианиди*, 1974, с. 57—59). Все это убедительно указывает не только на хронологическую однородность комплексов Сапалли и Дашли, но и на единство их происхождения.

Типологический анализ керамики Сапалли и Аучин-депе показал, что целый ряд форм сосудов (вазы на высоких ножках, горшкочкообразные чумчи, кушаньи, чайники с трубчатым носиком, чаши со сливами, кубкообразные чаши, крынки, конические чаши (и тазки)) является ведущим в керамике обоих комплексов. При этом следует отметить, что в керамике Аучин-депе почти нет сосудов, характерных для джаркутанского этапа комплексов Сапалли, что позволяет синхронизировать аучинский комплекс с сапаллинским этапом. Сероглиняные сосуды со слезами тщательной лощения встречаются в комплексах обоих памятников. Примечательной особенностью керамики памятников этих районов является спиралевидное завихрение на кольцевых допках сосудов, особенно у чаш кубкообразной формы. Обряд захоронения у аучинцев тот же, что и у сапаллинцев. Отмеченные параллели также свидетельствуют о генетическом родстве обитателей этих памятников.

Наряду с близкими параллелями материалов Сапалли и Аучиня у каждого комплекса имеются и специфические особенности. Так, в керамике Сапалли мало сосудов ручной лепки, в то время как на Аучине их довольно много. В керамике Аучин-депе встречаются ориентированные сосуды, в Сапалли же, если не считать привозных сосудов, керамика с узорами полностью отсутствует. Для керамики Сапалли характерно отсутствие ручек (только в одном случае за пределами крепости Сапаллигента в верхнем горизонте был найден кувшин с двумя ручками), в комплексе же Аучиня иногда попадаются фрагменты, указывающие на наличие ручек. Перечисленные отличия, существовавшие между двумя комплексами, — локальные особенности.

Сходство в формах керамики обнаруживается и между Сапалли и памятниками подгорной полосы Южного Туркменистана — Намазга, Улуг, Алты и др. В Намазга-депе из слоя времени Намазга V и VI извлечены вазы на высоких ножках, вазы на поддоне, конусообразные тазки с вогнутой придонной частью, глубокие конические чаши с надломленным венчиком, горшки и кувшины с округлым туловом, чайники с незаметным тонким округлым бортиком и сферическим туловом, миски, которые являются ведущими типами керамики культуры Сапалли. В верхних горизонтах стратиграфического шурфа Намазга-депе Б. А. Литвинский обнаружил кубкообразные сосуды с высоким узким вогнутым поддоном (*Литвинский*, 1952, с. 30—52), часто встречающиеся в комплексе Сапалли. На дне этих сосудов как в Намазга-депе, так и в Сапалли имеется спиралевидное завихрение — существенный признак керамики времени Намазга V и VI, связанный с внедрением в Гончарное производство круга быстрого вращения. Светлооглибованная и краснооглибованная посуда, особенно вазы и чаши с темно-красными потеками, серая керамика и кольцевые подставки с процарапанными знаками-метками также свидетельствуют о большом сходстве керамики Сапалли и Намазга-депе (*Хлопик*, 1968, с. 349—350; *Щеганко*, 1971, с. 430—432; *Он же*, 1969, с. 347—349; *Он же*, 1972, с. 529—530).

Некоторые параллели замечаются между керамикой Сапалли и Улуг-депе, Сапалли и Алты-депе. В верхних слоях Улуг-депе В. И. Сараниди и К. А. Качурис выявили несколько полуразрушенных захоронений с погребальным инвентарем времени позднего Намазга V. На юго-восточной окраине поселения открыт могильник середины II тысячелетия до н. э., состоящий из четырех прямоугольных камер с индивидуальными захоронениями. В керамике из погребения встречались конические сосуды с надломленным венчиком (*Сарианиди, Качурис*, 1968, с. 343; *V. Masson and Sarianidi*, 1972, pl. 38), которые характерны для керамики культуры Сапалли и датируются по южнотуркменстанскому комплексу временем позднего Намазга V. Конические сосуды, кольцевые подставки, горшки и кубкообразные чаши, обнаруженные И. Масимовым при раскопках печей на поселении Улуг-депе, также относятся ко времени позднего Намазга V и раннего Намазга VI (*Масимов*, 1972, рис. 4, 17, 19, 28).

Более близкие хронологически и довольно выразительные аналогии дают верхние слои столичного памятника времени развитой

бронзы Алтын-депе (Гаялини, 1967, с. 207—219; В. Массон, 1966а, с. 66; Он же, 1969, с. 435—437; Сарияниди, 1967, с. 333—335). По данным раскопок А. Ф. Гаялини, В. М. Массона и В. И. Сарияниди, двухметровый верхний слой на Алтын-депе полностью относится к комплексу времени Намазга V, давшего большое количество сходного материала с комплексом Сапалли. Например, значительное число глубоких конических чаш с Сапалли имеет легкий пористый черепок зеленовато-белого цвета, характерный для алтыновской керамики времени Намазга V. Кубковидные конические сосуды на высоко поддоне с Сапалли генетически восходят к подобным сосудам из комплекса Алтын-депе. В слое позднего Намазга V на Алтын-депе часто встречаются кольцевые подставки с прощарпанными знаками, как и на Сапаллитепа (В. Массон, 1966а, с. 66, 68).

Таким образом, комплексы Сапалли, Дашли, Аучина и соответствующие слои Алтын-депе, Намазга-депе, Улуг-депе и других памятников подгорной полосы Южного Туркменистана указывают на единую историко-культурную общность, носители которой были генетически родственными. В материалах памятников подгорной полосы пока не известны некоторые виды сосудов (кувшини со скошенной придонной частью, шаровидные кувшини с катушкообразным горлом, довольно редко встречающиеся кубки на высоких ножках, чаши со сливами), чайники — несколько иных пропорций. Однако совокупность сходных, чаще всего идентичных материалов между комплексами Сапалли и памятников подгорной полосы гораздо больше, чем их различия. Конические чаши, кубковидные чаши, тазки, вазы и бокалы на высоких ножках, кувшини овальной формы, чаши со сливами, конические банки, кольцевые подставки, горшки и многое другое из Сапалли находит прямые аналогины в материалах подгорной полосы Южного Туркменистана. Значительное число этих сосудов встречается в предшествующих комплексах анауско-намазганской культуры. Они могут служить прототипами светлофоновой посуды комплекса Сапалли.

Металлические розетковидные, крестовидные перегордчатые печати с петьелькой, лопаточкой, булавки-печати с розетковидным навершием, булавки с конической шляпкой, с фигурным навершием, круглые зеркала, разные формы каменных бус из памятников подгорной полосы являются характерными и для комплекса Сапалли.

Видимо, перед нами — два очага культуры древних земледельцев времени позднего Намазга V и раннего Намазга VI. Первый из них — южнотуркменистанский, второй — приамударинский. Поэтому в свое время нами была выделена культура Сапалли как новый древнебактрийский очаг, который, в отличие от туркмено-хорасанского очага, характеризовался целым рядом признаков, присущих приамударинскому центру древневосточных цивилизаций (Аскаров, 1973а, с. 122).

Некоторое сходство материалов культуры Сапалли намечается с комплексами памятников Северо-Восточного Ирана. Конкретные примеры уже приводились в разделе хронологии данной работы и в нашей монографии «Сапаллитепа» (Аскаров, 1973а, с. 118—129). Поэтому лишь отметим, что шаровидные кувшини с катушкообразным горлом, бокалы на высокой ножке, соусники, яйцевидные кувшини культуры Сапалли могли появиться под влиянием гиссаро-тюринговского центра древневосточных цивилизаций. В комплексах гиссаро-тюринговского региона имеется много металлических изделий (печати, сосуды, булавки), аналогичных сапаллинским.

В первой публикации мы допускали возможность участия в сложении культуры Сапалли племен Северо-Восточного Ирана (Аскаров, 1973а, с. 125). Однако новые дополнительные материалы по комплексу Сапалли и более детальный их анализ привели к некоторым уточнениям.

В настоящее время нам не представляется реальным непосредственное переселение отдельных групп племен из гиссаро-тюринговского центра в плодородные оазисы Древней Бактрии. Это объясняется тем, что вся керамика памятников Северо-Восточного Ирана изготовлена только из серой глины, в то время как основная масса керамики комплекса Сапалли светлофоновая. Имеющаяся в комплексе Сапалли группа серых сосудов, определявшаяся нами как привозная, не всегда идентична с керамикой Гиссара IIIc, Шах-тепе IIa'. Близость в формах целого ряда сосудов (шаровидные кувшини с катушкообразным горлом, бокалы на ножках, чаши со сливом, чайники с трубчатым носиком и др.) скорее всего является результатом взаимных культурных связей и влияния. В наших комплексах серая керамика довольно ограничена, при этом она точно повторяет формы светлофоновых сосудов. Пока еще нет ни одного сосуда, который бы точно повторял форму гиссарских или шахтелинских.

Шехтепкинские и гиссарские кувшини с шаровидным туловом отличаются от сапал-

линских довольно высоким горлом. Вазы и бокалы на высоких ножках, кувшины со скошенной придонной частью и соусники также в деталях отличаются от сапаллинских. То же самое можно сказать и о металлических изделиях.

Металлические предметы гиссаро-тиургинговского региона, обладая сходством с аналогичным материалом Сапалли, имеют свои особенности, характерные для комплексов памятников Северо-Восточного Ирана. Однако мы не отрицаем глубоких генетических связей, восходящих к более ранним периодам. Какая-то родственная связь между комплексами существовала, но она пока не дает непосредственную линию генетического развития.

Придавая особое значение отсутствию в комплексах памятников Северо-Восточного Ирана и Древней Бактрии антропоморфной пластики, В. И. Сариниди допускает, что Восточный Иран — наиболее вероятный центр, откуда иммигранты в конечном счете достигают плодородных оазисов Бактрии (*Сариниди*, 1974, с. 69). Но предположение В. И. Сариниди об иранском происхождении древнебактрийской общины аргументировано слабо, так как сам автор отмечает, что конкретные предшественники наших комплексов в Восточном Иране еще не открыты. Кроме того, отсутствие королестики еще не говорит об иранском происхождении древнеземледельческих общин бактрийского региона. Г. А. Кошеленко, развивая мысль В. И. Сариниди, в рецензии на сборник «Древняя Бактрия» пишет, что малочисленность статuetок на Сапалли свидетельствует об особых контактах «этого памятника с иранскими» (*Кошеленко*, 1975, с. 151). Нам кажется, что малочисленность мелкой королестики в комплексах приамударьинского центра скорее всего связана с изменениями идеологических представлений, вытекающими из дальнейшего развития социально-экономических отношений древнеземледельческих общин.

В. М. Массон отмечает, что в эпоху поздней бронзы (время Намазга VI) в общинах древних земледельцев подгорной полосы Южного Туркменистана намечается постепенное угасание традиций королестики, столь характерной для раннеземледельческих обществ (*В. Массон*, 1966б, с. 176). Видно, это было вызвано тем, что с эпохи поздней бронзы широкое распространение получают печатно-амулеты, как бы заменяющие глиняные статуэтки. В. И. Сариниди связывает этот процесс «с идеей всеобщего плодородия» (*Сариниди*, 1975б, с. 529).

В 1974 г. В. И. Сариниди исследовал в Гонурском оазисе в низовьях Мургаба поселение Гонур I площадью более 15 га с мощным (3 м) культурным слоем, нижние ярусы которого в пределах 1,5—2 м содержали материал времени Намазга V, а верхний метровый слой — времени Намазга VI (*Сариниди*, 1975б, с. 528). Сам факт раннего освоения Мургабского оазиса населением древнеземледельческих культур подгорной полосы Южного Туркменистана с эпохи Намазга V делает более реальным предположение о среднеазиатском происхождении приамударьинского очага.

Таким образом, в настоящее время возникло два мнения о сложении приамударьинского центра древневосточных цивилизаций, позволившие наметить два очага происхождения — среднеазиатский и северо-восточноиранский. Первая линия генетического развития региона нам представляется более вероятной, чем вторая.

В свое время В. М. Массон справедливо указывал на генетическую преемственность комплексов Мургабского оазиса с древнеземледельческими общинами подгорной полосы Южного Туркменистана (*В. Массон*, 1959, с. 20—28; *Он же*, 1964, с. 183—184; *Он же*, 1966б, с. 176—178) и выдвинул предположение о том, что до времени культуры Намазга V на протяжении многих тысячелетий на юго-западе Средней Азии процветали крупные древнеземледельческие поселения, занимавшие каждую территорию в несколько десятков гектаров (*В. Массон*, 1964, с. 182—183). С эпохи Намазга V эти поселения приходят в упадок, сокращается их обжитая часть и начался процесс освоения новых районов.

Вместо крупных центров земледельческих оазисов появляются новые оазисы с поселениями небольших размеров, часто с выделением крепостей с обводными стенами. Такими поселениями являются Сапаллитепа и Джаркутан в Шерабадском оазисе, Дашли 1 и 3 в Дашликском оазисе, Аучин-депе в Мургабском оазисе. Сложение древнеземледельческих оазисов в этих культурно-исторических областях относится именно ко времени позднего Намазга V (вторая четверть II тысячелетия до н. э.) и Намазга VI (вторая половина II тысячелетия до н. э.).

Если учесть, что на территории Южного Узбекистана памятники более ранних периодов (комплекс Сапалли) с производящим хозяйством относятся ко времени позднего Намазга V и раннего Намазга VI и облик всего археологического материала идентичен комп-

лексам анауско-намазгинского типа, то истоки культуры Сапалли нужно искать в зоне более древних памятников подгорной полосы Южного Туркменистана.

При анализе хронологии Сапалли мы убедились в том, что именно юго-западные районы Средней Азии дают исходные материалы для решения вопроса о генетических связях и культурной принадлежности носителей культуры Сапалли. Сходство комплекса Сапалли с некоторыми материалами Гиссара IIIc, Шах-тепе Па¹, Па² и Тюринг-тепе Северо-Восточного Ирана, скорее всего, отражает результаты только культурных связей и влияний.

Таким образом, более вероятный центр происхождения комплексов Сапалли, Дашли и Аучин надо искать в кругах среднеазиатского ареала общин древних земледельцев.

Материалы комплекса Молали стоят несколько обособленно, ибо имеющийся археологический комплекс не увязывается с комплексами более ранних периодов культуры Сапалли. Тем не менее, мы имеем ряд фактов для обоснованной постановки вопроса о происхождении культуры. В этом отношении керамика, как основной источник для установления линии генетического развития культуры, приобретает особое значение, ее дополняют орудия труда, оружие, украшения.

Прежде чем перейти к изложению фактов, следует отметить, что характер хозяйства периода Молали ничем не отличается от предыдущих периодов.

Молалинский керамический комплекс характеризуется высоким профессиональным мастерством изготовления и богатым разнообразием форм, что, несомненно, является признаком непрерывности развития гончарного производства. Ранее нами было отмечено, что молалинский этап является непосредственно продолжением культуры Сапалли (Аскаров, 1973а, с. 126). С открытием новой группы памятников молалинского времени стало известно, что считать его лишь прямым продолжением предшествующих этапов нельзя.

При тщательном анализе керамики мы убедились, что прямые, предшествующие Молали комплексы, которые можно было установить по керамике, на территории приамударынского очага древних земледельцев пока не обнаружены. Нет их и на территории Маргианы и в предгорной полосе Южного Туркменистана. Керамика молалинского этапа — это подлинный расцвет гончарного производства и качественный скачок в гончарном ремесле культуры Сапалли. Поэтому

искать истоки происхождения комплекса Молали на основе форм керамики в другом месте было бы целесообразным.

Это же подтверждает и анализ бронзовых предметов. Все бронзовые изделия комплекса Молали, например ножи типа бритвы с черешком, булавки с конической шляпкой, миниатюрные лопаточки, круглые зеркала с ручкой, круглые в сечении браслеты с несомкнутыми концами, простые колючки, находят прямые аналоги в памятниках предшествующих периодов Южного Узбекистана, Северного Афганистана, Южного Туркменистана, Северо-Восточного Ирана и др. Встречаются они в разновременных памятниках, начиная с эпохи энеолита до поздней бронзы. В сложении комплекса Молали намечается и некоторое влияние со стороны общин высокогорных протогородских и городских цивилизий сопредельных историко-культурных регионов. Установить степень влияния этих цивилизаций позволяет анализ форм керамики.

Основная масса керамики комплекса Молали изготовлена на круге. Лепные сосуды очень редки. Особого внимания заслуживают вазы на высокой баллинообразной ножке (табл. LXIV, 1—12). Чаши у этих ваз оформлены обычно с овально загнутым вовнутрь венчиком. В предшествующих памятниках сопредельных областей подобные вазы не известны, но имеются вазы на высокой массивной ножке с мелким мискообразным резервуаром (табл. LXI, 1, 6), сходные с некоторыми вазами Шах-тепе II и III, Гиссара IIIc (Arne, 1945, fig. 345, a, c; 346 a; Schaeffer, 1948, fig. 239, 31, 32; 316, 9, 11) и Алишара (Schaeffer, 1948, fig. 190, 8, 9). Шахтепские и гиссарские вазы, в отличие от молалинских, сделаны с плоским блюдобразным резервуаром. Баллинообразная ножка иногда ornamentована богатым геометрическим узором. Вазы из Алишара несколько ближе к нашим как по профилю чаши, так и по ножке без орнамента. Другие формы сосудов комплекса Молали не находят параллелей в керамике иранских и мадоазийских комплексов.

Аналоги нашим вазам встречаются в комплексах Центральной и Северо-Западной Индии. Так, в керамике культуры Хараппа широко представлены вазы на высокой массивной ножке, горшки и миски на поддоне, выгнутое кувшинообразные горшки с развернутым венчиком, кувшины с высоким горлом и развернутым венчиком, которые дают точные прототипы форм молалинских сосудов.

Как известно, харашпская городская культура с высокоразвитым многоотраслевым ремеслом со второй четверти II тысячелетия до н. э. приходит в упадок. На развалинах харашпских городов появляются поселения, культура которых имеет много общего с культурой Молали. Постхарашпские поселения долины Инда представлены материалами культуры Джхукар и могильника *H* в Харашпе, облик археологического материала которых напоминает как бы возврат к дохарашпским сельскохозяйственным культурам. Однако харашпские керамические традиции продолжают и в период джхукарской культуры.

Вазы на высокой массивной ножке, кувшины с высоким широким развернутым горлом, сферические кувшины на поддоне, миски на поддоне, аналогичные молалинским, широко представлены в керамике джхукарской культуры (Mackay, 1943, pl. LX, 14, 28; LXI, 15, 16, 20, 21, 24, 25, 41). Основная масса керамики Харашпы и Джхукара имеет гладкую красную поверхность, сосуды же молалинского периода часто ангобированы темнокрасным цветом. Так, красноангобированные вазы с уступчатым мелким блюдобразным резервуаром на высокой массивной ножке по форме ничем не отличаются от подобных ваз Харашпы и Джхукара.

Индийские археологи установили, что часть населения харашпской культуры после ее упадка продвинулась на юг и осела в Катхияварский полуостров (*Sankhalio*, 1962, с. 50). Это освоение относится к середине II тысячелетия до н. э., что совпадает с концом городской цивилизации долины Инда (Mackay, 1948, с. 10; Piggott, 1952, с. 214—242; Струве, 1951, с. 12—14; Деонук, Мерперт, 1957, с. 21; Шетенко, 1964, с. 32). Не исключена возможность, что другая часть населения цивилизации направлялась по верхнему течению р. Инда и оттуда добралась до плодородных оазисов Древней Бактрии. Нам кажется, что переселение осуществлялось через узкую горную долину р. Хульма в Северном Афганистане.

Обобщая результаты анализа керамических материалов, можно зафиксировать, что комплекс Молали имеет наиболее близкие параллели как в Мургабском оазисе в материалах позднего Намазга VI (Таширбай 3), так и в Дашлинском оазисе. За пределами бактрийско-маргианского региона такая близость, указывающая на родство этих племен, пока еще не обнаружена.

Генетическое родство комплекса Молали с предшествующими этапами культуры древ-

них земледельцев наиболее четко прослеживается в материалах Дашлинского оазиса. Керамика каждого центра имеет свою специфику, характерную для конкретного комплекса. Сопоставляя керамику Дашли и Сапалли с этой точки зрения, нам удалось выявить тот факт, что для памятников Южного Узбекистана наиболее характерными являются разнообразные варианты ваз на высоких ножках, а для памятников Южной Бактрии — кубкообразные сосуды на кольцевом поддоне с вогнутой придонной частью. На молалинском этапе вазы на высоких ножках приобретают совершенно новую форму и пропорции, а кубкообразные легкие и звонкие сосуды, встречающиеся изредка на ранних этапах культуры Сапалли, исчезают совсем. Но на территории Северного Афганистана кубкообразные сосуды получили дальнейшее развитие. Теперь они изготавливались более вытянутыми, на большом выступающем поддоне, по форме они иногда напоминают кубки античного времени. Подобные примеры, развивающие наш тезис о генетическом родстве комплекса Молали с предшествующими этапами культуры древних земледельцев, можно привести и по другим формам керамики и металла.

В решении вопроса об истоках культуры Сапалли особое значение приобретают антропологические исследования.

При раскопках поселения Сапаллитепы и могильника Джаркутан получен обильный материал для установления антропологического типа населения. В 138 могилах на Сапаллитепе обнаружено 158 захоронений: 54 взрослых женщин, 50 мужчин, 38 детей от 1 года до 15 лет и 16 младенцев до 1 года.

Краниологический материал Сапалли и Джаркутана изучали антрополог Т. К. Ходжайов и его ученик Х. Халилов. В своих выводах мы основываемся на их данных.

Раскопки могильника Джаркутан дали серию черепов, которая характеризуется теми же особенностями, что и черепа из Сапаллитепы.

Мужские и женские черепа культуры Сапалли относятся к одному морфологическому типу. Все черепа долдохоранные, лишь в двух случаях намечается круглоголовость. Т. К. Ходжайов считает, что эти случаи не могут быть рассмотрены как указание на примесь круглолового типа, так как этот признак нормальной изменчивости характерен для любой краниологической серии. Лоб у сапаллинцев среднеширокий и средненаклонный со среднеразвитыми надпереносьем и надбровными дугами. Лицевая часть узкая и средневысокая. Нос среднеширокий, сильно

выступающий. В целом черепа из Сапалли имеют резко выраженные европеоидные особенности.

По данным Т. К. Ходжайова, черепа из поздней группы могил Джаркутана несколько массивнее сапаллинских и равнеджаркутанских, скелеты более мощные. Несмотря на указанные морфологические особенности, оба этих варианта Южного Узбекистана средины — второй половины II тысячелетия до н. э. объединяют длинноголовость, высоко- и узколицесть.

Исследованиями палеоантропологического материала эпохи бронзы с территории Средней Азии и прилегающих стран выявлены грациальный и матуризованный комплексы признаков. Первый из них генетически связан преимущественно с южными районами, им характеризовались черепа из поселений чустской и заманбабинской культур, из могильников Муминабад, Тигровая Балка, Макопи Мор, из поселений подгорной полосы Южного Туркменистана и прилегающих областей.

Матуризованный комплекс признаков распространен в основном на севере, и представителями его являются андроновские, тазабагъабские, срубные и афанасьевские племена. Население Сапаллитепе и Джаркутана входит в круг южных популяций.

Сопоставительные данные измерений черепов культуры Сапалли с синхронными и более ранними краниологическими сериями южной группы европеоидной расы показали, что черепа из Сапалли отличаются от энеолитических черепов Кара-депе малыми размерами продольного и высотного диаметров, сравнительно низкими орбитами, отсутствием выраженного альвеолярного прогнатизма. Таими же особенностями черепа Сапаллитепе отличаются от черепов Хапуз-депе, Сялка и др. Однако черепа из Алтын-депе и Геокюрского оазиса по многим признакам близки к серии из Сапалли.

Наибольшая близость намечается между черепами Сапалли и Заманбабы, Сапалли и слоя Тепе Гиссар IIIc. Если для черепов Кара-депе, Хапуз-депе, соответствующих слоев Сялка характерен высотный диаметр мозговой коробки, то черепа из Сапалли, Заманбабы, Алтын-депе, Геокюра и Гиссара IIIc отличаются низким сводом черепной коробки. На эту морфологическую особенность черепов обратила внимание Т. А. Трофимова, когда изучала черепа из Заманбабы. Тогда она выделила один череп и отметила, что, «если бы

эта особенность была установлена не в одном случае, а на серии черепов, то на основании этого можно было бы говорить о каком-то локальном варианте восточносредиземноморского типа на территории Узбекистана» (Трофимова, 1964, с. 109). В настоящее время эта гипотеза получила полное подтверждение на примере серии черепов Сапалли, Алтын-депе, Геокюра, слоя Гиссар IIIc. К этому же кругу можно отнести серию черепов из могильника Тигровая Балка, Макопи Мор, Джаркутан, Муминабад (Ходжайов, 1976, с. 47—48). Черепа из этого круга памятников с комплексом признаков, присущих восточносредиземноморскому типу, представляют локальный вариант последнего с преобладанием довольно низкого свода черепа.

Как видно из вышеизложенного, низкий свод черепа оказался характерным для населения огромной территории, основным центром которой является Средняя Азия. Этот регион в эпоху бронзы, а возможно и в более ранние доисторические времена, был заселен генетически родственными племенами, что подтверждается и данными современной археологии.

Таким образом, приведенная нами масса прямых аналогий из южнотуркменстанских памятников в совокупности с данными антропологии приобретает особую значимость, выделяя подгорную полосу Южного Туркменистана (Алтын-депе, Улуг-депе, Намазга-депе, Геокюр) как наиболее вероятный центр, откуда часть населения ранее цветущих крупных центров переселилась несколькими группами в плодородные оазисы бактрийско-маргянского региона. При этом не исключено, что в сложении приамударьинского очага древневосточных цивилизаций принимали какое-то участие общины Северо-Восточного Ирана, а возможно, и Южного Афганистана (Мундигак) и долины Инда. Однако общий облик их материальной культуры несколько отличен от Сапалли, а наличие некоторых прямых параллелей между ними можно объяснить культурным влиянием со стороны племен этих областей. То же самое можно сказать и о культурных связях между племенами Южного Узбекистана и иранского Сейстана, где итальянскими археологами исследуется столичный памятник прототородской культуры Шахри-Сохта. Интересно, что в синхронных с Сапалли слоях Шахри-Сохты IV исчезает орнаментация глиняных сосудов, многие формы его керамики находят прямые аналогии в материале нашего комплекса.

Облик археологических материалов, типы и структура памятников, обряд захоронения, однородность погребальных сооружений четко указывают на генетическое родство носителей каждого периода культуры Сапалли.

Поселение Сапаллитепа, как узловой объект наших исследований, дает материалы двух хронологических периодов культуры — сапаллинского и джаркутанского. Архитектурная планировка, обряд захоронения и ориентировка погребенных джаркутанского периода ничем не отличаются от сапаллинских. Выявленные отличия хронологического порядка намечаются лишь в керамике. Поселение и могильники Джаркутана, характеризующие два периода — джаркутанский и молалинский, дают материалы о непрерывной линии развития культуры Сапалли. Поселения и могильники Бустан, Молали содержат материалы исключительно молалинского периода.

Внешние типы и топографическая ситуация памятников мало отличаются друг от друга. Если поселения больших размеров были обязательно с крепостью (Сапаллитепа, Джаркутан), то поселения малых размеров состояли из отдельных многокомнатных домов (Культепа, Кичиктепа, Бустан 4, Молали и др.). Все поселения располагались вдоль древних, ныне сухих русел (Сапаллитепа, Культепа, Кичиктепа, Джаркутан и Бустан 4) или и сейчас действующих сав (Молали). Отличия, выраженные в структуре памятников, связаны с их хронологической разновременностью. Так, Сапаллитепа — объект более ранний и дает материал для характеристики начального этапа культуры Сапалли. Для этого периода характерен обычай хоронить покойников внутри поселения, часто под полами жилых домов, под стенами сооружений и, вероятно, еще не практиковалось выделение отдельного могильника вне поселения, характерное для джаркутанского и молалинского периодов.

Археологические комплексы культуры четко показывают пути постепенного развития общин древних земледельцев и некоторые качественные изменения в материальной культуре на определенном этапе ее развития. Так, при сопоставлении комплексов сапаллинского и джаркутанского периодов мало заметны те качественные изменения, которые четко прослеживались бы между Сапалли и Молали или между Джаркутаном и Молали. Однако сапаллинские и джаркутанские комплексы имеют много общего.

Керамика обоих этапов изготовлена в основном на гончарном круге, обжиг хороший.

Основные типы и формы керамики в целом одинаковые. Это — вазы на высоких ножках, конусообразные сосуды в разных вариантах, кубки на высоких ножках, кувшины, чайники, горшки, сковородки, кольцевые подставки и т. д. Имеющиеся отличия проявляются, главным образом, в профиле сосудов тех или иных вариантов, в оформлении венчиков, ножек ваз, носиков чайников, в постепенном исчезновении отдельных форм сосудов и появлении новых их типов.

Отличия в наборе металлических изделий сапаллинского и джаркутанского этапов различаются трудно. Какой бы тип изделий из металла мы не рассматривали, всегда видим, с одной стороны, явное сходство не только в общих чертах, но и во многих деталях оформления тех или других видов орудий труда, украшений и бытового инвентаря и, с другой стороны, элементы дальнейшего усовершенствования или появления новых форм металлических предметов.

Совершенно неразличимы типы и варианты каменных изделий комплексов всех трех периодов.

Если не считать появления среди каменных украшений комплекса джаркутанского этапа бус из яшмовидных пород, то вообще трудно говорить об отличиях каменных изделий комплексов. Все это говорит лишь в пользу генетической взаимосвязи, а имеющиеся различия — о хронологической их последовательности.

Раскопки могил как на поселении Сапаллитепа, так и в грунтовом могильнике Джаркутан показали, что обряд захоронений (скорченность костяка, женщины на левом, мужчины на правом боку, головой преимущественно на север, избылине погребального инвентаря) и устройство могил (взрослые преимущественно в катакомбах, подростки — в подбоях, дети — в ямах) сапаллинского и джаркутанского периодов совершенно идентичны и продолжают традиции племен единого происхождения. В общественно-историческом развитии культуры Сапалли джаркутанский период как бы выступает переходным этапом от сапаллинского к молалинскому. В комплексе Джаркутана мы еще не замечаем четкого и качественного отличия от предыдущего периода и этот качественный скачок улавливается лишь на завершающем этапе культуры Сапалли. Поэтому в периоде Джаркутан захоронения производятся то внутри поселения, то в могильниках за пределами поселения, а в молалинском захоронения переносятся за пределы поселения.

Нет сомнения в генетическом единстве племени моладинского периода с предыдущими комплексами. Это хорошо прослеживается в керамическом производстве, в наборе металлических изделий, а также в погребальном обряде.

Захоронения умерших в могилах с катакомбным устройством характерны для всех периодов культуры Сапалли. Нахождение в одном могильном поле захоронений двух периодов лишний раз подтверждает родственные связи представителей Джаркутана и Моладли. Причем в могилах обоих периодов скелеты мужчин, как правило, лежат на правом боку, женщины — на левом. Отличия наблюдаются только в ориентировке погребенных.

Формы и типы керамики моладинского этапа отличаются от таковых предшествующих периодов, но категории сосудов те же самые — вазы, кувшины, горшки и миски и т. д. Гончарное производство явно продолжает древние традиции с качественным улучшением и усовершенствованием технологического процесса изготовления сосудов. Отличия, прослеживаемые в рамках качественного улучшения, надо рассматривать как дальнейшее развитие этого вида домашнего производства.

В области металлургии наблюдается то же самое. Из-за большого процента оgrabленных могил в комплексе Моладли мы располагаем небольшим числом металлических изделий. Однако имеющийся материал (печати, булавки, серьги) по своим формам и типам ничем не отличается от материалов предыдущих периодов.

Все это вместе взятое еще раз подтверждает генетическое родство всех трех этапов культуры Сапалли.

В свое время нами было высказано предположение о том, что в сложении бишкентской и подобных ей культур скотоводческих племен принимало участие население моладинского периода сапаллинской культуры (Аскар, 1973а, с. 128—129). Эта гипотеза подтверждается, с одной стороны, однородностью населения могильников Тигровой Балки и Макоши Мор с носителями культуры Сапалли, с другой — археологическими данными.

А. М. Мандельштам, имея в виду могильник Заманбаба и андроновскую культуру, в археологических материалах которых обнаруживаются аналогии, близкие комплексу могильника Раннего Тулхара, рассматривает носителей бишкентской культуры как племена, пришедшие из северных районов Средней Азии (Мандельштам, 1968, с. 135—139). Сходство отдельных вещей Заманбабы и племен андроновской культуры, как и распространение в обряде за-

хоронений в Заманбабе катакомбного устройства могил, послужило материалом для такого предположения. Возможно, между племенами Заманбабы и Бишкентской долины поры могильника Раннего Тулхара действительно существовали какие-то связи, о чем свидетельствуют одинаковое устройство могил и целый ряд сходных вещей в их комплексах. Однако ранняя дата культуры Заманбабы — конец III — начало II тысячелетия до н. э. (В. Массон, 1957, с. 48—49; Он же, 1964а, с. 185; Кузьмина, 1958, с. 33) или первая половина II тысячелетия до н. э. (Аскар и др., 1966, с. 166) не позволяет считать вероятным такое предположение.

В связи с исследованием культуры Сапалли, в которой четко представлено катакомбное устройство могил и целый ряд вещей южного происхождения (бронзовые лопаточки, глиняная статуэтка, каменные бусы разной формы, особенно крестовидной, сероглиняная вазочка на ножке, нижняя часть биконического сосуда с росписью), можно говорить более определенно о южном влиянии в сложении заманбабинской культуры со стороны древнеземледельческих племен бактрийского региона.

Ранее мы отмечали возможность родственных связей между племенами Заманбабы и южных областей. Теперь эти связи четко прослеживаются и в антропологическом материале этих культур, о чем речь будет идти ниже. Нам кажется, что катакомбное устройство могил заманбабинцы заимствовали не от культур восточноевропейских степей, как это предполагалось раньше, а именно от сапаллинцев. Видно, тесные контакты, существовавшие между носителями культуры Сапалли и Заманбабы интенсивно развивались и в последующие периоды.

Связи, несомненно, были взаимными. Так, в джаркутанском периоде в Сапалли для изготовления бус стали широко применяться яшмовидные породы камня, что являлось характерным для культуры Заманбабы. Парадно-столовые горшки маленьких размеров моладинского периода появились, видимо, под влиянием подобных горшков культуры Заманбабы (Аскар и др., 1966, табл. VI, 1, 2; XI, 1, 2, 7). В обоих случаях горшки имеют следы темно-красного ангоба, осыпающегося как краска. В североафганском комплексе имеется несколько экземпляров прямоугольных курьиниц с двумя отделениями, как и на Заманбабе, полученных из могильника с комплексом, синхронным позднеджаркутанскому периоду.

Таким образом, параллели между комплексами моладинского периода культуры Сапалли и Заманбабы становятся более реальными.

Исходя из этого, можно предположить, что II тысячелетие до н. э. было периодом, когда в Средней Азии интенсивно мигрировали племена эпохи бронзы. Земледельческие племена в поисках плодородных земель продвигались в северные районы. Вероятно, часть населения культуры Сапалли, двигаясь по течению Амударьи, достигла плодородных долин Древнебухарского оазиса, где она участвовала в формировании культуры Заманбабы, а оставшаяся часть населения продолжала жить в пределах территории Древней Бактрии. Нам кажется, что существование в Северной Бактрии двух разнохозяйственных комплексов — земледельческих (могалинский) и скотоводческих (бишкентский и вахшский) племен — объясняется тем, что сложение первого — результат непрерывного развития предшествующих этапов культуры Сапалли, а второй комплекс складывался при участии последнего как одного из компонентов в формировании бишкентской и вахшской культур, о чем свидетельствуют археологический и антропологический материалы из этих памятников.

Здесь уместно привести высказывание А. М. Мандельштама о том, что «предметы разных типов, и притом «жюжные» и «северные», нередко изготовлены из одного и того же сплава, что явно указывает на их местное происхождение» (Мандельштам, 1968, с. 136). Если учесть сходство целого ряда вещевого инвентаря могильника Раннего Тулхара (горшковидные сосуды, сосуды с шаровидным туловом, миски на поддоне, грушевидные сосуды, бронзовые зеркала, лопаточки, ножи, кремневые наконечники стрел и т. п.) с материалами культуры Сапалли, то становится бесспорной генетическая близость носителей культуры Сапалли и Раннего Тулхара. К фактам, указывающим на эту преемственность, относятся и одинаковые обряды захоронения в катакомбах, заимствованные раннетулхарями от носителей культуры Сапалли.

Аналогичные параллели более выукло выявляются между комплексами Сапалли и Тигровой Балки. Следует отметить, что облик

матеральной культуры памятников Раннего Тулхара и Тигровой Балки совершенно идентичен и представляет собой единую культуру скотоводческих племен. Б. А. Литвинский, исследовавший памятники вахшской культуры, рассматривает население, оставившее могильник Тигровой Балки, генетически родственным с племенами Юго-Западной Туркмении (Литвинский, 1964, с. 158), так как антропологический материал из могильника Тигровой Балки характеризуется теми же особенностями, что и черепа из Сапалли. Однако антропологический облик населения Раннего Тулхара отличается как от северного, протоевропейского, так и от южного, средиземноморского населения очень крупными размерами черепа и сочетанием очень высокого и широкого лица (Кияткина, 1968, с. 171—173).

Не исключено, что население оставившее могильник Раннего Тулхара, является потомком гиссарских племен высокогорных юго-западных районов Таджикистана, которые в дальнейшем принимали участие в сложении расового типа среднеазиатского междуречья.

В сложении культуры скотоводческого населения Бишкентской и Вахшской долин, несомненно, сыграли важную роль и степные племена Средней Азии, благодаря чему у них вырабатывалась линия развития, присущая носителям степных культур, соответственно, основное направление хозяйства и быта было скотоводческое, чему способствовали местные условия. Местность, в которой расположены могильники Раннего Тулхара и Тигровой Балки, и сейчас непригодна для развития земледелия. Очевидно, такое же положение существовало здесь и в эпоху бронзы.

Таким образом, основываясь на приведенных фактах, можно говорить о том, что часть населения культуры Сапалли на ранних этапах, двигаясь вдоль Амударьи, остановилась в низовьях Зарафшана, где участвовала в сложении заманбабинской культуры, а другая часть, продолжая жить в обжитых районах, способствовала формированию бишкентской и вахшской культур.

ГЛАВА II. ПРОИЗВОДЯЩЕЕ ХОЗЯЙСТВО И РЕМЕСЛО

Классификация вещевого инвентаря, определение относительной и абсолютной хронологии комплексов и изучение генетической линии развития культур древнеземледельческих племен Южного Узбекистана дают возможность перейти к обобщению и интерпретации огромного фактического материала для воссоздания истории социально-экономического и культурного развития племен древнебактрийского региона в эпоху бронзы.

Земледелие

Хозяйство носителей культуры Сапалли имело явно производящий характер. Основные его направления — это орошаемое земледелие и пастушеское скотоводство.

Земледелие, как прогрессирующая форма комплексного хозяйства, не прошло на юге Узбекистана периода своего становления, во всяком случае, это пока не подтверждается данными археологии, хотя физико-географические условия и экологические перспективы области с благоприятным климатом и наличием дикорастущих злаков вполне способствовали раннему зарождению здесь земледелия. Отсутствие культуры племен с производящим характером хозяйства в более ранних периодах и «внезапное» появление в этом районе памятников высокоразвитых древнеземледельческих племен типа Сапалли, Джаркутана и др. позволяет подойти к решению вопроса в рамках положений, связанных с происхождением сапаллинской культуры.

Другой вид производящего хозяйства культуры Сапалли — скотоводство. Хотя оно уходило своими местными корнями в глубь тысячелетий, до позднего мезолита (Мачай), отсутствие связывающего звена между периодами культуры Сапалли и Мачая создает дополнительные трудности для положительного решения вопроса о местном его происхождении. Поэтому при изучении памятников эпохи брон-

зы Южного Узбекистана, где сейчас открыты уникальные для историко-социологического анализа комплексы, приходится обращаться к тем областям среднеазиатского региона, которые широко известны в археологической литературе как центры раннего зарождения производящего типа хозяйства. Это — юго-западные области Средней Азии, где в общине племен неолитического Джейтуна VI—V тысячелетия до н. э. проходил процесс становления производящего типа хозяйства под влиянием ближневосточных соседей (В. Массон, 1971, с. 107—159), таких как культуры Иерихон Палестины (Kenyon, 1957; 1959), Джармо в Иракском Загросе (Braidwood, Howe, 1960), хассанская культура Месопотамской равнины (Safar и др., 1945) и т. д.

Изучение истории раннего становления производящего типа хозяйства не входит в рамки нашего исследования, ибо этому важному вопросу посвящен целый ряд работ, в которых он всесторонне и глубоко рассматривается на уровне последних достижений советской и зарубежной историко-археологической и историко-этнографической науки (Вавилов, 1925; Пиотровский, 1970; Семенов, 1974; В. Массон, 1964, 1971; Чайлд, 1956).

Без сомнения можно утверждать, что ведущее значение в экономике носителей культуры Сапалли играло земледелие. На это ука-

зывает, в первую очередь, сам характер долговременных оседлых поселений с находками соответствующих орудий труда и других материалов.

Полное вскрытие крепости поселения Сапаллитепе и выявление его планировки в целом дало важный материал для выяснения огромной роли земледелия и его продукции в жизни обитателей поселка.

В соответствующих главах данной работы мы отмечаем, что на поселении Сапаллитепе

Разумеется, солома, получаемая в результате выращивания культурных злаков — пшеницы и ячменя, в первую очередь, шла на корм скоту, и лишь при изобилии она могла быть использована для других целей, в частности на изготовление кирпичца, на штукатурку стен и т. д. Для содержания скота в зимнее время необходимо было каждый год запасать не менее 10 т соломы. Большие запасы соломы и ее широкое употребление указывают на значительные успехи в земледелии. Это подтверж-

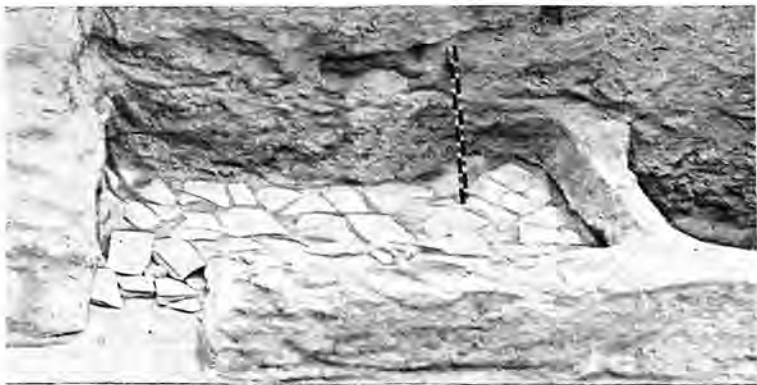

Рис. 34. Зернохранилище с выстлкой пола обломками керамики.

было вскрыто более 150 помещений в значительной части хорошей сохранности. Стены домов и оборонительных сооружений сохранились местами в высоту до 2 м. Предполагается, что первоначальная высота крепостных стен была не менее 5 м при ширине 1,6—1,7 м. Для сооружения лишь оборонительных стен крепости поселения, по предварительным подсчетам, было использовано 577 500 сырцовых кирпичей размерами в среднем $40 \times 10 \times 20$ см. Если сюда приплюсовать кирпич, использованный для сооружения стен жилищ и хозяйственных помещений, то общее количество кирпичей достигает внушительной цифры. Все кирпичи без исключения были изготовлены с большой примесью рубленной соломы. Если на один кирпич было израсходовано 10 г соломы, то лишь для изготовления кирпичей и возведения только стен оборонительных сооружений было необходимо 57 750 кг самана. Все стены, как оборонительные, так и жилых домов, обходились без саманной штукатурки.

дается и находками плетенных из соломы бляд и большими запасами зерна — пшеницы и ячменя, хранившимся в специальных зернохранилищах.

При каждом многокомнатном доме одно помещение отводилось для хранения продуктов питания, в первую очередь зерна. Эти комнаты не имели очагов, ям для мусора, сандалов. Иногда под зернохранилища был выстлан фрагментами битых сосудов и тщательно обмазан глиной с примесью белой массы (рис. 34). В ряде случаев в зернохранилищах стояли хумы и большие кувшины с остатками обуглившихся зерен культурных злаков.

Образцы зерен были переданы для определения в Институт растениеводства им. академика Н. И. Вавилова доктору сельскохозяйственных наук М. М. Якубинонеру, кандидатам сельскохозяйственных наук Р. А. Удачину, М. В. Лукьянову и кандидату биологических наук М. И. Рябовой. В результате анализа определен состав образцов, которые содержа-

ли зерна карликовой (*Triticum compactum* Host) и мягкой пшеницы (*Triticum aestivum* L), ячменя (*Hordeum vulgare* L) и семена винограда (*Vitis vinifera* L). Состав злаков, возделывавшихся южноузбекскими земледельцами, характерен и для южнотуркменских племен эпохи неолита, энеолита и бронзы (*Лисицина*, 1965, с. 135—136; *В. Массон*, 1971, с. 79; *Бердыев*, 1963, с. 189).

Обуглившиеся зерна карликовой пшеницы найдены в слое Мунигак II на юге Афганистана (*Casal*, 1961, с. 260) и на поселениях хараппской культуры в долине Инда (*Piggott*, 1952, с. 153). Находки злаков с разных территорий свидетельствуют о распространении двух видов пшеницы на большой территории и подтверждают мнение Н. И. Вавилова о восточнорасанском центре их происхождения (*Вавилов*, 1925, с. 25—32). Возделывавшиеся земледельцами Южного Узбекистана ячмень и овес до сих пор встречаются в диком виде в пределах Кунгитангауской горно-пустынной степной зоны. По мнению специалистов, виды культурных злаков из Сапалита могут возделываться в районах интенсивного поливного орошения, где господствует сухой пустынный климат с малым количеством осадков.

Таким районом и является территория Южного Узбекистана. По температурно режиму эта область наименее морозоопасная, осадки выпадают преимущественно в зимний период, лето сухое. В долинах подгорной полосы и в низких предгорьях в среднем за год выпадает от 50 до 300 мм осадков (*Эргешов*, 1974, с. 17). Среднегодовая температура воздуха в оазисах составляет 15—18°C. Естественно, что земледелие здесь может базироваться только на искусственном орошении.

Дельты рек Шерабаддары, Ходжаилака и др., а также саев с мощным гумусированным слоем были наиболее благоприятны для развития орошаемого земледелия. Небольшие посевы на плодородных почвах давали значительный для тех времен урожай. Несомненно, земледелие в дельтах рек южных районов было приспособлено к жаркому климату путем создания оросительной сети, либо без ирригации говорить о развитии земледелия в условиях Средней Азии практически невозможно. Однако в пределах дельт рек, предгорных равнин древнеземледельческих оазисов исследуемого региона каких-либо остатков ирригационных сооружений проследить не удалось, так как районы расположения памятников, один из самых перспективных в республике для выращивания тонковолокнистого хлопчатника, уже освоены под сельскохозяйственные куль-

туры, что не позволяет судить о характере ирригационной сети древних земледельцев.

Лишь в районе Бандыханского оазиса намечаются остатки земледельческих полей и отдельные участки широких каналов эпохи бронзы. Так, один из каналов здесь проходит мимо поселения эпохи бронзы Бандыхан I. Канал при ширине 8—10 м и глубины местами до 1,5 м сохранился на протяжении 3,5 км. Канал берет свое начало от русла Ургульсая и в 1 км от головы сначала разветвляется на два рукава, а затем на три. Первый рукав, наиболее длинный и широкий, проходит мимо поселения Бандыхан 7, два других проходят вокруг поселений Бандыхан 2 и 3 — памятников середины I тысячелетия до н. э. Первое русло канала, особенно в нижней своей части, за поселением Бандыхан I разбивается на мелкие арки, а главная магистраль впадает в русло Ургульсая.

Два других канала в районе памятников Бандыхан 2, 3 сnivelировались. Здесь располагались ровные земледельческие поля площадью 50—60 га.

Между главной артерией канала и руслом сая лежало большое поле площадью более 100 га, на котором в эпоху бронзы могло развиться земледелие.

В настоящее время древнеземледельческий Бандыханский оазис представляет собой маловодную горную долину с заброшенными полями. Из-за маловодья огромная территория превратилась в безводную степь с хорошими пастбищами в прилегающих горных районах. Видимо, маловодность оазиса начала ощущаться с раннего средневековья, о чем свидетельствует почти полное отсутствие памятников последующих периодов в этом районе. Однако в ближайшее время через оазис будет проложен новый магистральный канал, и уже сейчас начинается активное освоение земель.

О большом удельном весе земледелия в экономике населения говорят многочисленные находки каменных зернотерок, ступок, пестиков и наконечников мотыг. Но не вполне ясным остается состав орудий труда для обработки полей и рывья оросительной системы.

Только на поселении Сапалитига обнаружено несколько предметов, напоминающих мотыги — это два массивных каменных наконечника мотыг и две костяные мотыгообразные землекопалки, рабочая часть которых сильно отполирована, видимо, в процессе рыхления земли (*Аскарлов*, 1973а, табл. 29, 18). Отсутствие копальных орудий из твердых материалов (камень, бронза) на поселениях древнеземледельческих культур Средней Азии

и сопредельных районов привело большинство авторов к заключению, что основными орудиями для рыхления земли у древних земледельцев были деревянные палки-копаки (*Лисицина*, 1965, с. 25; *Бердыев*, 1965, с. 16; *Коробова*, 1966, с. 9; *Гулямов, Исламов, Аскаров*, 1966, с. 173; *В. Массон*, 1971, с. 81).

Весьма вероятно, что и земледельцы Сапаллитепы употребляли для рыхления земли преимущественно деревянные и костяные мотыги, которые до нас не сохранились. Этнографические материалы свидетельствуют, что подобные орудия для обработки земли были распространены в древности по всему миру. Так, основным земледельческим орудием древнего Перу был кол, иногда с бронзовым наконечником («Народы Америки», т. II, 1959, с. 281). В десах Конго часть племен банту до недавнего времени обрабатывала землю деревянными мотыгами («Народы Америки», 1954, с. 64). Единственным земледельческим орудием меланезийцев была простая заостренная деревянная палка длиной 1—2 м («Народы Австралии и Океании», 1956, с. 396—397). Ведущей и высококоразвитой отраслью хозяйства во всей Полинезии до прихода европейцев и позже было земледелие, основанное на искусственном орошении. Однако самым распро-

страненным орудием для рыхления земли и ее обработки был также простой деревянный кол («Народы Австралии и Океании», 1956, с. 583).

Вероятно, древние земледельцы Южного Узбекистана, подобно земледельцам Перу, Конго и Полинезии, обрабатывали землю при помощи простой землекопалки, а при рытье могил применяли орудия из рога оленя и бронзы. В коллекции вещевого инвентаря поселения Сапаллитепы имеется значительное число роговых орудий с отполированными заостренными концами и одно массивное копьеобразное бронзовое орудие, которыми рыхлились катакомбные и подобные могилы и другие подземные сооружения. На стенках многих могил сохранились четкие следы от этих орудий.

При изобилии бронзовых изделий в виде украшений и предметов туалета в комплексах культуры Сапаллы отсутствуют орудия, с помощью которых собирали урожай. Вкладышные кремневые серпы отсутствуют вообще, а металлические серпы пока не обнаружены. Возможно, металл, как важный сырьевой материал для изготовления различных орудий труда, шелся высоко, и каждый износивший металлический предмет шел на переплавку для изготовления нового орудия.

Скотоводство и охота

Земледелие и скотоводство в условиях Южного Узбекистана в общине древних земледельцев развивались с разной интенсивностью. Совокупность археологических данных указывает на преобладание земледелия над скотоводством, что подтверждается постоянным характером поселений с монументальной сырковой архитектурой. Тем не менее скотоводство, как важная отрасль производящего типа хозяйства, сыграло большую роль в экономике общинников сапаллитепской культуры. На существование скотоводства указывает обильный остеологический материал, обнаруженный главным образом на поселениях Сапаллитепы и Джаркута.

На поселении Сапаллитепы найдено около 16 тыс. костных остатков. Весь остеологический материал изучен палеозоологом Б. Х. Батыровым. Определенно подверглись 6906 костей домашних и диких животных. По его мнению, все исследованные фрагменты костей являются типично кухонными отбросами. Подавляющее большинство костей (6247 экз.) принадлежит домашним животным: крупный рогатый скот (28,51% от общего числа домашних животных) — 1790 костей от 69 особей, мелкий рогатый скот (63,22%) — 4266 костей

от 153 особей, ослы (3,31%) — 49 костей от 8 особей, свиньи (3,31%) — 116 костей от 8 особей, верблюды (0,41%) — 20 костей от 1 особи, собаки (0,83%) — 4 кости от 2 особей, кошки (0,41%) — 2 кости от 1 особи. Всего 242 особи.

Кроме этого, кости домашних животных, причем только мелкого рогатого скота, были найдены и в 63 могилах на поселении Сапаллитепы. В четырех могилах (погр. 7, 44, 90, 99) обнаружены целые скелеты пяти домашних животных. Кости животных представляли в каждом погребении одну особь. В могилу было принято класть определенные части жертвенного животного — две задние ноги, несколько ребер, одну лопатку и иногда грудник. Лишь в одном случае (погр. 8) в могиле оказались кости двух животных.

Преобладающее число домашних животных составляет мелкий рогатый скот (63,22%). По остаткам метаподиальных костей установлено, что решительное большинство из них составляют овцы, которые лучше приспособлены к стенным и полууступным условиям жизни, нежели козы. Второе место по количеству занимает крупный рогатый скот (28,51%). Б. Х. Батыров отмечает, что крупный рогатый

скот, по всей вероятности, относился к довольно мелкой породе, о чем свидетельствуют морфологические признаки исследованных костей. Из общего числа крупного рогатого скота 95% составляли коровы, меньшим количеством представлены волеы (3%) и быки-производители (2%).

Ослы и свиньи на поселениях были немногочисленны (по 3,31%). Измерениями трубчатых костей свиней выявлено, что они были мелкой породы, что подтверждается находкой глиняной фигурки свиньи, обнаруженной на поселении Сапаллитена, в которой древний скульптор как бы стремился передать черты мелкопородности этого домашнего животного (табл. XXIV, 9).

Наиболее интересный факт — наличие среди домашних животных верблюда. Скорее всего, сапаллитенские верблюды были двугорбymi, это установлено по весьма реалистичному изображению двугорбого верблюда на крестообразной каменной подвеске, обнаруженной в погребении 82. Древний художник четко передал изображение бегущего верблюда и фигуры человека. Верблюд, повернув голову, как бы смотрит на человека (табл. XLV, 13).

Приручение верблюда и ослы указывает, как высоко было развито скотоводство уже в пору культуры Сапалли. Не исключено использование ослов на сельскохозяйственных работах наряду с волами.

Наличие домашней собаки в этот период вполне закономерно. Но особого внимания заслуживает приручение сапаллитенинцами кошек. Надо полагать, что одомашивание кошек было вызвано необходимостью борьбы против грызунов.

Итак, количественное сравнение домашних животных указывает на преобладание в Сапалли мелкого рогатого скота. Но при переводе их на убойный вес получают иные результаты:

Вид животного	Количество особей	Средний вес особи, кг	Вес всех особей, кг	В процентах к общему весу
Крупный рогатый скот	69	150	11 040	76,2
Мелкий рогатый скот	153	16	2 448	16,9
Свинья	8	96	768	5,3
Верблюд	1	240	240	1,6

Таким образом, реальный удельный вес в стаде крупного рогатого скота значительно больше, чем мелкого. Поэтому естественно, что при развитой форме культуры земледелия оседлых племен было выгоднее разводить крупный рогатый скот, обеспечивающий по-

вседневную потребность населения в молочных и мясных продуктах.

По возрастному составу мелкий рогатый скот Сапаллитена разделяется на группы: 1) молочного возраста; 2) 3—8-месячного возраста; 3) старше одного года.

Более 50% костей мелкого рогатого скота принадлежит молочным ягнятам, убитым вскоре после их рождения. Средняя Азия, особенно ее южные степные и полупустынные районы, является древней родиной каракульских пород овец. Каракульская смушка снимается с ягнят на второй-третий день после их рождения. Поэтому, в связи с большим количеством костей молочных ягнят, и возникает вопрос, не имеется ли в данном случае факт появления в Сапаллитена каракулеводства?

Если наше предположение верно, то значит мелкий рогатый скот сапаллитенинцы разводили в основном для получения каракульских смушек, а не для мяса.

Вторую возрастную группу составляют кости ягнят (шираз). Овечье мясо в ширазном возрасте у скотоводов ценится высоко. В процентном отношении кости молодых овец составляют 25—30% от общего количества, остальные кости принадлежат животным старше одного года.

Таким образом, скотоводство у племен культуры Сапалли обеспечивало потребность населения поселка в мясе, молочных продуктах и, возможно, в каракульской смушке.

Охота дополняла потребность населения в мясе и шкурках. Из обследованных костей 659 принадлежали диким животным. Процентное соотношение видового состава диких животных, определенное Б. Х. Батыровым, дает нам следующую картину: бухарский олень (21,1% от общего числа диких животных) — 248 костей от 18 особей, кулан (23,5%) — 225 костей от 20 особей, джейран (24,7%) — 86 костей от 21 особи, кабан (9,4%) — 40 костей от 8 особей, тур (1,2%) — 5 костей от 1 особи, волеы (7%) — 28 костей от 6 особей, шакал (1,2%) — 5 костей от 1 особи, лисица (4,7%) — 6 костей от 4 особей, рысь — 1 кость, гиена — 3 кости от 1 особи, камышовый кот — 7 костей от 1 особи, барсук — 1 кость, большая песчанка — 2 кости от 1 особи, заяц-талай — 2 кости от 1 особи. Всего 659 костей от 85 особей. Кроме того, найдены 8837 фрагментов трубчатых костей и 31 кость птицы, не подвергавшихся определению.

Основными объектами охоты были бухарский олень, кулан и тур (бык), которые составляли 80% всех убитых диких животных. Первое место среди убитых хищников по числу особей занимает волк (6 особей). Охоти-

лись на волков, скорее всего, не из-за шкуры или мяса, а из-за того, что они уничтожали домашних животных. Остальные животные, за исключением лисицы, по числу особей составляют единицы.

Исходя из этого, можно заключить, что охота на диких животных не имела большого значения для сапаллитцев, так как разведение каракульских овец вытесняло на задний план хозяйственно-промысловое значение охоты на диких животных. Каракульские овцы давали жителям поселка не только хорошие смушки, но и высококачественную шерсть. С возрастом каракульские овцы седеют и смушковые завитки их распушаются, шерсть становится длиннее.

По количеству особей многочисленнее всех крупные стадные животные. Ниже мы приводим подсчет количества особей диких животных в убойной вес:

Вид животного	Количество особей	Средний вес особи, кг	Вес всех особей, кг	В процентах к общему весу
Бухарский олень	18	192	3456	39,4
Кулан	20	160	3200	36,5
Джейран	21	16	336	3,9
Кабан	8	192	1536	17,5
Тур (бык)	1	140	240	2,7

Таким образом, изучение видового состава и соотношения домашних и диких животных эпохи бронзы Южного Узбекистана показывает, что скотоводство имело большое хозяйственно-промысловое значение в экономике населения и преобладало над охотой на всех этапах развития племен древних земледельцев. Основу скотоводческого хозяйства составляло разведение крупного и мелкого рогатого скота, удовлетворявшего потребности населения в молочной и мясной пище, в смушковых и меховых «товарах», а также в шерсти. Охота была дополнительным источником.

Говоря о преобладании скотоводства над охотой, следует отметить и его пастушеско-придомный характер. В свое время мы отмечаем эту характерную черту скотоводства Сапаллитцев (Аскаров, 1973а, с. 133). Сейчас накопился масса дополнительных костных материалов по комплексам культуры Сапаллитцев, которые полностью подтверждают высказанное ранее предположение. Для развития пастушеского скотоводства на юге Узбекистана в древности имелись все необходимые условия — тугайные заросли в поймах рек и богатая растительность в предгорных и низкогорных районах.

Из этнографических материалов известно, что при пастушеском характере скотоводства

стада овец и коров держатся при дворе в специальных загонах, выпас их производится на подножном корму неподалеку от деревни. Раню утром животных выгоняют из дворов на пастбища в сопровождении пастуха, и под вечер стадо возвращается домой.

На пастбищах скот пасется до тех пор, пока подножные корма не засыпает снегом. Помощниками пастуха являлись собаки и осел. Козы и овцы пасутся с ягнятами. Дойных коров выгоняют на дуга отдельно от молодых телят. В полдень коровы возвращаются домой на доение. После обеда их вновь выгоняют на пастбище. Именно такой выпас скота, нам кажется, был характерным для населения, занятого в большей части земледелием (обитателей Сапаллитцев, Джаркутана и др.). Вся площадь центрального двора крепости поселения Сапаллитцев и многие межквартальные дворы, отдельные обводные помещения были сильно гумусированными, что свидетельствует об использовании их в роли загонов для скота. Вероятно, центральный двор использовался преимущественно в хорошую погоду, а обводные помещения и межквартальные дворы, имеющие перекрытия, — в зимнее время.

Естественно, жители запасались на зиму сеном и соломой.

Видовой состав дикой фауны указывает на то, каким был в древности физико-географический ландшафт этого региона. Географы (Четыркин, 1960; Эрешиев, 1974) отмечают, что Южный Узбекистан, как экосистемный регион, богат природными ресурсами для размножения птиц и диких животных. Экологические условия Сурхан-Амударынской аллювиальной равнины были благоприятными для диких птиц, фазанов, уток, гусей и хозяйственно-промысловых диких животных — бухарского оленя, кабана, гныи, камышового kota, рыси и др. Степные и полупустынные ландшафты региона с твердыми почвами и изобилием густой травянистой растительности с преобладанием злаковых способствовали развитию крупных стадных животных, таких как сайгак, джейран, кулан и др.

Хорошее сочетание условий местности для развития крупных стадных животных степей и тугаев обеспечивало успешную охоту. Вот почему здесь встречаются кости диких животных — обитателей степей и тугайных зарослей. Это подтверждается и современным состоянием фауны и флоры региона. По сообщениям старожилов Шерабадской долины, даже в тридцатых и сороковых годах XX в. здесь водились большие стада джейранов, кабанов, бухарских оленей, а также фазаны и утки. Куланы и бухарские олени до сих пор водятся

в заповедниках «Тигровая Балка» и «Батхыз», а охота на кабанов, джейранов и диких птиц в этих районах продолжается донны.

Некоторые исследователи (*Виноградов, Итина, Кесъ, Мамедов, 1974*) считают, что в VI—III тысячелетиях до н. э. климат Средней Азии изменялся в сторону большей влажности. Вероятно, что в эпоху бронзы уровень осадков был больше, чем сейчас. Поэтому здесь на больших площадях в поймах рек существовали тугайные заросли, в нижних ярусах и предгорьях — широколиственные леса, на степных равнинах — густые эфемеро-солянокво-ажрековые растения, способствовавшие размножению диких стадных животных и птиц.

Жители Сапаллителя и Джаркутана широко применяли в охоте дальнобойное оружие — луки, копы, дротики, пращи. От дальнобойности оружия охота на животных зависела в огромной степени.

В. М. Массон справедливо отмечает, что без метательного оружия охота на степных животных, будь то засада на водопое или коллективная облава, едва ли могла быть особенно продуктивной (*В. Массон, 1971, с. 89*). В эпоху производящего хозяйства, когда основой экономики составляют земледелие и скотоводство и падает значение охоты, охотничье

оружие начинает использоваться преимущественно как вооружение, направленное против иноплеменных соседей (*В. Массон, 1971, с. 89*). Доказательством того, что населения Сапаллителя и Джаркутана уже коснулся этот процесс, служит тот факт, что при мужских скелетах ряда могил на Сапалли и Джаркутане были найдены кремневые наконечники стрел, боевые топоры и бронзовые копы — оружие воинов общины.

Таким образом, региональная дифференциация природных ресурсов обусловила различия в формировании хозяйственных типов в различных ландшафтах юга Узбекистана. Сочетание ряда природных факторов (наличие водостоков, плодородных почв с достаточной увлажненностью) создало предпосылки для возникновения земледелия в пределах некоторых участков предгорных аллювиально-пролювиальных равнин, ставших основой сложения приамударьинского очага древневосточных цивилизаций. На других же участках, где имелись круглогодичные пастбища с водопоями, развивалось скотоводство. Богатство фауны способствовало тому, что охота длительное время играла существенную роль в экономике населения.

Домашнее производство и ремесло

Производящий характер хозяйства общины древних земледельцев указывает на высокий уровень материальной и духовной культуры общества и тем самым свидетельствует о функционировании целого ряда домашних производств, работавших на удовлетворение многих запросов общества, как сугубо материальных, так и лежащих в сфере духовной культуры. Полученный при раскопках памятников Южного Узбекистана разнообразный и обильный по объему материал позволяет охарактеризовать в общих чертах целый ряд домашних производств, например, производство орудий труда и оружия, предметов туалета и украшений, гончарного ремесла и др.

Естественно, что из числа домашних производств наибольшее значение имело изготовление орудий труда.

Массовые орудия труда и оружие комплексов Сапалли сделаны из камня, бронзы, кости и дерева.

Из камня изготавливались зернотерки, ступки, пестики, мотыгообразные орудия, молоты, отбойники, точилки, пряслица, ядра для пращ, навершия булав, наконечники стрел, буслы, подвески, серьги и др.

Даже визуальное изучение следов техники обработки зернотерок или ядер для пращ показывает, насколько сложным и трудоёмким был процесс их изготовления. На поселении Сапаллителя обнаружено более 600 зернотерок, около 50 ступок и пестиков, 600 молотков, отбойников, ядер для пращ и других орудий, сделанных из твердых пород — гранита, кремня, окременной карбонатной породы, добытых здесь на Кугтангау.

Экспериментальные исследования, проведенные на месте источников сырья Т. Мирсаатовым и Т. Шириновым, показывают, что на изготовление одной зернотерки из гранитной породы требовалось 11 час. 25 мин. рабочего времени, а изготовление одного ядра для пращи из окременной карбонатной породы весом 400 г занимает 3 час. 50 мин. (*Мирсаатов, Ширинов, 1974, с. 69*). Вначале подбирались подходящее сырье для первичной обивки заготовки и только затем при помощи каменных отбойников мелкими и частыми ударами производилась окончательная обработка. Для получения гладкой поверхности орудие дополнительно затиралось по твердому материалу.

Трудно сказать, существовала ли в Сапаллитена специализированная мастерская для изготовления каменных орудий, так как в пределах раскопанной части поселения нам не удалось обнаружить ее признаков. Весьма вероятно, что подобные мастерские функционировали за пределами крепости. В юго-восточной части Сапаллитена было зафиксировано большое скопление отщепов, осколков и отбросов, непригодных для использования в быту и в производстве. Подобные скопления камней встречены и на нескольких участках поселения Джаркутан. Возможно, это — следы деятельности мастерской, специализировавшейся на изготовлении орудий труда и оружия из камня.

В коллекции вещевого инвентаря комплексов культуры Сапалли имеется 60 кремневых наконечников стрел, изготовленных из высококачественного кремня. Несмотря на разные варианты форм, все наконечники предельно тонко и тщательно обработаны с двух сторон техникой отжимной ретуши, что наглядно демонстрирует высокий уровень кремневой индустрии и профессионального мастера.

Американский этнограф В. Холмс пишет, что, находясь среди индейцев, он был очевидцем, как охотник-индеец за 20 мин. изготовил из кремня наконечник стрелы с двухсторонней обработкой отжимной ретушью (Holmes, 1919, с. 308).

Профессор С. А. Семенов, проводивший экспериментальные опыты по изготовлению каменных орудий, подтвердил возможность изготовления кремневых наконечников в опытных руках за сравнительно короткое время, в пределах 15—25 мин. Он отмечает, что для производства каменных наконечников стрел в условиях первобытной общины было необходимо функционирование специальных мастерских и круга профессионалов, работающих на удовлетворение запросов охотников общины.

Каждый охотник каменного века и эпохи бронзы являлся одновременно мастером-профессионалом. Изготовление наконечников могло происходить в пределах поселка или в горах при наличии необходимого сырья. Так, например, индеец-охотник, словая на охоте наконечник стрелы, взялся за изготовление нового, и на весь процесс от выбора камня до привязывания готового наконечника к древку потребовалось всего 25 мин. (Holmes, 1919, с. 313). Разбросанность кремневых изделий по всей площади поселения Сапаллитена подтверждает такого рода утверждения. В. М. Массон допускает, что на неолитическом

Джейтуне во дворах поселения также изготавливались разные каменные изделия (В. Массон, 1971, с. 90).

Несмотря на высокий уровень техники обработки кремневых изделий на поселении Сапаллитена, мы наблюдаем резкий упадок роли кремневых орудий в связи с внедрением в производство изделий из металла. Кремень потерял прежнее значение, о чем свидетельствуют редкие находки кремневых ножей, скребков и полное отсутствие многих видов орудий труда из кремня. Началось вытеснение из употребления кремневых наконечников стрел и появление бронзовых.

Прогрессивно развивающимся ремеслом для эпохи бронзы была металлургия. Бронза, как основной сырьевой материал, охватывает все сферы производственной деятельности и бытовой жизни населения. Из бронзы делали не только орудия труда и оружие, но и предметы туалета и украшения, сосуды и предметы культавого назначения. Лишь в комплексе Сапалли имеется 220 бронзовых предметов. Это — топоры и ножи, тоши и копыя, шилья и спицы, шпильки и булавки, браслеты и колечки, печати и зеркала, сосуды и др.

При раскопках в помещениях 13, 52, 81, 93, 98, 111, 123, 130 найдены металлический шлак, а комната 52 представляла собой мастерскую, где производилась выплавка металла. Комната 52 расположена в юго-восточном углу квартала III. В плане она квадратная, площадью 6,5 м². В ней вскрыты три круглых очажка, построенные в один ряд. Один очаг разделен на две части тонкой кирпичной перемычкой, в другом находился разбитый кувшин. Стенки очажков сильно ошлакованы до грязно-зеленого цвета. На дне очажков обнаружены крупинки металла с зеленым окислом. Кроме этого, в комнате имеется семь ниш и очаг-камин.

Такой же круглый очажок с гладким ошлакованным дном и остатками металла был обнаружен и в юго-восточном углу комнаты 104, а прямоугольные очажки для выплавки металла — в северо-восточном углу комнаты 39 и юго-западном углу комнаты 105. Все это указывает на местное производство металла и функционирование металлургических мастерских в пределах поселения.

Химический анализ металлических изделий, произведенный в химической лаборатории Института археологии АН СССР И. В. Богдановой-Березовской и В. Д. Рузановым, показывает, что около 90% предметов были изготовлены из сплавов, основой которых является медь. По химическому составу бронза делится на следующие типы:

Название бронзы	Основные компоненты	В процентах к общему количеству
Медь	Cu	11,7
Мышьяковистая бронза	Cu, As	18,7
Мышьяковистая бронза со свинцом	Cu, As, Pb	21,6
Мышьяково-оловянистая бронза	Cu, Sn, As	17,6
Мышьяково-оловянистая бронза со свинцом	Cu, Sn, As, Pb	7,8
Оловянистая бронза	Cu, Sn	18,7
Свинцовая бронза	Cu, Pb	3,9

Характер примесей, несмотря на неоднородность состава вещей, довольно однороден и позволяет предположить использование одних и тех же рудных источников или, во всяком случае, близлежащих. Но вопрос об источнике сырьевой руды пока остается открытым. Если учесть, что на поселении Сапаллтепа, кроме металлических изделий, на разных участках были найдены мастерские и обломки сосудов с остатками крупцы металлов, то не остается сомнений в функционировании здесь собственного металлургического производства — начиная от выплавки руды и до обработки готовой продукции.

При сравнении сплавов бронзовых изделий Сапаллтепы с предметами из других памятников эпохи бронзы Средней Азии стало очевидным, что бронза Сапаллтепы отличается наличием мышьяково-оловянистой бронзы, мышьяково-оловянистой бронзы со свинцом и оловянистой бронзы, что свидетельствует о полиметаллическом характере рудных источников. Лишь одна лопаточка по составу примесей оказалась вне группы (Cu, Sn, Pb, Zn, Bi). Основная масса бронзовых изделий изготовлена способом горячейковки. Лишь незначительное число металлических предметов могло быть сделано техникой литья. Это — три цилиндрических бронзовых сосуда, два серебряных браслета и два серебряных колечка с буферообразными концами.

Не исключено, что предметы, изготовленные техникой литья, относятся к привозным, так как они четко отличаются от основной массы бронзовых вещей из Сапалли не только техникой изготовления, но и формой. Например, цилиндрические бронзовые сосуды с вогнутой стенкой (табл. XXVII, 9—11) не встречаются среди форм керамики Сапалли, в то время как все остальные формы бронзовых сосудов являются подражанием основным формам керамики. Эти сосуды происходили из богатых погребений Сапаллтепы (погр. 6, 85) и Джаркутана (погр. 48). Золотая чаша подобной формы известна в Триалети (Куртин, 1941, табл. СII, J).

Обобщая изложенные выше факты, можно заключить, что одним из основных направлений ремесла юга Узбекистана было металлургическое производство. Основная масса металлических изделий изготовлена горячейковкой, что подтверждается не только пиктографическим исследованием самих предметов, но и полным отсутствием литейных форм, особенно на поселении Сапаллтепа. Среди металлических изделий имеются отдельные привозные предметы, что свидетельствует о культурных связях населения Южного Узбекистана с обширными другими областями древневосточной цивилизации.

Земледельцы Южного Узбекистана, развивая целый ряд домашних производств, удовлетворявших потребности общины в орудиях труда и оружии, хозяйственно-промышленных и бытовых «товарах», придавали особое значение и производству украшений. Это в первую очередь относится к изготовлению бус из цветных камней, представленных большим набором в комплексах культуры Сапалли.

Уходя корнями в пору мезолита и неолита, производство каменных бус достигло подлинного расцвета в эпоху энеолита и бронзы. Обилие разнообразных форм каменных бус, изготовленных из сердолика, лазурита, агата, бирюзы, оникса и других материалов, и их мастерское исполнение говорят о том, что существовало специальное направление домашнего производства по изготовлению этих украшений.

Изготовление бус требует от производителей большого практического опыта, знаний и наличия специального, хотя бы и примитивного, станка. Однако при раскопках поселений культуры Сапалли еще не найдена ни одна мастерская или даже деталь станка, свидетельствующие о местном производстве бус. Не обнаружены они и в других памятниках сопредельных областей. Интересно, что форма, техника изготовления и сырьевой материал бус одинаковы на большой территории древнеземледельческого Востока. Бусы таких форм бытовали на протяжении многих тысячелетий без изменений до раннежелезного века. Видимо, это — результат межплеменных родственных и культурных взаимосвязей древних земледельцев.

Кроме металлургии и производства бус, в племенах культуры Сапалли развивался целый ряд других домашних ремесел — производство костяных орудий труда, обработка кож, дерева, ткачество и др.

При раскопках поселения Сапаллтепы обнаружено более 100 роговых изделий с одним заточенным концом, а другим — распилен-

ным, 17 костяных шильев, 2 мотыгообразных орудия из кости, костяные ручки серпов и ножей, игральные кости со следами обработки и др. Простота изготовления и широкое распространение костяных и роговых изделий позволяют предполагать возможность их производства в каждом хозяйственно-жилом комплексе (В. Массон, 1971, с. 92). Однако не исключено функционирование специализированных мастерских.

Так, в юго-западном участке квартала I вскрыты три комнаты (1—3), вплотную пристроенные к западной обводной стене. Это были открытые с восточной стороны айваны с общей дворовой площадкой прямоугольной формы. Внутри комнат находился ряд параллельно расположенных с запада на восток тщательно обмазанных узких суф, одинаковых по размеру (4,0×0,7 м) при высоте не более 30 см каждая. Между суфами образовались коридоры шириной в 70 см, заполненные рыхлым слоем земли, в котором обнаружены костяные ножи, шилья, шпильки, ручки пожей и серпов, распиленные рога благородного оленя и роговые орудия с заточенными концами. В заполнении коридоров встречались фрагменты кубков и немногочисленные обломки других сосудов. В дворовой части комнат найдены бронзовая печать, несколько кремневых скребков.

Внутристенная планировка и набор находок указывают на производственный характер этих комнат. Вероятно, внутрикомнатные узкие суфы были приспособлены для сидячей работы. Дворовая площадка мастерской не имела перекрытия, что создавало условия для проникновения естественного света в помещение мастерской. В мастерской изготавливали орудия труда из кости, дерева и рогов.

Немаловажное место в домашнем производстве занимала обработка кож, шкур, меха и шерсти. Скотоводство и охота давали достаточно сырьевого материала обитателям древнеземледельческих поселений. На основании экспериментальных опытов Г. Ф. Коробкова отмечается, что первичная очистка шкур от мездры и сала производилась с помощью боковых скребков (Коробкова, 1965, с. 193). Нам кажется, что в эпоху бронзы очистка шкур выполнялась уже металлическими ножами. В комплексе Сапаллы имеется несколько типов металлических ножей, и среди них — ножи вытянуто-листовидной формы с четко выделенным черешком и суженным концом клинка, которые могли быть использованы для таких целей.

Естественно, кожевенное производство, начальные этапы которого восходят к эпохе па-

леолита, в эпоху бронзы достигает наивысшего своего расцвета. Применение металлических ножей создало предпосылки для появления ножиц, значительно облегчивших самую сложную для тех времен операцию — очистку шкуры от меха, что в свою очередь дало толчок дальнейшему развитию кожевнного и ткаческого производств. Из обработанной кожи изготавливали одежду, обувь, головные уборы и разные бытовые предметы. Большая потребность в коже, шерсти, смушке, сложность и трудоемкость обработки шкур должны были сделать необходимым создание специальных мастерских и специализацию части населения, в первую очередь мужчин, на выделке кожи и шкур. Вполне возможно, что в предполагаемой мастерской по выделке костяных и роговых изделий могли одновременно обрабатывать кожу, смушки и очищать шерсть. В частности, внутрикомнатные суфы вполне могли быть использованы для пушения бахтармы, а в дворовой части мастерской — для мездрения и дубления кожи. На стенах двора можно было сушить кожу.

В нескольких погребальных комплексах поселения Сапаллитапа обнаружены кожаный сосудик типа кувшина, шалочка и ичиги, что лишний раз подтверждает наличие кожевнного производства у племен древних земледельцев Южного Узбекистана.

Кожевенное производство в некоторой степени повлияло на развитие ткачества. Ткачество, как одно из основных направлений домашнего производства, могло развиваться в каждом хозяйственно-жилом комплексе. Планировка некоторых помещений предполагает функционирование ткацкого станка в пределах каждого квартала поселения Сапаллитапа. Это, например, комната 59 в первом квартале, 69 — во втором, 12 и 24 — в третьем, в четвертом — 80, 81, 86, в пятом — 98, 102, в шестом — 111, 118, 123, 124, 125, 126, в седьмом — 130, в восьмом квартале — комнаты 55 и 73. В отличие от других, эти комнаты имеют удлиненно-прямоугольную форму, которая удобна для размещения ткацкого станка.

Не исключена возможность использования в этих целях и некоторых обводных помещений и Т-образных коридоров, например, ком. 36 и 38 внутри второго обводного помещения, комнаты 27 в западном Т-образном коридоре, комнаты 40 в третьем обводном помещении, ком. 26 и 25 в северо-западном Т-образном коридоре и др. Интересно, что в трех комнатах, где могли быть установлены ткацкие станки, найдены рога оленя с одним заточенным острым концом и другим — распилленным и тупым. Не могли ли эти предметы

использоваться в качестве инструмента, с помощью которого во время прядения подпирался спутавшуюся пряжу?

При раскопках на поселении Сапаллитепе не найдено ни одного челнока, столь важного элемента ткацкого станка. Видимо, их делали из мягкого дерева, которое не сохранилось.

О существовании в Сапаллитепе ткачества свидетельствуют не только некоторые орудия труда, но и находки тканей. В погребении 82

ла, но и предполагают включение территории Узбекистана в один из ранних очагов возникновения шелкоткачества. Ткачество, видимо, было женским делом, о чем свидетельствуют находки каменных и глиняных пряслиц в женских могилах Сапаллитепе (погр. 8, 66, 93, 99) и Джаркутана (погр. 8, 22).

В племенах культуры Сапалли на высоком уровне была поставлена обработка дерева (изготовление орудий труда и оружия, отдельных видов домашней утвари, строительство домов, сооружение погребальных конструкций и т. д.). Эта отрасль домашнего производства приобрела особое значение в связи с развитием оседлости и сопутствующей ей сырьевой архитектуры.

При раскопках поселения Сапаллитепе каких-либо остатков плотницкого инструмента и столярных мастерских не обнаружено, но имеется много материалов, свидетельствующих о существовании этого вида ремесла. В погребальных комплексах Сапаллитепе найдены 14 деревянных блюдец, две ложки, два гребня и деревянный молоток. В двух могилах (погр. 22 и 85) сохранились деревянные балки перекрытия, в четырех случаях (комнаты 12а, 28, 92, 95) найдены обуглившиеся деревянные балки от перекрытий домов, в двух могильных ямах (погр. 85 и 89) находились деревянные гробы типа ящиков. В проушинах двух бронзовых топоров и теш сохранились остатки деревянных топорищ. В черешке бронзового копья, обнаруженного в погребении 115, ушелела деревянная ручка,

в погребении 101 найдены три экземпляра шилев из дерева и т. д. Как видно из этого перечня, плотницкое дело достигло здесь высокого уровня и дерево широко использовалось в разных целях. Только для перекрытия домов Сапалли требовались десятки тысяч кубических метров леса. Вполне возможно, что многие орудия труда, например, мотыги, вилы и др. были изготовлены из дерева. Среди орудий труда мало каменных пестиков и ступок. Не исключено, что первобытные земледельцы пользовались деревянными пестами и ступками.

Существование столярных мастерских и специализация плотницкого дела наглядно подтверждается и тем, что в двух случаях (погр. 85 и 89) на Сапаллитепе были вскрыты могилы плотников-домостроителей. Скелеты в могилах лежали в деревянных гробах, в углах ящиков лежали по одной теше и топору, а

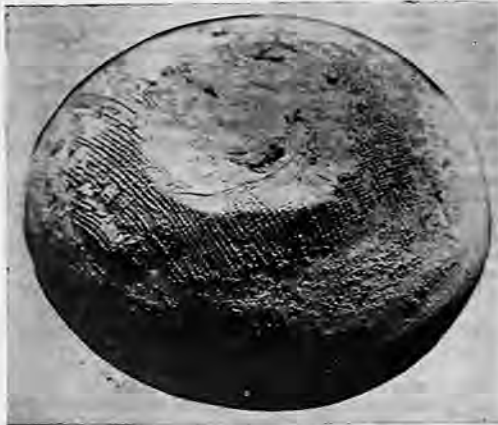

Рис. 35. Отпечаток ткани на дне керамического сосуда

обнаружены два детских горшка типа хумча, поставленные друг на друга. На придонной и донной частях верхнего сосуда сохранились четкие отпечатки ткани (рис. 35). Видимо, внутри нижнего сосуда была какая-то жидкость, горло его было покрыто платком, а сверху поставлен аналогичный сосуд. При раскопках могил (погр. 14, 35, 100, 101 и др.) найдены фрагменты тканей одежды, которые приобрели темный цвет с красноватым оттенком. Образцы их были переданы в лабораторию Ташкентского текстильного института и исследованы специалистами под руководством академика АН УзССР М. А. Хаджиновой. По заключению специалистов, образцы тканей сотканы из натурального шелка (Аскарлов, 1973а, с. 133—134).

Таким образом, находки шелковой ткани с полотняным переплетением подтверждают не только наличие и развитие ткацкого ремес-

около коленной чашечки скелетов — по два тесла, по ножу и лестнице. Все бронзовые предметы типично платинские. Погребенные были мужчинами зрелого возраста (40—45 лет), обладавшими большим опытом и авторитетом среди членов общины, способные возглавить стольное дело и домостроительство. Строительство домов, безусловно, было делом мужчин, так как оно требовало больших физических усилий. Стены домов выкладывались из пудовых сырцовых кирпичей, трудоемкость их заготовки и возведение стен требовали только мужской силы и поэтому женщины Сапаллитена (их средний вес 45 кг) не могли практически принимать участия в строительстве поселка.

В домашнем производстве общины древних земледельцев значительное место занимало гончарное ремесло. Как отмечалось в соответствующих разделах, керамика культуры Сапаллитена в целом была весьма высококачественной. Изготовлена она на гончарном круге из хорошо отмученной и тщательно обработанной глины. Обжиг хороший, равномерный. Формы керамики комплексов культуры Сапаллитена самые разнообразные, изысканные, что указывает на высокий уровень развития этого вида ремесла.

Важным историческим источником в изучении гончарного производства являются керамические печи для обжига глиняной посуды. Обжиг сосудов выступает ведущим признаком в определении качества изготавливаемой продукции. Качество керамической продукции всегда зависело от технологии процесса обжигания сосудов, который, в свою очередь, тесно связан с конструкцией печи. Нами обнаружено три вида печей, которые мы подробно рассматривали в предыдущих главах. Все три типа печей (подземные, двухкамерные и двухъярусные) выпускали продукцию хорошего качества.

При изучении конструкции печей удается проследить теплотехнический процесс обжигания сосудов. Обжиг сосудов в однокамерных подземных печах Сапаллитена качественно отличается от процесса обжигания в одноярусных открытых печах более ранних периодов, о чем свидетельствует равномерный качественный обжиг керамических изделий комплексов культуры Сапаллитена. Известно, что керамические горны более ранних периодов рассматриваются в археологической литературе как одноярусные и открытые. Глиняные сосуды в них обжигались плохо, что особенно характерно для керамики неолитической эпохи.

Одноярусные керамические печи из Сапаллитена в отличие от них обладают существенными

преимуществами, заключающимися во внедрении в их конструкцию перекрытия. Существует мнение, что при обжиге керамики неолитической эпохи в одноярусных открытых печах в печь сначала закладывали дрова, затем на дрова устанавливали сосуды и разжигали костер. При этом керамика получала неравномерный и недостаточный обжиг, много продукции уходило в брак.

Процесс же обжигания сосудов в одноярусных подземных печах Сапаллитена происходил следующим образом. Сначала в печи разводился сильный огонь, и горел он до тех пор, пока вся камера печи не раскалялась до предела. На дне камеры образовывался слой раскаленного угля, в котором находились специально уложенные камни. После этого на раскаленные угли устанавливались керамические подставки, на которые ставилась обжигаемая продукция. Устье печи и все дымоходы сразу же закладывались и герметически замазывались глиной, в результате в камере создавалась равномерная температура, приводившая к качественному обжигу керамики. При этом в камере усиливалась теплоизоляция и по всей камере равномерно распространялся сильный тепловый поток.

Введение в конструкцию одноярусных подземных печей сводчатого перекрытия было вызвано необходимостью максимального использования камеры, ускорения процесса обжигания и особенно обеспечения равномерного и качественного обжигания посуды. При наличии перекрытия заметна экономия топлива. Это новшество, бесспорно, обеспечивало сохранение в камере достаточно долго горячего воздуха и позволяло равномерно обжигать даже большие толстостенные хумы.

Технологическая процедура обжигания керамики в одноярусных печах в некоторой степени напоминает процесс изготовления тандыр кавоба, который готовится в специальных наземных и подземных печах, близких по устройству к одноярусным печам Сапаллитена. Тандыр кавоб — широко распространенный тип мясной пищи скотоводов — до сих пор изготавливается в особых случаях в Кашкадарьинской и Сурхандарьинской областях. Для приготовления тандыр кавоба целая баранья туша маринуется. В печи разводится огонь и поддерживается до тех пор, пока все стенки не раскалятся до предела и на дне печи образуется большой слой раскаленного угля. Туша вешается на металлический предмет, закрепленный у устья печи. На дно печи ставится таз, в который стекает сок. После этого устье печи и все дымоходы наглухо замуровываются так, что в камере концентрируется горячий

воздух. В герметично закрытой печи мясо обжаривается в течение 3—4 часов. Подобная технология обжаривания целого барана весьма приемлема и для обжигания глиняных сосудов, и она, по всей вероятности, была известна древним гончарам поселения Сапаллитена.

Печи, подобные сапаллитениским, не известны на других памятниках эпохи бронзы, по крайней мере, они не упоминаются в археологической литературе. Но во время поездки в Афганистан в 1975 г. нам удалось увидеть две аналогичные печи на поселении Дашли 3. Не исключено наличие их и на других памятниках Древнего Востока. Нам кажется, что в них обжигались только большие сосуды — хумы, хумчи, тагора и кувшины, так как большая глубина печей (160 см) создавала практические неудобства для размещения в них мелких сосудов. Кроме того, эти печи не экономичны для обжига мелких сосудов, размещение которых в ней занимало много времени, а накопленное тепло затрачивалось впустую. Поэтому для обжига мелких сосудов на поселении Сапаллитена использовались двухкамерные и двухъярусные керамические горны.

Изобретение двухъярусных керамических печей явилось большим прогрессом, переломным моментом в гончарном производстве. По существующему мнению, процесс топки и обжига сосудов теперь производился одновременно, резко уменьшился брак при обжиге.

При исследовании гончарного хозяйства поселения Сапаллитена выяснилось, что в эпоху бронзы в общине оседлых земледельцев, где гончарное ремесло достигло наивысшего расцвета, наравне с двухъярусными печами функционировали и двухкамерные. В качестве переходного варианта от одноярусных к двухъярусным они сосуществуют на поселении Сапаллитена.

В отличие от однокамерных, двухкамерные печи имеют некоторые преимущества, выразившиеся в принципе их устройства. Топка здесь отделена и заглублена от обжигательной камеры. И топка, и обжигательная камера имеют единое сводчатое перекрытие, которое с внутренней стороны тщательно обмазывается огнеупорной глиной. Устройство камер, изоляция обжигательной камеры от топки позволили соблюдать правильный режим теплотехнического процесса.

Если в однокамерных углубленных печах подачу горячего воздуха обеспечивало вертикальное пламя, то в двухкамерных печах горячий воздух из топки распространялся обратным пламенем, т. е. горячее пламя быстро поднималось до сводчатого перекрытия и оттуда опускалось вниз по окружности потолка

до пола обжигательной камеры. Таким образом, сводчатое перекрытие печей обеспечивало равномерное движение горячего воздуха в камере. Во время горения огня входной люк обжигательной камеры, видимо, закрывался кирпичами, и в камеры ставились сосуды для первичной сушки на малом огне. Когда на дне топки образовывался слой раскаленного угля, а стенки камеры сильно раскалялись, устье печи и входной люк обжигательного отделения быстро закрывались наглухо, в результате чего в камере накапливался горячий воздух, обеспечивавший качественный обжиг керамических изделий.

При раскопке двухкамерных печей на дне топок были найдены камни со следами раскаленности, специально положенные в топку для создания в камере сильной жары. Кроме того, камнями был устлан и пол обжигательной камеры. Эти камни также способствовали сохранению в камере достаточно долго горячего воздуха. Небольшая площадь обжигательной камеры и низкий свод (не более 80 см) двухкамерных печей говорят о том, что в них обжигались сосуды малых размеров. Обжигательная камера имела боковой вход, через который она заполнялась полуфабрикатами. После заполнения вход наглухо закрывался кирпичами и лишь затем приступали к разведению огня.

Двухкамерные наземные печи Сапаллитена не имеют прототипов в памятниках более ранних периодов. Лишь во времена Намазга V (конец III — первая четверть II тысячелетия до н. э.) они встречаются на поселениях подгорной полосы Южного Туркменистана. А. Я. Шетенко при раскопках поселения Шордупе в слое позднего Намазга V раскопал двухкамерную наземную печь сапаллитенинского типа (Шетенко, 1970, с. 43—45, рис. 13). Печь в плане прямоугольная, разделена на две неравные части, меньшая, более глубокая, отделена от другой перегородкой в один кирпич. На печи возвышался цилиндрический столб из обожженной глины и обмазанный штукатуркой, на котором находился свод горна. Дно большей части камеры вымощено крупными фрагментами керамики.

Аналогичные печи раскопаны И. Масимовым в ремесленном квартале поселения Алтын-депе (Масимов, 1970б, с. 51—63). Здесь раскопано семь керамических горнов круглой и прямоугольной формы времени Намазга V. Близкие по конструкции сапаллитениским двухкамерным печам пещи № 3 и 4 из Алтына описанно рассматриваются И. Масимовым (1970б, с. 53—55) как горны с двумя топочными камерами. И. Масимов отмечает, что

меньшая топочная камера глубоко опущена в землю, где и находится устье топки, на дне которой к тому же был обнаружен слой золы. Большая половина отсека имеет горизонтальную площадку, на которой расположен квадратный столбик. Как видно из описания конструкции печей, их, бесспорно, можно отнести к группе двухкамерных.

Печи подобной конструкции были исследованы в слоях Намазга V на поселении Улуг-депе (Масимов, 1972, с. 34—46). Здесь вскрыто десять печей, из них две (№ 1, 5) принадлежат к типу двухкамерных. Особенно выразительна конструкция печи № 5. В плане она прямоугольная, состоит из двух камер — обжигательной и топочной, расположенных на разных уровнях по горизонтали. Камеры разделены между собой стеной из кирпичей, положенных торцом в один ряд. Топка несколько меньше обжигательной камеры и заполнена слоем золы. Пол обжигательной камеры выложен слоем мелкой гальки и обмазан сверху глиной.

И. Масимов правильно отмечает, что печи подобной конструкции, в отличие от энеолитических, впервые появляются в эпоху Намазга V, но ошибочно называет их печами с двумя отсеками топочной камеры (Масимов, 1970б, с. 55). Противоречивые рассуждения о двухкамерных печах приводят его к неправильным выводам. «Есть основание полагать, что это (деление топки на две части.—А. А.) сделано с целью применения верхней части топки для дополнительного обжига посуды, главным образом толстостенных форм, выдерживающих высокую температуру, в то время когда нижняя часть заполнялась топливом» (Масимов, 1972, с. 43).

Среди керамических горнов Сапаллитепы выделяется группа двухъярусных печей, которые являются усовершенствованной конструкцией двухкамерных печей.

Принципы теплотехники в двухъярусных печах существенно отличаются от теплотехнического процесса предмудских печей. В двухъярусных печах керамическая продукция первоначальный обжиг получала в процессе разведения малого и среднего огня, а завершался обжиг при большом огне. Большой огонь легко обеспечивал подачу воздуха в рабочую камеру и быстро проникал в нее через многочисленные отверстия пода. Система подачи горячего воздуха в камеру через отверстия пода является лучшей как по расходу топлива, так и по отдаче тепла.

Э. В. Сайко отмечает, что правильное распределение температуры в обжигательной камере зависит чаще всего от характера взаи-

мосвязи топки с обжигательным отделением, при этом большую роль играют отверстия в поду обжигательной камеры (Сайко, 1966, с. 177). Порядок распределения продуктов регулирует подачу тепла в камеру, а тяговое устройство печей способствует равномерному сгоранию топлива и быстрому подъему температуры в рабочей камере. В этих условиях обжигаемая продукция получает равномерный обжиг.

Все эти моменты теплотехники керамического производства были известны гончарам Сапаллитепы, о чем свидетельствует не только наличие здесь двухъярусных печей, но и изобилие первоклассных, отлично обожженных глиняных сосудов.

Печи Сапалли различаются между собой лишь по конструкции, но обжигаемая продукция у них по качеству почти одинакова. Изменения в конструкции печей были связаны с поисками наилучших условий теплотехнического процесса. Двухъярусные печи больше отвечали требованиям жизни, чем двухкамерные, о чем свидетельствует малое количество двухкамерных печей. Однако сосуществование всех трех типов печей на поселении несколько необычно. Тем не менее подобное явление имеет место и в других памятниках эпохи бронзы.

Мы полагаем, что гончары Сапаллитепы получали хороший обжиг посуды в одноъярусных подземных печах благодаря созданию в камере герметической теплоизоляции и слоя раскаленного угля на значительной ее площади. Однако большая глубина камеры печей первого типа создавала затруднения при обжиге в них посуды малого размера, что привело к появлению двухкамерных печей. Отделение обжигательной камеры от топки явилось важным новшеством в керамическом производстве. Для устойчивого и продолжительного сохранения жары в двухкамерных печах во время обжигательного процесса пол обжигательной камеры устилался обломками зернотерок (Сапаллитепы), мелким гравием (Улуг-депе) и обломками керамики (Шор-депе). Однако отсутствие в этих печах системы прямой и быстрой подачи тепла требовало улучшения конструкции двухкамерных печей, что привело к рождению двухъярусных горнов — самой совершенной формы печей, известной не только в эпоху бронзы, но и в последующие периоды.

С появлением двухъярусных печей улучшился тепловой режим и повысилось качество обжигаемой продукции. Надо полагать, что высококачественная тонкая звонкая посуда Сапаллитепы и Джаркутана обжигалась именно в этих печах.

С появлением двухъярусных печей процесс обжига несколько ускорился, значительно уменьшился расход топлива. Двухъярусные керамические печи, давшие более высокий коэффициент полезного действия, широко распространены в памятниках эпохи бронзы. Так, на древнезаседелческих поселениях долины Инда (Маккей, 1951, с. 102) сосуды обжигались в двухъярусных печах. Двухъярусные печи появились на Древнем Востоке почти на тысячу лет раньше, чем в памятниках Средней Азии. В Алтын-депе, Улуг-депе, Намаза-депе и других поселениях они встречаются, начиная со времени конца Намаза V, а широкое распространение они получают в основном в период Намаза VI.

На поселении Сапаллитепа керамические печи всех трех типов по территориальному размещению представляют собой придомные и квартальные мастерские, функционировавшие на определенных участках на всех этапах строительства поселка. Так, на первом этапе на площади крепости действовали четыре придомные мастерские (печь № 1 на площади квартала II, в комнате 63, печь № 5 в первом обводном помещении, печь № 16 в седьмом обводном помещении, печь № 17 на площади квартала VII, в комнате 135) и две квартальные мастерские (печь № 9 на площади квартала VIII, печи № 12 и 13 на площади квартала VI).

На втором этапе обе квартальные мастерские и одна придомная (печь № 17) продолжали функционировать, а три придомные мастерские (печи № 1, 5, 16) приходят в запустение. Однако на этом же этапе сооружаются новые керамические печи: печи № 2 и 3 на площади квартала II (комнаты 16 и 66) и печь № 11 в квартале V (комната 100). К числу придомных мастерских прибавились еще четыре гончарных хозяйства — печь № 6 в третьем обводном помещении, печь № 4 в квартале III (комната 11), печь № 10 в квартале IV (комната 85) и печь № 18 в квартале VII (комната 136).

На последнем этапе жизни поселения многие керамические печи были заброшены, взамен появились отдельные печи, представляющие придомные гончарные мастерские. Так, керамические печи № 3 и 9 на последнем этапе уже не действуют, перестали функционировать и гончарные печи № 2, 4 и 10. Новые придомные мастерские появились на территории юго-западного (печь № 7) и западного (печь № 8) Т-образных коридоров. Две новые печи (№ 14 и 15) построены на площади мастерской квартала VI. Интересно, что керамические печи западной группы кварталов на

последнем этапе переносятся в обводные помещения и Т-образные коридоры, в то время как печи восточной группы устойчиво продолжают функционировать на старых местах.

Таким образом, на первом этапе строительства поселка на поселении Сапаллитепа функционировали семь керамических печей, в том числе три одноярусные подземные (№ 12, 13, 17), одна двухкамерная (№ 9), три двухъярусные (№ 1, 5, 16). На втором этапе работало 11 печей, в том числе пять подземных (№ 11—13, 17, 18), три двухкамерные (№ 2, 4, 9), одна двухъярусная (№ 6) и две печи неопределенной конструкции (№ 3, 10). На последнем этапе функционировало 10 печей, из них семь подземных одноярусных (№ 11—15, 17, 18) и три двухъярусные (№ 6—8).

Устойчиво действовали на всех этапах жизни поселения одноярусные подземные печи с комбинированной камерой. Двухкамерные печи вместе с подземными составляли основное ядро керамических горнов сапаллитепцев, а двухъярусные же печи часто переносились с одного места на другое.

Как отмечалось выше, применение гончарного круга коренным образом ускорило процесс формовки сосудов, способствовало стандартизации различных форм. Значительно повысилась производительность труда. Например, в Афганистане в селе Исталеф мы наблюдали процесс изготовления сосудов на гончарном круге. Мастер-керамист за пять минут изготовил шесть разных сосудов.

Посуда культуры Сапалли обладает высокими качествами и могла появиться только в результате создания хорошо организованного керамического производства, высокой организации труда. И поэтому возникает вопрос, какова была организация керамического производства? Кто занимался им — все жители квартала или определенная группа людей?

Керамические печи и мастерские Сапаллитепа в основном распределены по кварталам. В каждом квартале располагалось от одной до четырех печей. На всех этапах строительства поселка они сосредоточивались на определенных участках квартала, что позволяло нам назвать эти участки придомными и квартальными мастерскими. Следовательно, специального квартала керамистов в Сапаллитепе не было. При каждом квартале функционировали одна или две керамические мастерские, в которых работали мастера-керамисты из числа мужчин, обладавших навыками и большим опытом гончарного производства. Однако производством керамики не было постоянным делом этих мастеров, ибо одна мастерская с тремя или четырьмя керамическими

печами могла бы удовлетворить потребности в посуде населения всего поселка, в то время как здесь одновременно функционировало не менее десяти мастерских.

Придомные и приквартальные керамические мастерские по сути дела являются двух-типными мастерскими. Однако в обоих случаях для устройства керамических печей выделены специальные комнаты. Причем придомные мастерские, в отличие от квартальных, на площади выделенной комнаты не располагают несколькими керамическими печами и специальными площадками для сушки сосудов и установки гончарного столика. По площади квартальные мастерские в два-три раза больше придомных.

Так, квартальная керамическая мастерская № 16 при квартале VIII представляла собой огромную прямоугольную комнату, в центре которой располагалась керамическая печь. В юго-восточном углу мастерской находилась комната для гончарной установки, где производилось изготовление сосудов. В центре этой комнаты на полу лежал плоский камень округлой формы диаметром 14 см. В середине его — неглубокая ямка со следами стертости от быстрого вращения какого-то предмета. Вероятно, этот камень был подпятником для оси гончарного станка. Северная часть мастерской предназначалась для сушки сосудов.

Подобные квартальные мастерские работали при кварталах II, VI, VII, где были комнаты, предназначенные только для производства керамики. При мастерской в квартале VI в разное время функционировали четыре керамические печи и были выделены специальные комнаты для сушки сосудов и установки гончарного станка. В пределах мастерской вскрыта глубокая (1,5 м) круглая (диаметр 80 см) яма для хранения готового сырья. При расчистке ямы обнаружен большой комок глины, подготовленный древними мастерами к работе. В лаборатории строительно-облицовочных материалов Института археологии АН УзССР из этой глины было изготовлено несколько сосудов, которые по фактуре черепка и качеству ничем не отличаются от древней керамики Сапаллитела.

Планировка, характерная для квартальных мастерских, часто отсутствовала в придомных. Квартальные мастерские, в отличие от придомных, были более постоянными. Из этих двух видов производственных точек преобладали придомные мастерские, которые иногда располагались внутри жилых комнат. Чаще всего для этих мастерских отводилась специальная комната.

Из всего этого можно сделать вывод, что в период культуры Сапалли в поселениях еще не сформировались специальные кварталы керамики. Существующие гончарные мастерские, по существу, выражают придомное и квартальное домашнее производство, не представляющее собой профессионального ремесла определенного слоя населения. Мастера-керамисты, видимо, были заняты и другими работами, не связанными с производством керамической продукции. Поэтому гончарное производство в период культуры Сапалли носит еще придомный и приквартальный характер. Однако производство керамики, судя по всему, было достаточно организованным, о чем свидетельствуют не только высококачественная гончарная продукция, но и концентрация производственных мастерских в определенных участках каждого квартала и сложение приквартальных гончарных «цехов». Производство было массовым, определенная часть продукции шла на обмен, что подтверждается наличием целого ряда сосудов комплекса Молали в керамике Раннетудхарского могильника — памятника скотоводческого населения Бишкентской долины.

При анализе керамики Сапалли на сосудах были обнаружены различные знаки, представленные восьмью группами. Эти знаки встречались часто на кувшинах, реже на чайниках и кольцевых подставках. Интересно, что количество групп знаков на керамике по числу соответствует количеству кварталов на поселении. Если учесть тот факт, что каждый квартал имел одну керамическую мастерскую со своим знаком мастера или тамгой мастерской, то можно предполагать, что каждая керамическая мастерская пометала продукцию своим особым знаком.

ГЛАВА III. ОБЩЕСТВО

Основными источниками для изучения социального строя племен эпохи бронзы древнеземледельческих культур являются остатки монументальной сырцово-кирпичной архитектуры жи-

лищных и общественных построек и характер погребального ритуала. В данной главе рассматривается отражение этих источников в памятниках Южного Узбекистана.

Вопросы социального строя по данным планировки поселения

При исследовании первого источника уже сложилось два противоречивых мнения, первое из которых основывается на материалах памятников Дашлинского оазиса Северного Афганистана, а второе — на результатах раскопок Южного Узбекистана. Как известно, в последние восемь лет на территории Южного Узбекистана и Северного Афганистана изучался ряд памятников эпохи бронзы анауско-намазинского круга, давших ценнейшие материалы для глубокого изучения истории древних земледельцев II тысячелетия до н. э.

В. И. Сарияниди, рассматривая архитектуру памятников Северного Афганистана, утверждает, что в комплексах Дашли имеется монументальная архитектура типа дворцов, в которых могла обитать местная администрация и которые выполняли одновременно и религиозные функции (*Сарияниди*, 1975в, с. 19—21).

Предположение это обосновано на материалах раскопок двух поселений в Дашли 3. Первое — «круглое здание», составлявшее центральную часть поселения и объединявшее несколько многоквартирных домов, вокруг которого по кругу располагались хозяйственно-жилищные комплексы, также состоявшие из многоквартирных домов. Со всех четырех сторон поселение обнесено внешней стеной. Длина каждой из сторон стены 130—150 м. Некоторые помещения, расположенные внутри круглого здания, с суфами, а в интерьерах их — ниши. В отдельных помещениях имеются «очаги» на невысоких кирпичных платформах непонятной конструкции, которые В. И. Сарияниди принял за алтари. Исходя из этого, он

приходит к выводу, что «круглое здание» имело культовое назначение типа храма огня, а многочисленные помещения вокруг него — рядовые жилые застройки, жильцы которых поддерживали храмовое хозяйство (*Сарияниди*, 1975в, с. 19—20).

Второе монументальное сооружение в Дашли 3, по мнению В. И. Сарияниди, — дворец (88×84 м) с внутренним двором (40×38 м). По планировке оборонительной системы оно аналогично поселению Сапаллитепе. Так, например, по четырем сторонам обводной стены располагались Т-образные коридоры, по обе стороны которых устроены обширные длинные помещения, а внутри них вписаны дополнительные помещения. Во дворе, преимущественно вдоль стен, располагались жилые многоквартирные дома. За оборонительной системой также находились жилые дома. Описывая планировку второго объекта, В. И. Сарияниди констатирует, что это — сооружение дворцово-культового назначения, организующее ядро которого составляет внутренний двор, где жила местная администрация (*Сарияниди*, 1975в, с. 20—21).

Исследуя памятники, аналогичные как по времени, так и по культуре, мы придерживаемся иной точки зрения. При характеристике жилищ Сапаллитепе мы отмечали, что центральная часть поселения представляет собой крепость квадратной формы, состоящую из восьми кварталов, разделенных узкими улицами, которые были окружены сложной системой фортификационных сооружений (рис. 36). По планировке поселение представляет собой протогород, организованный группой людей,

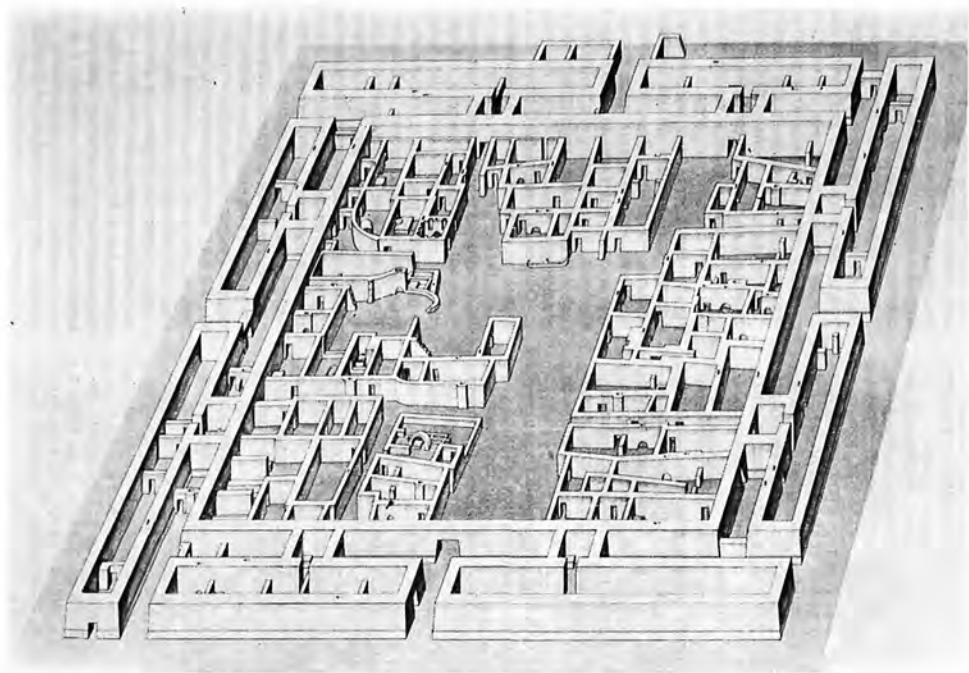

Рис. 36. Реконструкция крепости поселения Сапаллентена (второй период)

состоящих из представителей восьми больше-
семейных общин, уже имевших достаточные
навыки в домостроительстве, сельском хозяй-
стве, ремесле, которые переселились сюда из
юго-западных областей Средней Азии.

Первоначально окружающая обстановка на
новой территории для поселенцев не была из-
вестна. Видимо, этим было вызвано строи-
тельство оборонительных стен вокруг цен-
тральной части поселения. Планировка посе-
ления такова, что любой вражеский набег мог
встретить организованное сопротивление обитателей поселка. Коридорная система оборо-
нительной фортификации в сочетании с лож-
ными входами со всех сторон усиливала обо-
роноспособность поселения.

Такая система обороны вообще отмечается
впервые и поэтому представляет большой ин-
терес для изучения истории древней архитек-
туры. Возможно, что такая планировка форти-
фикационной архитектуры предшествовала
крепостям с башнями по углам и по периметру
крепостных стен, характерным для укреп-
ленных поселений времени раннеклассового
общества.

Все жилые массивы поселения Сапаллите-
па — обыкновенные домостроения, жилища ря-
дового поселка, в котором еще отсутствуют
монументальные сооружения для обособлен-
ных групп населения. По остаткам хорошо со-
хранившихся жилищ и их планировке еще
рано говорить о резких социальных изменениях,
приведших к выделению родовых аристо-
кратии из среды рядовых общинников поселка.

Во время поездки в Афганистан в сопрово-
ждении В. И. Сариниди мы смогли лично
ознакомиться с раскопками памятников Даш-
линского оазиса и убедились в том, что он в
своих выводах относительно храмового и двор-
цового комплексов допустил некоторые неточ-
ности. Наблюдение за раскопками на Дашли 3
убедило нас в том, что «круглое здание» на-
ка нельзя назвать центральным храмом или
комплексом культового назначения вообще.

Перед нами — обыкновенное поселение, об-
несенное двумя круглыми и одной прямоуголь-
ной стенами, внутри которых располагались
жилые и хозяйственные застройки с плохо со-
хранившимися остатками стен. Некоторые по-
мещения внутри первого кольца, т. е. внутри
«круглого здания» имеют суфы с нишами, час-
то встречаемые в планировке поселения Са-
паллитепа. В некоторых помещениях (их все-
го три) встречаются остатки двухкамерных
керамических печей, которые ошибочно при-
няли В. И. Сариниди за остатки алтаря. Аналогичные остатки двухкамерных кера-
мических печей были выявлены в трех случаях

и на поселении Сапаллитепа, их обжитель-
ные камеры также находились на невысоких
(40—50 см) кирпичных платформах. Остатки
двух таких печей в Дашли 3 были обнаруже-
ны внутри первого кольца, что привело к на-
званию «круглое здание» культовой части по-
селения (Сариниди, 1975в, с. 19). Хорошо
представляя в деталях эти печи, мы никак
не можем согласиться с В. И. Сариниди, что
поселение Дашли 3 с «круглым зданием» яв-
ляется храмом огня для жителей всего даш-
линского оазиса. Такое утверждение еще тре-
бует аргументированных доказательств.

Толкование второго объекта Дашли 3 с
дворцом как монументального сооружения
местной администрации также является спор-
ным, так как внутри двора не обнаружено ос-
татков монументальных зданий для вельмож и
планировки крупных жилых комплексов. Если
считать, что Дашли 3 — дворцовый культовый
комплекс эпохи бронзы, то с таким же успе-
хом можно будет смело назвать дворцом и
крепость поселения Сапаллитепа. Однако и
там, и тут нет оснований для таких поспешных
закончений.

Общая планировка Дашли 3 с «дворцом»
ничем не отличается от планировки Сапалли-
тепа. В. И. Сариниди ошибочно определяет
назначение тех помещений, которые были рас-
положены в северной части внутреннего двора,
где сохранились длинные узкие отсеки с
заполненным рыхлого культурного слоя, как
табахана, а узкие отсеки называет отопитель-
ными каналами (Сариниди, 1975в, с. 20).

По предположению В. И. Сариниди, над
этим отсеками должны были находиться жилые
и парадные помещения местного правите-
ля. Нам кажется, что это предположение не
подкреплено имеющимися фактическими ма-
териалами, так как общая площадь, занятая эти-
ми узкими отсеками, не более 10—12 м², а
внутри коридорообразные узкие (шириной
60—70 см) отсеки заполнены весьма рыхлым
гумусированным культурным слоем, а не зо-
лой. На стенках отсеков совершенно отсут-
ствуют следы законченности или прокаленно-
сти, следовательно, они не были отопительны-
ми каналами. И, наконец, подобная планиров-
ка помещений с внутрикомнатными узкими
коридорообразными отсеками и с такими же
заполнениями была обнаружена на площади
первого квартала (комнаты 1, 2, 3) поселения
Сапаллитепа. По назначению они названы на-
ми производственными помещениями сапал-
линского периода. Видимо, и на Дашли 3 мы
видим не табаханы, а скорее всего какую-то
производственную мастерскую.

Следовательно, Дашли 3 — рядовой поселок с крепостью, во двор которой загоряли основное богатство общины — скот. Одновременно внутри двора располагались жилые, хозяйственные и производственные помещения. На площади двора в двух местах мы видели остатки керамических обжигательных печей круглой формы. Если предположение В. И. Саррианиди верно, то керамические печи не должны находиться в пределах двора. Судя по остаткам жилых домов внутри крепости Дашли 3, нельзя утверждать, что мы имеем дело с остатками домов дворцового характера. Они не отличаются от остатков домов за предела-

Семья, право собственности и социальный строй

Процесс общественного развития носителей культуры Сапалли можно проследить по обряду захоронений и погребальному инвентарю могил. Для анализа социальной структуры общинников культуры Сапалли мы располагаем 332 могилами разной степени сохранности, в том числе 138 могилами из Сапаллитепы, 149 захоронениями из могильника Джаркутан IV, 38 погребениями из могильника Бутан 3 и 7 могилами из могильника Молали. По результатам анализа вещевого инвентаря этих могил пока не прослеживаются какие-либо существенные изменения социального порядка, связанные с хронологической последовательностью, ибо на протяжении существования культуры подобные явления не происходили. Поэтому, рассматривая социальный строй носителей культуры, мы основываемся лишь на анализе погребений из поселения Сапаллитепы, памятника, давшего материал только из неогрabenных могил.

На поселении Сапаллитепы было погребено 158 обитателей поселка. Основную массу могил составляют одиночные захоронения, встречаются парные и коллективные захоронения (13 случаев), захоронения животных (5 случаев) и кенотафы (6 случаев).

В могилах находился богатый погребальный инвентарь, состоящий из сосудов, украшений, предметов быта и орудий труда. Богатство могил определялось количеством сопровождающего покойника инвентаря, так как устройство могил не дает материала для суждения о социальном положении погребенных. Анализ погребального инвентаря в тесной взаимосвязи с исследованием планировки жилых кварталов в некоторой степени позволяет составить представление о социальном строе в Сапаллитепе.

Редкая сохранность могил позволила проанализировать полный подсчет погребального инвен-

та и составить реальную картину жизни поселения. При анализе сопровождающих покойника вещей мы пришли к выводу, что количество погребального инвентаря в могилах зависело от возраста погребенных. Если умерший был младше, то в могиле почти отсутствует погребальный инвентарь (погр. 5, 9—11, 19, 25, 26, 30—32, 34, 36, 37, 45, 47, 51, 53, 56, 72, 84, 91, 97, 103, 104, 111, 126, 129, 135, 138). В могилах подростков количество вещей колеблется от одного до четырех (погр. 15, 43, 67, 73, 96, 121), в могилах взрослых встречается большое количество предметов.

Исключение составляют 17 (11 мужских, 6 женских) погребений (погр. 20, 33, 38, 42, 48, 49, 70, 74, 77, 78, 83, 95, 108, 116, 128, 134, 137), в которых количество погребального инвентаря приблизительно такое же, как в могилах детей и подростков. Из 11 мужских могил в восьми находились скелеты мужчин зрелого возраста, в одной — юноши и в двух — скелеты мужчин возмужалого возраста. Женские скелеты, за исключением одного (погр. 134), относятся к женщинам зрелого возраста. При скелетах этих могил не были найдены предметы из бронзы, в них встречались только глиняные сосуды.

При похоронах детей и подростков участвовало мало людей, видимо, гражданской панхиде при их похоронах не придавалось особого значения.

Основная масса могил взрослых содержит большое число предметов, главным образом глиняных сосудов, обнаружены предметы из металла — украшения, орудия труда и производства и предметы туалета.

Весь погребальный инвентарь можно разделить на две категории: 1) предметы личной собственности умерших; 2) предметы приношений покойникам их сородичами. Приноше-

ниями могли быть украшения, орудия труда и пища в сосудах.

Предметы личной собственности и приношения являются важным источником для выяснения социального положения умерших при жизни.

Такой подход к интерпретации состава погребального инвентаря дает возможность отнести к бедным захоронениям могилы взрослых, где количество вещей не достигает 5 экз. Погребальный инвентарь этих могил состоит из малочисленных глиняных сосудов, представляющих собой лишь предметы второй категории — приношения пищи в сосудах. В них не было личных вещей, и, видимо, эти захоронения принадлежали рядовым членам общины или чужеродцам, не занимавшим при жизни особого положения. Поэтому им преподнесли пищу в малом количестве сосудов, и, возможно, количеством сосудов определялось число участников похорон.

Отклонения в ориентировке отдельных могил с малым количеством инвентаря также говорят о неравноправности погребенных. Например, в могиле 109 были погребены двое взрослых мужчин, один из них — с северной ориентировкой, характерной для захоронений Сапаллитена, другой — с западной ориентировкой, которая отсутствует в захоронениях Сапаллитена. Скелет с северной ориентировкой лежал в северо-западной части погребальной камеры, его сопровождало большое количество глиняных сосудов (16 экз.). В южной части ямы у ног первого скелета погребен головой на запад второй умерший. Покойник лежал весьма стесненно и, видимо, при жизни был в зависимом положении от первого погребенного.

Не исключено, что умершие из погребений 38, 49, 116 также были чужеродцами. Так, скелет из погребения 38 с западной ориентацией частично потревожен. Покойник лежал в простой яме. В восточной части ямы у ног стояло всего три сосуда. Простота устройства могилы, бедность погребального инвентаря и иная ориентация погребенного свидетельствуют о зависимом положении умершего среди других членов общины.

В погребении 66 с катакомбным устройством обнаружены три скелета разновременных захоронений. Один был женским и два — мужскими. Женский скелет и один мужской лежали головой на север, а второй скелет мужчины — головой на юг. Не исключено, что последний был чужеродцем или слугой общинного дома. Череп мужского скелета с северной ориентировкой находился на деревянном блюде. В южной половине камеры были найдены

бронзовый графинчик (сурмадон), спицы и несколько бус из драгоценных камней — подношение умершей женщине. Недалеко от них лежали кости животных. Весь погребальный инвентарь — большое количество глиняных сосудов (22 экз.), бронзовых предметов и костей животных, по всей вероятности, принадлежал двум умершим с северной ориентировкой.

Могила 49, обнаруженная в дворовой части крепости, по устройству и бедности сопровождающего покойника инвентаря (3 сосуда), ничем не отличается от погребения 38. Весьма показательным в этом отношении и погребение 116. Здесь для покойника не была даже вырыта специальная яма, покойник-чужеродец был похоронен без каких-либо погребальных вещей в колодезобразную яму (130×85 см), вытянутую с запада на восток. Глубина ямы от пола комнаты 2,65 м. В западной ее половине лежал сильно скорченный скелет на правом боку, головой на юг. На месте черепа лежала нижняя челюсть. Восточная половина ямы была пустой. При расчистке ямы не было прослежено даже спещифических следов захоронения. Яма на глубину 70 см от пола комнаты была заполнена рыхлым зольным слоем, дальше до глубины 160 см расчищен твердый темно-серый натечный слой с обломками костей животных и битыми сосудами. Ниже шел чистый натечный слой зеленовато-розового цвета без примеси культурных остатков, под которым лежал скелет погребенного. Как видно из характеристики заполнения ямы, покойник не был похоронен с соответствующими почестями, проявляемыми обычно при похоронах всех равноправных членов общества. Странно, что при наличии нижней челюсти отсутствует череп погребенного. Куда девался череп? Это остается загадкой.

Таким образом, захоронения взрослых с иной ориентацией указывают на зависимое положение этих покойников в обществе.

Большое число сосудов в могилах и подношение умершим другого инвентаря является существенным признаком, указывающим на положение умерших при жизни. Так, например, в 65 могилах взрослых сопровождающий покойника инвентарь встречался от 5 до 35 экз. Среди этих могил есть погребения, особо выделяющиеся большим количеством предметов личной собственности и подношениями. К числу таких относятся 40 могил (погр. 1, 2, 6, 8, 14, 18, 22, 23, 39, 41, 44, 50, 54, 55, 57, 61, 66, 76, 81, 82, 85, 89, 90, 93, 94, 98, 99, 101, 109, 110, 113—115, 117, 122—124, 130, 132, 136), численность предметов в которых достигает 10 и более экземпляров. Но называть их богатыми в полном смысле этого слова еще нельзя.

так как богатство могил здесь определяется наличием в погребениях металлических предметов (изделий из бронзы, серебра, золота) и количеством сосудов. Однако в погребальном комплексе Сапаллитепа отсутствуют могилы с изделиями из благородных металлов или захоронения с монументальными надмогильными сооружениями. Богатые могилы Сапаллитепа выделяются лишь изобилием в них погребального инвентаря — керамикой, металлом, камнем и т. д.

Так, общее количество вещей в погребении 1 составляет 26 предметов (16 глиняных сосудов, 9 плетеных бляд и один предмет из бронзы.) Все это — предметы приношения. Благодаря сухому воздуху в камере уцелели остатки одежды, кожаной обуви покойницы. По всему скелету сохранилась высохшая кожа, а на голове погребенной — даже волосы темно-золотистого цвета. Скелет лежал в северо-западной части могилы, вся остальная ее площадь была занята сопровождающим покойницу инвентарем.

Почти на всех сосудах обнаружены остатки высохшей пищи, как жидкой, так и густой. Пища находилась и в плетеных блядах. В одном бляде из рога оказались кости животных. На дне одного из кубинцов найдены семена винограда и косточки джиды, видимо, в нем был какой-то напиток. За костями ног погребенной лежало деревянное блядце, на котором также находилась высохшая пища. В другом блядце оказались миниатюрная деревянная миска и бронзовая спица. В одном блядце из соломы находилась кожаная шапочка, в другом — маленький кожаный сосудик. По всему скелету были разложены маленькие кусочки плакучей ивы с молодыми листиками, следовательно, захоронение произведено в конце марта или в начале апреля. Все это говорит о том, что при захоронении умершей, занимавшей, видимо, высокое положение при жизни, было проявлено особое внимание и уважение к ней со стороны соплеменников.

Не менее важное общественное положение занимала при жизни и покойница из погребения 6. В северо-западном участке погребальной камеры лежала взрослая женщина, а всю остальную площадь занимал разнообразный погребальный инвентарь (15 глиняных сосудов, 9 бронзовых изделий, 6 предметов из соломы и дерева и один тусек из кости). За черепом скелета лежало деревянное блядце с небольшим бортиком, в котором находились кости животных. На черепе обнаружена бронзовая шпилька, под лицевой частью — бронзовое круглое зеркало и на нем — бронзовая спица. Шпилька, зеркало и спица, безусловно,

составляли личную собственность погребенной, на что указывает их соответствующее расположение. За костями ног усопшей стояли три плетеных блядки, в одном из которых была миниатюрная мраморная миска и деревянная пиалка с пищей, в другом — бронзовый графинчик (сурмадон) и лопаточка, в третьем — два бронзовых браслета и лопатообразный нож. Вся остальная площадь могилы была занята бронзовой чашей и глиняными сосудами, в большинстве из которых сохранились остатки жидкой и густой пищи. Бронзовые предметы, изделия из мрамора, дерева и все остальные сосуды являются предметами приношения. Количество предметов приношения указывает на большое число присутствовавших при похоронах, что определяет видное общественное положение умершей, возможно, в масштабе всего поселка.

Наибольший интерес представляет погребение 14, где умершая обнаружена в хуме. По определению антрополога Т. К. Ходжайова, скелет принадлежит женщине зрелого возраста, что подтверждается и погребальным инвентарем, обнаруженным в данной могиле. Это — бронзовый графинчик (сурмадон), бронзовая шпилька и мраморная подвеска-амулет круглой формы. Вокруг погребального хума, особенно в северо-восточной и южной частях ямы, найден 21 глиняный сосуд иногда с остатками высохшей пищи. В двух местах ямы лежали кости животных. Погребенная, по всей вероятности, при жизни занимала высокое общественное положение, о чем свидетельствует огромное количество погребального инвентаря, в первую очередь, сосудов, в которых сородичи преподносили умершим разную пищу.

К числу богатых могил относится и целый ряд коллективных захоронений, например, могилы 8 и 99. В этих захоронениях встречались по два разновременных скелета разновременных захоронений.

При вскрытии могилы 8 был обнаружен 21 глиняный сосуд и мраморная бусина-пряслице, а в могиле 99 содержалось 18 глиняных сосудов. Погребение 99 оказалось двухъярусным. В верхнем ярусе лежал мужчина зрелого возраста, в нижнем — молодая женщина и рядом с ней на правом боку, головой на север — молодой козел. За костями ног козла лежали кости другого жертвенного животного.

Важно отметить факты совместного захоронения человека с животным, причем скелет животного в точности повторяет обычное положение умершего мужчины — на правом боку, в скорченном положении, головой на север. По идее, рядом с женщиной должен быть

похоронен мужчина. В данном случае он отсутствует и его заменят, как богатство по мужской линии, молодой козел. По всей вероятности, ко времени смерти молодой жены муж бесследно исчез и, видимо, считалось, что он где-то погиб и потерял навсегда. Тогда с его умершей женой был похоронен скот — знак богатства семьи вместо исчезнувшего мужа — хозяина дома. Но потом потерявшийся муж нашелся, и его похоронили в ту же могилу, только уже в верхнем ярусе.

К числу таких богатых могил с захоронениями животных относятся также погребения 7, 44 и 90. В погребении 7, где похоронен ягненок 6—7 месяцев, лежащий на правом боку, головой на север, находились 11 глиняных сосудов с пищей, занимавших всю восточную и южную половину камеры. Скелет животного занимал северо-западную часть ямы. По положению скелета, его ориентировке обряд захоронения и сопровождающий инвентарь ничем не отличаются от обряда и инвентаря мужских могил.

Еще богаче погребальный инвентарь могилы 44. В северной половине ямы на правом боку, головой на север, лежал скелет 6—7-месячного ягненка. Погребальный инвентарь — 18 глиняных сосудов — находился в западной и южной половинах ямы. Северо-восточная часть ямы осталась пустая. Видимо, эта часть погребальной камеры была предназначена для вдовы, с надеждой ожидавшей возвращения исчезнувшего мужа. Однако умершая позже женщина не была похоронена в этой могиле. Видимо, ее муж нашелся живым или вдова переменяла свое первоначальное намерение, что указывает на одинаковое правовое положение женщины с мужчиной в обществе носителей культуры Сапалли.

Весьма примечательна в этом отношении могила 90, где обнаружены два одновременных захоронения животных. Скелеты занимали всю северную половину ямы, а в южной половине находились глиняные сосуды (21 экз.), среди которых лежали кости другого, принесенного в жертву, животного. Первый скелет лежал на правом боку, второй — на левом. Оба скелета ориентированы головой на север. Интересно, что если в первом случае (погр. 44) животное заменяло мужчину, то во втором (погр. 90) животные заменяли людей обоих полов.

Большое количество погребального инвентаря отмеченных выше могил указывает на высокое общественное положение отсутствующих в могилах покойников.

Богатый погребальный инвентарь содержал погребение 22. Здесь, в хуме, обращенном

устьем на север, покоился мужчина возмужалого возраста. Скелет лежал на правом боку, в скорченном положении, головой на север. Напротив плечевых костей скелета лежал бронзовый боевой топор, под плечевой костью — бронзовый нож, а за спиной погребенного стоял маленький узкогорлый кувшин с шаровидным туловом. Вокруг погребального хума обнаружено еще 11 глиняных сосудов с остатками высохшей пищи. В одном из них лежали кости животного. Видимо, здесь был похоронен выдающийся воин.

К числу богатых погребений можно отнести и погребения 18, 23, 39, 41. Первое из них, с катакомбным устройством, оказалось погребением женщины, на руки которой были надеты браслеты из бронзы и каменные бусы. Под лицевой частью черепа лежало круглое зеркало, недалеко от него — деревянная миска. В области грудной клетки собраны россыпи каменных бус и бисера. В юго-восточном углу ямы найдены остатки изгнившего плетеного блюда, на котором лежали бронзовый графинчик, спица и миниатюрная мраморная чашечка. Аналогичное плетеное блюдо обнаружено у головы погребенной. В нем находились кости животного. Всю остальную свободную площадь могилы занимали 12 глиняных сосудов с остатками высохшей пищи.

Судя по погребальному инвентарю, женщина была похоронена вместе с личными вещами (браслет, бусы из благородных камней и бронзовое зеркало), которые носила при жизни. Графинчик, спица, мраморная чашечка, все глиняные и другие сосуды, в которых приносили пищу сородичи погребенной, являются предметами приношения. При похоронах организовывалась и трапеза, о чем свидетельствует наличие здесь костей животного.

Погребальный инвентарь (27 экз.) был найден в женском погребении 23 и в мужском погребении 39 (здесь обнаружено 17 глиняных сосудов).

Наиболее выразительный и богатый погребальный материал дала могила 41. В ней лежал скелет женщины зрелого возраста. На обеих руках покойной было надето по бронзовому браслету. Под лицевой частью черепа лежало зеркало с ручкой. Недалеко от него находились бронзовое шило и мраморное пряслице. В области грудной клетки были рассыпаны бусы и подвески из драгоценных камней. Одна бусинка цилиндрической формы была инкрустирована бирюзовыми глазками по круговой стороне. Все эти предметы — личная собственность погребенной.

Всю восточную и южную часть ямы занимали 12 глиняных сосудов, в некоторых из них

сохранились остатки высохшей пищи. В одном из сосудов оказались бронзовый графинчик (сурмадон) и шпилька в виде маковой головки, в другом — бронзовые сплцы и шило. Напротив лицевой части черепа лежали кости животного и бронзовая шпилька с гвоздеобразной головкой и др. Можно предполагать, что все сосуды с остатками пищи и те бронзовые изделия, которые были обнаружены в двух сосудах, являлись предметами приношения. Большое количество погребального инвентаря, в первую очередь предметов приношения, свидетельствует о высоком положении погребенной среди обитателей поселка.

К числу богатых захоронений можно отнести еще целый ряд могил, в которых при наличии большого числа глиняных сосудов имелся богатый набор металлических и других предметов. Так, при женском погребении 61 находились 32 глиняных сосуда, кости животных, пять бронзовых изделий и большое число каменных бус. Из погребения 76 извлечены 13 глиняных сосудов, два бронзовых предмета. При усопшей находились и кости животного. В мужских могилах 85 и 89 содержался интересный набор бронзовых votивных предметов: топоры, теши, тесла, лестницеобразные предметы и др.

При вскрытии могилы 101 в камере было обнаружено пустое пространство. Скелет погребенной и погребальные вещи были покрыты вековой пылью. На стенах входной ямы и погребальной камеры были видны четкие следы от острого металлического орудия, при помощи которого, вероятно, была вырыта могила. Благодаря хорошей сохранности могилы, камера не заполнилась землей и представлялась довольно редкая возможность увидеть первоначальную картину захоронения. На костях сохранился высохший кожный покров, а на черепе — истлевшие остатки волос. В грудной части и в области таза уцелели остатки одежды. У шейных позвонков и по черепу были рассыпаны каменные бусы. Под затылочной частью черепа лежала бронзовая шпилька. Вся восточную часть камеры занимали 10 глиняных сосудов с остатками высохшей пищи. На одном деревянном блюде находились кости животного, а внутри горшкообразного хумчи — бронзовая печать-эмблема, три деревянных шила, полусферическая деревянная чаша, судинки из кожи. Наличие в могиле бронзовой печати-эмблемы и богатого погребального инвентаря, как личного, так и приношений, указывает на высокое общественное положение умершей.

Особого внимания заслуживают два богатых кенотафных захоронения (погр. 110, 115).

В одном (погр. 110) обнаружены 13 глиняных сосудов и бронзовый двухлезвийный нож, которые занимали всю восточную и юго-восточную площадь погребальной камеры. Северо-западная же площадь, где обычно лежали скелеты погребенных, пустовала. В другом (погр. 115) кенотафном погребении найдены 20 глиняных сосудов и четыре бронзовых, бронзовый наконечник копья и двухлезвийный нож с черешком. Большая часть сосудов находилась на площади входной ямы могилы. Здесь же расщипан целый скелет барана. Глиняные и бронзовые сосуды и другие металлические предметы занимали всю восточную и южную части камеры, а северо-западная площадь ямы пустовала.

Не менее значительный погребальный инвентарь содержали погребения 114, 123, 130, 136, в каждом из которых обнаружено от 12 до 30 глиняных сосудов, кости животных, металлические изделия и бусы из драгоценных камней.

Наиболее интересны женские могилы 57, 81, 82 и 113. В погребении 57 усопшая лежала в северо-западной части ямы, скорченная на левом боку, головой на север. Всю остальную площадь ямы заполняли 15 глиняных сосудов. По всему черепу и грудной клетке скелета рассыпаны бусы и бисер из пасты, сердолика, бирюзы и лазурита. По лобной части черепа в один ряд лежали три тонких бронзовых листика со стеблями, около ушных отверстий — два массивных колечка — серьги, на руках погребенной было надето по одному бронзовому браслету. Под лицевой частью черепа лежало бронзовое зеркало с ручкой и на нем — бронзовая лопаточка. Напротив лобной части черепа стояло плоское плетеное блюдо с костями животного. Другая плетеная посуда типа корзинки находилась к югу от блюда, и в ней была обнаружена бронзовая полусферическая чаша. В одном глиняном сосуде был найден бронзовый графинчик, в другом — миниатюрная мраморная чашка, в третьем — бронзовая шпилька с гвоздеобразной шляпкой. Среди сосудов в южной половине ямы лежало еще одно плоское плетеное блюдо, в котором была бронзовая шпилька, на один конец которой надеты лазуритовые цилиндрические бусы. Покойница оказалась молодой женщиной 25—30 лет.

Анализ погребального инвентаря ряда могил показывает, что все изделия, обнаруженные на костях скелета (бусы, бисер, бронзовые листики, серьги, браслеты, зеркала и лопаточки), являются предметами личной собственности погребенных, а все сосуды, в которых подавалась покойникам различная пища,

и другие бронзовые изделия (шпилька, графинчик, чаша), находившиеся в сосудах, — предметами приношения.

Весьма богат погребальный инвентарь ка-такombного погребения 81. Как обычно, северо-западную часть ямы занимал скелет погребенного, в данном случае женщины 30—35 лет, а остальная площадь могилы была занята богатым набором погребального инвентаря, в том числе 16 глиняных сосудами. В могиле есть и кости животного. Напротив лицевой части черепа лежало бронзовое зеркало с ручкой, на нем — бронзовая шпилька с изображением муфлон. К югу от них на плетеное плоское блюдо положены графинчик и браслет. На грудной клетке и шее рассыпана масса каменных бус.

Исключительно богатый материал был получен в могиле 82. Хум, в котором погребена женщина 35—40 лет, находился среди большого числа предметов. В южной части ямы за хумом были обнаружены 10 глиняных сосудов и кости животных, а северную половину ямы занимала другая группа вещей, большинство из которых составляли бронзовые и каменные изделия. В северо-восточной части ямы стояла большая горшкообразная хумча, в которой оказались две миниатюрные глиняные хумчи и два кувшинчика из мергелистого известняка. К югу от них найдены бронзовая чаша и кости животного. К западу от хумчи сохранились следы от двух плоских плетеных блюд, в одном из них лежала бронзовая бритва, в другом — миниатюрная бронзовая чашечка со сливом, бронзовая шпилька со звездообразным навершием. Внутри бронзовой чаши находилась мраморная чашка. Подобная же чашка найдена между блюдами. Еще одна бронзовая чашечка со сливом была обнаружена недалеко от бритвы. В северо-западном углу ямы лежало миниатюрное зеркало с ручкой. Недалеко от него стояли глиняные кушанки и тазик. Здесь же, среди бронзовых и мраморных изделий, рассыпано более десятка различных крестообразных каменных бус с орнаментом. Все эти изделия являлись предметами приношения.

На руках погребенной было надето по бронзовому браслету, около ушных отверстий находились бронзовые серьги. Напротив грудной части скелета лежали бронзовая булава с гвоздеобразным навершием, крестовидная печать и какой-то предмет в виде капсулы, а к востоку от них — круглое зеркало. Напротив лобной части черепа стоял миниатюрный горшок, на нем — другой аналогичный горшок, на дне которого сохранились четкие отпечатки ткани. В области грудной клетки и шеи

находилось большое число каменных бус, среди которых оказались две золотые бусинки бочонкообразной формы. Все эти предметы, обнаруженные при скелете, являлись личной собственностью погребенной и указывают на высокое общественное положение ее при жизни.

Богатый погребальный инвентарь был и в могиле 113, где похоронена женщина в возрасте 18—20 лет. При скелете предметы личной собственности незначительны и состоят из бронзовых браслетов, надетых на обе руки, и каменных бус, обнаруженных в области шейных позвонков и грудной клетки. Основную массу сопровождающих покойницу вещей составляют предметы приношения. В их число входят 17 глиняных сосудов с остатками пищи, три бронзовых сосуда, графинчик, зеркало и два шила, три миниатюрных сосуда из глины, две бронзовые печати, две бронзовые спицы, шпилька, бронзовый наконечник стрелы и т. д. Кости животных были сосредоточены на двух участках могилы.

Таким образом, выборочная и сжатая характеристика сравнительно богатых могил показывает, что в захоронениях с богатым погребальным инвентарем погребены только взрослые мужчины и женщины. Из 40 богатых могил 26 принадлежат женским погребениям, в четырех случаях — парные захоронения, в двух — захоронения баранов, в двух — кенотафное захоронение, шесть могил — мужские.

Выше мы отмечали, что богатство могилы определялось числом глиняных сосудов, бронзовых предметов и особенно количеством предметов приношения. Но это богатство не являлось частной собственностью. Судя по составу погребального инвентаря, еще рано говорить о социальной дифференциации в общине поселка. Об этом же свидетельствует ничтожное количество предметов из благородных металлов в могилах и отсутствие на поселении остатков монументальных жилых и общественных сооружений. Количество погребального инвентаря чаще всего зависело от возраста погребенного и от положения, которое он занимал при жизни среди жителей поселка.

Если исходить из того, что металл является важным признаком определения богатства могил, то основная масса богатых могил из Сапаллигипа принадлежит женским захоронениям. Так, из 138 могил Сапаллигипа в 29 найдены изделия из металла, из них 23 могилы женские, 6 — мужские. В женских могилах обнаружено 104 металлических изделия, в том числе 42 украшения, 25 предметов туалета и тысячи разных бус из драгоценных камней, а в мужских — 30 изделий из металла (орудия

труда, сосуды и оружие). При такой интерпретации погребального инвентаря можно говорить лишь о главенствующей роли женщины в общественной жизни обитателей поселка. Однако женщина, как глава семьи, так и организатор производства, не занимала того положения, которым овладел более сильный мужчина. Земледелие и скотоводство, охота и ряд домашних ремесел, таких как изготовление глиняных сосудов, металлургия, ювелирное дело, строительство домов, полностью находились на плечах мужчин.

Земледелие, безусловно, требовало больших физических усилий. Трудоемкость и большие размеры посевных площадей сделали это занятие исключительно мужским. Уход за скотом, заготовка кормов на зиму также были заботой мужчин. По данным специалистов по животноводству, средняя прожиточная норма грубого корма для мелкого рогатого скота — 3 кг в день, а для крупного рогатого скота — 9 кг. Для содержания скота общины ежегодно требовалось запастись на зиму (110—120 дней) минимум 140 т грубого корма на 200 овец и 50 особей крупного рогатого скота. Производителями материальных богатств общины также были мужчины, поэтому в мужских могилах находятся орудия труда и производства, оружие и сосуды из металла.

Эти факты указывают на большую роль мужчины в экономическом потенциале общины. В этом отношении обряд захоронения сапаллитена приобретает особую значимость. Среди могил Сапаллитена имеются кенотафные захоронения (погр. 40, 71, 92, 102, 110, 115), в могильных ямах которых отсутствуют скелеты погребенных. В могилах Сапаллитена наблюдается строгая система размещения вещей и покойников, согласно которой в восточной и юго-восточной частях погребальной камеры находится сопровождающий покойника инвентарь, а западная или чаще всего северо-западная половина ямы занята скелетом умершего. В кенотафных могилах соответствующие участки ямы, предназначенные для покойников, пусты, а вся остальная площадь занята сопровождающим инвентарем. Так, в погребении 40 на соответствующих площадях ямы находились пять глиняных сосудов и другие предметы, в погребении 71 — шесть сосудов, в погребении 92 — пять сосудов и четыре кремневых наконечника стрел, в погребении 102 — пять сосудов, в погребении 110 — 13 сосудов и бронзовый нож, в погребении 115 — 20 глиняных и четыре бронзовых сосуда, бронзовое копье и бронзовый нож.

Из перечня находок явствует, что все кенотафные захоронения предназначались для

умерших мужчин, трупы которых не были найдены для захоронения. Когда сородичам не удавалось похоронить труп покойного, они хоронили его дух по существовавшему тогда обычаю — клали в могилу его личные вещи и пищу в сосуды. В одном случае (погр. 40) утраченное тело покойника заменяла схематизированная фигурка мужчины (*Аскаров, 1973а, рис. 49*). К числу кенотафных могил относятся и захоронения животных.

Мы отмечаем выше, что скелеты в могилах находились в скорченном положении, мужчины всегда лежали на правом боку, женщины — на левом. Таким образом, положение скелета в могиле было связано с полом и не зависело от возраста погребенного, что устанавливается определением пола по костным остаткам и сопровождающему покойника инвентарю.

В четырех погребениях (погр. 7, 44, 90, 99) исчезнувших членов общины заменяли захоронения животных. В могилах скелеты животных находились в том же положении, в каком хоронили мужчин — на правом боку, в скорченном положении, головой на север. Большую часть могильной ямы занимали погребальные вещи.

Погребение животных вместо отсутствующих мертвецов, по нашему мнению, означает богатство по мужской линии. В четырех могилах было обнаружено пять скелетов ягнят (три одиночных захоронения и одно парное), в одной могиле скелет животного находился рядом со скелетом молодой женщины. В погребении 90, где находились два скелета ягнят в сопровождении 18 глиняных сосудов, первый ягненок лежал на правом боку — положение мужчины, а второй — на левом — положение женщины. Позы скелетов ягнят остальных трех захоронений соответствовали положениям мужчин на правом боку. Мы полагаем, что те погребения, в которых скелеты животных лежат на правом боку, являются могилами мужчин, трупы которых по неизвестным причинам не были найдены, а единственный скелет, лежащий на левом боку, заменял женщину.

Таким образом, приведенные факты говорят о том, что мужчины являлись основными создателями экономического богатства общины и организаторами производства.

Экономический потенциал первобытных земледельцев Сапаллитена позволяет рассматривать общину обитателей поселка как патриархально-родовые, а господство патриархально-родового строя свидетельствует о глубоком процессе разложения родовой организации. Однако в Сапаллитена этот процесс еще не

произошел. Появление и развитие частной собственности характеризуется Ф. Энгельсом периодом военной демократии. Если исходить из этого положения, то социальная структура общества носителей культуры Сапалли относится к эпохе, предшествовавшей военной демократии.

Известный советский этнограф А. И. Першиц относит патриархат к этапу разложения родового строя, и этот период он именует эпохой соседской общины. Основная экономическая ячейка соседской общины — большая патриархальная семья. Однако большесемейные общины могут быть и по линии матери, когда еще общественное положение женщины значительно высокое, о чем свидетельствует большое число женских могил среди погребений «знатных».

На примере планировки жилищ поселения Сапаллитела мы видим экономическое объединение ячеек соседской общины, состоящее из восьми больших семей. Каждая большая семья занимала один квартал, объединявший несколько многоквартирных жилых комплексов.

С появлением и развитием большесемейных общин и межплеменного обмена производственные отношения перестают полностью совпадать с родовыми. Теперь основу семьи составляют представители двух производственных коллективов, т. е. семья, созданная на основе экономических факторов. Это экономическое объединение Н. А. Бутнинов назвал *родовой общиной*. Члены родовой общины, состоящей из представителей разных родов, сделали необходимым исчисление нового счета родства. Это родство сначала было еще материнским. В связи с дальнейшим развитием производящего типа хозяйства бразды правления общиной переходят в руки мужчин.

Женщина же, как наставница, продолжительница семьи и рода, пользовалась доверием общины в воспитании детей. Она кормила, обувала, одевала семью, занималась важной отраслью домашнего ремесла — ткачеством и т. д. Почетное положение женщины сделало ее влиятельной, она возглавляла семью наравне с мужчинами.

Нам кажется, что счет родства на поселении Сапаллитела велся уже по линии отца, хотя еще многие богатые могилы принадлежат женщинам и в них встречаются печати-эмблемы (погр. 82, 101, 113). Богатство женских могил можно рассматривать как все еще сохранившиеся знаки почета и большого уважения к женщинам.

Изобилие украшений и предметов туалета среди металлических изделий женских могил и наличие в них из числа орудий труда только

игл, шильев и спиц, характерных для женского труда, свидетельствует о том, что в обществе культуры Сапалли женщины утеряли уже свое былое влияние в управлении общиной и фигурируют теперь как формальные общественицы, пользующиеся еще почетом среди общинников. Нахождение в трех женских могилах печатей, видимо, надо рассматривать именно в таком аспекте, а не как счет родства матрилинейности.

На данном этапе общественного развития печать не выступает символом власти и не говорит о глубокой социальной дифференциации общины, о появлении племенной знати, обладавшей экономической, политической, административной и религиозной властью централизованного порядка. На материалах (сосудах, глине) мы еще не обнаружили оттиски этих печатей. Скорее всего, в данном случае печати использовались как эмблемы, знаки тотема большесемейных общин, а может быть, и как прозвища, по которому каждая большесемейная единица отличалась друг от друга.

На печатях изображались орел с раскрытыми крыльями, змея, верблюд, кабан, горный козел, камышовый кот и разные геометрические фигуры. Не исключено, что у одной семьи эмблемой-тотемом рода был орел, у другой — змея, у третьей — кабан и т. д. Члены каждой семьи, имея свое собственное имя, носили и имя тотема рода, от которого они вели свое происхождение, а эмблему-тотем в виде печати с петелькой и шпилькой-булавки на длинном стержне носила домачиха — родоначальница и общественница большой патриархальной семьи.

Кроме того, на многих каменных бусах и подвесках из женских погребений Сапаллитела (погр. 41 — 12 экз., погр. 50 — 1 экз., погр. 82 — 13 экз., погр. 93 — 1 экз., погр. 94 — 1 экз., погр. 101 — 1 экз., погр. 107 — 3 экз.) также имеются изображения растительного, животного мира, насекомых. Многие рисунки на бусах и подвесках повторяют изображения (змея, горный козел, орел, растительный мир и т. д.) на печатях. Возможно, считалось, что изображения насекомых на бусах предохраняют человека от всяких бед, а изображения растительного и животного мира приносили всякие блага и вечное благополучие. На бусах в основном изображены хвойные деревья — символ вечной жизни.

Бусы и подвески с изображениями насекомых, растительного и животного мира были, следовательно, не только женскими украшениями, но и имели часто магическое значение.

Из приведенных выше данных видно, что община обитателей поселения Сапаллитела

состояла из реальных производственных объединений разных родов. Собственниками основного богатства общины являлись объединения больших патриархальных семей. Богатство в виде скота и земли являлось собственностью коллектива семейно-родовой общины. У каждой большой семьи было свое хозяйство, выделенное советом старейшин из общего фонда земли и способствовавшее развитию личной собственности и приобретаемое со временем черты частной собственности. Именно на этой стадии развития общины возникает некоторое неравенство в отношениях между ее членами, о чем свидетельствуют бедные захоронения с иной ориентацией.

Большесемейные коллективы, бывшие во многом совершенно самостоятельными экономическими и социальными организациями, еще не могли выступать как частные собственники. Они существовали как элементы более или менее крупного социального организма. Большие семьи, состоявшие из малых, являясь основными хозяйственными ячейками, входили в состав более крупных экономических объединений, которые принято именовать соседскими и сельскими общинами.

Таким образом, социальная ячейка сапалитицев была семейно-общинная. Основное ядро ее состояло из разных родов, сообща организовавших на новом месте поселение со сложной системой фортификации и жилищами с квартальным расчленением. Нам кажется, что жители каждого квартала представляли собой один род, а все население поселения состояло, по крайней мере, из представителей восьми родственно близких родов. Земля принадлежала общине и считалась ее собственностью, ею пользовались члены общины с большесемейным землепользованием. Семейно-общинная организация, характерная для общества носителей культуры Сапалли, по содержанию является экономическим объединением больших семей, ведущих более или менее самостоятельное хозяйство.

При исследовании вопроса общественного строя носителей культуры Сапалли известный интерес представляют данные о социальной структуре общества «Авесты» и о планировке авестийской Вары. При этом следует отметить, что анализ текста «Авесты» не входит в рамки нашего исследования. Поэтому, привлекая ее отдельные материалы, мы основывались лишь на общезвестных фактах, содержащихся в «Истории Узбекской ССР» (1955), «Истории Таджикского народа» (1963) и «История Мидии от древнейших времен до конца IV века до н. э.» И. М. Дьяконова (1956).

Естественно, что между периодами оформления текстов «Авесты» и сложения культуры Сапалли имеется большая разница во времени. Тем не менее некоторые элементы планировки поселения Сапалли в общих чертах находят довольно четкие параллели с укрепленным поселением Вары, упоминаемом в терминологии «Авесты» и в текстах Вендидат, переработанное содержание которых получило текстовое оформление лишь на рубеже новой эры. Однако содержание текста о сооружении Вары, видимо, восходит к глубокой древности — к самому раннему этапу сложения городов в Средней Азии и Северо-Восточном Хорасане. Безусловно, это не означает, что поселение Сапалли является именно авестийской Варой, построенной эписким героем Имой. Нам кажется, укрепленные поселения типа Сапалли, имеющие в планировке много общего с авестийской Варой, получили значительное распространение в эпоху поздней бронзы. В число подобных авестийской Вары укрепленных поселений можно включить Дашли 1, Дашли 3, Кучуктепа и т. д.

Социальная структура общества «Авесты» во многом отличается от таковой поселения Сапаллитена. Так, «Авеста» содержит прямые указания на социальное разделение общинников, причем богатство определялось здесь количеством скота. Исследование памятников культуры Сапалли пока не дает материалов, указывающих на столь резкое разделение жителей поселения на бедных и богатых. Поэтому между планировкой Вары и Сапалли намечаются некоторые параллели чисто технического порядка. Согласно «Авесте» экономическую ячейку общества представляла *vis* — род, состоящий из отдельных больших патриархальных семей — *пшапа*. Авестийский термин *пшапа* одновременно означал понятие «дом». Глава большой патриархальной семьи назывался *пшапарати*. *Vis* — это не только род, но и поселение. Соответственно, глава рода и поселения назывался *vispati*. Если следовать терминологии «Авесты», то укрепленное поселение Сапаллитена можно сопоставить с термином *vis*, а его восемь кварталов с термином *пшапа*. Общинные дома (кварталы) состояли из многокомнатных хозяйственно-жилых комплексов малых семей, последние в пределах квартала составляли внутренний организм большой патриархальной семьи.

Таким образом, перед нами — укрепленное родовое поселение, состоящее из восьми больших общинных домов, условно названных нами жилыми кварталами. Само поселение было родовым, организованным из представителей восьми родственных больших семей, во главе

которых стоял вождь рода — *vispati*, а главой квартала был староста или наставник, условно названный нами *mpaparati*.

В связи с тем, что в обществе носителя культуры Сапалли интенсивно развивалось производящее хозяйство, металлургия, гончарное ремесло и другое домашнее производство, его можно считать находящимся на последней ступени родо-племенной общественной организации, т. е. на ступени патриархально-родового устройства. Основное ядро общества составляли большие патриархальные семьи — господствующая форма семейно-брачных и хозяйственных отношений. При этом в патриархально-родовом обществе древних земледельцев все еще продолжают существовать пережитки матриархата. Женщины занимали высокое общественное положение, активно участвовали в управлении семейно-общинным домом. Нам кажется, что, несмотря на наличие ряда богатых женских могил, женщины уже утратили свое прежнее экономическое господство в обществе, а мужчины, как основные производители богатства общинников и организаторы производства, закрепили за собой экономическое господство, которое ярко проявляется в погребальном ритуале четырех кенотафных могил (погр. 7, 44, 90, 99). Животные, похороненные вместо отсутствующих мужчин, олицетворяют богатство общины по мужской линии.

Не исключена возможность, что в этот период в связи с развитием ряда отраслей производства, особенно земледелия, скотоводства и домостроительства, в Сапалли появляется патриархальное рабство — характерная черта патриархально-родового общества. Рабство этого периода и даже последующих этапов культуры Сапалли имело еще домашний характер. Если погребения взрослых 20, 33, 38, 42, 48, 49, 70, 74, 77, 78, 83, 95, 108, 116, 128, 134 и 137 действительно относились к могилам наложников и наложниц, то этим подтверждается факт существования здесь домашнего рабства. При этом можно констатировать, что, хотя в общине культуры Сапалли и утвердился патриархальный строй, но это был только начальный его период — последняя ступень развития первобытно-общинного строя.

Анализ погребального инвентаря могил

джаркутанского и молалинского периодов культуры Сапалли не меняет данного положения в целом. Так, в грунтовом могильнике Джаркутан мы раскопали 149 могил джаркутанского и молалинского периодов, в могильниках Бустан 3 и Молали — 45 могил завершающего периода культуры Сапалли. К сожалению, большая часть этих могил оказалась ограбленной кладовщиками. Тем не менее в джаркутанском и молалинском периодах встречаются и богатые могилы.

Например, в могиле 24 найдены 18 сосудов и бронзовая булава, а в погребении 29 — глиняные сосуды (29 экз.), бронзовая пластинка и масса различных бус из драгоценных камней. Большое число глиняных сосудов и бронзовых предметов было обнаружено в погребениях 45 и 48. В погребении 48 находились 13 глиняных сосудов, бронзовая чаша, на руки погребенной были надеты бронзовые браслеты, около ушных отверстий скелета лежали две бронзовые серьги, а в области черепа — булава. Могила 45 содержала семь глиняных сосудов, бронзовую чашу, булаву и два браслета. Покойницу из погребения 69 сопровождали 19 глиняных сосудов и три бронзовых предмета, при скелете могилы 114 находились 10 глиняных сосудов, каменные бусы и много бронзовых предметов. В могиле 115 были найдены девять глиняных сосудов, каменные бусы и бронзовые браслеты, а могила 49 содержала 16 глиняных сосудов и семь предметов из бронзы, в их числе печать-булаву.

Среди богатых могил встречались и захоронения мужчин. Так, в могиле 67 были найдены 11 глиняных сосудов, при скелете могилы 71 — 13 сосудов и бронзовый нож, в могиле 93 — восемь сосудов и три предмета из бронзы, в могиле 142 — 13 глиняных сосудов и т. д.

Как видно из приведенных примеров, состав погребального инвентаря богатых могил джаркутанского и молалинского периодов ничем не отличается от таковых поселения Сапалитена. Вероятно, уровень социального расслоения на всех этапах культуры Сапалли был одинаковым, и культура в целом находилась на последней фазе развития первобытно-общинного строя, на ступени предшествующей эпохе военной демократии.

ГЛАВА IV. ОПЫТ ПАЛЕОЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ОБЩИНЫ САПАЛЛИ

Полное вскрытие поселения Сапаллитепа, расположенное в одном месте комплекса памятников (поселение и могильник) одной исторической эпохи и отличная сохранность архитектурно-жилищной планировки и захоронений, комплексное изучение всего добытого материала позволили провести палеоэкономические и палеодемографические исследования, а также составить некоторые представления о структуре жилищ, составе пищи, погребальном ритуале и верованиях обитателей поселка.

Палеоэкономика

При изучении хозяйства древних племен большое значение приобретают палеоэкономические исследования, связанные с вопросами конкретной экономики первобытных общин. В этом плане заслуживает внимания опыт изучения первобытной экономики племен трипольской культуры, сделанный С. Н. Бибиковым (1965, с. 48—62). Определяя потребности населения в зерне, он основывается на данных статистики по областям Восточной Европы с XVI—XVII вв. Средняя годовая норма зерна на одного человека определялась им в 12 пудов, т. е. 192 кг или 530 г на человека в день. Исходя из этой нормы, С. Н. Бибиков заключает, что трипольский поселок, состоявший из 500 человек, должен был произвести за год около 6000 пудов зерна. Следовательно, при урожайности 50 пудов пшеницы с десятины в лесостепной полосе Поднепровья общая площадь посевов для содержания жителей одного трипольского поселка должна была быть около 125 га или, с учетом посевного фонда, около 150 га. Одна семья из 6 человек должна была засеять 1,8 га, т. е. по 0,3 га на человека.

Г. Н. Лисицина определяет для неолитического Геоксура среднюю годовую потребность человека в зерне в 90—108 кг, т. е. 250—300 г на человека в день (Лисицина, 1965, с. 141).

Следует отметить, что палеоэкономические и палеодемографические расчеты, предположения о некоторых деталях похоронной церемонии и уровень участия в ней общинников и др. носят еще предварительный характер. Это — первый наш опыт в плане интерпретации археологических объектов, поэтому мы не претендуем на полноту исследования по палеоэтнографической реконструкции общины Сапалли.

В. М. Массон считает эту цифру минимальной и вслед за С. Н. Бибиковым также определяет ежедневную потребность в зерне жителей неолитического Джейтуна в размере 500 г на человека в день (В. Массон, 1971, с. 101—107).

Поселение Джейтун полностью раскопано на уровне второго строительного горизонта. Здесь выявлено 30 однокомнатных домов, где жили 30 парных семей, состоявших из 5—6 человек каждая. Следовательно, всего в Джейтуне обитало 150—160 человек. Однодневная потребность всего поселка в зерне была в среднем 100 кг, т. е. 36,5 т в год. С учетом посевного фонда и частичного расхода на корм скоту В. М. Массон определил общую годовую потребность джейтунов в зерне в 44 т. При урожайности 22 ц/га для получения 44 т зерна необходима площадь полей в 20 га¹ (В. Массон, 1971, с. 102—103).

По нормам, распространенным в Шумере в конце III тысячелетия до н. э., месячный паек зерна для мужчин составлял 36 кг, для женщин — 18 кг (Тюменев, 1956, с. 401). Та-

¹ Эти расчеты составлены неточно, так как в условиях дореволюционной Средней Азии с 1 га никогда не получали больше 8—10 ц зерна. Поэтому средняя норма зерна в размере 250—300 г на человека в день, предложенная Г. Н. Лисициной, является близкой к истинной.

ким образом, муж и жена ежемесячно получали 54 кг зерна. Если в семье 5 человек, то на человека в день приходилось 360 г зерна.

В начале XX в. в Самаркандской области с одной десятины (около 1 га) орошаемой земли снимали 35—37 пудов пшеницы и 36—40 пудов ячменя. На богарных землях урожайность была несколько ниже — 26 пудов пшеницы, 18 пу-

Если учесть, что в эпоху бронзы посевные площади удобрялись не всегда равномерно или вообще не удобрялись, поля были сильно засорены сорняками, а засушливый климат юга в сочетании с недостатком орошаемой воды способствовал сокращению урожайности пшеницы и ячменя, то, следовательно, в условиях первобытного ирригационного земледелия с

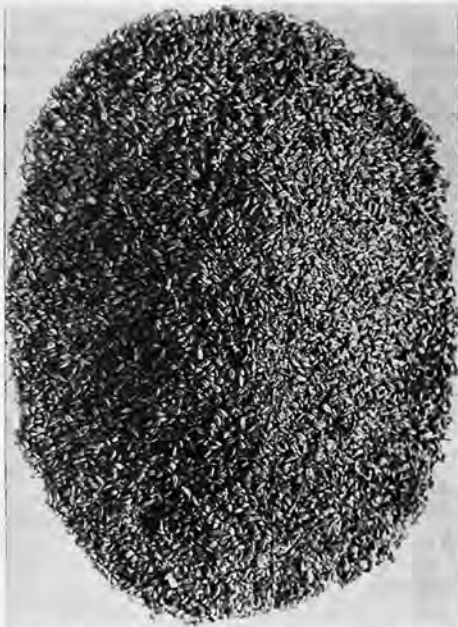

Рис. 37. Обуглившиеся зерна пшеницы из поселения Сапаллитепа

дов ячменя (Справочная книжка Самаркандской области, 1912, с. 49).

Как видно из приведенных данных, урожайность культурных злаков в дореволюционной Средней Азии была намного ниже, чем в Восточной Европе. Сравнительно низкие урожаи — результат недостатка влаги и удобрений. Кроме того, посевы страдали от засушливых весенних ветров, гармсийей, ранних заморозков и сильных зимних ветров, обнаживших озимые посевы, сдувавших с них снежный покров.

его низкой техникой обработки полей невозможно было получить больше 5—6 ц урожая с гектара (рис. 37).

По данным статистического управления Закаспийской области Туркестанского генерал-губернаторства, в конце XIX в. в Мервском оазисе средняя годовая норма зерна на одного человека составляла 8 пудов, т. е. 128 кг или 350 г на человека в день (Обзор Закаспийской области за 1896 год, 1898, с. 10). Мервский оазис и южные области Узбекистана по экологическим условиям не отличаются друг

эт друга и можно полагать, что они были одинаковыми и в древности. Если же исходить из этой нормы, то можно получить конкретные данные по разделу культурных злаков палеоэкономки общин древних земледельцев из Сапаллитена.

Согласно расчетам палеодемографических исследований, одна семья в Сапаллитена состояла в среднем из 5–6 человек. В первом периоде при наличии 30 парных семей на поселении Сапаллитена проживало в среднем 150 человек. Во втором периоде здесь жила 61 парная семья, т. е. в среднем 305 человек, и в последнем периоде — 47 парных семей — 235 человек. Средняя численность жителей поселка 230 человек.

Если средняя годовая норма потребления зерна в Сапаллитена равна 128 кг на одного человека, т. е. 350 г на человека в день, то для всех жителей (230 человек) требовалось 29 т зерна в год, 2,5 т на месяц и 80 кг в день. При урожайности в 5 ц/га для получения 29 т зерна необходимо засеять 58 га пашни. Однако требовалось оставлять запас и для посевного фонда, который составлял 6,5 т зерна на 58 га орошаемых земель². С учетом посевного фонда общая годовая потребность жителей Сапаллитена в зерне составляла 35,5 т, которые можно было собрать с площади в 71 га.

Таким образом, земледельцы поселения Сапаллитена должны были ежегодно возделывать 71 га земли, т. е. по 1,5 га на семью или по 0,3 га на человека. В переводе в зерно годовая норма одной семьи составляла 750 кг, т. е. 150 кг на человека, из них 128 кг использовались на пропитание, а 22 кг оставляли для посевного фонда.

При подсчете по трем периодам жизни на Сапаллитена мы получаем следующую картину.

I период: 150 человек \times 350 г (потребность на человека в день) = 52,5 кг или 1575 кг в месяц, что составляет 18 900 кг зерна в среднем в год, а с учетом посевного фонда общая потребность в зерне жителей поселения Сапаллитена первого периода равна 23 764 кг. При урожайности 5 ц/га площадь полей для получения 23 764 кг зерна должна быть 47,5 га.

II период: 305 человек \times 350 г (потребность на человека в день) = 117 кг или 3510 кг в месяц, что составляет 42 120 кг зерна в среднем в год, а с учетом посевного фонда общая

потребность в зерне жителей поселения Сапаллитена II периода равна 52 872 кг.

При урожайности 5 ц/га площадь для получения 52 872 кг зерна должна быть 107 га.

III период: 235 человек \times 350 г (потребность на человека в день) = 81 кг или 2430 кг в месяц, что составляет 29 160 кг зерна в среднем в год, а с учетом посевного фонда общая потребность в зерне жителей поселения Сапаллитена III периода равна 36 584 кг. При урожайности 5 ц/га площадь для получения 36 584 кг зерна должна быть 73 га.

Как видно из этих расчетов, посевные площади на Сапаллитена во втором периоде расширились по сравнению с первым периодом на 60 га, что было связано с увеличением численности потребителей более чем в два раза. Но в последнем периоде количество обитателей поселения сократилось по сравнению со вторым периодом почти на 23%. Это объясняется тем, что в этот период значительное число жителей поселения переселилось в район поселения Джаркутан.

С учетом роста населения во II периоде можно полагать, что численность жителей III периода Сапаллитена составляла более 600 человек. Из них не менее 365 человек взрослого населения, по всей вероятности, ушло в район Джаркутана, что подтверждается наличием в районе Бустаная поселения Джаркутан и могильников с лодзесапаллинским обликом археологического материала.

Другой важный показатель для изучения конкретной экономики общин древних земледельцев — скотоводство. Однако костные остатки не гарантируют точности при определении фактически потребленного мяса.

Мы полагаем, что жизнь на Сапаллитена продолжалась не более 200 лет. За этот период жители Сапаллитена, судя по костным остаткам, съели 231 домашнее животное и 68 диких с общим убойным весом более 23 т. При норме 80 г на человека в день всей мясной продукции хватило бы только на 2 года и 8 месяцев для средней численности (230 человек) жителей поселения. Поэтому для определения состояния скотоводства необходим иной подход.

В этом плане С. Н. Вибиков приводит интересные данные о примерной численности скота в одном трипольском поселке. Он отмечает, что посевная площадь одного трипольского поселка доходила до 150 га, которые в условиях Восточной Европы дают около 11 тыс. пудов соломы, т. е. 75 пудов с гектара. По расчетам известного животновода профессора Е. А. Богданова, одна 30-пудовая единица крупного рогатого скота в течение 6 месяцев

² По данным статистики, средняя норма зерна для посева на одну десятину на орошаемых землях равна 8 пудам, т. е. 128 кг (Справочная книжка Самаркандской области, 1912, с. 46).

зимнего сезона съедает 235 пудов грубого корма, т. е. 21 кг в день. Исходя из этой нормы, определено количество крупного рогатого скота — до 50 голов. С. Н. Бибилов пришел к выводу, что триполыны потребляли мяса около 4 кг на человека в месяц, т. е. около 130 г в день (Бибилов, 1965, с. 54).

В. М. Массон определяет для джейтушцев наиболее вероятной нормой на человека в день 150 г мяса. Отсюда дневная потребность всех джейтушцев в мясе — 27 кг, а годовая — 9 т, что составляет 450 овец весом 20 кг каждая (В. Массон, 1971, с. 103). При таком расчете дневная потребность в мясе жителей Сапаллитепы I периода равна 22,5 кг, а годовая — 8212 кг, что составляет 27 голов крупного рогатого скота весом по 10 пудов и 243 головы мелкого рогатого скота весом по 1 пуду.

Но если учитывать наличие растительной и молочной пищи, то эта норма, бесспорно, высока. Данные этнографии показывают, что в дореволюционном Узбекистане целая семья из 5–6 человек не потребляла в течение месяца более 12 кг мяса, т. е. по 80 г на человека в день. Состоятельные семьи восемь раз в году (два раза в квартал) резали откормленного барана весом не менее 45 кг, т. е. на семью в день приходилось по 1 кг или по 200 г на человека. Такая норма считалась довольно высокой.

Исходя из реальных возможностей, которые могли иметь место у земледельцев Сапаллитепы, мы считаем, что средняя норма 80 г мяса на человека в день является наиболее

близкой к истине. При такой норме мясного рациона жители Сапаллитепы (в среднем 230 человек) потребляли в день 23 кг мяса, за месяц — 690 кг, а за год — 8280 кг, т. е. 218 голов мелкого рогатого скота весом по 1 пуду и 30 голов крупного рогатого скота весом по 10 пудов. При таком расчете мы должны были найти на поселении Сапаллитепы не менее 6000 костных остатков особой крупного рогатого скота и 43 500 особой мелкого рогатого скота, так как продолжительность существования жизни на поселении определена в 200 лет. Однако, учитывая, что охота давала, по остеологическим данным, более 35% потребляемого мяса, эту цифру можно сократить минимум на одну треть. При этом количество мелкого убойного скота уменьшится до 29 000, а крупного — до 4000 голов.

Для обеспечения семьи мясными и молочными продуктами нужно было содержать одну корову и 5–6 овец, которые дают приплод ежегодно примерно одного теленка и до шести овец. Из них ежегодно 4–5 овец и одна единица крупного рогатого скота шли на мясо. При таком уровне потребления общее количество скота на поселении в среднем составляло в первом периоде 150–180 голов мелкого и 30–35 голов крупного рогатого скота, во втором периоде — 300–360 голов мелкого и 60–70 голов крупного рогатого скота. Следовательно, на человека приходилось примерно 1,2 головы мелкого рогатого скота, а на пять человек — одна голова крупнорогатого скота.

Палеодемография

В последнее время демографический анализ краинологических материалов занимает все большее место в антропологических исследованиях. Но для того, чтобы провести точный демографический анализ, как полагает известный антрополог В. П. Алексеев, перед антропологическими материалами ставятся три требования:

- 1) материал должен происходить из довольно полно исследованных памятников;
- 2) должен быть произведен полный сбор всех костных материалов, в том числе жалких остатков ограбленных скелетов;
- 3) весь собранный костный материал должен быть изучен на предмет индивидуального определения пола и возраста (Алексеев, 1972, с. 3).

Весь погребальный субъект из Сапаллитепы состоит из 147 скелетов разного поло-возрастного состава, которые были определены антропологом Т. К. Ходжайовым. Из всех иссле-

дованных скелетов 54 были детскими (1–15 лет), а 93 костяка (16 и более лет) принадлежали взрослым. По подсчетам Т. К. Ходжайова, взрослые мужчины Сапаллитепы имели средний возраст 35 лет (40 скелетов), а взрослые женщины — 34 года (53 скелета). Интересно, что, по данным В. П. Алексеева, в эпоху каменного века средняя продолжительность жизни мужчин была несколько больше, чем у женщин. Подобная пропорция наблюдается в эпоху неолита и бронзы на всей территории Средней Азии, степной и лесостепной полосы Русской равнины. Лишь в двух могильниках Средней Азии (Кокча 3 и Тасты-Бутак 1) времени бронзы женщины оказались долговечнее мужчин (Алексеев, 1972, с. 5–15).

На поселении Сапаллитепы отмечается невысокая детская смертность (36,74%) и низкая продолжительность жизни обитателей поселка в целом. Средний возраст умерших де-

тей определяется в 5 лет (54 скелета), а общий возраст жителей Сапаллитепы с учетом детей равен 22,9 года (147 скелетов). Такая низкая продолжительность жизни, скорее всего, является лишь результатом антисанитарных условий, царивших в древнем поселке. Антисанитария, как источник самых разнообразных заболеваний, в сочетании с отсутствием элементарной медицинской помощи привела к ранней гибели многих жителей поселка, особенно детей. Треть всех умерших составляют дети, причем в подавляющем большинстве возраст погребенных падает на детей до 5 лет (66,6% от общего числа детей).

Некоторые наблюдения показывают, что женщины в Сапаллитепе выходили замуж довольно рано и начинали рожать, видимо, с 15—16 лет. Доказательством служат те коллективные захоронения, в которых с несовершеннолетними женщинами похоронены их взрослые мужья. В могиле 83 13—15-летняя женщина похоронена с 35—40-летним мужчиной, в погребении 99 13—16-летняя женщина — с 25—30-летним мужчиной. В погребении 67 12—13-летняя девушка похоронена с 14—15-летним юношей. Ранние браки и роды приводили к сокращению средней продолжительности жизни людей, что подтверждается богатым опытом человечества на протяжении многих веков.

В. П. Алексеев отмечает, что низкая продолжительность жизни населения характерна для всех периодов первобытно-общинного строя. Для верхней палеолитической эпохи средняя продолжительность жизни людей равно 23,7 года. Близка к этому длительность жизни в мезолите и неолите (Алексеев, 1972, с. 5—8).

Та же картина наблюдается и в эпоху бронзы. Так, например, в позднетрипольском Выхавтинском могильнике подсчет среднего возраста всей популяции дал 20,9 года для 52 человек, в Нижнем Поволжье (могильник у Хрищевки и Ягодного) — 25,1 года для 50 человек, в Балаоновском могильнике — 30,3 года, в могильнике Тасты-Бутак 1 — 18,7 года, в Алтын-депе — 22,7 года, в могильнике Карасук III средняя продолжительность жизни для всей популяции равна 24,1 года (Алексеев, 1972, с. 11—15).

Как видно из приведенных данных, продолжительность жизни в эпоху бронзы продолжала оставаться низкой и колебалась между 20 и 25 годами, оставаясь без изменений на протяжении многих тысячелетий.

Выше отмечалось, что женщины Сапаллитепы начинали рожать с 15—16-летнего возраста, а средняя продолжительность жизни

у них была 34 года. Исходя из этих цифр, мы определяем для женщин Сапаллитепы 18-летний репродуктивный период (16—34).

Таким образом, по имеющимся скелетам с учетом всех возрастов установлено, что продолжительность жизни поколения была равна 25 годам (16+9). Сравнение частоты рождения детей (5 детей на семью) и смертности (36,7% от общего числа детей) дает около двух третей естественного прироста для продолжения поколения, т. е. 5 рождений на 53 женщины и 40 мужчин + 38 (1—15) + 16 (0—1) детей = 147 скелетов. При этом мы имеем следующую численность детей для продолжения поколения: 5 рождений × 53 = 265 детей. Из них до 16-летнего возраста умерли 54, а 211 детей выжили.

Число обитателей поселения, достигших 16 лет и более, продолжающих поколение, составляет лишь 93 человека (147—54=93). Если исходить из имеющегося краниологического материала, который указывает на низкую рождаемость и небольшой естественный прирост населения с равномерным соотношением полового состава², то количество жителей поселка для всех трех периодов оказалось незначительным, т. е. не более 147 человек, что не соответствует действительности. Видимо, либо не все жители поселения Сапаллитепы были похоронены в пределах крепости, либо где-то за пределами поселения имелся отдельный стоящий могильник. Однако поисковые работы по выявлению могильника не привели к ожидаемым результатам.

Выше мы отмечали, что детская смертность составляет 36,7% от общего числа жителей поселения. Если от рождаемых в каждой семье пяти детей до 16-летнего возраста умирали 36,7%, т. е. 1,84 ребенка, то 63,3% детей, т. е. 3,16 ребенка выжили для продолжения поколения. Таким образом, в одном поколении одна семья в среднем состояла из 5,16 человека (3,16+2), а все население — из 273,48 человека (53×5,16). Эта оценка близка к той, которая получена при расчете количества семей с учетом числа очагов в жилищах. Один очаг — одна семья. Отсюда установлено количество семей по периодам.

В первом строительном периоде на поселении функционировало 30 очагов, т. е. было 30 парных семей, во втором периоде число функционировавших очагов достигло 61, а на последнем периоде их осталось 47. При таком

² Равномерное соотношение мужчин и женщин объясняется еще и тем, что некоторые захоронения (6 могил) и погребения животных (4 захоронения) приняты нами как могилы взрослых мужчин.

количестве очагов мы получаем следующую численность жителей поселка: I строительный период — 154,8 человека (30×5,16); II строительный период — 314,76 человека (61×5,16); III строительный период — 242,52 человека (47×5,16). Всего же за три периода на поселении жили 712,08 человека (138×5,16).

Из этого следует, что Сапаллитена, как укрепленное поселение, характеризуется не столько большим естественным приростом населения с равномерным соотношением полов, что обеспечивало достаточно стабильную численность жителей поселка с общим мирным характером взаимоотношений как внутри самого поселения, так и с окружающими его соседями. Косвенно это подтверждается тем, что все травмы на костях скелетов, как отмечает Т. К. Ходжайов, носят бытовой характер.

Оборонительные стены в виде длинных коридоров-ловушек, построенные в первом периоде, скоро теряют свое значение и на последующих этапах стали обживать, что свиде-

тельствует об относительно спокойной жизни населения поселка.

При изучении костных материалов жителей Сапаллитена Т. К. Ходжайов обратил внимание на средний рост и вес мужчин и женщин. На основе исследования длинных костей 18 мужчин и 14 женщин установлено, что средний рост женщины равнялся 155 см при весе 45,5 кг, а средний рост мужчин — 163,3 см при весе 55,2 кг. Самый высокий мужчина из Сапаллитена (погр. 89) имел рост 179 см, а самый низкий (из погребения 134) — 144,2 см. Рост и вес людей из Сапалли намного ниже роста и веса неолитического населения Южной Туркмении. Так, рост мужчин из Карадепе и Геоксюра по Дебцу 171,4 см, женщин — 157,9 см, а вес соответственно 67,4 и 53,7 кг.

В целом обитатели Сапаллитена характеризуются слабой массивностью скелета и довольно малой длиной трубчатых костей, что отличает их от носителей андроновской и срубной культуры, характеризующихся значительной массивностью скелетов.

Жизнь и пища

Расчеты, сделанные по полезным жилым площадям хозяйственно-жилых комплексов с учетом численности членов малой семьи (5,2 чел.), позволяют определить общую площадь, которую занимала каждая малая семья.

В первом строительном периоде на поселении Сапаллитена функционировало 30 очагов, т. е. 30 малых семей жили в пределах восьми кварталов, занимавших 975 м² общей полезной жилой площади. Разделив общую полезную жилую площадь на количество малых семей, мы получим среднюю норму жилой площади каждой семьи — 32,5 м² (975:30 = 32,5 м²), т. е. более 6 м² на человека. Во втором строительном этапе общая жилая площадь, занимаемая 61 семей, составляла 1829 м², т. е. 30 м² на каждую малую семью или 5,8 м² на человека. На последнем этапе строительства поселка полезная площадь, занимаемая 47 семьями, была 1580 м², т. е. 33,6 м² на каждую малую семью или 6,5 м² на человека.

Хозяйственно-жилые комплексы состояли в основном из двухкомнатных и трехкомнатных квартир, построенных из сырцовых кирпичей. В комплекс жилых домов входили комната-столовая с каминном и спальня с диваном и выстилкой кирпичами. Иногда дом состоял из одной большой комнаты, где размещались очаг-камин и суфа. Рядом с жилыми помещениями часто располагались помещения складского назначения, в которых хранилось зерно, по-

этому полы складов тщательно обмазывались саманной или известковой штукатуркой. Иногда пол склада облицовывался обломками бытовых сосудов (см. рис. 34). Видимо, складские помещения были общесемейными, о чем свидетельствует их небольшое число при каждом квартале. По крайней мере, каждый жилой комплекс не имел своего склада для хранения продуктов питания.

Главным атрибутом каждого хозяйственно-жилого комплекса был домашний очаг. Иногда внутри «коробки» очага-камина стояли глиняные подставки для котлов-горшков, что указывает на отсутствие внутри камина специального очажного сооружения. Близ очага-камина, как правило, находилась небольшая выгребная яма, а по бокам очага — ниша или кладовая. Напротив очага под стеной располагалась невысокая суфа, там же в отдельных кладовых стояли хумы, врытые до половины в землю. Верхняя часть хумов была обмазана глиной с саманом. Внутри хумов иногда лежали кости животных. Видимо, эти хумы с обмазкой служили своего рода «холодильниками» для хранения мясной продукции. Некоторые жилые комнаты использовались в качестве ткацких мастерских, производство в которых было связано с трудовой деятельностью женщин. Для ткацких же станков специальные комнаты не выделялись, ткали внутри жилых домов.

Стены жилых домов на поселении были, видимо, невысокие, не более 3 м. Специальных оконных блоков дома не имели, на большой высоте в стенах обводных помещений обнаружены только небольшие отверстия для проникновения света и воздуха. Перекрытия домов были плоские, из горизонтально положенных балок, поверх балок шла толстая камышовая застллка, обмазанная глиной.

Изучая пищу древних земледельцев, мы основывались прежде всего на остатках ритуальной пищи, сохранившейся в глиняных и плетеных сосудах, обнаруженных в могилах.

Погребения из поселения Сапаллитепе дали в этом отношении прекрасный фактический материал, не известный ранее в археологии СССР по эпохе бронзы. Из 138 вскрытых могил в 25 найдены почерневшие высохшие остатки пищи, следы какой-то жидкой еды или напитков. Так, в погребении I обнаружены 16 глиняных, четыре плетеных сосуда и одно деревянное блюдо. В большинстве из них сохранились остатки различной пищи. В трех глиняных кувшинах имеются следы жидкой еды, в четырех вазах и чашах — остатки высохшей пищи из пшеницы, в плетеном сосуде и в одном тазике — кости животных, в одном кувшине — косточки жиды и винограда.

Остатки высохшей пищи найдены и в сосудах из погребений 6—8, 14, 18, 22, 23, 27, 35, 41, 50, 54, 55, 57, 81, 82, 94, 100, 101, 105, 109, 113, 133, 136. Даже визуальное изучение этих остатков позволяет составить довольно четкое представление о кухне обитателей поселения. В их меню входили пшеничная и мучная каша, каша из проса, жидкая похлебка и мясной бульон. Особенно большое распространение получили пшеничная и мучная каша и мясной бульон. Не исключено широкое применение

молока для приготовления каш. Интересно отметить, что ритуальный бульон с мясом подавался в тазиках, пшеничная и мучная каши — в конических чашах и в вазах, похлебка — в конических чашах и горшкообразных сосудах, а мясо принесенных в жертву животных — на деревянных блюдах, одновременно в кувшинах ставился какой-то напиток типа бузы.

Буза приготовлялась, вероятно, из пшеницы, проса и винограда. Об этом свидетельствуют остатки отрубей пшеницы, косточки жиды и зерна винограда на дне кувшина из погребений 1, 100 и 101. Жидка способствовала ускорению брожения напитков. Это свойство жиды было, видимо, хорошо известно и «виноделам» Сапаллитепе.

Вполне вероятно, что сапаллитепинцы пекли хлеб. Остатки четырех тандыров были найдены в комнатах 104 и 105. В этих комнатах, видимо, функционировала пекарня (навайха-на). Интересно, что по форме и структуре глиняные тандыры Сапаллитепе ничем не отличаются от современных.

Обобщая приведенные выше данные, можно прийти к заключению, что основная пища носителей культуры Сапалли была растительная и молочная. Об этом свидетельствуют остатки ритуальной пищи, обнаруживаемые почти при каждом погребении. Одонтологические исследования, произведенные Т. К. Ходжайовым на зубах 42 черепов из Сапаллитепе, показали, что степень стертости зубов у них небольшая, резы и клыки подвержены стиранию значительно меньше, чем предкоренные и коренные зубы. Малая стертость зубов еще раз подтверждает наше предположение о том, что население Сапаллитепе питалось в основном растительной и молочной пищей.

Погребальный ритуал и верования

Одним из важных моментов палеоэтнографического исследования общины древних земледельцев является изучение погребального ритуала и культа мертвых. Этот вопрос уже рассматривался частично в предыдущих главах в связи с общей характеристикой могильников и изучением социального строя общинников Сапалли. Тем не менее, специальная постановка вопроса имеет важное значение для реконструкции палеоэтнографии общинников культуры Сапалли.

Мы неоднократно отмечали, что скелеты во всех могильниках культуры Сапалли лежат в скорченном положении, мужчины на правом боку, женщины — на левом. Ориентировка скелетов в разные периоды культуры изменя-

лась. В первые два периода (сапаллитепинский и джаркутанский) господствовала северная ориентировка могил. Отдельные отклонения замечаются в джаркутанском периоде, где иногда наблюдается северо-западная или северо-восточная ориентация скелетов. Однако погребальный ритуал этого периода традиционно сапаллитепинский — при захоронении взрослых число сосудов и другого инвентаря достигает 40 экз.

В молалинском периоде количество вещей в могилах резко сокращается, стали редкими и могилы с ритуальной едой больше чем в 6—7 сосудах. Так, из 106 погребений трех могильников молалинского периода зафиксирована лишь одна могила с богатым погребаль-

ним инвентарем (погр. 49), в которой обнаружены 16 глиняных сосудов и семь предметов из бронзы, в то время как из 226 могил сапаллинского и джаркутанского периодов насчитывается более 50 захоронений с богатым инвентарем. В это же время в погребальном обряде появляются западная и восточная ориентация скелетов.

Древние земледельцы проявляли особое внимание захоронению взрослых. Каждый умерший обеспечивался ритуальной едой в глиняных, плетеных, деревянных и металлических сосудах. Некоторым взрослым женщинам преподносились в плетеных блюдах украшения из металла (браслеты, булавки), предметы косметики (лопаточки, сурмадоны, зеркала) и быта (шило, нож, спица).

Количество участников похоронной церемонии зависело от возраста умершего и его общественного положения при жизни. В погребальном ритуале большое значение придавалось жертвоприношению животных. При похоронах обязательно резали одного барана, определенные его части преподносили умершему, а остальное съедали участники похорон. В могилу обычно клали одну лопатку, несколько ребер, две задние ноги, а иногда и грудинку. Кости животных лежали у головы, напротив лицевой части черепа, у ног и в других частях ямы. В одних случаях кости были обнаружены в глиняных сосудах, в других — в плетеных блюдах, в третьих — на деревянном блюде.

В могилы детей и подростков кости животных не попадались ни разу. Отсутствовали они и в погребениях взрослых с бедным инвентарем. Количество сосудов и предметы приношения определялись, как мы уже указывали, числом участников похорон. В похоронах могло участвовать много жителей поселка, но только определенная категория из них имела право сделать приношение. Так, приношения делала в первую очередь члены семьи умершего и лишь затем — другие близкие родственники и сородичи погребенного. Жертвоприношение и поминки организовывались, видимо, советом старейшин, так как богатство в виде скота считалось еще собственностью общины. Следовательно, пышность похорон зависела от авторитета, семейного и общественного положения умершего при жизни. Исходя из этого похороны умерших организовывались в масштабах семьи, квартала и всего поселка.

Захоронения детей и даже подростков, скорее всего, происходили в рамках семьи, значительная часть взрослых хоронилась в масштабе квартала или нескольких кварталов, а по-

жилые люди, главы больших патриархальных семей, главы кварталов, старейшины — в масштабе всего поселка.

В связи с этим уместно привести тот факт, что на сосудах из целого ряда могил встречались знаки (тамги) керамических мастерских. Мы уже отметили, что каждый квартал имел свою мастерскую, а каждая мастерская — свою тамгу. Сосуды со знаками встречались в погребениях 1—3, 8, 14, 21, 39, 41, 44, 45, 71, 82, 90, 99, 113—115, 123 и др. Каждый сосуд имеет по одному знаку. В большинстве могил сосуды со знаком встречаются по одному экземпляру, лишь в шести могилах эта традиция нарушена: в погребении 1 сосудов со знаком три, в погребении 2 — три, в погребении 14 — два, в погребении 90 — два, в погребении 113 — два, в погребении 123 — два. Большая часть сосудов со знаками происходит из богатых погребений.

Таким образом, можно предположить, что количество сосудов со знаками указывает на участие при похоронах жителей разных кварталов.

Умершие хоронились в одежде, причем нарядной, носившейся при жизни во время общественных церемоний, о чем свидетельствуют находки, обнаруженные при скелетах многих женских могил. Так, например, из 138 вскрытых на поселении Сапалитипа погребений в 26 могилах (погр. 1, 18, 29, 41, 43, 50, 55, 57, 61, 66, 76, 81, 82, 93, 94, 99, 101, 107, 113, 114, 117—119, 124, 132, 136) были найдены украшения — предметы личной собственности, которые носили покойницы при жизни.

В погребении 1, где в камере сохранилась пустота и покойница не была засыпана землей, на покойнице, благодаря сухому воздуху в камере, отлично сохранились остатки одежды и мягкой кожаной обуви. На голове погребенной сохранились кожа и волосы, в волосах была закреплена бронзовая шпилька.

При вскрытии погребения 18 под лицевой частью черепа покойницы обнаружено бронзовое зеркало, на правой руке был надет бронзовый браслет, а на левой — браслет из каменных бус. В области грудной клетки лежали бисер и бусы в цепочке, видимо, это было ожерелье. Бронзовые браслеты, надетые на руки, были найдены и в могиле 41. При скелете было обнаружено много каменных бус. Бусы в виде ожерелья в области шеи и грудной клетки умерших были в могилах 50 и 55.

Особый интерес представляет погребение 57, где похоронена женщина среднего возраста. По всему черепу были рассыпаны каменные бусы, а по лобной части черепа лежали три тонких бронзовых листка, видимо, наши-

тые на головной убор покойницы. В области ушных отверстий лежали две серебряные серьги, на руки надето по одному бронзовому браслету. Под лицевой частью черепа лежало бронзовое зеркало. Аналогичная картина наблюдалась при вскрытии погребений 61, 66, 76, 82, 93, 94, 113 и др. Все это еще раз говорит о том, что носители культуры Сапалли своих покойников хоронили не в саване, а в праздничной, нарядной одежде.

В Сапаллитепа имелись и кенотафные захоронения, в которых духи погибших членов общества, трупы которых не были обнаружены, обеспечивались ритуальной едой в сосудах. В кенотафных могилах очень редко ставились предметы производства, быта или вооружение. Так, в кенотафной могиле 92, кроме глиняных сосудов, найдены четыре кремневых наконечника стрел, в погребении 110, кроме сосудов, — один бронзовый нож, а в могиле 115 — бронзовый нож и наконечник копья из бронзы, что указывает на принадлежность этих могил к мужским захоронениям. Среди кенотафных есть и могила мужчины (погр. 40), скелет которого заменила глиняная статуэтка. К числу кенотафных могил можно отнести и пять захоронений животных, которые заменяли тела неизвестно где исчезнувших членов общества.

Таким образом, тела умерших в одном случае заменялись глиняной статуэткой, в другом — животными. В большинстве же случаев участок, выделенный для умершего в камере, пустовал, а остальная площадь могилы была занята глиняными сосудами с приношениями.

Обычай хоронить умершего в праздничной одежде свидетельствует о существовании веры в загробный мир, в то, что покойник должен продолжать жизнь и жить стремлениями и де-

лом, которое он выбрал при жизни. Поэтому умерший обеспечивался различными украшениями, предметами туалета и быта, орудиями труда и производства. Эти предметы могли находиться при скелетах или приноситься близкими им людьми как приношения. Не исключена возможность, что предметы приношения, за исключением сосудов, в которых подавалась пища, могли быть бисатом (сокровищем) самого умершего и в связи с «переходом» его в загробный мир передавались покойному.

Наличие различных предметов в могилах в некоторой степени помогает нам установить профессии умерших. Так, погребения 85 и 89, где были обнаружены стандартные предметы плотницкого дела, свидетельствуют о том, что погребенные были строителями домов, могилы 86—88 и др. указывают, что покойники при жизни занимались гончарным ремеслом, в погребениях 6, 8, 41, 66, 93, 101, 113, 124 и в других могилах, в которых были найдены пряслица и спицы, были захоронены люди, занимавшиеся при жизни ткачеством, могилы 22, 92, 115 являются погребениями воинов, а могила 127, обнаруженная под полом комнаты 105, в которой найдены остатки тандыров, была захоронением пекаря и т. д.

По представлениям древних земледельцев, погребальные предметы могли пригодиться захороненным в загробном мире, а ритуальная пища подавалась лишь «на дорогу» до потустороннего мира. Кенотафные могилы, захоронения животных и обычай обеспечивать покойников различными предметами и едой свидетельствуют о большой заботе к умершим со стороны сородичей. Это — яркий пример верования древних земледельцев в вечную жизнь человека.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Многолетние археологические исследования памятников эпохи бронзы Южного Узбекистана дали богатейший фактический материал, позволяющий совершенно по-новому представить процесс становления и развития древнеземледельческой культуры Узбекистана и соседних территорий. Выявление сапаллинской культуры позволяет включить этот регион в большой пласт древнеземледельческих цивилизаций второго порядка.

В настоящее время в этой зоне выделяется целый ряд таких локальных очагов — южно-иранский (Тали-Иблис, Яхья-тепе), северо-восточный иранский (Тепе-Гиссар, Шах-тепе, Тюринг-тепе), сейстанский с двумя центрами — афганским Сейстано (Мундигак) и иранским Сейстано (Шахри-Сохта), южно-туркменский (Анау-депе, Намазга-депе, Алтын-депе, Кара-депе, Улуг-депе и т. д.). Эти очаги древневосточных цивилизаций второго порядка находились в зоне между великими городскими цивилизациями Шумера и Элама, с одной стороны, и Хараппы — с другой, и испытывали сильное влияние со стороны высококультурных соседей.

Раскопки на Яхья-тепе показали, что на юге (южноиранский очаг) в эту зону глубоко внедрялась эламская цивилизация. Южноиранский очаг древних земледельцев, как полагает Г. Ламберг-Карловски, не находит видимых параллелей в посуде Иранского плато и имеет местные корни, уходящие к оседло-земледельческому хозяйству V тысячелетия до н. э. Протоэламские культурные традиции находят свое яркое отражение в комплексах Яхья-тепе, где в слое IVc были найдены глиняные таблички с протоэламскими надписями местного происхождения (*Lamberg-Karlovsky, 1970, с. 81*).

Северо-восточный иранский очаг древневосточных цивилизаций (Тепе Гиссар, Шах-тепе, Тюринг-тепе) является одним из древнейших очагов раннеземледельческих культур на Ближнем Востоке, генетически связанный

с центральноиранскими комплексами, в которых уже в V тысячелетии до н. э. сложилось земледельческо-скотоводческое хозяйство (Сигалк I). Древнеземледельческая культура Северо-Восточного Ирана ярко иллюстрирует эволюцию культуры племен центральноиранской группы во второй половине III — начале II тысячелетия до н. э. По своеобразию развития гончарного производства (сменой краснофоновой керамики на чернолощеную) она резко отличается от комплексов южноиранского и южнотуркменистанского очагов древневосточных цивилизаций. Несмотря на «провинциализм» материальной культуры этого региона, целый ряд предметов, обнаруженных в Тюринг-тепе времени Гиссар III, несет отпечаток шумерских и эламских культурных традиций (*В. Массон, 1964а, с. 240—245*).

Исследованиями французской и итальянской археологических экспедиций, произведенными на территории афганского и иранского Сейстана, открыт еще один важный очаг высокоразвитых культур древневосточного типа, имеющий тесные генетические и культурно-хозяйственные связи с племенами Иранского плато. Раскопки М. Касала на поселении Мундигак, где выявлены семь периодов истории древнеземледельческих племен Кандахарского оазиса, показывают, что в конце IV тысячелетия до н. э. культура Мундигак I с керамикой, сделанной на гончарном круге, была основана племенами, передвигающимися на восток из Ирана (*Casal, 1961, с. 28, 98, 111, 118*). М. Този, проводивший большие раскопки на Шахри-Сохте, историю сложения, развития и расширения городища делит на четыре последовательных периода — Шахри-Сохта I, II, III и IV. Наиболее ранние слои Шахри-Сохты I он относит к эпохе энеолита, а Шахри-Сохты IV — к поздней бронзе (*Този, 1967, с. 15—30*), что свидетельствует о раннем сложении иранского центра сейстанского очага древневосточных цивилизаций.

Южнотуркменистанский центр древних земледельцев, как и предыдущие, имеет местные истоки, восходящие к неолитическому Джейтуну и, находясь в тесном контакте с племенами Иранского плато, выработывал самостоятельные пути этнокультурного развития в системе древневосточных цивилизаций. Оседло-земледельческая культура этого региона в пору ранней бронзы (комплексы Намазга IV и V) достигает своей наивысшей точки развития в экономике и общественных отношениях, а в период развитой бронзы (поздний Намазга V и ранний Намазга VI) потомки носители этой культуры создают новые древнеземледельческие центры в Мургабском оазисе и в бассейне реки Амударья.

Таким образом, южноузбекский центр древних земледельцев, составивший новый приамударьинский локальный очаг высокоразвитых культур древневосточного типа, входит в эту зону на много позже племен, занимавших Гильмендскую долину на юге, подгорную полосу Южного Туркменистана на западе и районы Северо-Восточного Ирана. Этот вывод подтверждается анализом всех видов археологических источников и отсутствием здесь следов более ранних древнеземледельческих памятников, таких как Мундигак в афганском Сейстане, Шахри-Сохта в иранском Сейстане, Анау, Намазга, Алтын на юге Туркмении, Тепе Гиссар и Шах-тепе в Северо-Восточном Иране. Правда, в северной части Бактрии обнаружены следы формирования производящего хозяйства в позднемезолитических памятниках типа Мачай, где обнаружено большое число костей домашних животных. Тем не менее отсутствие на сегодняшний день памятников последующих этапов с производящим характером хозяйства до времени развитой и поздней бронзы не позволяет нам более достоверно аргументировать развитие хозяйственной культуры Мачая в пределах бактрийско-маргианского региона.

Исследованиями среднеазиатских археологов убедительно установлено, что наиболее вероятный центр первоначального перехода от присвояющего хозяйства к производящему земледельческому в пределах Средней Азии находился в западных районах подгорной полосы Южного Туркменистана, где был открыт и изучен целый ряд первоклассных памятников VI—V тысячелетий до н. э. (Джейтун, Бами, Найза-депе, Чапан-депе, Тоголок-депе и др.).

В. М. Массон отмечает, что ранние земледельцы продвигались в восток в пределах Южного Туркменистана и сформировали здесь крупные древнеземледельческие центры (Анау, Намазга-депе, Алтын-депе и Геоксюр), в кото-

рых угасают архаические традиции джейтунского неолита и расцветают энеолитические культуры с качественно новыми культурными традициями древнеземледельческих племен IV—III тысячелетий до н. э., в то время как огромная территория Средней Азии в этот период была еще занята племенами иного культурного облика с присвояющим характером хозяйства.

В конце III — начале II тысячелетия до н. э. начинается новый период в истории племен Средней Азии, ознаменовавшийся коренными изменениями социально-экономического порядка. В зоне племен с прогрессирующим хозяйством прослеживается процесс упадка земледельческих центров, сокращаются площади ряда крупных поселений, формируются новые древнеземледельческие оазисы. Этот процесс В. М. Массон связывает с расселением на восток древнеземледельческих племен круга культуры Намазга, о чем свидетельствует формирование мургабского центра земледельцев во II тысячелетии до н. э.

Археологические исследования, произведенные нами на юге Узбекистана и советско-афганской экспедицией на территории Северного Афганистана, подтвердили достоверность теории о продвижении племен древнеземледельческой культуры подгорной полосы еще далее к востоку, вплоть до Бактрии. Причина подобного расселения, конечно, объясняется не каким-либо внешним вмешательством во внутренние дела оседлых народов со стороны охотничье-скотоводческих племен, а внутренними социально-экономическими причинами, имевшими место в общине древних земледельцев в первой половине II тысячелетия до н. э.

Концентрация земледельцев в крупных поселениях и увеличение числа их обитателей требовало постоянного расширения орошаемых полей, а водных ресурсов небольших ручейков подгорной зоны было недостаточно. Несомненно между большим количеством обитателей крупных поселений и недостаточностью орошаемых площадей пришло к упадку ряда больших поселков, к поискам новых плодородных земель с достаточными водными ресурсами, что дало толчок к появлению новых древнеземледельческих очагов. В число таких новых культурно-исторических регионов входила Древняя Бактрия, северную часть которой составляли южные области Узбекистана.

Анализ археологических материалов ряда новых древнеземледельческих центров, таких как Мургабский, Шерабадский, Ачинский оазисы, показывает, что начальный этап расселения племен древних земледельцев с подгорной полосы Южного Туркменистана на тер-

ритори указанных оазисов происходил, вероятно, со второй четверти II тысячелетия до н. э., в тот период, когда в долине Инда пришла в упадок харапская городская цивилизация (Lal, 1963; Sankalia, 1963), а в Северо-Восточном Иране в слюх ряда памятников периода Гиссар IIIc (надо полагать, что абсолютная дата Гиссара IIIc слишком занижена: в действительности же она соответствует времени Намазга V и раннего Намазга VI) появляется серая и черлошенная керамика, которая некоторыми исследователями рассматривается как результат проникновения в среду гиссарского общества новых этнических элементов из областей Средней Азии (*Ghirshman, 1964; Vanden Berge, 1964, с. 37—47*)¹.

Интересно, что все эти процессы, происходившие почти одновременно в разных регионах древних земледельцев, хронологически соответствует позднему Намазга V и раннему Намазга VI. Но в настоящее время в вопросе о времени появления и расселения раннеземледельческих племен в Древней Бактрии сложились два противоположных мнения. По нашему мнению, носители культуры Сапалли и Дашли Древней Бактрии пришли из районов подгорной полосы Южного Туркменистана. Первоначальное появление их, по материалам из поселения Сапаллиста, относится к началу второй четверти II тысячелетия до н. э.

В. И. Сариниди, основываясь на наличии серой керамики и отсутствии мелкой коропластики в памятниках Древней Бактрии, выдвинул предположение о том, что обитатели земледельческих поселений Северного Афганистана и юга Узбекистана переселились из Северо-Восточного Ирана где-то во второй половине II тысячелетия до н. э.

Конечно, обе точки зрения о происхождении древнеземледельческой культуры Бактрии имеют право на существование. Однако при исключительном господстве светлофоновой керамики в комплексах Сапалли и Дашли было бы неуместным искать истоки происхождения древнеземледельческой культуры Бактрии в Северо-Восточном Иране, минуя соседние области Южного Туркменистана. В незначительном количестве серая керамика встречается и в комплексах Южного Туркменистана как в синхронных с Сапалли памятниках, так и в памятниках предыдущих периодов. Много ее в

комплексах юго-западных областей Туркмении, в архаическом Дахистане и в Сумбарской долине, соседствующих с Северо-Восточным Ираном. Это закономерно. Но в памятниках более восточных областей Южной Туркмении черлощенной керамики становится меньше, основную керамическую продукцию гончаров здесь составляет светлофоновая посуда.

Отсутствие в комплексах Древней Бактрии коропластики, столь характерной для предшествующих периодов культуры Намазга, объясняется тем, что в эпоху поздней бронзы в общинах древних земледельцев подгорной полосы Южного Туркменистана она постепенно исчезает в связи с широким распространением печатей-амулетов, заменныхших, видимо, глиняные статуэтки. Не исключено при этом, что юго-западные области Средней Азии, Северо-Восточный Иран, Маргиана и вся Бактрия представляли собой большой ареал родственных племен, соседствующих с северными скотоводами Средней Азии. Однако прямое переселение групп племен из районов Северо-Восточного Ирана в Северный Афганистан и расселение их оттуда на юг Узбекистана и в Мургабский оазис еще не доказано фактическим материалом.

В этот период в среде северных степных племен интенсивно развивалось производящее хозяйство с преобладанием скотоводства и произошел целый ряд изменений исторического значения. Хозяйственные достижения земледельцев юга значительно повлияли на северные районы, в результате чего в зоне контакта степных и древнеземледельческих племен сложилась своеобразная скотоводческо-земледельческая заманбабинская культура. В это же время в Среднюю Азию начали переселяться скотоводческие племена из степей Казахстана (андроновские племена) и северо-запада Древнего Хорезма (срубные племена). Они, как и первая значительная волна степных скотоводов в районах Древнего Хорезма, образовали тазабагыбскую культуру, рассматриваемую многими специалистами как вариант андроновской общины.

Древняя Бактрия также была охвачена историческими процессами этого времени. Если первая волна древних земледельцев привела к образованию в южных областях Узбекистана ранних периодов (сапаллинский и джаркутанский) культуры Сапалли, то в сложении завершающего ее этапа (моладинского) немаловажную роль сыграл, видимо, новый приток населения из среды каких-то высокообразованных древних земледельцев. Откуда был новый приток? Этот вопрос пока остается открытым.

¹ Вслед за В. М. Массоном (1964, с. 242) мы считаем несостоятельными эти положения западных ученых, так как смена распятой керамики серой посудой является результатом лишь изменений в технологии ее изготовления, а серая керамика не характерна для посуды среднеазийских памятников как степных, так и земледельческих племен.

Антропологический материал в этом плане не дает ничего, изменений в этническом облике носителей культуры Сапалли на всех этапах ее развития не наблюдается. Обряд захоронения — катакомба и подбой, скорченное положение скелетов: женщины на левом, мужчины на правом боку, а также характер градостроительства (многокомнатные дома из сырца) указывают на продолжение традиций предыдущих этапов.

Прослеживаемые существенные изменения заключаются в том, что в молалинском периоде асортимент керамики несколько сокращается по сравнению с предыдущими этапами: исчезают или почти исчезают отдельные формы сосудов (тазики, глубокие конические чаши, кубки, чайники, чаши со сливами) при сохранении основных категорий керамики (вазы, крынки, горшки, кувшины, миски, кольцевые подставки). Форма последних получает дальнейшее усовершенствование, поэтому на первый взгляд кажется, что перед нами как бы новый комплекс иноплеменной группы, намекающий на новый приток населения. К тому же, ориентировка скелетов молалинского этапа несколько иная, чем в сапаллинском и джаркутанском. Возможно, изменение форм керамики — явление чисто технологического порядка, результат высокого уровня керамического производства.

Имеющиеся археологические материалы свидетельствуют о том, что исследуемый регион с глубокой древностью являлся одним из центров распространения палеолитических племен (Тешик-Таш). Богатые природные ресурсы способствовали развитию здесь мезолитической культуры с производящим характером хозяйства (Мачай). Знаменитые заруцтайские наскальные рисунки и отдельные находки каменных орудий (стоянка-мастерская Акташ, каменный топор из района Бабатар) указывают на обитание здесь первобытных людей и в неолитическое время. Открытие и исследование целого ряда курганных памятников (Ранний Тулхар, Тигровая Балка, Макоин Мор, Ой-куль) эпохи поздней бронзы в пределах этого региона характеризуют его как область постоянного обитания первобытного человека почти на всех этапах развития первобытного общества.

Однако анализ археологических источников — памятников культуры Сапалли — не позволяет рассматривать последнюю как результат непосредственного генетического развития неолитической культуры Древней Бактрии, ибо даже энеолитическая культура, из которой можно было бы вывести сапаллинскую, здесь еще не представлена. Поэтому мы

искали истоки формирования культуры Сапалли в среде древнеземледельческих культур второго порядка. Вероятным ее исходным пунктом являлась подгорная полоса Южного Туркменистана.

Сапаллинская культура на своем пути развития проходит три последовательных этапа — сапаллинский, джаркутанский и молалинский. Для характеристики каждого этапа культуры Сапалли имеется чрезвычайно богатый и разнообразный археологический материал из разных памятников исследуемой области, среди которых принципиально значимость в изучении протогородской культуры Узбекистана приобретает поселение Сапаллитепа.

Вскрытое полностью поселение Сапаллитепа представляет собой первый и уникальный памятник протогородской культуры середины II тысячелетия до н. э. не только в Узбекистане, но и в Средней Азии в целом. Культурные слои поселения, насыщенные разнообразными материалами, состоят из трех строительных горизонтов. Два нижних горизонта характеризуют сапаллинский, а верхний — джаркутанский этапы развития культуры. Обильный материал, аналогичный верхним слоям Сапаллитепа, получен на поселении и могильнике Джаркутан.

Исследование поселения и могильника Джаркутан помогло разобраться не только в разновременности культурных слоев поселения Сапаллитепа, но и позволило выделить в культуре Сапалли три последовательных этапа развития протогородской культуры Южного Узбекистана, о чем мы говорили выше. Для них характерно наличие сырцово-архитектуры в жилищном строительстве, оборонительной фортификации с функциональным назначением помещений и квартальное расчленение жилищ с уличной планировкой.

Сложная система оборонительной фортификации в сочетании с глубокими традициями строительно-планировочных приемов является уникальным образцом раннегородских элементов на территории Узбекистана, напоминающим в миниатюре вошедший в авестийские религиозные гимны протогородской организм — Вару.

Во всех периодах культуры Сапалли необычайно высоко были развиты ремесла — металлургия с элементами ювелирного искусства, керамическое производство, основанное на использовании исключительно гончарного круга быстрого вращения, обработка кости, камня, а также ткачество.

Редкая сохранность изделий из дерева, солом, рогаза, кожи, а также остатков одежды, обуви и пищи позволила восстановить не толь-

ко процесс производства, но и элементы быта вплоть до состава пищи обитателей Сапалли-тепа. Уникальная находка шелковых тканей позволила удревить процесс производства натурального шелка в Узбекистане на два тысячелетия и поставить вопрос о древней прародине шелководства. На массовом материале поселения можно судить о видовом составе сельскохозяйственных культур древних земледельцев Узбекистана, о составе и соотношении домашних животных, о роли каждой отрасли хозяйства первобытных общинников. Видовой состав дикой фауны дополняет перечень отраслей хозяйства и одновременно помогает представить древние экологические условия исследуемого региона.

Сплошное вскрытие погребений и отличия их сохранности позволили получить не только важные антропологические материалы для суждения об этническом облике древнейших земледельцев Узбекистана, но и дали неисчерпаемый источник информации для палеогеографических исследований и палеоэтнографической реконструкции общин культуры Сапалли, а богатый и дифференцированный инвентарь погребений предоставил в руки исследователей новые материалы для выяснения идеологии древних обитателей и изменений социального порядка.

В целом эти исследования позволили почти на тысячу лет углубить дату древнеземледельческой культуры Узбекистана, детально осветить богатую материальную культуру, характер застройки, быт, искусство и идеологию оседлоземледельческого населения и тем самым дали возможность не только раскрыть новые страницы в истории республики, но и пересмотреть основные вопросы зарождения и развития городской цивилизации в Узбекистане.

Хозяйственно-бытовые достижения сапаллинского этапа наиболее ярко представлены в материалах поселения и могильника раннего Джаркутана, внушительные размеры которого позволяют рассматривать его как сточный памятник эпохи бронзы. Поселение Джаркутан занимает площадь более 50 га, с юга к нему примыкает грунтовый могильник площадью почти в 13 га. По предварительным подсчетам, произведенным на основе внешних признаков древних захоронений, в нем находилось более двух тысяч могил разной степени сохранности. В настоящее время здесь исследовано 149 захоронений, давших богатый инвентарь для характеристики последующих двух этапов (джаркутанского и молалинского) культуры Сапалли.

Большое число могил некрополя Джаркутана, подкрепленное материальными культурами самого поселения, дает нам дополнительный материал для изучения этнической принадлежности и культурно-хозяйственного развития древнеземледельческих племен поры завершающей стадии первобытнообщинного строя и формирования экономических и культурных основ цивилизации.

Наиболее четко вырисовываются связи между племенами амударьинского бассейна и других регионов древневосточных цивилизаций.

Единая линия развития краснофонового керамического производства культуры Сапалли и комплексов Намазга V и VI, идентичность многих форм их керамики и близкие параллели в комплексах металлических изделий этих двух областей указывают на генетические и культурно-хозяйственные связи между племенами приамударьинского и южнотуркменского очагов высокоразвитых культур древних земледельцев. Эти связи получили дополнительное подтверждение и данными антропологических исследований, позволивших выделить на огромной территории Средней Азии эпохи бронзы локальный вариант восточносредиземноморского расового типа населения с довольно низким сводом черепной коробки (Ходжайов, 1976, с. 47—48), основным центром распространения которого была Средняя Азия.

Контакты существовали и между племенами приамударьинского и североиранского очагов древневосточных цивилизаций. Наличие целого ряда сходных вещей в керамических комплексах этих двух областей (узкогорлые шаровидные и яйцевидные кувшины, кубки на высоких ножках, чаши со сливами) и сходство отдельных металлических изделий говорит о тесных связях между племенами Северо-Восточного Ирана и Южного Узбекистана. Не отрицается генетический аспект этих связей, восходящий к более древним периодам.

Отдельные элементы культурных достижений и традиции древнегородской цивилизации Месопотамии и долины Инда четко прослеживаются в комплексах приамударьинского очага высокоразвитых культур древних земледельцев (образ крылатого хищника на печатках культуры Сапалли и быки фуллолского клада из Северного Афганистана). Бронзовые зеркала с фигурной ручкой из Кулли и Сапалли, вазы на бляшинообразных ножках из позднего Джаркутана и харалпской цивилизации свидетельствуют о глубоких корнях этих контактов. Такие же связи развивались между племенами культуры Сапалли южноафганских ком-

плексов. На это указывают близкие параллели между кубками Сапалли и Мундигака, крышки, шаровидные узкогорлые кувшины, одинаково встречаемые в обоих комплексах.

Открытие сапаллинской культуры позволяет нам не только по-новому взглянуть на вопросы становления и развития земледельческой культуры Узбекистана эпохи бронзы, но и открывает путь к правильной интерпретации генетической линии урбанистической культуры исследуемой области поры раннежелезного века.

Как отмечают многие исследователи, изучение генезиса и формирования городской культуры является одной из важнейших проблем среднеазиатской археологии. Однако в этой проблеме еще немало спорных и нерешенных вопросов, наиболее важным из которых является вопрос об истоках городской культуры Хорезма, Согда, Бактрии.

Археологические работы в низовьях Амударьи, в долинах Зарафшана и Сурхандарьи показывают, что, начиная с раннежелезного века, государственные образования этих территорий идут по пути формирования урбанистической культуры с монументальной архитектурой, имеющей древние традиции, дифференцированным ремесленным производством. Для этого периода характерно разнообразие форм и вариантов керамической продукции на основе использования гончарного круга быстрого вращения. Эта эпоха, условно названная ахеменидской, послужила толчком к еще более интенсивному развитию городов в античную пору — в период расцвета городской культуры Бактрии, Согда, Хорезма. Однако истоки самой архаической культуры этих территорий не были известны. Памятники, которые могли бы послужить базой для развития урбанистической культуры начала I тысячелетия до н. э., были открыты в Южной Туркмении, но вывести из них городскую культуру оазисов Узбекистана было невозможно как ввиду отсутствия в нашей республике памятников синхронной эпохи, так и вследствие недостаточной палеоэкономической базы в Южном Туркменистане для подобных широких социально-географических построений.

Все это приводит нас к необходимости постоянных поисков истоков городской культуры крупнейших земледельческих областей нашей республики.

Попытки некоторых исследователей найти в архаической и античной культуре Узбекистана местные корни и, в частности, вывести ее из чустской культуры можно считать справедливыми лишь отчасти. На наш взгляд, они справедливы для районов земледелия третьего

порядка, таких как Фергана, Ташкентский оазис, бассейн средней и нижней Сырдарьи. Ферганский и Ташкентский оазисы в пору раннежелезного века были заняты племенами эйлатанской и бургулюкской культур, для которых характерны архитектурные комплексы легкого типа (полуземлянки) с эпизодическим использованием в качестве строительного материала сырцового кирпича, лепная, в основном круглодонная и частично расписная керамика, слабо дифференцированное ремесленное производство.

В связи с нашей трактовкой чустской культуры Ферганы и родственных ей памятников на других территориях как культуры осевших на землю скотоводов, становится совершенно ясным, что она может служить исходной базой для развития культур архаического и античного времени только этих районов.

Таким образом, вопрос о базе развития культуры крупнейших городских образований республики оставался открытым.

Многие исследователи пытались вывести генезис этой культуры из районов Ирана. В результате получилось, что архаическая городская культура Узбекистана не имела своих древних корней, и истоки ее начались с VI в. до н. э., с поры ахеменидской экспансии в Средней Азии. Данная гипотеза не решает проблемы, так как, естественно, оставалось неясным, как эта культура, неожиданно появившись, сумела в короткий срок охватить все слои таких крупных регионов, как Бактрия, Согд, Хорезм, и послужить основой для культурно-экономического расцвета в пору развитой рабовладельческой эпохи.

Открытие сапаллинской культуры позволяет по-новому подойти к урбанистической проблеме архаического и античного периодов Узбекистана. Принятие ее в качестве генетической базы урбанистической культуры Бактрии, Согда и Хорезма позволяет раскрыть местные корни, восходящие к эпохе поздней бронзы, и объяснить широту социально-экономической базы и органичность ее перерастания в античную городскую культуру. Вследствие этого необходимо отказаться от определения нижней даты архаической культуры — VI в. до н. э., что углубляет ее генетическую линию вследствие обнаружения истоков элементов этой культуры в Джаркутане и Сапалли и заставляет отвергнуть точку зрения об экспансионистском внедрении урбанистической культуры с соседних территорий. Открытие культуры Сапалли подтверждает непрерывность развития единой древнеземледельческой культуры на различных социально-исторических этапах.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21. Госполитиздат, М., 1961.
- Алексеев В. П. Палеодемография СССР. — СА, 1972, № 1.
- Альбаум Л. И. Некоторые результаты изучения ангорской группы археологических памятников за 1953—1954 гг. — «Изя. АН УзССР», 1955, № 7.
- Альбаум Л. И. Некоторые данные по изучению ангорской группы археологических памятников (1948—1949 гг.) — Тр. ИИА АН УзССР, 1956, вып. 7.
- Альбаум Л. И. Балалык-тепе, Ташкент, 1960.
- Альбаум Л. И. Поселение Кучук-тепе в Узбекистане. — «Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР (Тезисы докладов)», Баку, 1965.
- Альбаум Л. И. Памятник эпохи бронзы на территории Сурхандарьи. — ОНУ, 1969, № 5.
- Альбаум Л. И. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975.
- Аскарлов А. Поселение древних земледельцев на юге Узбекистана. — ОНУ, 1971, № 8.
- Аскарлов А., Бодянова-Березовская И. В. Металлические изделия из поселения Сапаллитепе (результаты химического анализа). — ОНУ, 1972а, № 10.
- Аскарлов А. Развитие археологической науки в Узбекистане за 50 лет образования СССР. — ОНУ, 1972б, № 12.
- Аскарлов А. Сапаллитепе. Ташкент, 1973а.
- Аскарлов А. К вопросу о выделении культуры Сапаллитепе. — «Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР», Ташкент, 1973б.
- Аскарлов А. Некоторые итоги полевых археологических работ Института археологии АН Узбекской ССР в 1971 г. — ИМКУ, вып. 10, Ташкент, 1973в.
- Аскарлов А. К вопросу о выделении культуры Сапаллитепе. — «Древняя Бактрия». Л., 1974.
- Аскарлов А. Этапы развития древнеземледельческой культуры на юге Узбекистана. — «Новейшие открытия советских археологов (Тезисы докладов)», ч. 1, Киев, 1975а.
- Аскарлов А. Новые памятники эпохи бронзы на территории Северной Бактрии. — «Археологические открытия 1974 года», М., 1975б.
- Аскарлов А. Археологические материалы по истории земледелия в Узбекистане. — «Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана», М., 1975в.
- Аскарлов А., Абдуразаков А., Рузанов В. Д. Химический состав металлических предметов из поселения Сапаллитепе. — ИМКУ, вып. 12, Ташкент, 1975.
- Аскарлов А. Расписная керамика Джаркутана. — «Бактрийские древности». Л., 1976.
- Бидер О. Н. Древнейшие металлургии Приуралья. М., 1964.
- Белая Т. В., Хакимов З. А. Древнебактрийские памятники Миршаде. — «Из истории античной культуры Узбекистана». Ташкент, 1973.
- Бердыев О. К. Стратиграфия Вамийского поселения. — СА, 1963, № 4.
- Бердыев О. К. Стратиграфия Тоголок-тепе в связи с расселением племени джайтунской культуры. — СА, 1964, № 3.
- Бердыев О. К. Южная Туркмения в эпоху неолита. — Автореферат канд. дисс., Ашхабад, 1965.
- Бибиков С. Н. Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья (опыт изучения первобытной экономики). — СА, 1965, № 1.
- Бобринский Н. А., Гладков Н. А. География животных. М., 1961.
- Вавилов Н. И., Букин Д. Д. Земледельческий Афганистан. Л., 1929.
- Виноградов А. В., Итани М. А., Кесь А. С., Мамедов Э. Д. Палеографическая обусловленность расселения и хозяйственного освоения Южного Приморья в голоцене. — «Первобытный человек и природная среда», М., 1974.
- Вязьмитина М. И. Раскопки городища Айртан. — Тр. ТАКЭ, т. 2, Ташкент, 1945.
- Ганялин А. Ф. Археологические памятники горных районов Северо-Западного Колет-Дага (по данным археологических разведок 1952 г.). — «Изя. АН ТССР», 1953, № 5.
- Ганялин А. Ф. Погребения эпохи бронзы у с. Янгикала. — Тр. ЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956а.
- Ганялин А. Ф. Текем-тепе (раскопки 1952—1953 гг.). — Тр. ИИАЭ АН ТССР, т. 2, Ашхабад, 1956б.
- Ганялин А. Ф. Раскопки в 1959—1961 гг. на Алтин-тепе. — СА, 1967, № 4.
- Герасимов И. П., Величко А. А. Проблема роли природного фактора в развитии первобытного общества. — «Первобытный человек и природная среда», М., 1974.
- Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскарлов А. Первобытная культура в низовьях Зарафшана. Ташкент, 1966.
- Гулямов Я. Г., Аскарлов А., Бураков Ю. Ф. Археология. — «Наука в Узбекистане». Ташкент, 1974.
- Деспик Д. В., Мерперт Н. Я. К вопросу о конце цивилизации Хараппы. — СА, 1957, № 4.
- Дьяконов И. М. История Мидии от древнейших времен до конца IV века до н. э. М.—Л., 1956.
- Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы. — МИА, 1962, № 118.

- Захидов Т. Э., Мекленбурцев Р. Н., Богданов О. П. Природа и животный мир Средней Азии, т. II. Ташкент, 1971.
- Исламов У. Н. Пещера Мачай. Ташкент, 1975.
- «История Узбекской ССР», т. I, кн. I. Ташкент, 1955.
- «История таджикского народа», т. I, М., 1963.
- «История Узбекской ССР», т. I. Ташкент, 1967.
- Кибиров А., Кожемьяко П. Н. Новые памятники эпохи бронзы. — Тр. ИИАЭ АН КиргССР, вып. 2, Фрунзе, 1956.
- Кияткина Т. П. Черепя эпохи бронзы с территории Юго-Западного Таджикистана. Приложение к работе А. М. Мандельштама «Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане». — МИА, 1968, № 145.
- Коробкова Г. Ф. Применение метода микроанализа к изучению функций каменных и костяных орудий. — «Археология и естественные науки». МИА, 1965, № 129.
- Коробкова Г. Ф. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. — Автореферат канд. дисс., Л., 1966.
- Кожемьяко Г. А. Речь на сб. «Древняя Бактрия». — ВДИ, 1975, № 2.
- Кругликова И. Т., Сариянди В. И. Археологические исследования в Северном Афганистане. — «Археологические открытия 1970 года». М., 1971а.
- Кругликова И. Т., Сариянди В. И. Древняя Бактрия в свете новых археологических открытий. — СА, 1971б, № 4.
- Кругликова И. Т., Сариянди В. И. Советско-афганская археологическая экспедиция. — «Археологические открытия 1971 года». М., 1972.
- Кругликова И. Т., Сариянди В. И. Советско-афганская экспедиция. — «Археологические открытия 1973 года». М., 1974.
- Кузьмина Е. Е. Могильник Заман-баба. — СЭ, 1958, № 2.
- Кузьмина Е. Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. М., 1966.
- Кузьмина Е. Е. Бактрийский мираж и археологическая действительность. — ВДИ, 1972, № 1.
- Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалети. I. Опыт периодизации памятников. Тбилиси, 1941.
- Куфтин Б. А. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытно-общинных оседлоземледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 году. — Тр. ЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956.
- Леммайн Г. Г. Техника сверления каменных бус из раскопок на Кавказе. — КСИИМК, вып. XVIII, 1947.
- Леммайн Г. Г. Каменные бусы из Самтаврского некрополя. — КСИИМК, вып. XXIV, 1949.
- Леммайн Г. Г. Опыт классификации форм каменных бус. — КСИИМК, вып. XXXII, 1950.
- Лисицина Г. И. Орошаемое земледелие эпохи энеолита на юге Туркмении. — МИА, 1965, № 128.
- Литвинский Б. А. Намазга-депе по данным раскопок 1949—1950 гг. — СЭ, 1952, № 4.
- Литвинский Б. А. Таджикистан и Индия. — «Индия в древности», М., 1964.
- Литвинский Б. А. Археологические открытия в Таджикистане за годы Советской власти и некоторые проблемы древней истории Средней Азии. — ВДИ, 1967, № 4.
- Максеев Э. Древнейшая культура долины Инда. М., 1951.
- Масимов И. Ремесленный квартал городища Алтын-депе. — «Археологические открытия 1969 года». М., 1970а.
- Масимов И. Раскопки ремесленного квартала эпохи бронзы на поселении Алтын-депе. — «Каракумские древности», вып. III, Ашхабад, 1970б.
- Масимов И. Изучение керамических печей эпохи бронзы на поселении Улуг-депе. — «Каракумские древности», вып. IV, Ашхабад, 1972.
- Масимов И. Комплекс керамики из раскопа А-1 поселения Намазга-депе. — «Материальная культура Туркменистана». Ашхабад, 1974.
- Мандельштам А. М. Кочевники на пути в Индию. — МИА, 1966, № 136.
- Мандельштам А. М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. — МИА, 1968, № 145.
- Масон В. М. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам В. А. Куфтина. — Тр. ЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956а.
- Масон В. М. Памятники культуры архаического Дахкистана в Юго-Западной Туркмении. — Тр. ЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956б.
- Масон В. М. Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии. — СА, 1957, № 4.
- Масон В. М. Древнеземледельческая культура Маргнана. — МИА, 1959, № 73.
- Масон В. М. Карадепе у Артыка. — Тр. ЮТАКЭ, т. X, Ашхабад, 1961.
- Масон В. М. Средняя Азия и Древний Восток. М.—Л., 1964.
- Масон В. М. Раскопки на Алтын-депе. — «Археологические открытия 1965 года», М., 1966а.
- Масон В. М. Южная Туркмения в эпоху поздней бронзы. — «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы», Л., 1966б.
- Масон В. М. Протогородская цивилизация на юге Средней Азии. — СА, 1967, № 3.
- Масон В. М. Четвертый сезон раскопок из Алтын-депе. — «Археологические открытия 1968 года», М., 1969.
- Масон В. М. Раскопки на Алтын-депе. — «Археологические открытия 1969 года», М., 1970а.
- Масон В. М. Зона раннегородских цивилизаций между Шумером и Индией. — «Тезисы докладов на сессии, посвященной итогам полевых исследований 1969 года», М., 1970б.
- Масон В. М. Поселение Джейтун. Л., 1971.
- Масон В. М. Раскопки погребального комплекса на Алтын-депе. — СА, 1974а, № 4.
- Масон В. М. Проблема древнего города и археологические памятники Северной Бактрии. — «Древняя Бактрия», Л., 1974б.
- Масон В. М. Цивилизация Алтын-депе. — «Памятники Туркменистана», 1974в, № 2.
- Масон М. Е. Термезская археологическая комплексная экспедиция. — Тр. УЗФАН СССР, сер. I, вып. 2, Ташкент, 1936.
- Масон М. Е. К изучению археологических памятников правобережного Тохаристана. — СОНАТ, 1937, № 1.
- Масон М. Е. Археологические исследования в Узбекистане. — «Наука в Узбекистане за 15 лет (1924—1939 гг.)». Ташкент, 1939.
- Масон М. Е. Городища старого Термеза и их изучение. — Тр. ТАКЭ, т. I, Ташкент, 1940.
- Масон М. Е. Работы Термезской археологической комплексной экспедиции (ТАКЭ) 1937 и 1938 гг. — Тр. ТАКЭ, т. II, Ташкент, 1945.
- Мираатов Т., Ширинов Т. Функциональный анализ некоторых каменных изделий из Сапаллитена. — ИМКУ, вып. 12, Ташкент, 1974.
- «Народы Америки», т. II, М., 1959.
- «Народы Африки», М., 1954.
- «Народы Австралии и Океании», М., 1956.

- «Обзор Закаспийской области за 1896 год». Самарканд, 1898.
- Окладников А. П. Следы каменного века в районе Термеза. — *Тр. ТАКЭ*, т. II, Ташкент, 1945.
- Окладников А. П. Исследование мушкетерской станицы и погребения неандертальца в гроте Тешик-Тан. Южный Узбекистан. — «Тешик-Таш. Палеолитической человек». М., 1949.
- Окладников А. П. Палеолит и мезолит Средней Азии. — «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы». М.—Л., 1966.
- Парфенов Г. В. Следы древнейших культур на городище Айратам. — ИМКУ, вып. 2, Ташкент, 1961.
- Парфенов Г. В. Каменный топор из Бабатага. — ОНУ, 1962, № 1.
- Першин А. И. Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа преродизации его истории. — *Тр. ИЭ*, т. 54, М., 1960.
- Пидаев Ш. Р. Материалы к изучению древних памятников Северной Бактрии. — «Древняя Бактрия». Л., 1974.
- Пидаев Ш. Р. Поселения кушанского времени Северной Бактрии. Автореферат канд. дисс., Л., 1975.
- Пиотровский Б. Б. Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье. — СА, 1955, № 25.
- Пиотровский Б. В. О формах хозяйства, способствовавших образованию классов и становлению государства. — «Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1969 г.» М., 1970.
- Преображенский В. С. Ландшафтные исследования. М., 1966.
- Преображенский В. С. Беседы о современной физической географии. М., 1972.
- Пьянкова Л. Т. Могильник эпохи бронзы Тигровая Балка. — СА, 1974, № 3.
- Пушаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана. Ташкент, 1960.
- Пушаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История искусства Узбекистана с древнейших времен до середины девятнадцатого века. М., 1966.
- Пушаченкова Г. А. Халчяи. Ташкент, 1966.
- Пушаченкова Г. А. Новый памятник древнебактрийской культуры. — «Успехи среднеазиатской археологии», вып. 1, Л., 1972.
- Пушаченкова Г. А. Новые данные о художественной культуре Бактрии. — «Из истории античной культуры Узбекистана». Ташкент, 1973.
- Романова Е. Н., Семенов А. А., Тимофеев В. И. Радиоуглеродные даты образцов из Средней Азии и Казахстана лаборатория ЛОИА. — «Успехи среднеазиатской археологии», вып. 2, Л., 1972.
- Рогинская А. Зараут-сай (записки художника). М.—Л., 1950.
- Ртвеладзе Э. В. Разведки в предгорьях Байсунтау. — «Археологические открытия 1973 года». М., 1974.
- Ртвеладзе Э. В. Разведочное изучение бактрийских памятников на юге Узбекистана. — «Древняя Бактрия». Л., 1974.
- Сарианиди В. И. Керамические печи древней Маргiane. — КСИИМК, вып. 69, 1957.
- Сарианиди В. И. Энеолитическое поселение Геокюр.— *Тр. ЮТАКЭ*, т. X, Ашхабад, 1961.
- Сарианиди В. И. Раскопки на Халпа-дере и Алтын-дере. — «Археологические открытия 1966 года». М., 1967.
- Сарианиди В. И., Качурис К. А. Раскопки на Улуд-дере. — «Археологические открытия 1967 года». М., 1968.
- Сарианиди В. И. Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в Северном Афганистане. — КСИИМК, вып. 132, 1972а.
- Сарианиди В. И. Рец. на кн.: *Lamberg-Kaglovsky C. C. Excavations at Tere Yahya, Iran. Cambridge, 1970.—СА*, 1972б, № 1.
- Сарианиди В. И. Становление городской жизни Южной Бактрии. — «Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР». Ташкент, 1973.
- Сарианиди В. И. Бактрия в эпоху бронзы. — СА, 1974, № 4.
- Сарианиди В. И. Степные племена эпохи бронзы в Маргiane. — СА, 1975а, № 2.
- Сарианиди В. И. Новые открытия в низовьях Мургаба. — «Археологические открытия 1974 года». М., 1975б.
- Сарианиди В. И. Афганстан в эпоху бронзы и раннего железа. Автореферат докт. дисс., М., 1975в.
- Сарианиди В. И. Исследование памятников Дашлинского оазиса. — «Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1964—1973 гг.». М., 1976.
- Сайко Э. В. История технологии керамического ремесла Средней Азии VIII—XII вв. Душанбе, 1966.
- Семенов С. А. Происхождение земледелия. М.—Л., 1974.
- Справочная книжка Самаркандской области, вып. X. Самарканд, 1912.
- Ставицкий Б. Я. Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1961—1962 гг. — «Кара-тепе», вып. 1, М., 1964.
- Ставицкий Б. Я. Фрагменты каменных рельефов и деталей архитектурного убранства из раскопок Кара-тепе 1961—1964 гг. — «Кара-тепе», вып. 2, М., 1969.
- Струве В. В. Предисл. к кн. Э. Маккея «Древнейшая культура долины Инда». М., 1951.
- Тережикини А. И. Археологические находки в Таджикистане. — КСИИМК, вып. XX, 1948.
- Тош М. Сейсан в бронзовом веке — раскопки в Шахри-Сохте. — СА, 1967, № 3.
- Трофимова Т. А. К вопросу об антропологическом типе населения Южной и Восточного Узбекистана в эпоху бронзы. — *Тр. ТашГУ*, вып. 235, кн. 49. Ташкент, 1964.
- Турезнов Б. А. К изучению Айратама. — «Из истории античной культуры Узбекистана». Ташкент, 1973.
- Тюменев А. Н. Государственное хозяйство древнего Шумера. М.—Л., 1956.
- Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа. — «Материалы по археологии Кавказа», т. VII. М., 1900.
- Формозов А. А. Памятники первобытного искусства на территории СССР. М., 1966.
- Формозов А. А. Очерки по первобытному искусству. М., 1969.
- Хлопик Н. Н. Ялангач-дере — поселение энеолита. — КСИИМК, вып. 93, 1963.
- Хлопик Н. Н. Геокюрская группа поселений эпохи энеолита. М.—Л., 1964.
- Хлопик Н. Н. Раскопки на Намазга-дере. — «Археологические открытия 1967 года». М., 1968.
- Хлопик Н. Н. Древности долины Сумбара. — «Памятник Туркменистана», вып. I, Ашхабад, 1973.
- Хлопик Н. Н., Хлопина Л. И. Раскопки Сумбарского отряда. — «Археологические открытия 1975 года». М., 1976.
- Хлопина Л. И. Альбом иллюстраций к канд. дисс. «Намазга-дере — эпоха поздней бронзы Южной Туркмении». Л., 1976.
- Ходжайев Т. К. Череп из пещеры мезолитической

- стоянки Мачай. — «Тезисы докладов сессии, посвященной результатам археологических исследований 1972 года в СССР». Ташкент, 1973.
- Ходжаев Т. К.* Антропологический состав населения эпохи бронзы Сапаллителя. — «Тезисы докладов на сессии, посвященной итогам полевых этнографических и антропологических исследований в 1974—1975 гг.». Душанбе, 1976.
- Чайлд Г.* Древнейший Восток в свете новых раскопок. М.—Л., 1956.
- Четыркин В. М.* Средняя Азия (опыт комплексной географической характеристики и районирования). Ташкент, 1960.
- Щетено А. Я.* К проблеме происхождения неолита Центральной Индии. — «Индия в древности». М., 1964.
- Щетено А. Я.* Раскопки Тайлачак-дере и Намазга-дере. — «Археологические открытия 1968 г.». М., 1969.
- Щетено А. Я.* Раскопки мелких поселений эпохи бронзы. — «Караумские древности», вып. III, Ашхабад, 1970.
- Щетено А. Я.* Раскопки Теккем-дере и Намазга-дере. — «Археологические открытия 1970 года». М., 1971.
- Щетено А. Я.* Раскопки Теккем-дере и Намазга-дере. — «Археологические открытия 1971 года». М., 1972.
- Эрешов Ш.* Ландшафты Сурхандарьинской области. Ташкент, 1974.
- Arne T. J.* Excavations at Shah Tepe, Iran. — The Sino-Swedish Expedition, Publ., 37, VII, Archaeology, 5, Stockholm, 1945.
- Braidwood R. J., Howe B.* Prehistoric Investigations in an Iracy Kurdistan. — SAOC, No. 3, Chicago, 1960.
- Casal J. M.* Fouilles de Mundigak. — MDAFA, t. XVII, Paris, 1961.
- Dalton O. M.* The treasure of the Oxus with other examples of early oriental metalwork. London, 1926.
- Deshayes J.* Tureng Tepe et la periode Hissar III c. «Ugaritica», VI, Paris, 1969.
- Dyson R. H.* Problems in the relative chronology of Iran, 6000—2000 B. C. — «Chronologies in Old World Archaeology», Chicago—London, 1965a.
- Dyson R. H.* Problem of Protohistoric Iran as seen from Hasantiu. — JNES, vol. XXIV, No. 3, 1965b.
- Dyson R. H.* A Decade in Iran Expedition, 1969, No. 2.
- Eliot H. W.* Excavations in Mesopotamia and Western Iran Sites of 4000—500 B. C. Cambridge—Mass., 1950.
- Fard K.* Fouilles dans les tombes anciennes de Qheytaryes. — Bastan Chenasi Va Honar-e Iran, № 2, Teheran, 1969.
- Ghirshman R.* Fouilles Sialk pres de Kashan, vol. I—II. Musée du Louvre. Ser. archeol. vol. IV—V. Paris, 1938.
- Ghirshman R.* Persia from the Origins to Alefander the Great. London, 1964.
- Htopina L. I.* Southern Turkmenia in the Late Bronze Age. — «East and West», new ser., vol. 22, 1972, No. 3—4.
- Holmes W. H.* Handbook of Aboriginal American antiquities, p. 1, Introductory the lithic industries. — BAE, 60, Washington, 1919.
- Kenyon K.* Diggings up Jericho. New York, 1957.
- Kenyon K.* Earliest Jericho. — Antiquity, 1959, No. 129.
- Lal B. B.* Picture Emerges—an Assessment of the Carbon-14. Datings of the Protohistoric Culture of the Indo-Pakistan Subcontinent. — «Ancient India», New Delhi, 1963, No. 18—19.
- Lamberg-Karlovsky C. C.* Excavations at Tepe Yahya, Iran, Cambridge, 1970.
- Lamberg-Karlovsky C. C. and Tosi M.* Shahr-i Sokhta and Tepe Yahya: Tracks on the Earliest History of the Iranian Plateau. Rome, 1973.
- Lloyd S., Safar F.* Tell Hassuna. — JNES, vol. IV, 1945, No. 4.
- Mackay E.* Further Excavations at Mohenjo-daro. New Delhi, 1937.
- Mackay E.* Chanhy-Daro Excavations 1935—1936. New Haven, Connecticut, 1943.
- Mackay E.* Early Indus Civilizations. London, 1948.
- Masson V. M. and Sarianidi V. I.* Central Asia, Turkmenia before the Achaemenids. London, 1972.
- Mcqueqner R. de Scheit V.* Mission en Susiane Memoires de la Mission Archeologique en Perse, vol. XXV, Paris, 1934.
- Piggott S.* Notes on certain Pins and Macehead from Harappa. — Ancient India, 1947—1948, No. 4.
- Piggott S.* Prehistoric India, London, 1950.
- Piggott S.* Prehistoric India to 1000 B. C. (Reprinted). Harmonds worth, Middlesex, 1952.
- Piperno M. and Tosi M.* The Graveyard of Shahr-i Sokhta, Iran. — «Archaeology», 1975, No. 3.
- Pumpelly R.* Explorations in Turkestan, vol. I. Washington, 1908.
- Sankalio H. D.* Indian archaeology today. London, 1962.
- Sankalio H. D.* New Light on the Indo-Iranian or Western Asiatic Relations between 1700 B. C.—1200 B. C. — «Artibus Asiae» ASCONA, vol. XXVI, 1963.
- Sankalio H. D., Deo S. B., Ansari Z. D.* Excavations at Har 1961—1962. Poona, 1969.
- Schaeffer F. A.* Stratigraphie Comparee et Chronologie de L'Asie Occidentale (III et II mil). London, 1948.
- Schmidt E. F.* Tepe Hissar Excavations of 1931. Philadelphia, 1933.
- Schmidt E. F.* Excavations at Tepe Hissar, Damgan. Philadelphia, 1937.
- Schmidt H.* Trojanischer Altertumer, Berlin, 1902.
- Speiser E. A.* Excavations at Tepe Gawra, Philadelphia, 1935.
- Stacul G.* Excavations near Ghaligai (1968) and Chronological Sequence of protohistoric cultures in the Swat Valley. — «East and West», vol. 19—nos., 1—2, Rome, 1969a.
- Stacul G.* Discovery of Protohistoric Cemeteries in the Chitral Valley (W. Pakistan). — «East and West», New ser., vol. 19—nos., 1—2, Rome, 1969b.
- Tosi M.* Excavations at Shahr-i Sokhta, a paleolithic settlement in the Iranian Sistan. — «East and West». Rome, 1968.
- Tosi M.* Excavations at Shahr-i Sokhta. — «East and West». Rome, 1969.
- Tosi M., Wardak R.* The Fullo Hoard: A New find from Bronze-Age Afghanistan. — «East and West», new ser., vol. 22—nos. 1—2, Rome, 1972.
- Vanden Bergh L.* La necropole de Khyrvin. Istanbul, 1964.
- Vats M. S.* Excavations at Turang-Tepe. Suppl. to Bull. of Amer. Inst. for Persian Art and Archaeology, vol. 2, 1932.
- Walsin F. R.* The early cultures of Astrabad. — SPA, 1939, vol. 1.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЯ К ЦИТИРОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

- ВДИ — «Вестник древней истории»
 ИМКУ — «История материальной культуры Узбекистана»
 КСИА — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР»
 КСИИМК — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР»
 ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
 МИА — «Материалы и исследования по археологии СССР»
 ОНУ — «Общественные науки в Узбекистане»
 СА — «Советская археология»
 СОНАТ — «Социалистическая наука и техника»
 СЭ — «Советская этнография»
 Тр. ИИА АН УзССР — «Труды Института истории и археологии АН УзССР»
 Тр. ИИАЭ АН КиргССР — «Труды Института истории, археологии и этнографии АН КиргССР»
 Тр. ИИАЭ АН ТССР — «Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТССР»
 Тр. ТашГУ — «Труды Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина»
 Тр. ИЭ — «Труды Института этнографии АН СССР»
 Тр. ТАКЭ — «Труды Термезской археологической комплексной экспедиции»
 Тр. УзФАН — «Труды Узбекского филиала АН СССР»
 Тр. ЮТАКЭ — «Труды Южнотуркменстанской археологической комплексной экспедиции»
 BAE — Bulletin (Smithsonian Inst. Bureau of American ethnology) Washington
 JNES — Journal of Near Eastern Studies Chicago
 MDAFA — Mémoires de la Délégation archéologique Française en Afghanistan
 SAOC — Studies in Ancient Oriental Civilization, The Oriental Institute University of Chicago
 SPA — A Survey of Persian Art.

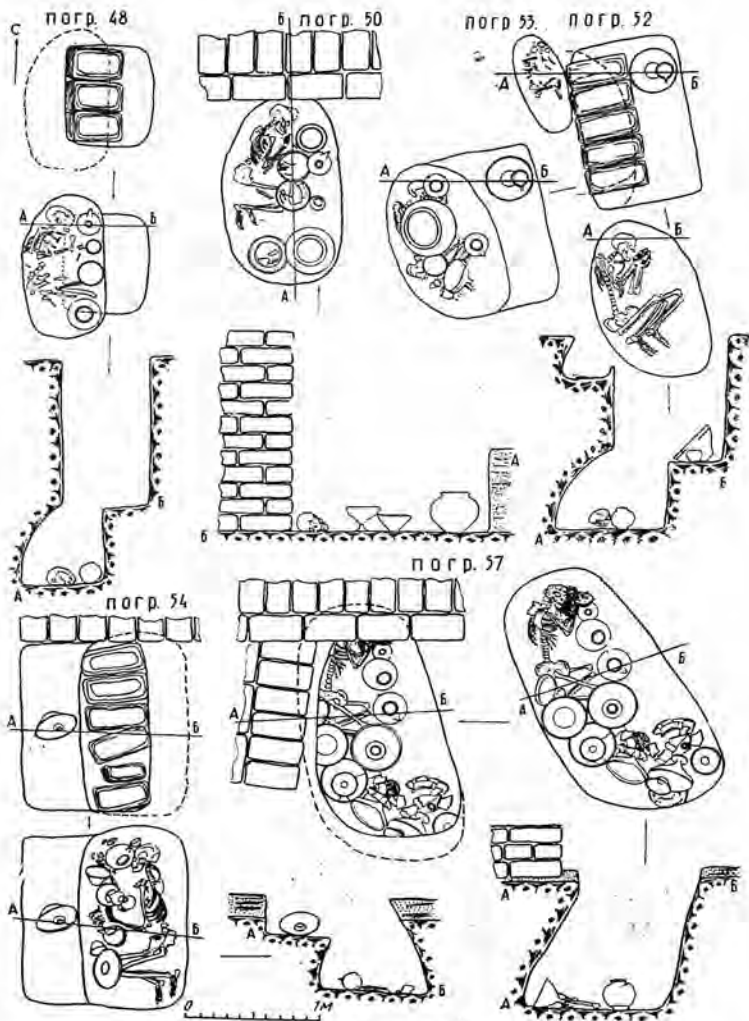

Табл. 1. Сапалхитла. Планы и разрезы погребений 48, 50, 52—54, 57

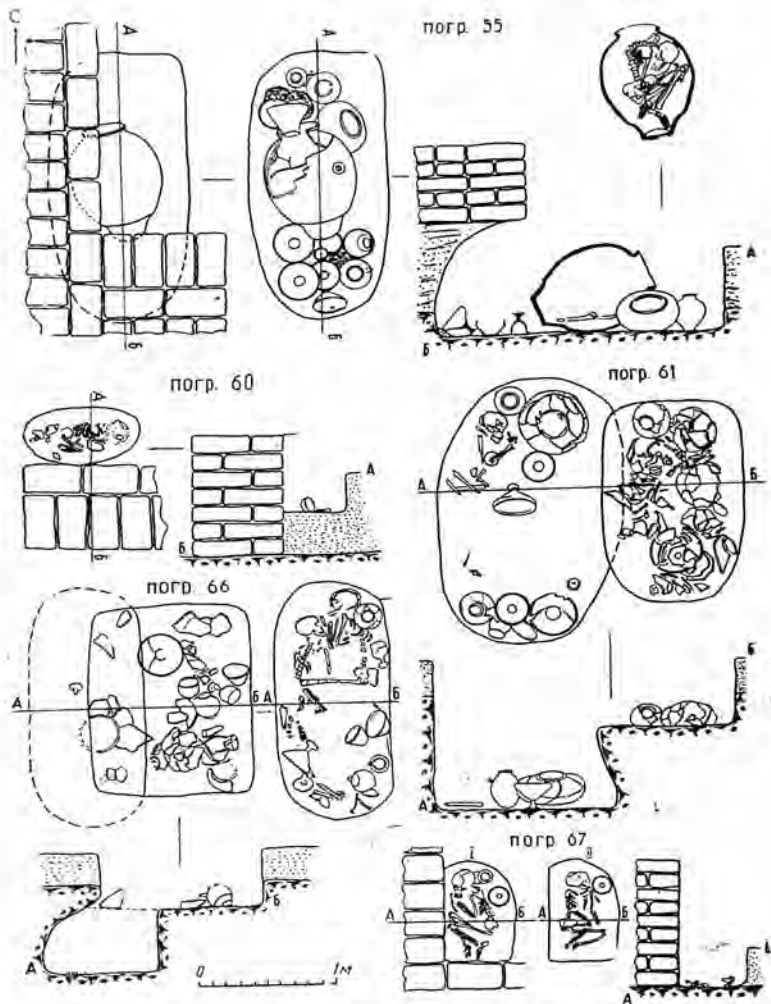

Табл. II. Сапалитепа. Планы и разрезы погребений 55, 60, 61, 66, 67

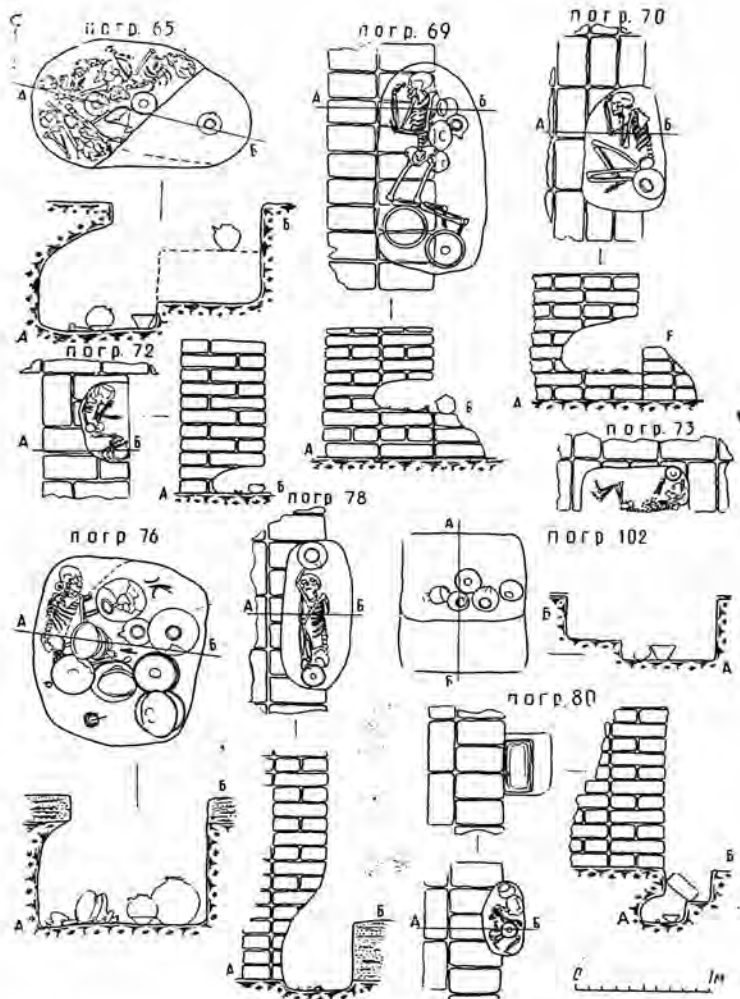

Табл. III. Сапалалтепа. Планы и разрезы погребений 65, 69, 70, 72, 73, 76, 78, 80, 102

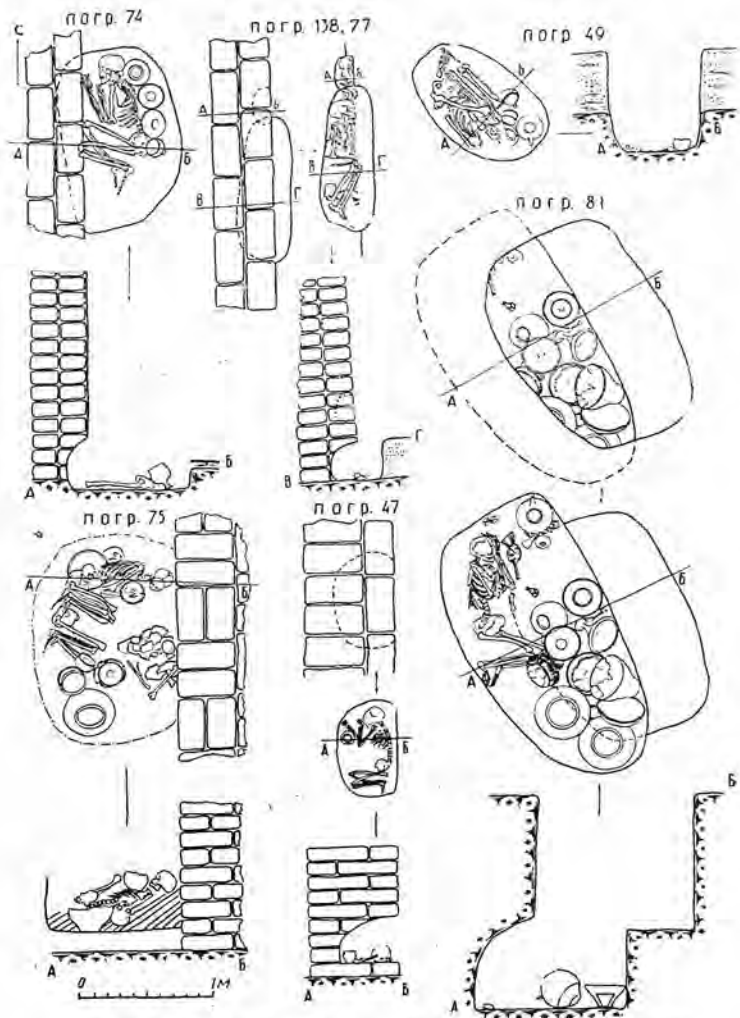

Табл. IV. Сапалдилтеп. Планы и разрезы погребений 47, 49, 74, 75, 77, 81, 138

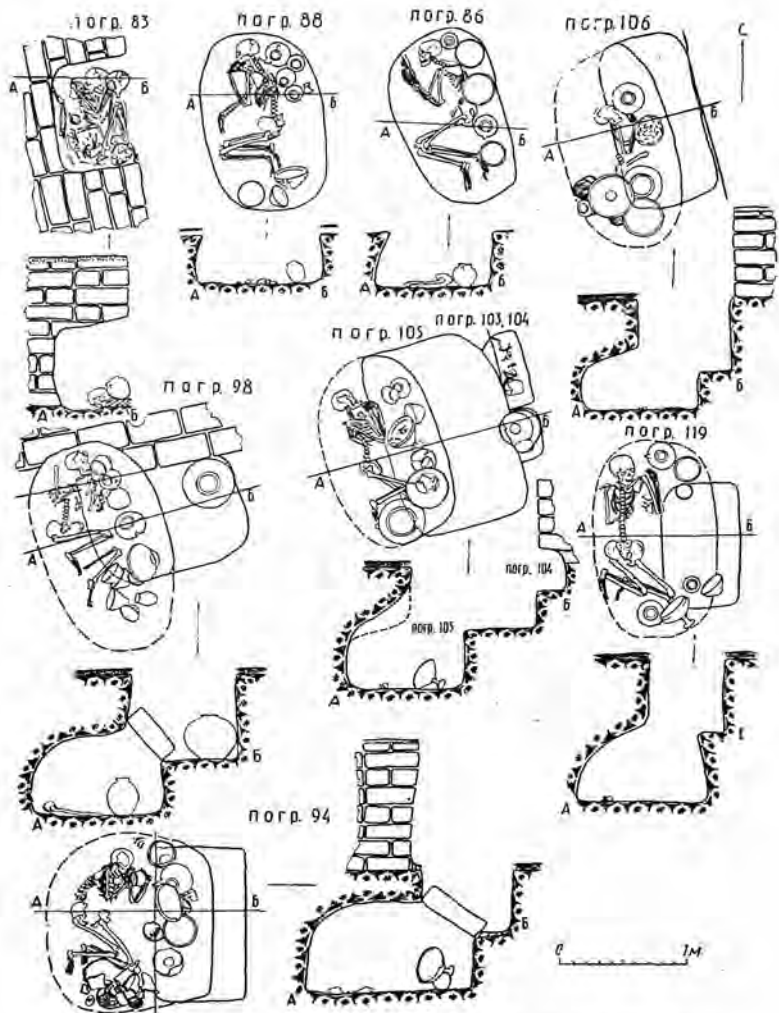

Табл. V. Сипаалитепа. Планы и разрезы погребений 83, 86, 88, 94, 98, 103—106, 119

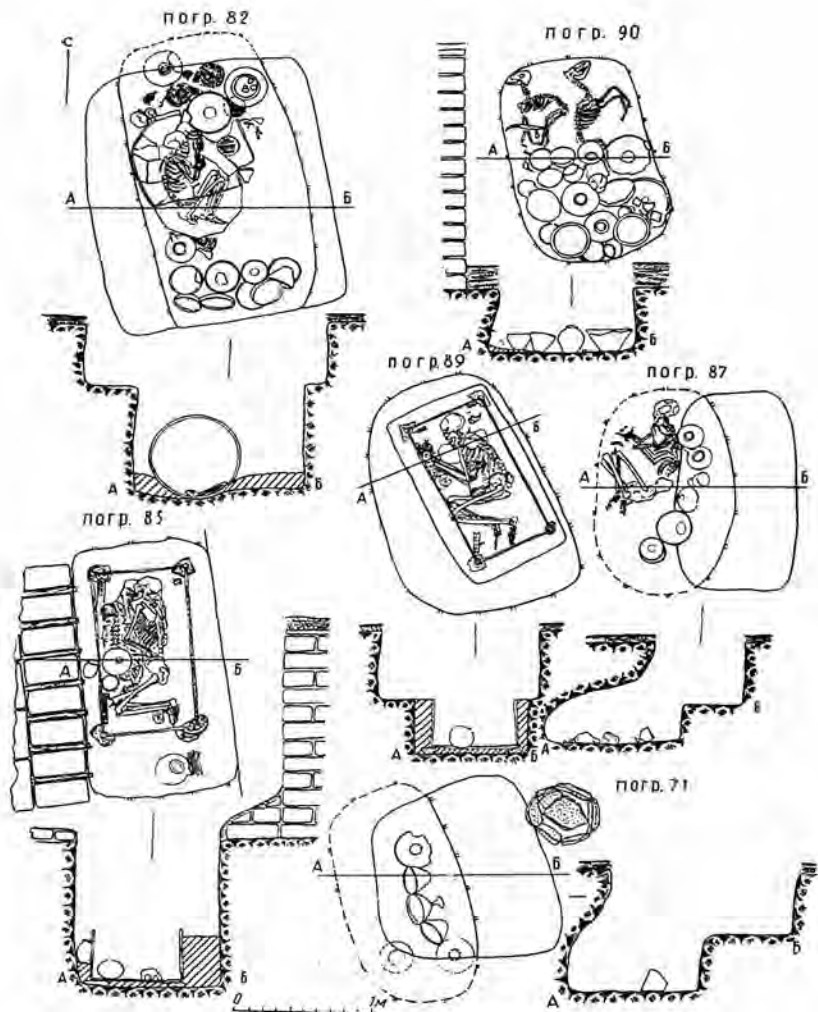

Табл. VI. Сапалдигепа. Планы и разрезы погребений 71, 82, 85, 87, 89, 90

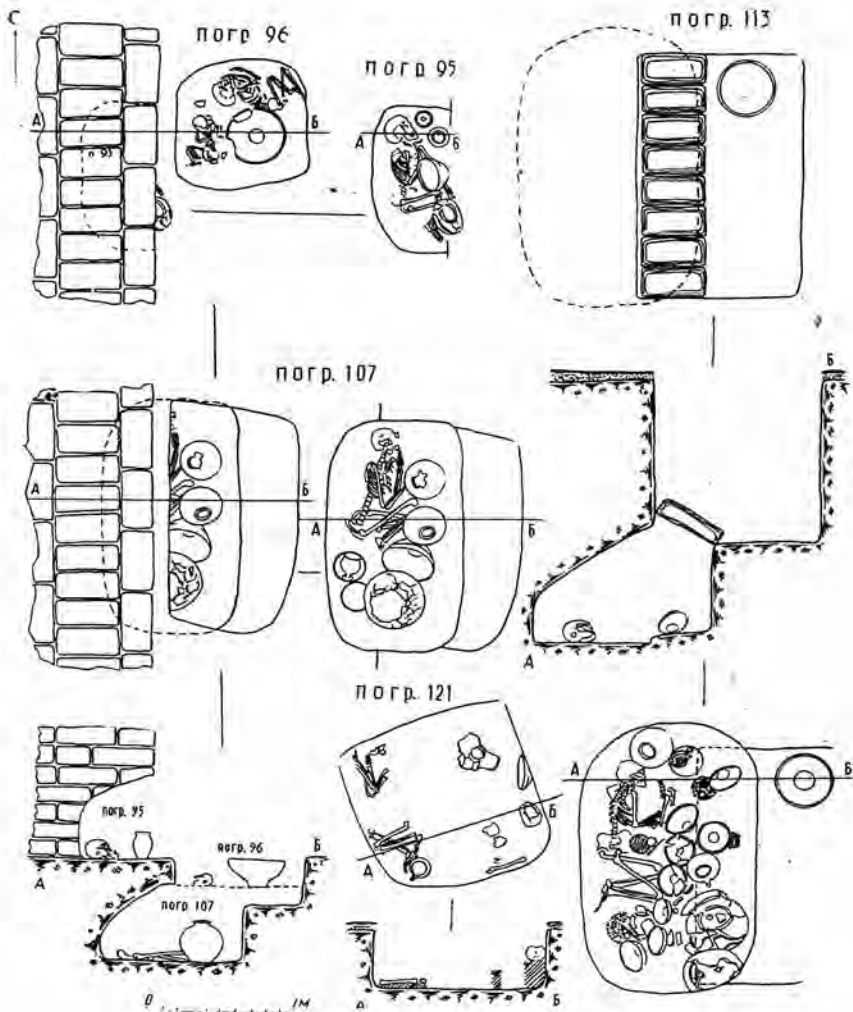

Табл. VII. Сапалдигена. Планы и разрезы погребений 95, 96, 107, 113, 121

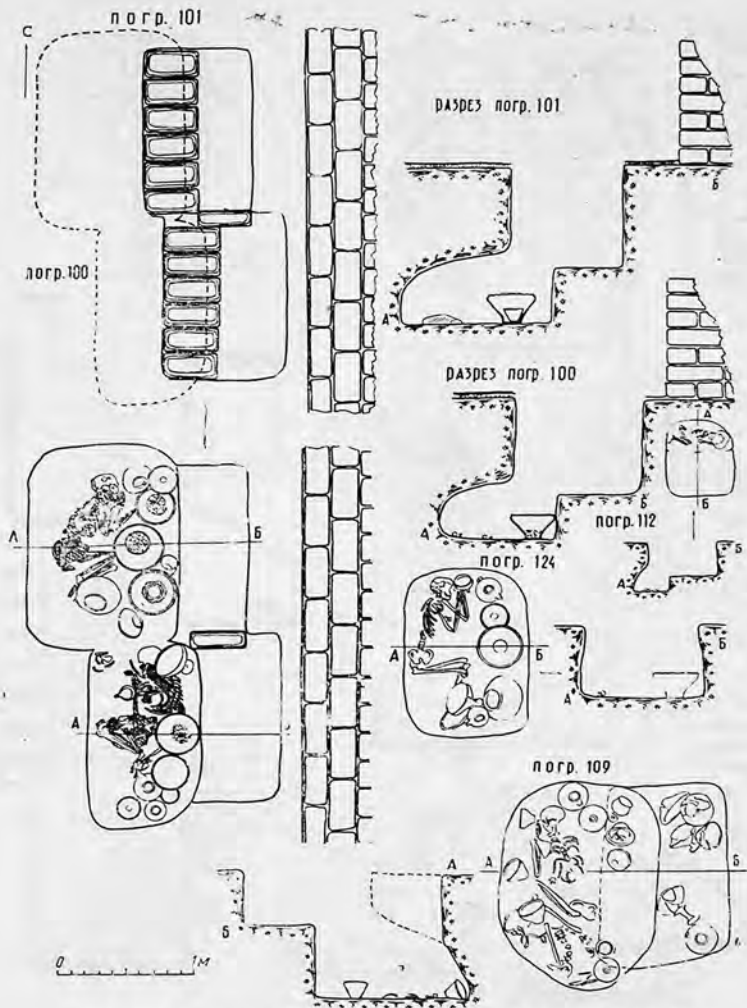

Табл. VIII. Сапаллитпа. Планы и разрезы погребений 100, 101, 109, 112, 124

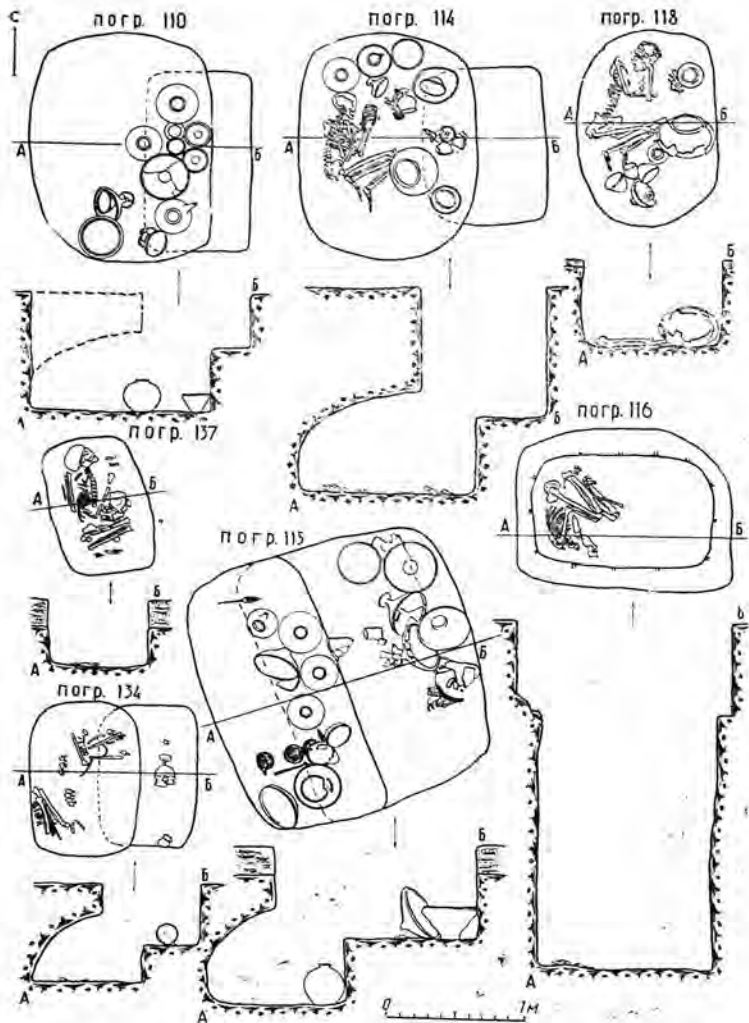
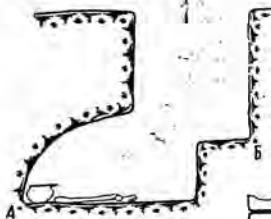
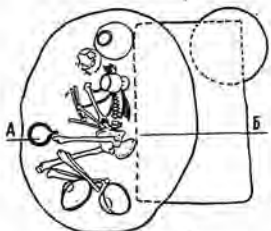
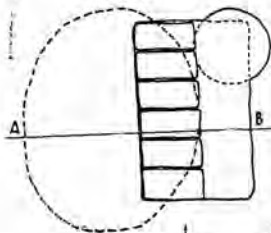
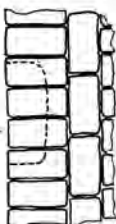

Табл. IX. Савелинцза. Планы и разрезы погребений 110, 114—116, 118, 134, 137

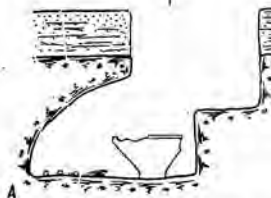
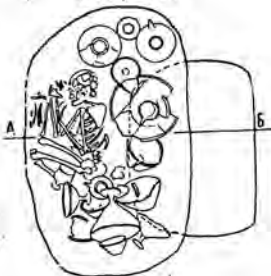
погр. 127

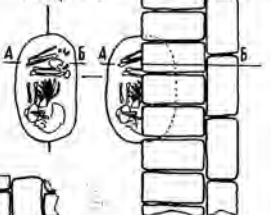
погр. III

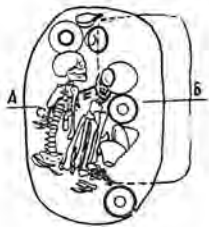
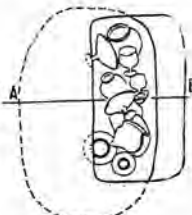
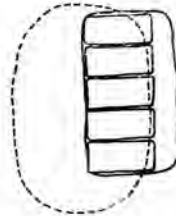
погр. 130

погр. 135

погр. 136

0 1м

Табл. X. Салаалгея. Планы и разрезы погребений 111, 127, 130, 135, 136

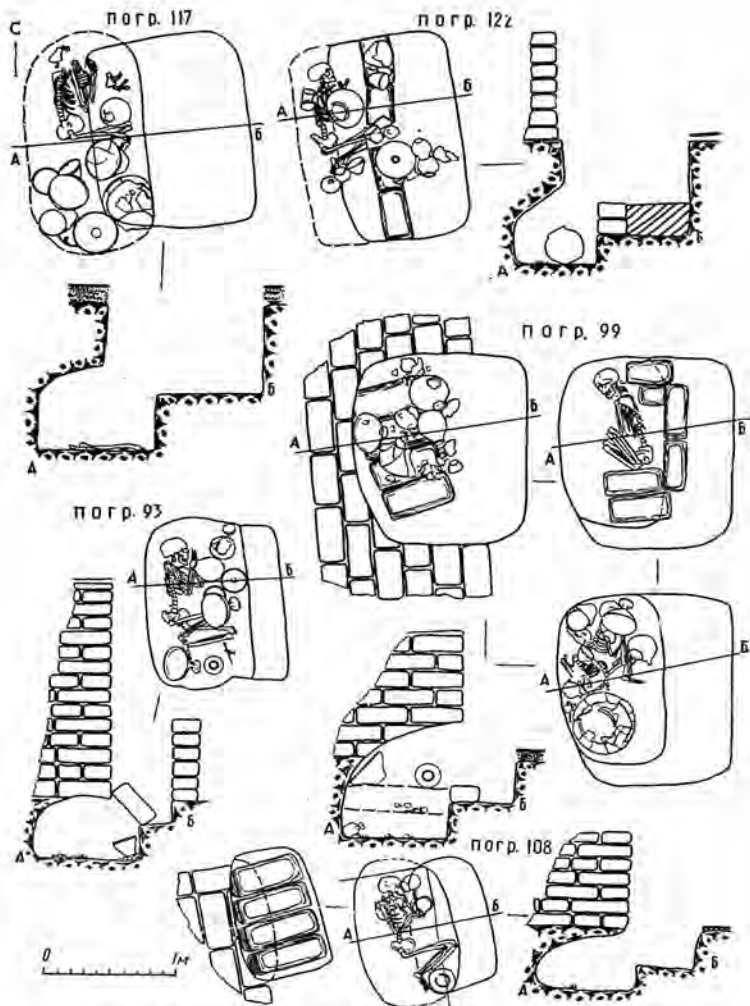

Табл. XI. Сапалитенс. Планы и разрезы погребений 93, 99, 108, 117, 122

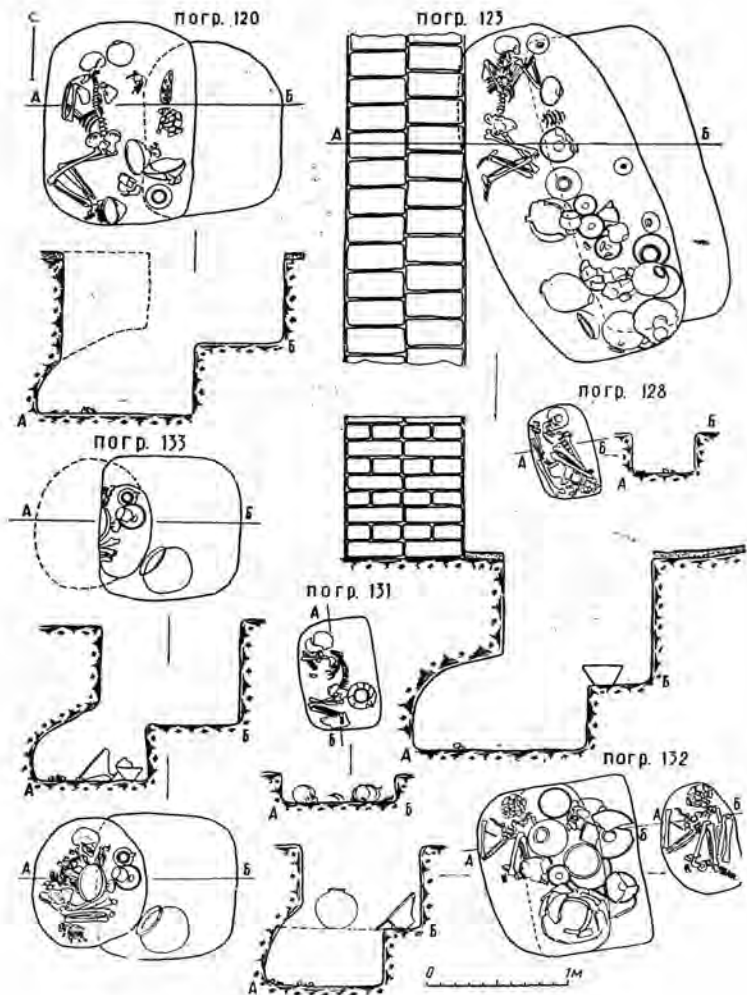

Табл. XII. Сапалдигела. Планы и разрезы погребений 120, 123, 128, 131—133

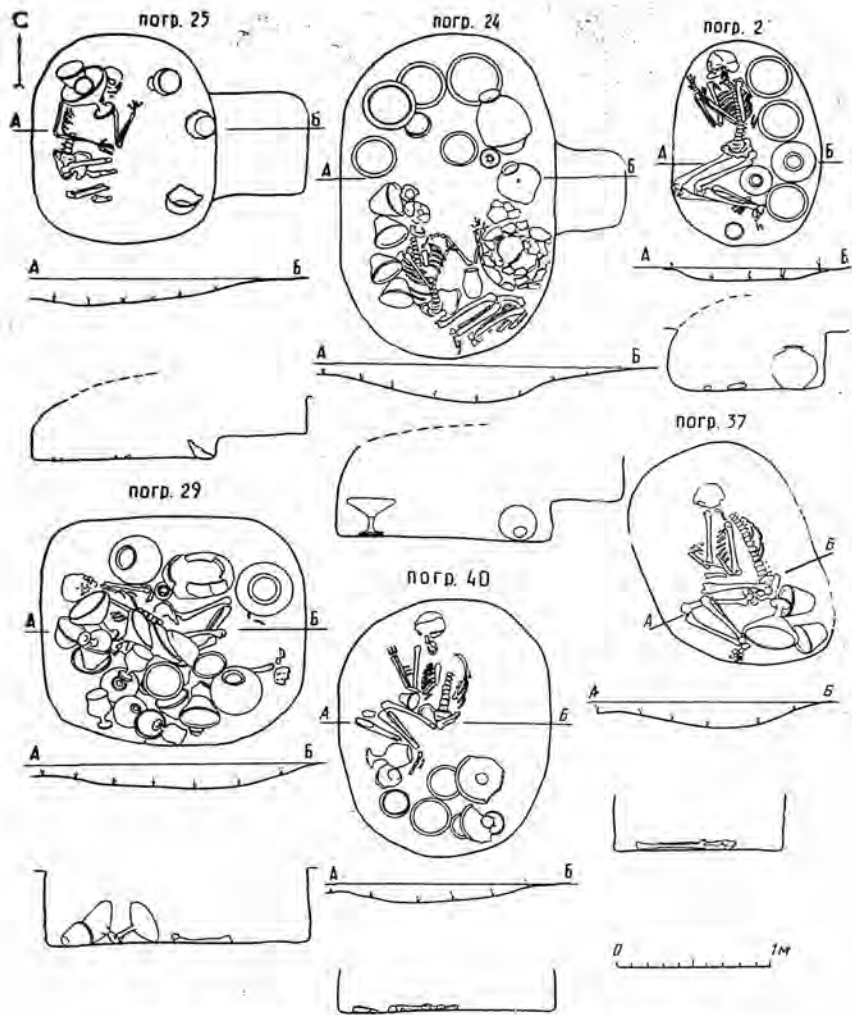

Табл. XIII. Джаркутан. Планы и разрезы погребений 2, 24, 25, 29, 37, 40

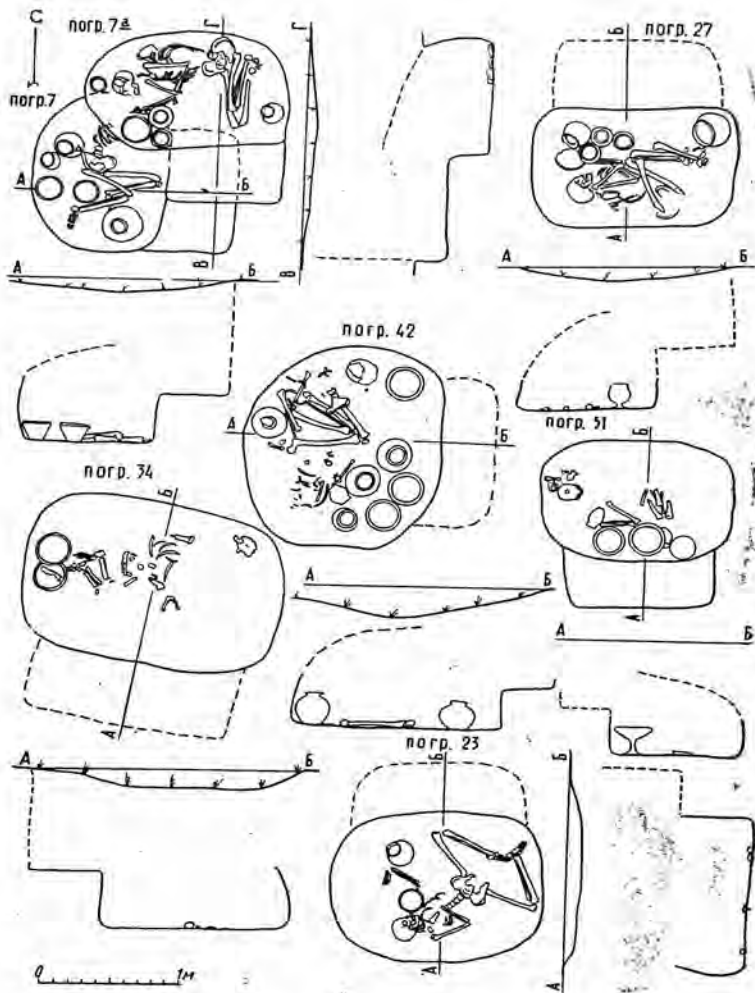

Табл. XIV. Джаркутан. Планы и разрезы погребений 7а, 7б, 23, 27, 34, 42, 51

Табл. XV. Сапаллигепа, керамика:

1—нопр. 93; 2—нопр. 52; 3, 7, 16—нопр. 82; 4—нопр. 4; 5—нопр. 55; 6—нопр. 13; 8—нопр. 110, 9—нопр. 2; 10—нопр. 98; 11—нопр. 117; 12—нопр. 123; 13—нопр. 87; 14—нопр. 113; 15—нопр. 118

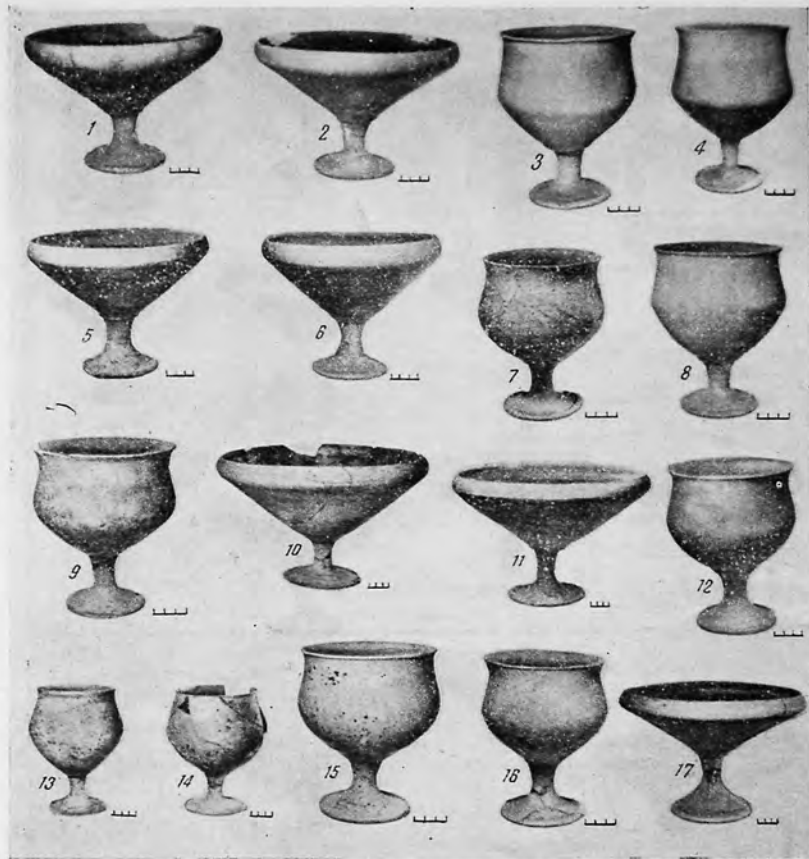

Табл. XVI. Сапалдигена, керамика:

1, 8—погр. 17; 2, 4—погр. 23; 3—погр. 100; 5—погр. 110; 6—погр. 21; 7—погр. 66; 9—погр. 24; 10—погр. 115; 11—погр. 101; 12—погр. 55; 13, 14—погр. 61; 15—погр. 102; 16—погр. 20; 17—погр. 35

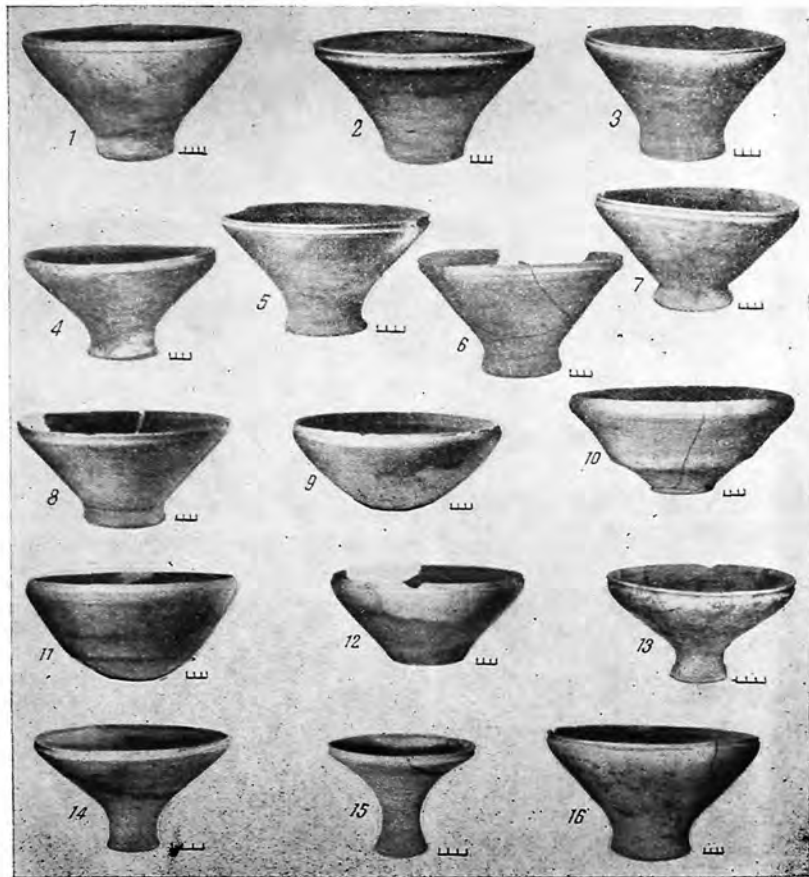

Табл. XVII. Сапалитена, керамика:

1—нопр. 101; 2—нопр. 106; 3—нопр. 94; 4—нопр. 7; 5—нопр. 66; 6—нопр. 132; 7—нопр. 100; 8—нопр. 50; 9—нопр. 81; 10—нопр. 115;
 11, 15—нопр. 23; 12—нопр. 52; 13—нопр. 99; 14—нопр. 27; 16—нопр. 117

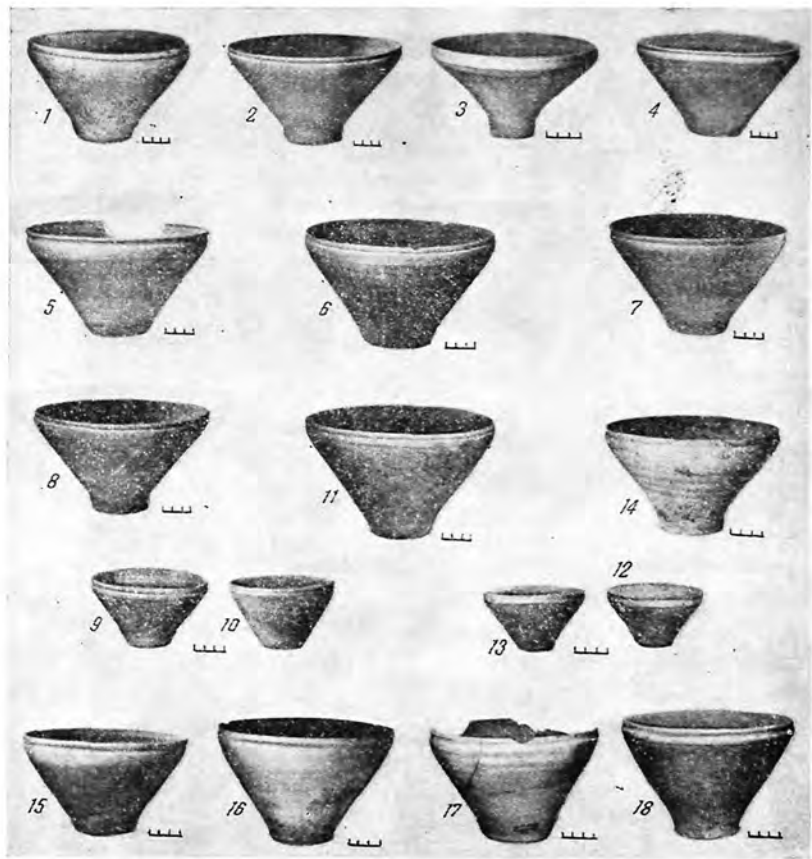

Табл. XVIII. Сапалитена, керамика:

1, 17—погр. 88; 2, 8—погр. 69; 3—погр. 109; 4—погр. 94; 5—погр. 107; 6—погр. 16; 7—погр. 65; 9—погр. 96; 10—погр. 95;
11—погр. 17; 12—погр. 19; 13—погр. 12; 14—погр. 57; 15—погр. 132; 16—погр. 21; 18—погр. 119

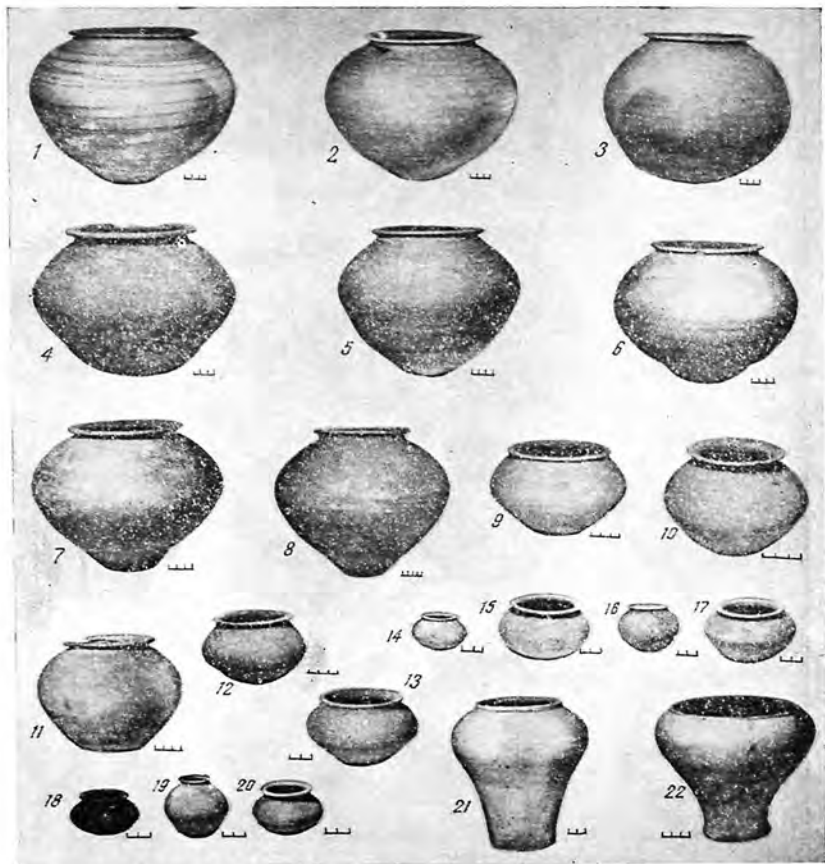

Табл. XIX. Сапалитена, керамика:

1—погр. 50; 2—погр. 55; 3—погр. 23; 4—погр. 108; 5—погр. 75; 6—погр. 105; 7—погр. 106; 8—погр. 81; 9—погр. 119; 10—погр. 99;
 11, 14—17—погр. 82; 12, 13—погр. 41; 18—20—погр. 113; 21, 22—помещение

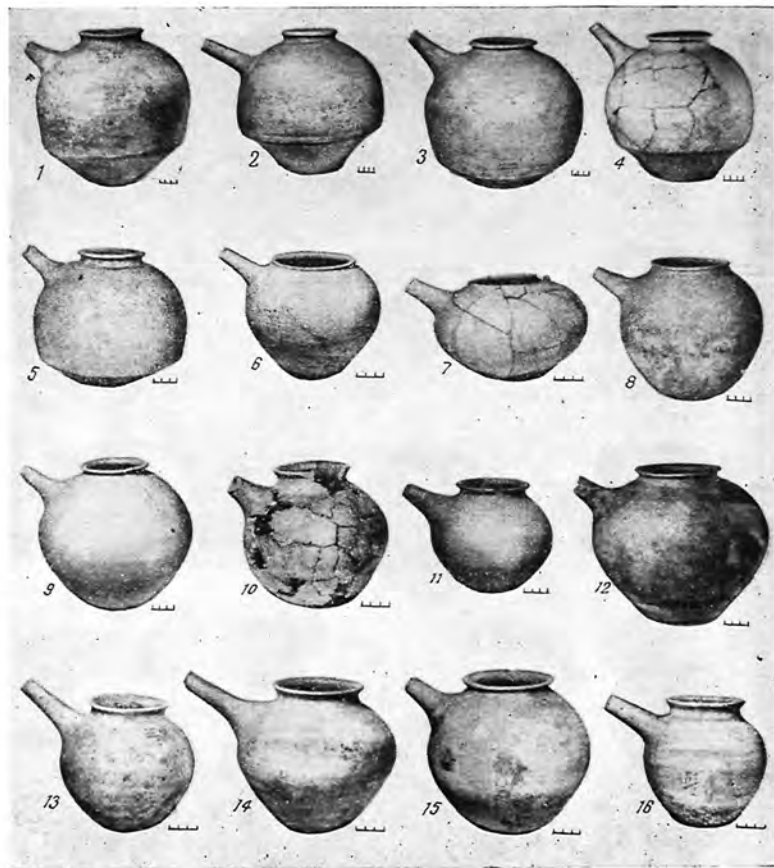

Табл. XX. Сапалитена, керамика:

12-ногр. 50; 2-ногр. 81; 3-ногр. 110; 4-ногр. 61; 5-ногр. 94; 6-ногр. 105; 7-ногр. 131; 8-ногр. 16; 9-ногр. 85.
10-ногр. 88; 11-ногр. 69; 13-ногр. 55; 14-ногр. 12; 15-ногр. 27; 16-ногр. 133

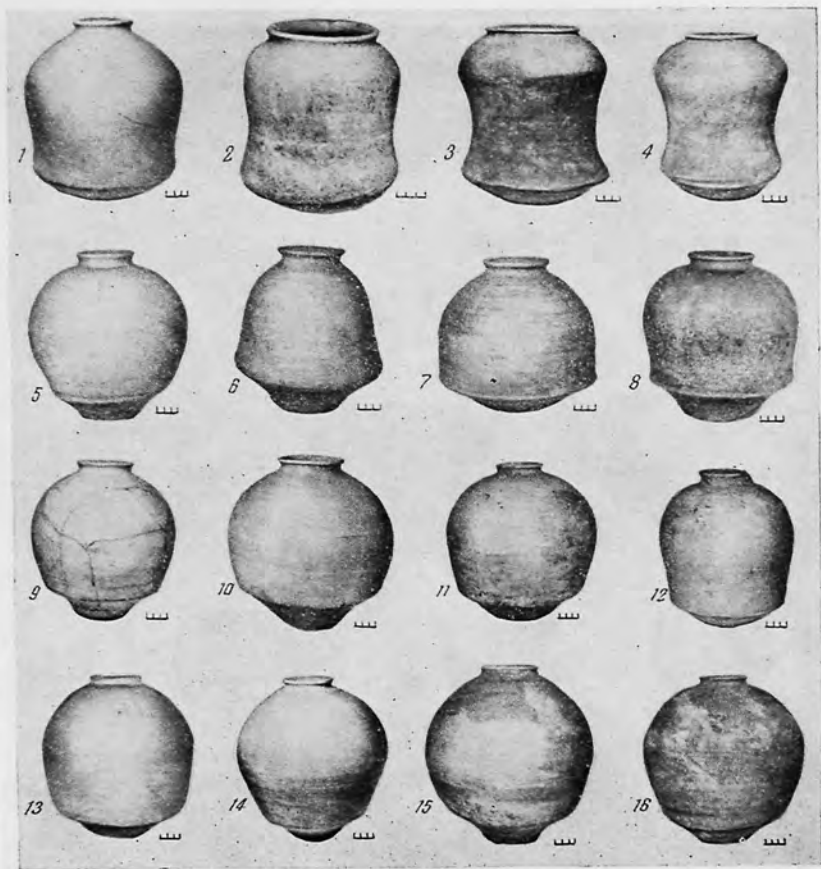

Табл. XXI. Сапалитена, керамика:

1—помешение; 2—погр. 120; 3—погр. 119; 4—погр. 118; 5—погр. 115; 6—погр. 136; 7—погр. 7; 8—погр. 27; 9—погр. 123;
10—погр. 90; 11—погр. 110; 12—погр. 107; 13—погр. 12; 14—погр. 4; 15—погр. 6; 16—погр. 2

Табл. XXII. Сапаллитепа, керамика:

1—погр. 100; 2—погр. 33; 3—погр. 108; 4—погр. 85; 5—погр. 49; 6—погр. 13; 7—погр. 121; 8—погр. 29; 9, 12—19—помещение;
10—погр. 106; 11—погр. 69

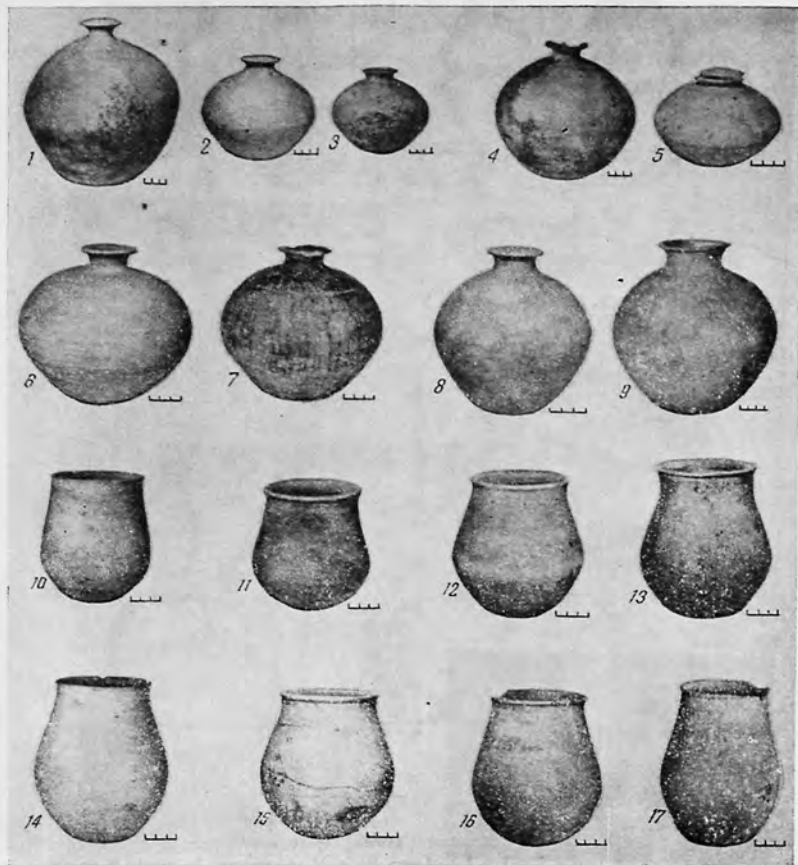

Табл. XXIII. Сапалитена, керамика:

1 - погр. 14; 2, 3 - погр. 123; 4 - погр. 85; 5 - погр. 81; 6 - погр. 109; 7 - погр. 89; 8 - погр. 44; 9 - погр. 87; 10 - погр. 14; 11, 14 - по-мещенге; 12 - погр. 95; 13 - погр. 6; 15 - погр. 98; 16 - погр. 108; 17 - погр. 33

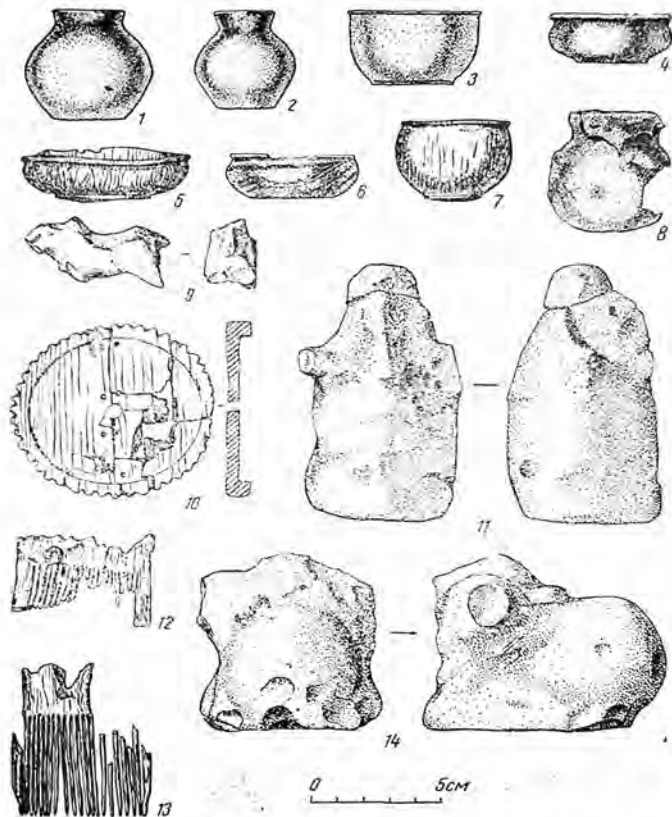

Табл. XXIV. Сапаллигепа, камень, дерево, кожа, глина:

1-3, 6-погр. 82; 4-погр. 57; 5, 8-погр. 1; 7, 13-погр. 101; 9, 11, 14-помещения; 10-погр. 23; 12-погр. 35

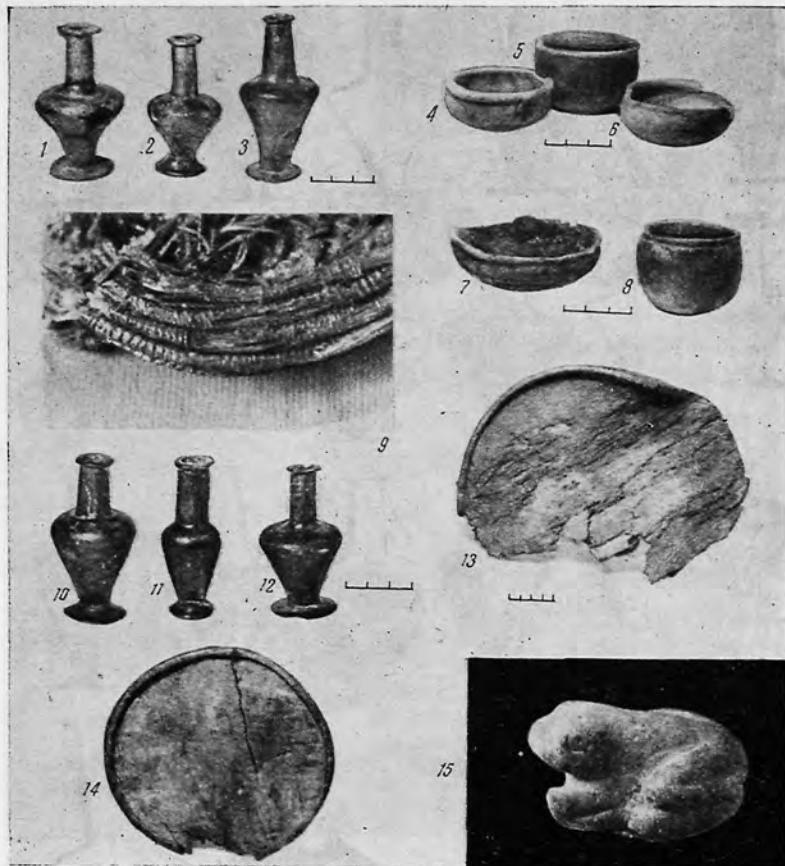

Табл. XXV. Сапалитера, камень, бронза, дерево, солома:

1-погр. 66; 2, 4-погр. 57; 3-погр. 93; 5, 6-погр. 82; 7, 9, 14-погр. 1; 8, 13-погр. 101;
10-погр. 81; 11-погр. 6; 12-погр. 41; 15-помещение

Табл. XXVI. Сапаллитепа, бронза:

1-ногр. 6; 2-ногр. 66; 3-ногр. 124; 4-ногр. 57; 5-ногр. 18; 6-ногр. 61; 7-ногр. 93; 8-ногр. 41; 9-ногр. 81;
10-ногр. 14; 11-ногр. 113

Табл. XXVII. Сапалитела, бронза:

1—погр. 54; 2—погр. 89; 3—погр. 76; 4, 6, 12—погр. 81; 5, 11, 13, 14—погр. 115; 7, 16, 17—погр. 82; 8—погр. 57; 9—погр. 6;
10—погр. 85; 15—погр. 113

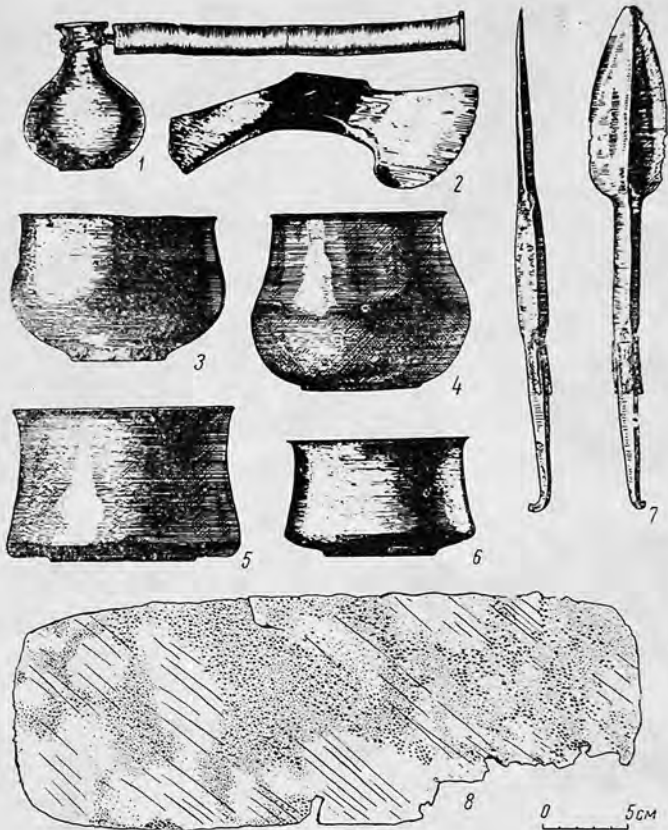

Табл. XXVIII. Сапалинтепа, бронза:

1, 7—погр. 115; 2—погр. 22; 3—погр. 54; 4—погр. 89; 5, 6—погр. 85; 6—погр. 6

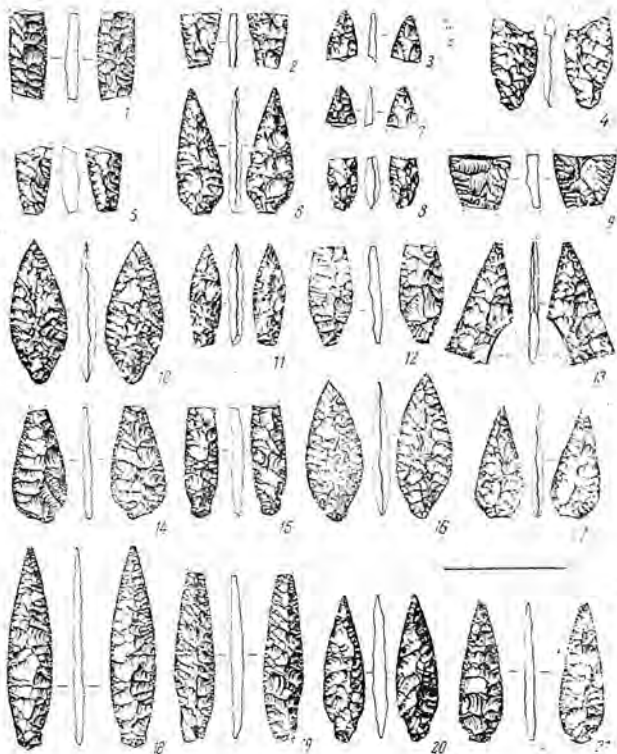

Табл. XXIX. Сапалдигела, кремень:
1-21—гомацение

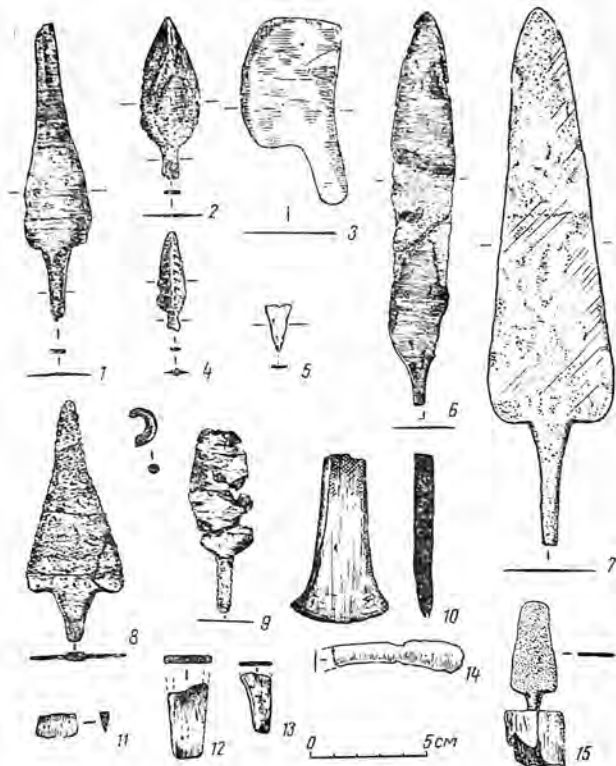

Табл. XXX. Сапалитена, бронза:

1—погр. 115; 2, 5, 6, 8, 10, 13, 15—помешене; 3, 4—погр. 82; 7—погр. 110; 9—погр. 6;
14—погр. 22

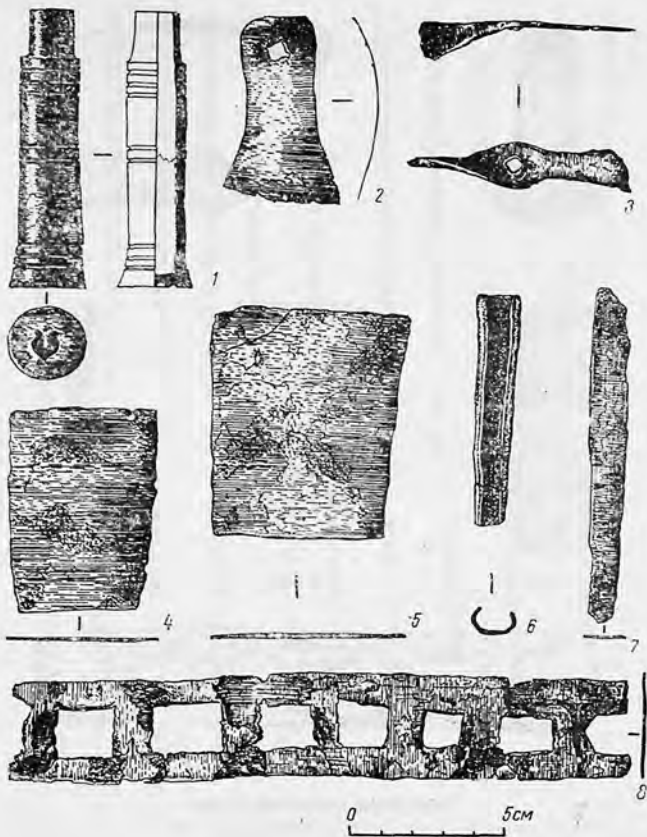

Табл. XXXI. Сапаллитела, бронза:

1—порр. 82; 2—8 порр. 85

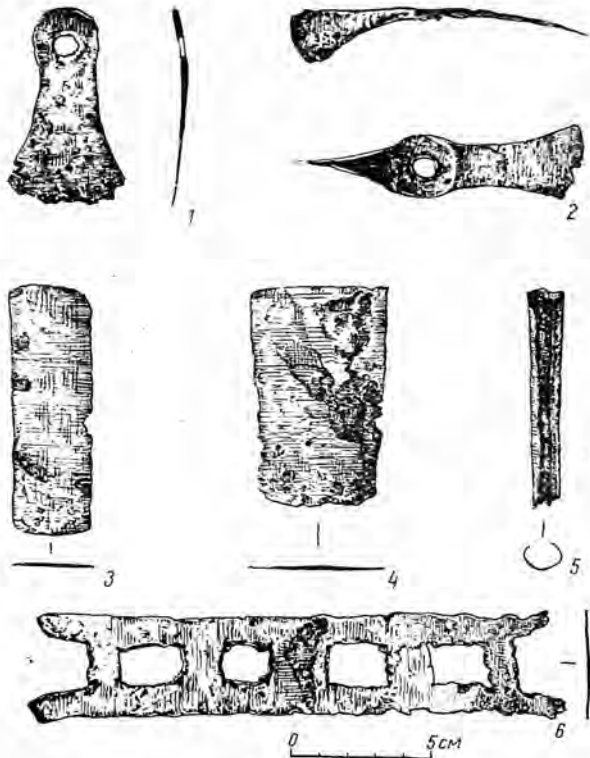

Табл. XXXII. Сапалинтепа, бронза:
1-6 - погр. 39

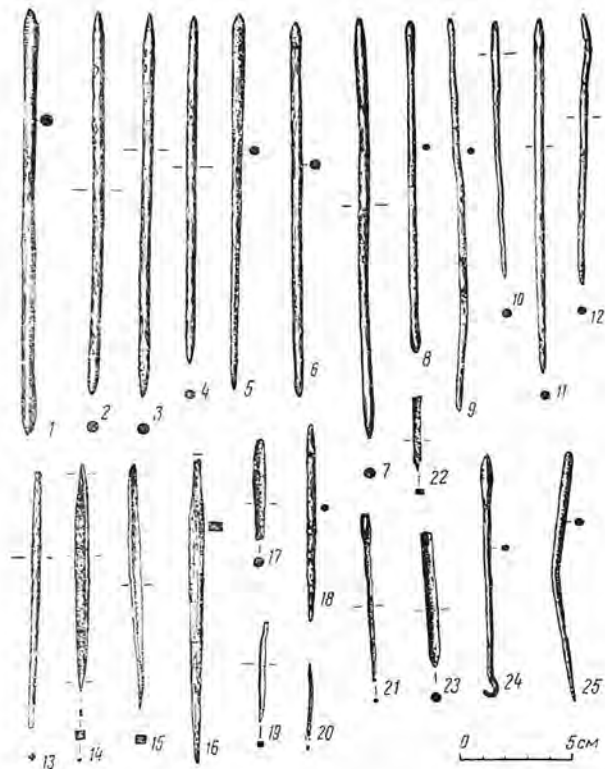

Табл. XXXIII. Сапалантса, бронза:

1—погр. 1 : 5—погр. 9; 3—4—погр. 11; 5—погр. 6; 6—погр. 41; 7—погр. 124; 8—погр. 1;
9, 10, 12, 14—35—помешанно; 13—погр. 101

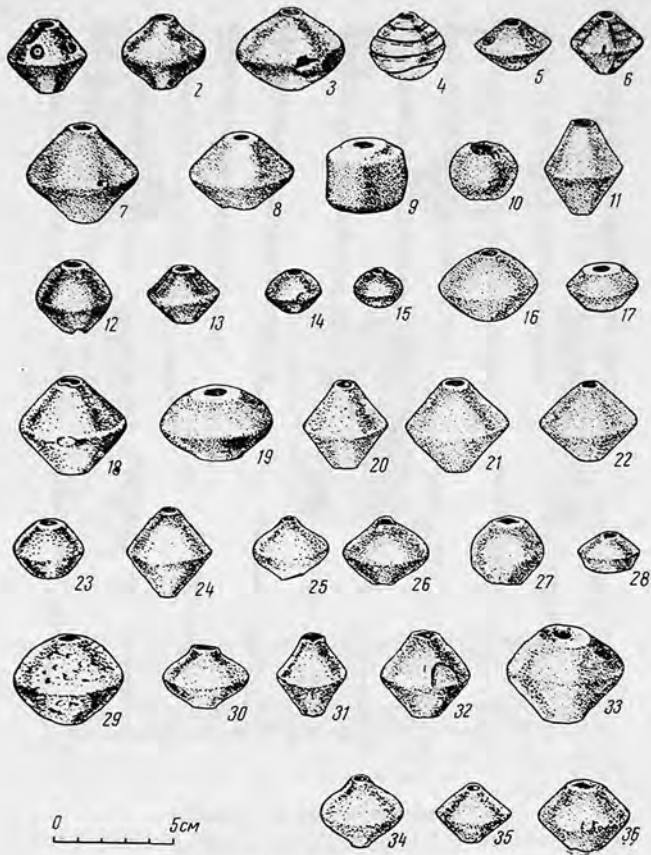

Табл. XXXIV. Сапаллитепа, камень, глина:
 1-18, 20-27, 29-36—помешенные; 19—погр. 93; 28—погр. 66

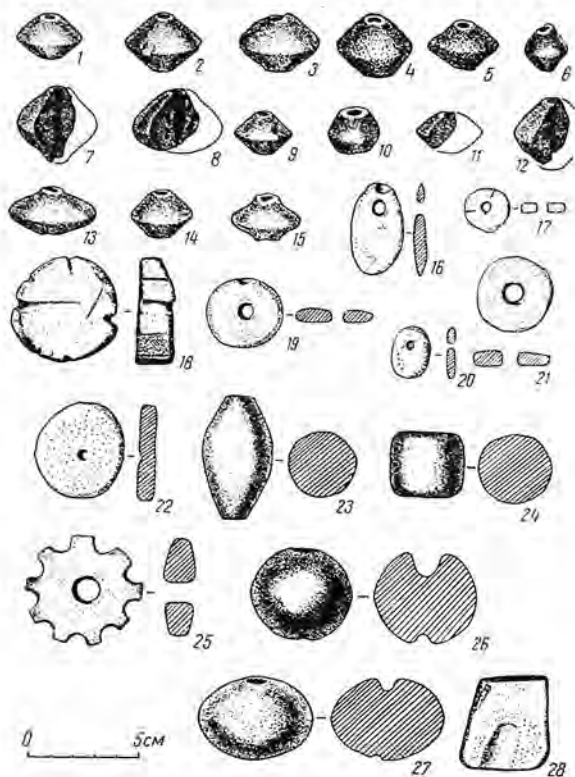

Табл. XXXV. Сапандитела, камень, глина:
1-28 - помещения

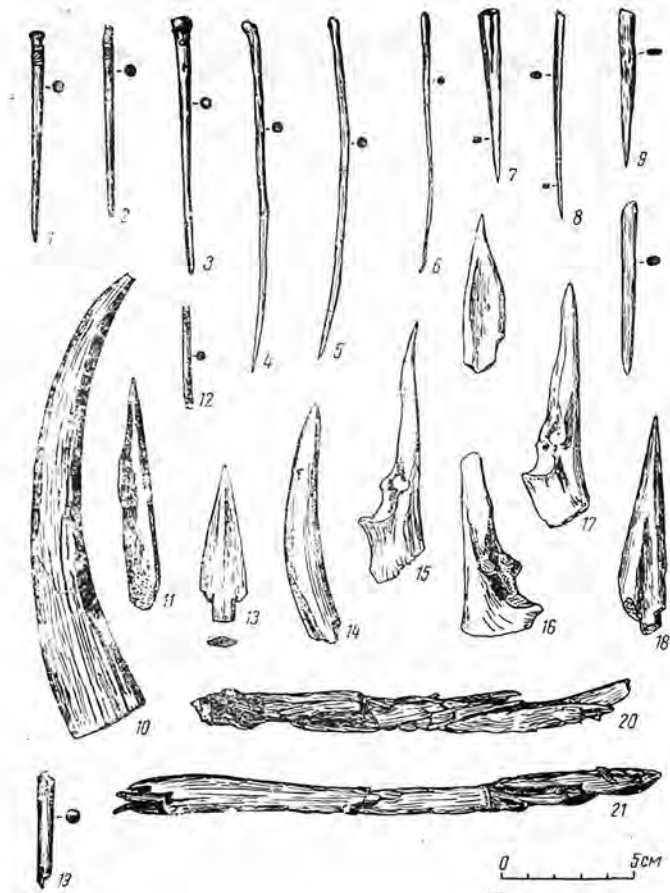

Табл. XXXVI. Сапаллитена, кость, дерево, рог и камыш:
 1, 2, 19—погр. 57; 3—погр. 94; 4—6—погр. 101; 7—18—помещение; 20—21—погр. 100

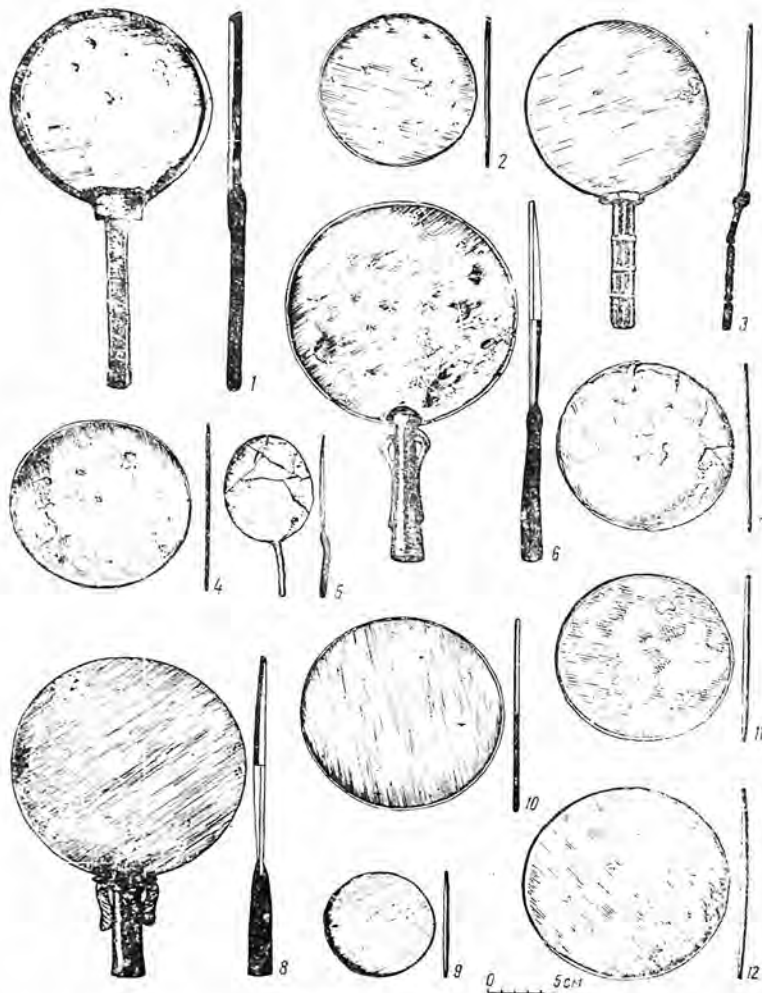

Табл. XXXVII. Самалдинга, бронза:

1—погр. 61; 2—погр. 94; 3—погр. 114; 4—погр. 113; 5, 12—погр. 82; 6—погр. 41; 7—погр. 117; 8—погр. 57; 9—погр. 61; 10—погр. 6; 11—погр. 18

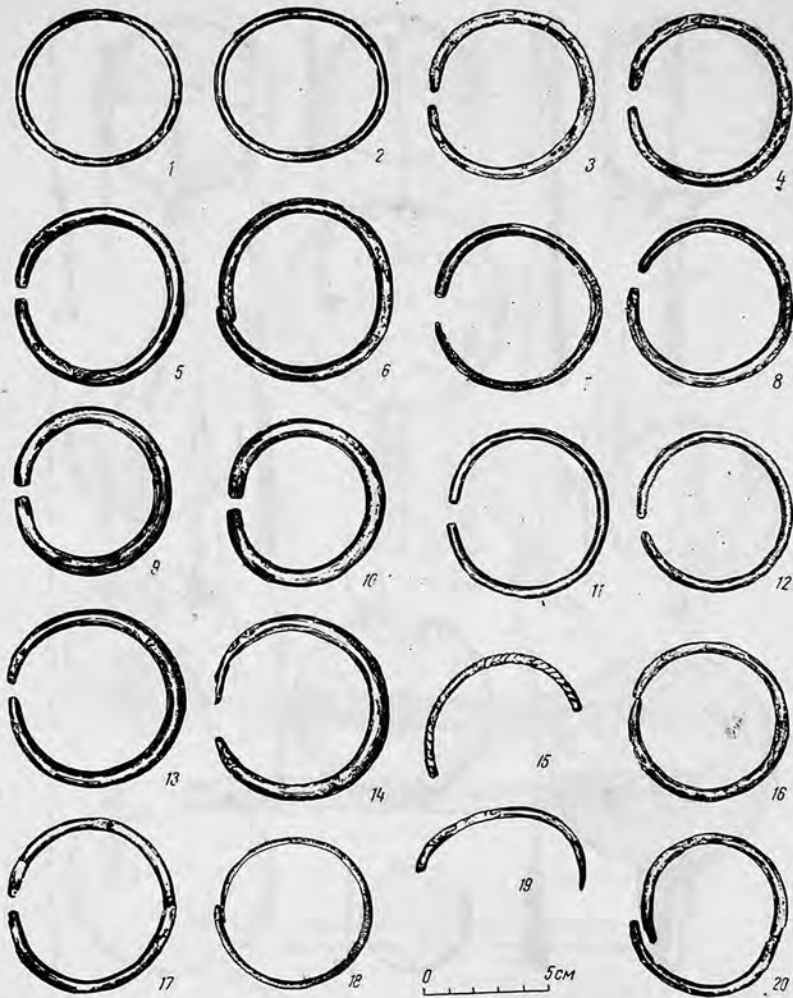

Табл. XXXVIII. Сапалитена, бронза и сребро:

1, 2, 15, 19, 20—помещение; 3, 4—ногр. 57; 5, 6—ногр. 82; 7, 8—ногр. 6; 9, 10—ногр. 41; 11, 12—ногр. 132; 13, 14—ногр. 113; 16—ногр. 51; 17, 18—ногр. 18

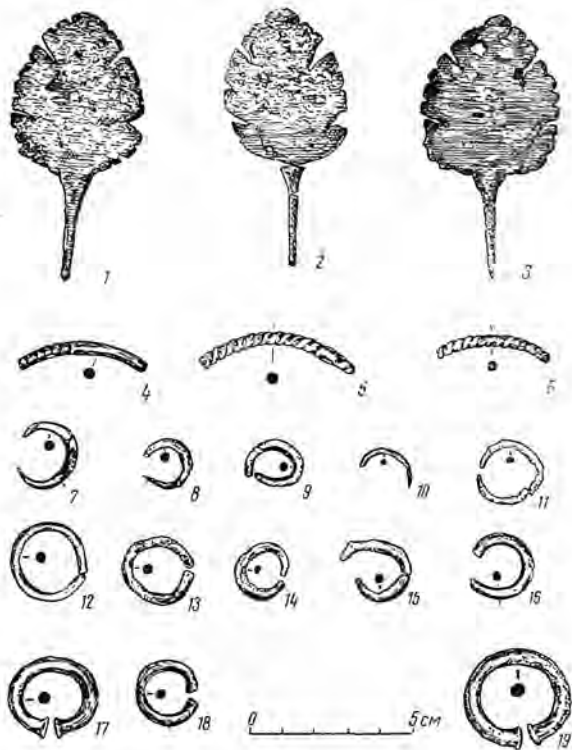

Табл. XXXIX. Сапалитeпа, бронза и серебро:

1-3, 17, 18-погр. 57; 4-6, 10, 11-помещение; 7-погр. 43; 8, 9-погр. 51; 12-погр. 94;
13-погр. 82; 14, 15-погр. 99; 16, 18-погр. 29

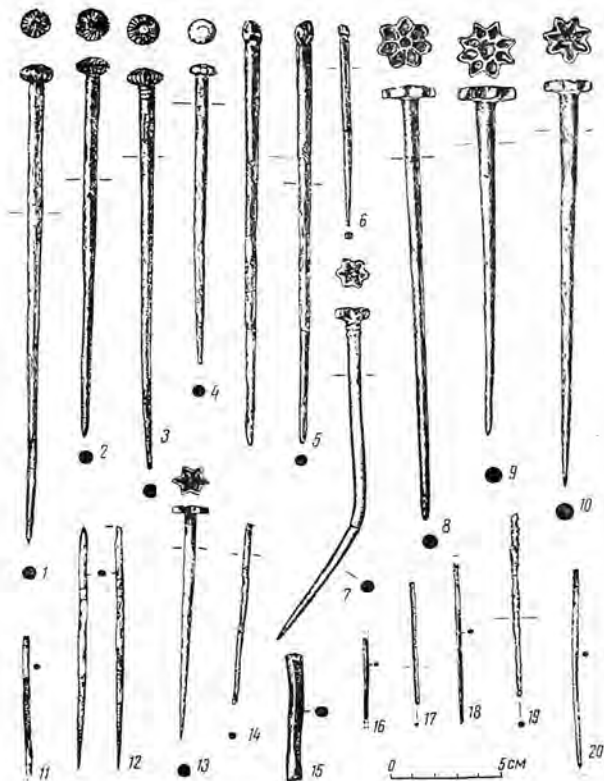

Табл. XL. Сапалигета, бронза:

1—погр. 50; 2, 3, 7, 8, 11, 13, 15—17, 20—помещение; 4—погр. 132; 5—погр. 6; 6—погр. 57;
 9—погр. 136; 10—погр. 52; 12, 14—погр. 41; 14, 19—погр. 113.

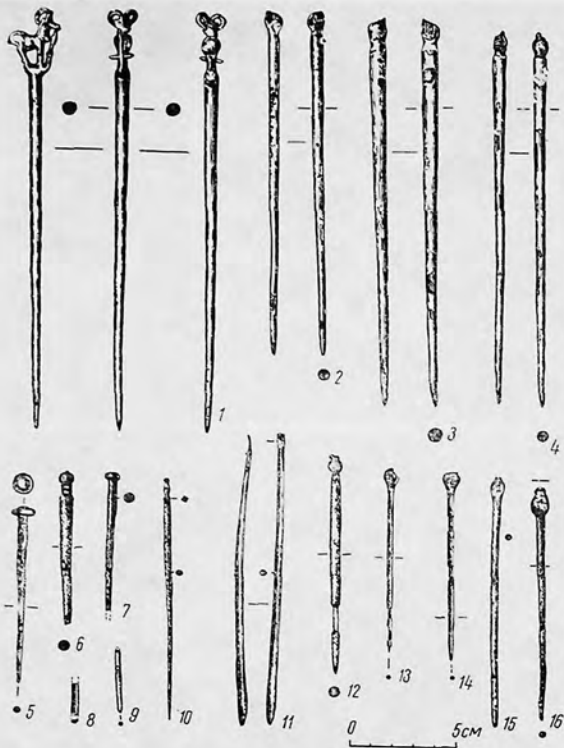

Табл. ХLI. Сапалитена, бронза:

1—погр. 81; 2—погр. 14; 3—погр. 113; 4—погр. 76; 5—погр. 82; 6—погр. 57; 7, 10, 16—
погр. 41; 8, 9, 11—14—помещение; 15—погр. 61

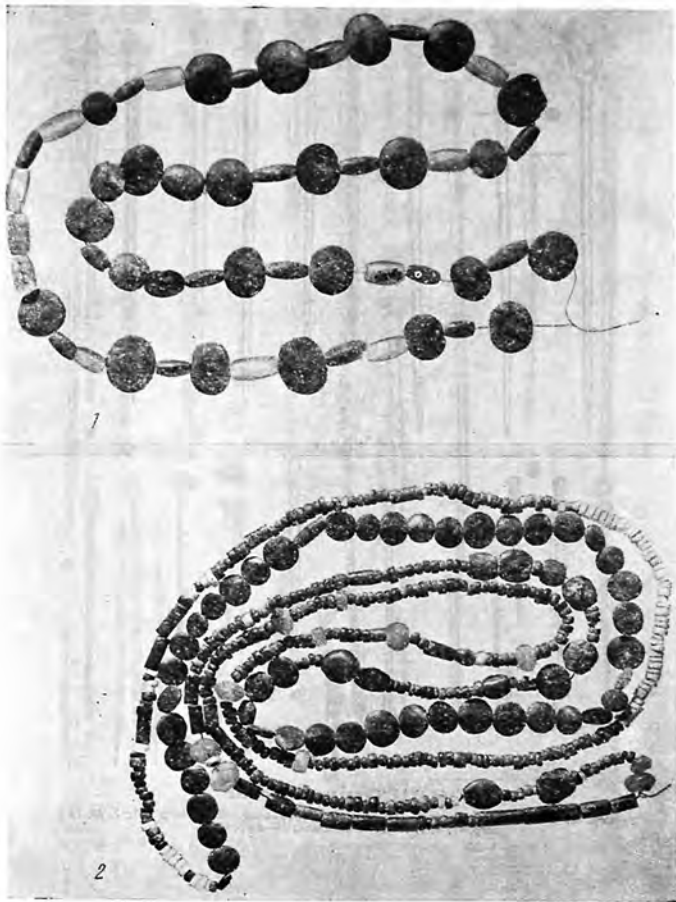

Табл. XLII. Сапалитгера, камень:

1 — погр. 118; 2 — погр. 81

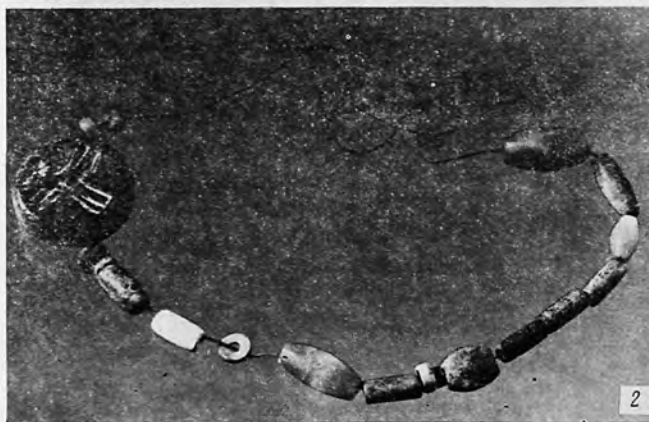
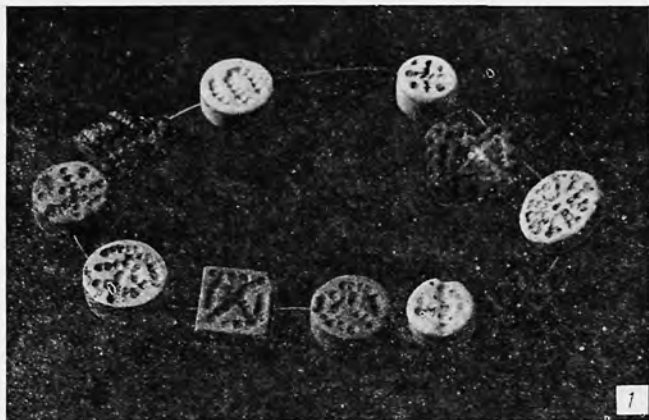

Табл. XI.III. Сапалитена, камень:
1 – погр. 82; 2 – погр. 93

Табл. XLIV. Сапалитена, камень и бронза:

1—порр. 41; 2, 3—порр. 82

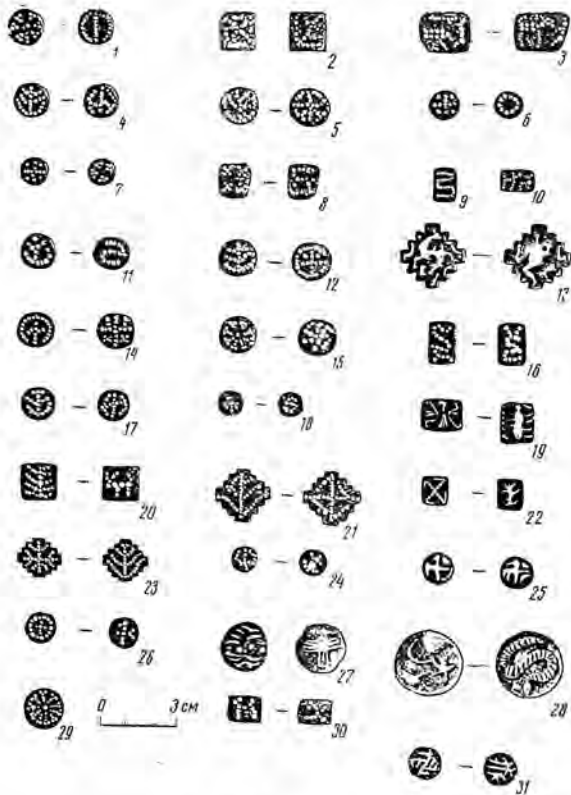

Табл. XLV. Сапаллнтепа, камені:

1-погр. 70; 2-3, 7, 11, 12, 14, 15, 21, 24, 26, 29, 30-погр.; 31-погр.; 5, 8, 15, 18, 22, 25, 27-погр.; 41, 6, 10, 16-погр.; 105; 13, 31-погр.; 94, 19, 20-погр.; 20 (Джарууан); 27-погр.; 91; 28-наместоіте.

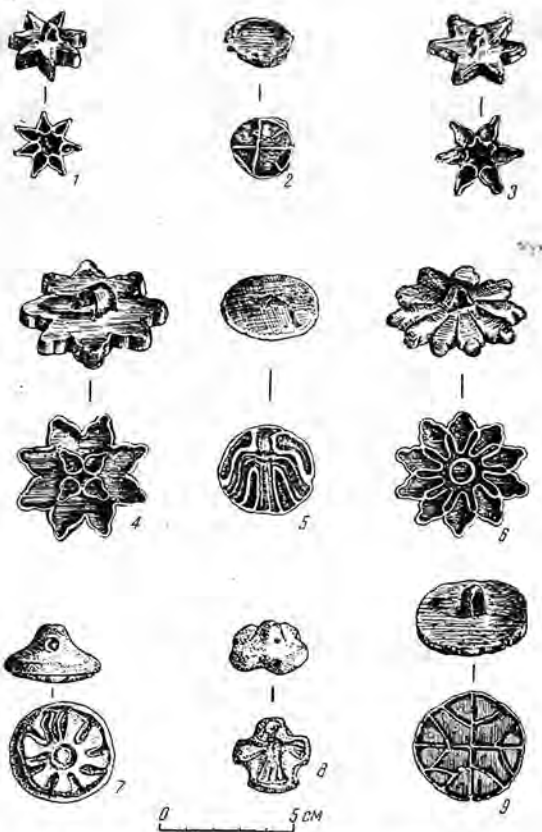

Табл. XLVI. Сапалитена, камън, бронза, терракота:
 1-3, 7-9-т.мешенине; 4-погр. 101; 5, 6-погр. 113

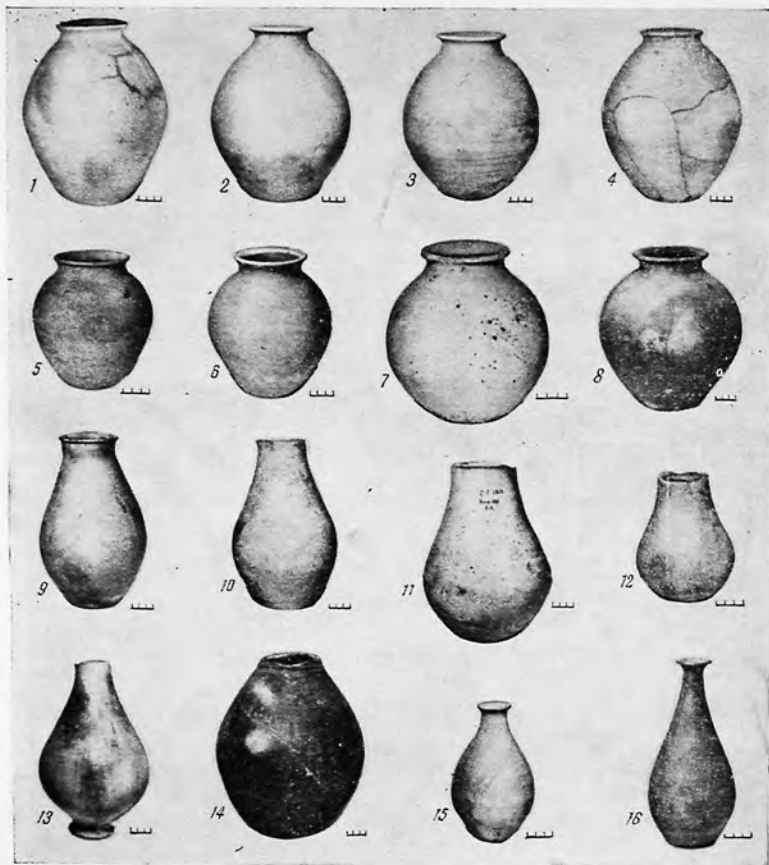

Табл. XLVII. Комплекс джаркутанского этапа из Самаллигеа, керамика:

1—погр. 61; 2—погр. 99; 3—погр. 101; 4—погр. 98; 5, 6—погр. 88; 7—погр. 102; 8, 9, 12—16—помещение; 10—погр. 93; 11—погр. 106

Табл. XLVIII. Комплекс жаркутанского этапа из Сапаллитепа, керамика:

1—погр. 69; 2—погр. 136; 3, 8, 16—погр. 90; 4, 6, 7, 13—погр. 122; 5, 15—помещение; 9, 14—погр. 92; 10—погр. 80; 11, 12—погр. 40

Табл. XLIX. Джаркутан, керамика:

1, 14, 18—погр. 29; 2, 16—погр. 48; 3, 7, 11—погр. 24; 4, 12—погр. 2; 5—погр. 65 (Сапалитена); 6—погр. 37; 8, 13—погр. 25; 9, 17—погр. 40; 10—погр. 94 (Сапалитена); 15—погр. 7

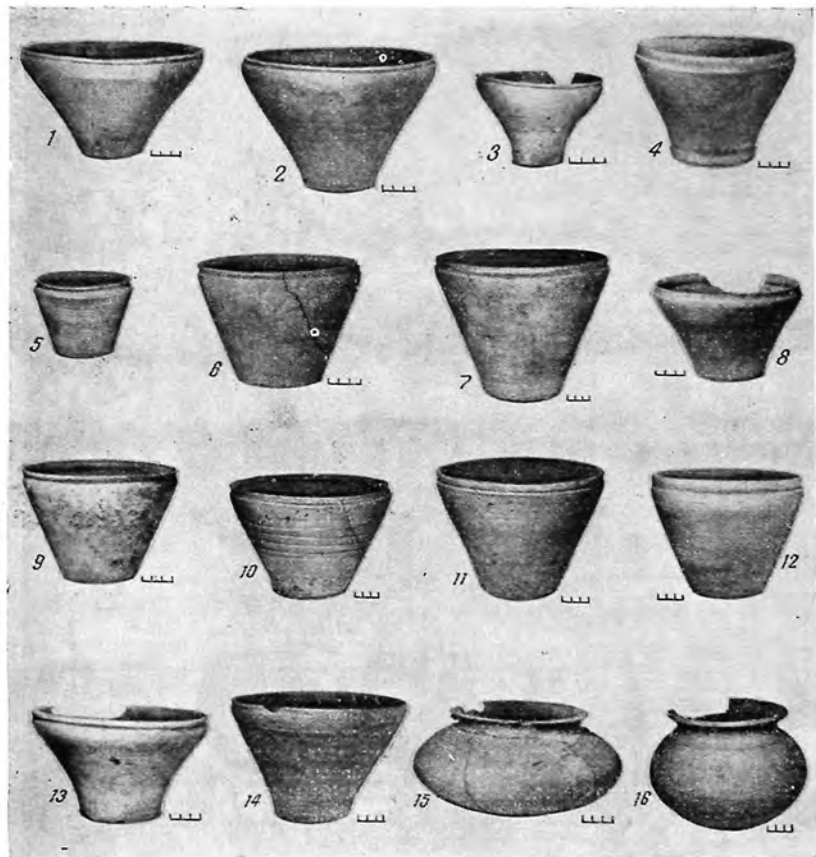

Табл. I. Джаркутан, керамика:

1-погр. 29; 2-погр. 37; 3, 14-погр. 40; 4, 12-погр. 7; 5, 7, 15-погр. 48; 6-погр. 53; 8-погр. 50; 9-погр. 38; 10, 11, 16-погр. 45; 13-погр. 19

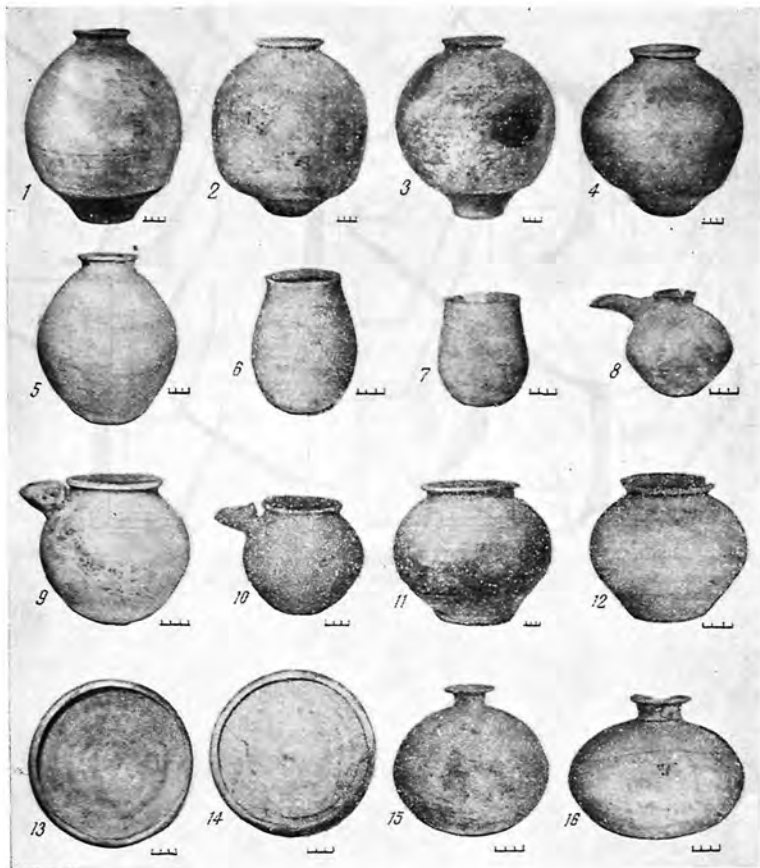

Табл. LI. Джаркуган, керамика:

1, 6—погр. 24; 2, 13—погр. 46; 3—погр. 38; 4, 8, 10—погр. 45; 5, 14—погр. 5; 7—погр. 48; 9—погр. 7; 11, 15, 16—погр. 29;
12—погр. 2

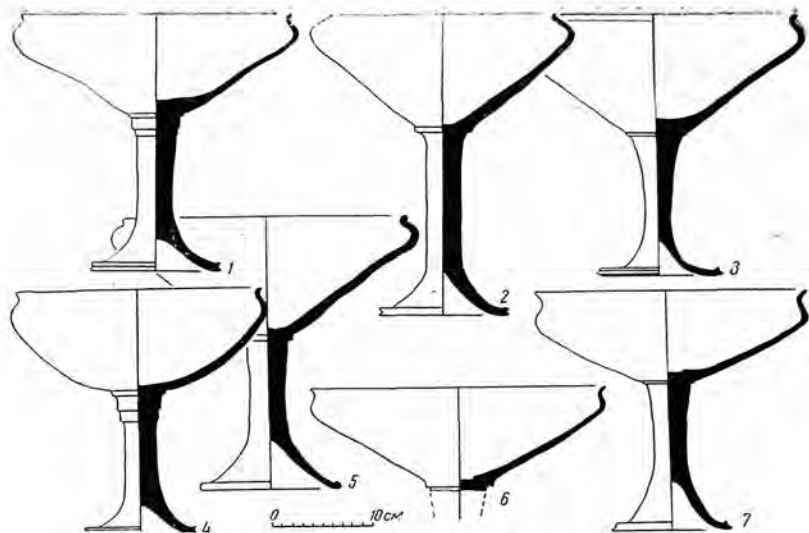

Табл. LII. Джаркутан, керамика:
 1, 3, 4 — погр. 29; 2 — погр. 2; 5 — погр. 24; 6, 7 — погр. 48

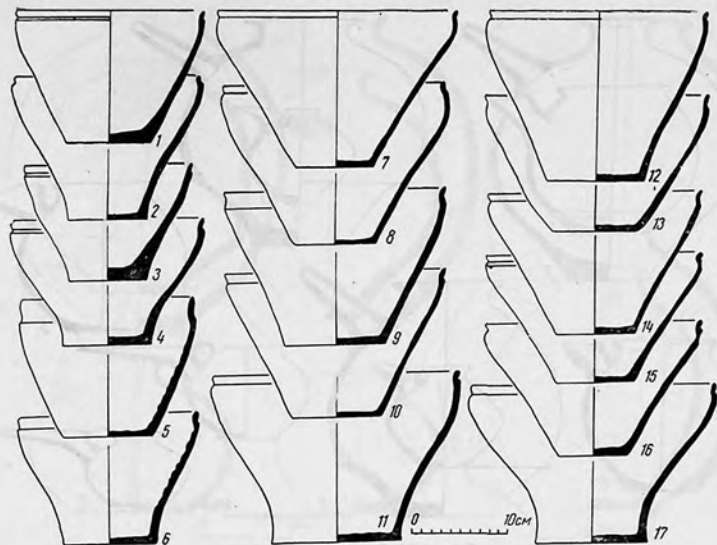

Табл. LIII. Джаркутан, керамика:

1-4-погр. 24; 5, 6-погр. 7; 7, 10, 13, 17-погр. 29; 8, 12-погр. 37; 9, 11-погр. 40

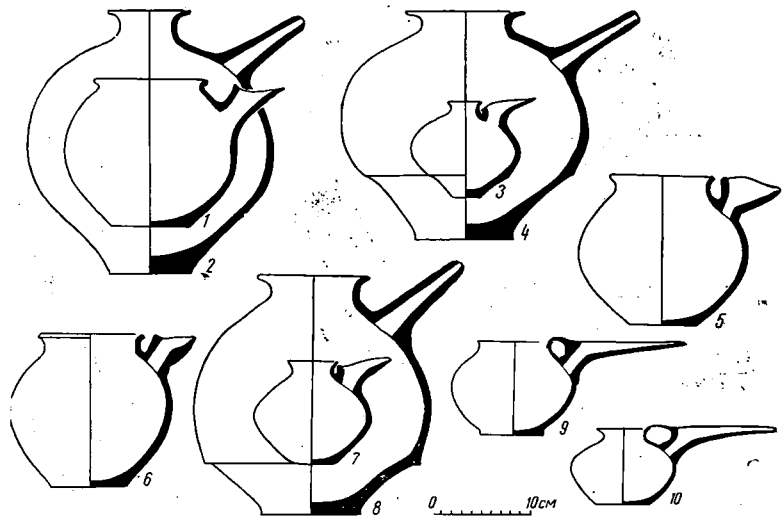

Табл. LIV. Джаркутан, керамика:

1, 9—погр. 115; 2—погр. 24; 3—погр. 526; 4—погр. 71; 5, 7—погр. 45; 6—погр. 76; 8—погр. 80; 10—погр. 78

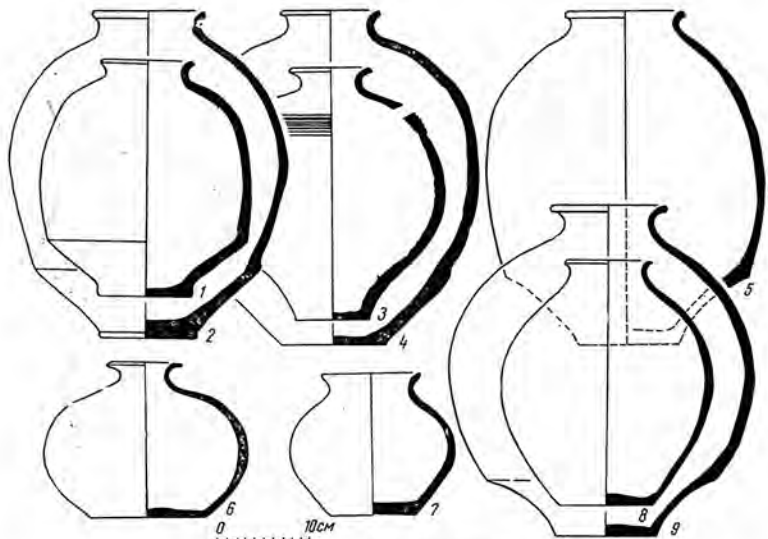

Табл. LV. Джаркутан, керамика:

1—погр. 7; 2, 7—погр. 2; 3, 4—погр. 24; 5, 6, 9—погр. 29; 8—погр. 5

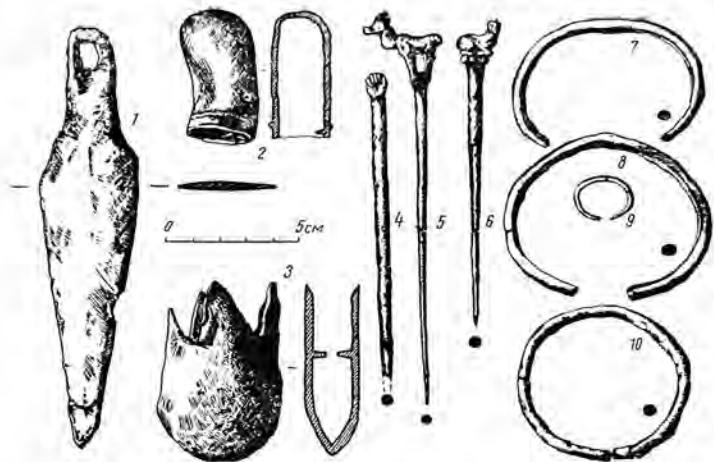

Табл. LVI. Джаркутан, бронза:

1-3-ногр. 93; 4, 10-ногр. 69; 5-ногр. 45; 6-ногр. 24; 7-ногр. 115; 8, 9-ногр. 114

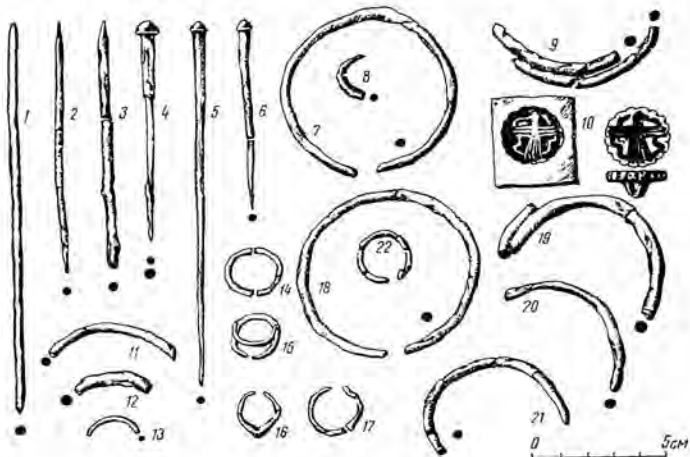

Табл. LVII. Джаркутан, бронза:

1, 9, 19, 20-ногр. 48; 2, 5, 7, 18, 22-ногр. 45; 3, 8-ногр. 114; 4-ногр. 26; 6-ногр. 24; 10-ногр. 192; 11-ногр. 141; 12-ногр. 110; 13-ногр. 199; 14, 15-ногр. 25; 16, 17-ногр. 40; 21-ногр. 21

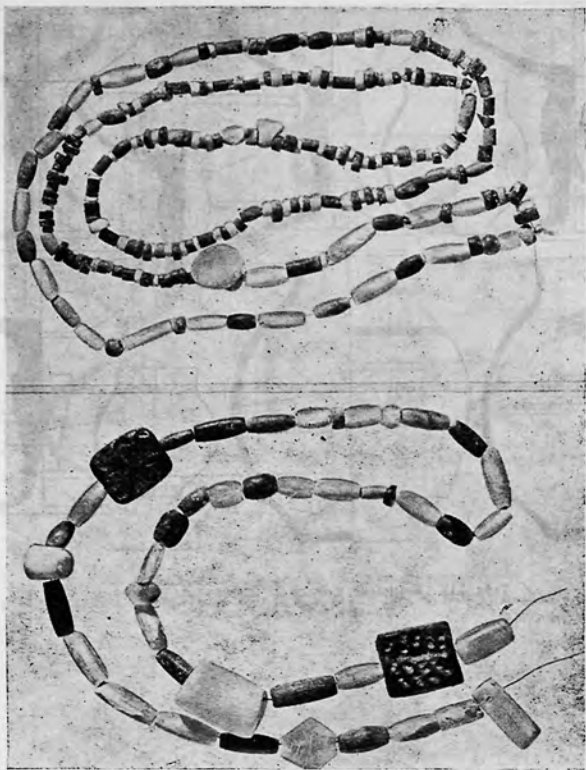

Табл. LVIII. Джаркутан, камень, погр. 29

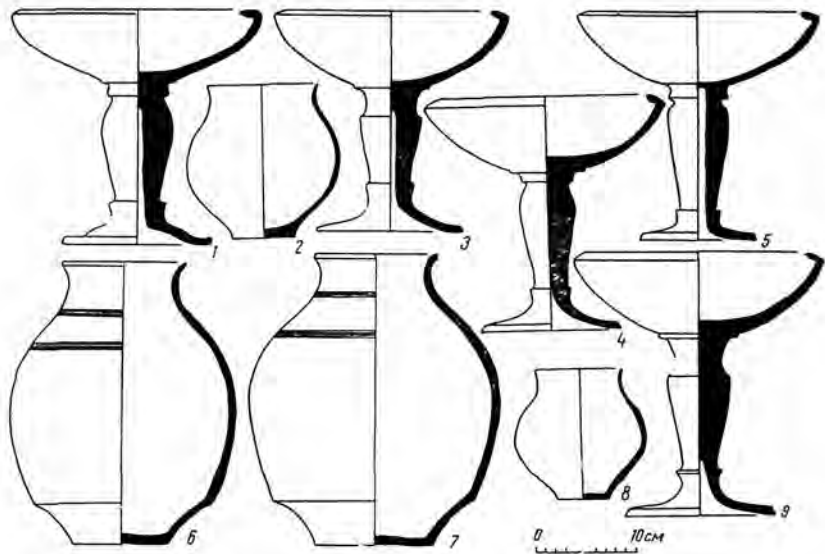

Табл. LIX. Комплекс Молали из Джаркутана, керамика:
 1, 3—погр. 51; 2, 4, 5—9—погр. 42

Табл. LX. Комплекс Молали из Джаркутана, керамика:

1—погр. 32; 2—погр. 82; 3, 7—погр. 122; 4—погр. 61; 5—погр. 68; 6—погр. 70; 8, 10—поселение; 9—погр. 64

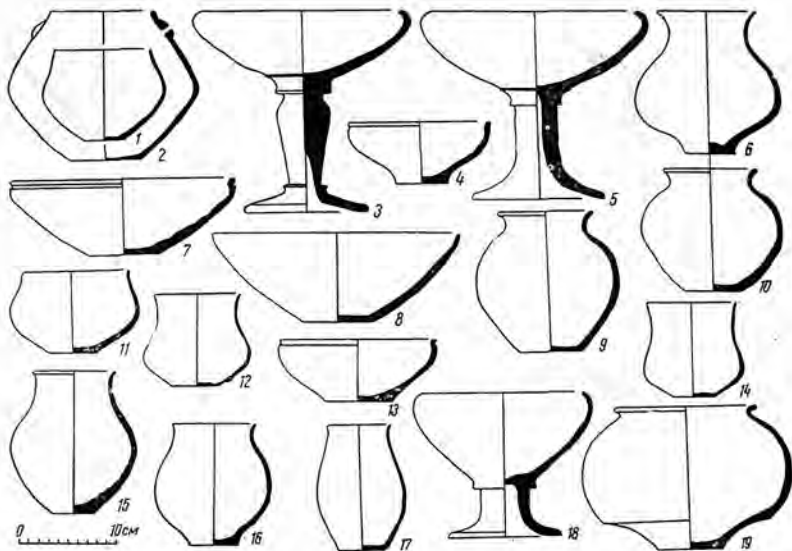

Табл. LXI. Комплекс Молали из Джаркутана, керамика:

1, 2, 7, 11, 15—погр. 7а; 3—погр. 94; 4—6—погр. 23; 5—погр. 31; 8—10, 12, 14, 19—погр. 27; 13, 16, 17—погр. 51; 18—погр. 55

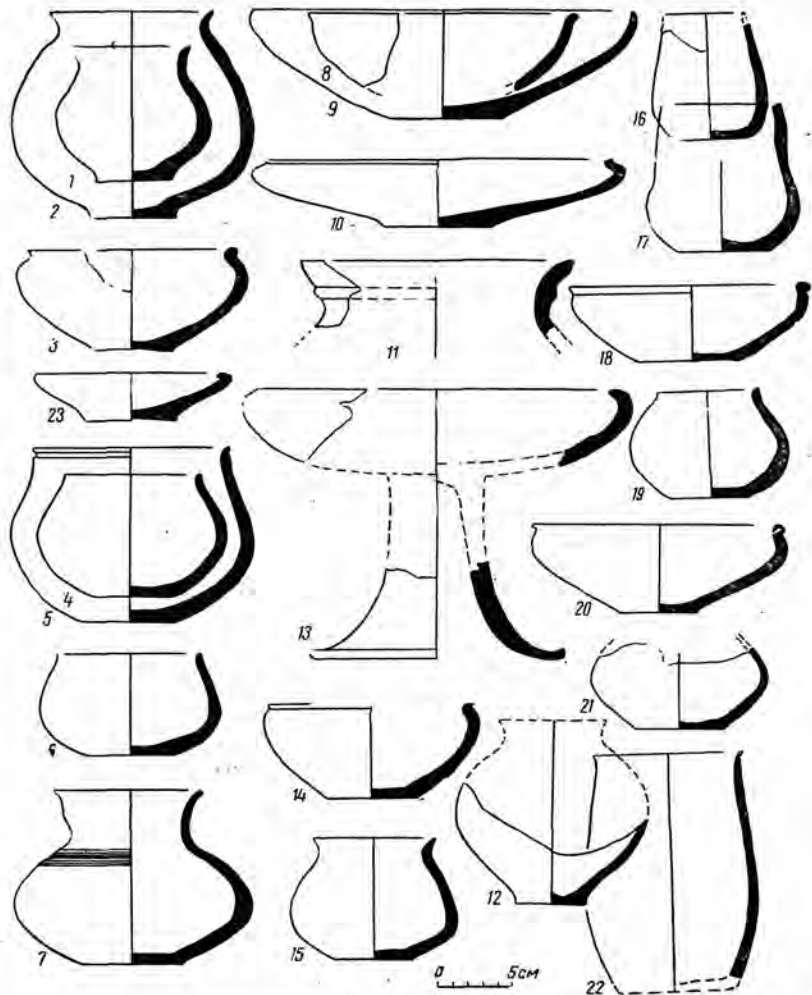

Табл. LXII. Комплекс Моллаи из Бустана, керамика:

1, 7, 14, 15, 19—погр. 22 (Бустан 3); 2—поселение (Бустан 4); 3, 8, 9, 23—из разрушенных могил (Бустан 1); 4, 6—погр. 14 (Бустан 3); 5—погр. 4 (Бустан 3); 10—из разрушенной могилы (Бустан 3); 11—погр. 21 (Бустан 3); 13—погр. 30 (Бустан 3); 17—погр. 1 (Бустан 3); 18, 20—погр. 9 (Бустан 3); 12, 21, 22—из разрушенных могил (Бустан 3)

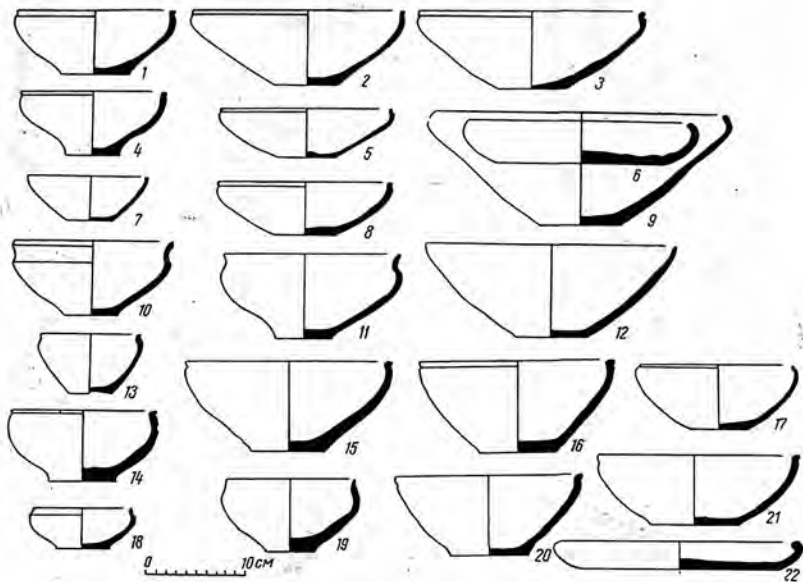

Табл. LXIII. Комплекс Молали из Джаркутана, керамика:

1-ногр. 51; 2, 5-ногр. 36; 3-ногр. 57а; 4-ногр. 23; 6-ногр. 46; 7-ногр. 28; 8-ногр. 23; 9-ногр. 31; 10-ногр. 55; 11-ногр. 43; 12-ногр. 27; 13-поселение; 14-ногр. 49; 15-ногр. 41; 16, 20, 21-ногр. 62; 17-ногр. 58; 18-ногр. 22; 19-ногр. 13; 22-ногр. 5

Табл. LXIV. Комплекс Молали из Джаркутана, керамика:

1, 4—погр. 42; 2—погр. 51; 3, 9—погр. 41; 4, 12—погр. 3; 5—погр. 49; 6—погр. 8; 7—погр. 16; 10, 11—погр. 34; 13—погр. 43;
14—погр. 55; 15—погр. 32; 16—погр. 75 (бронза)

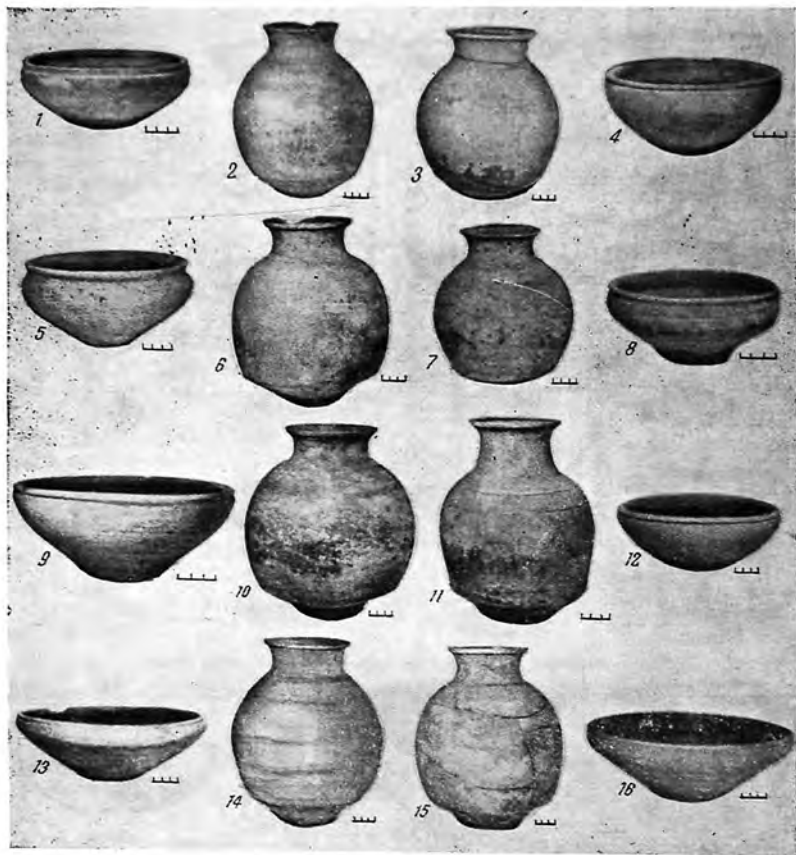

Табл. LXV. Комплекс Молали из Джаркутана, керамика:

1—погр. 51; 2—погр. 42; 3—погр. 3; 4, 6, 10—погр. 49; 5—погр. 43; 7—погр. 40; 8—погр. 23; 9, 14—погр. 41; 11—погр. 8; 12—погр. 32; 13—погр. 36; 15—погр. 50; 16—погр. 7а

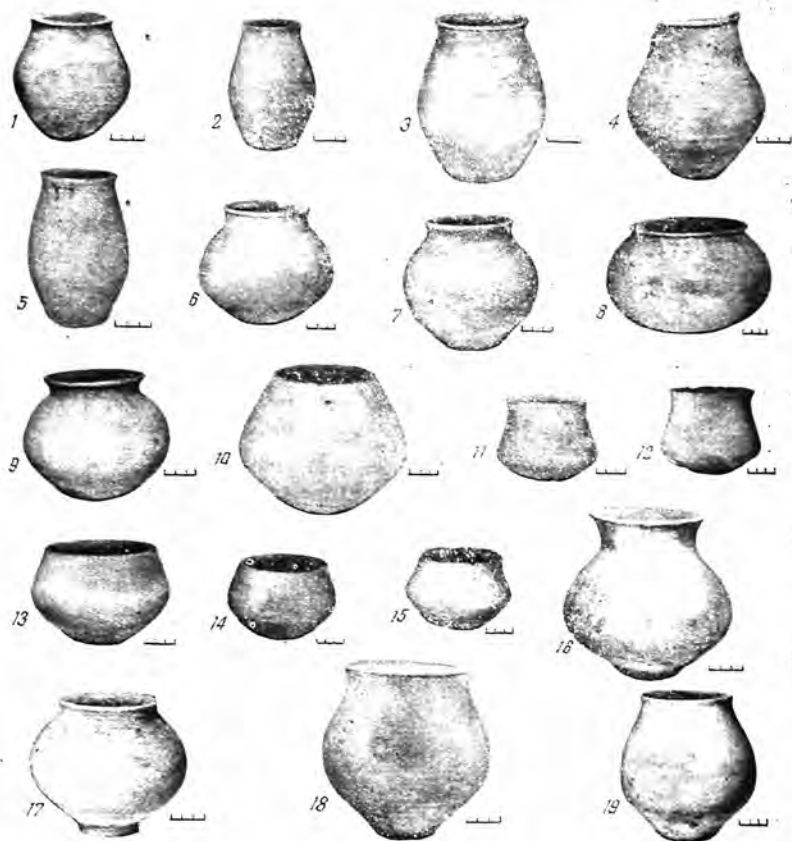

Табл. LXVI. Комплекс Моалал из Джаркутана, керамика:

1, 2 - погр. 49; 3, 14, 15 - погр. 36; 4, 10, 13 - погр. 7а; 5 - погр. 51; 6 - погр. 32; 7, 18 - погр. 8; 8, 9, 11, 12 - погр. 27; 16 - погр. 23; 17 - погр. 53, 19 - погр. 41

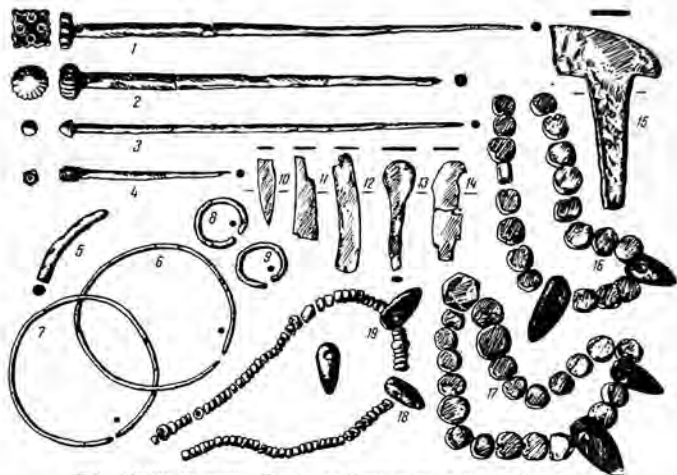

Табл. LXVII. Комплекс Молали из Джаркутана, камень и бронза:

1-4, 6-49; 5 -норр. 89; 7, 11-норр. 122; 8-норр. 64; 9-норр. 66; 10-норр. 138; 12-норр. 51; 13-норр. 55;
14-норр. 62; 15-норр. 36; 16-18-норр. 23; 19-норр. 34

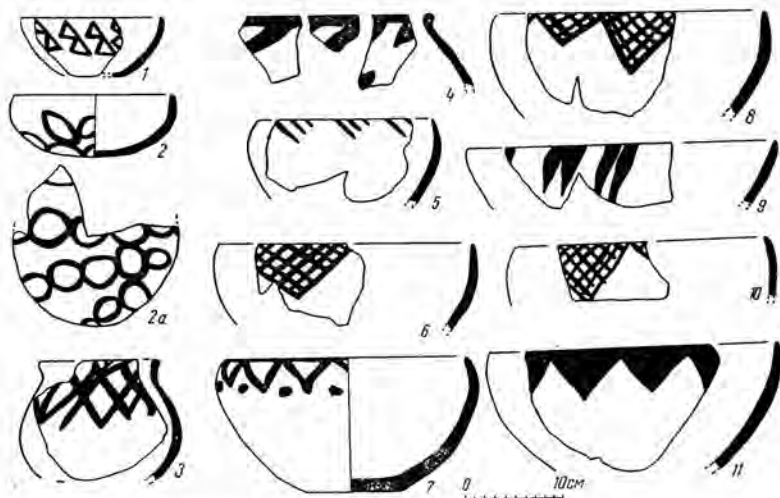

Табл. LXVIII. Расписная керамика из верхнего слоя поселения Джаркутан

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3	Вопросы хронологии сапаллинского и джаркутанского этапов	90
Часть первая. Археологические памятники		Вопросы хронологии молалинского этапа	101
Глава I. Сложение древнеземледельческих центров на юге Узбекистана и их районирование	7	Часть вторая. Южный Узбекистан в эпоху бронзы	
Физико-географическая и экологическая характеристика	7	Глава I. Истоки происхождения культуры Сапалли и генетическая взаимосвязь ее периодов	106
Районирование древнеземледельческих оазисов и их памятников	9	Вопросы происхождения культуры Сапалли	106
Глава II. Памятники сапаллинской культуры	13	Генетическая взаимосвязь периодов культуры Сапалли	113
Планировка поселения Сапаллитепе	13	Глава II. Производящее хозяйство и ремесло	116
Погребения Сапаллитепе	38	Земледелие	116
Поселение и могильники Джаркутан	46	Скотоводство и охота	119
Поселение и могильники Бустан	57	Домашнее производство и ремесло	122
Поселение и могильник Молали	59	Глава III. Общество	132
Глава III. Вещевой инвентарь культуры Сапалли и разделение ее на этапы	60	Вопросы социального строя по данным планировки поселения	132
Сапаллинский этап и его материалы	64	Семья, право собственности и социальный строй	135
Керамика. — Сосуды из камня и металла. — Деревянные и плетеные изделия. — Орудия труда и оружие. — Предметы туалета и украшения. — Предметы культового назначения	79	Глава IV. Опыт палеоэтнографической реконструкции общины Сапалли	145
Джаркутанский этап и его материалы	79	Палеоэкономика	145
Керамика. — Орудия труда и другие изделия	84	Палеодемография	148
Молалинский этап и его материалы	84	Жилище и пища	150
Керамика и сосуды из бронзы. — Орудия труда, предметы туалета и украшения	89	Погребальный ритуал и верования	151
Глава IV. Вопросы относительной и абсолютной хронологии культуры Сапалли и ее этапов	89	Заклочение	154
		Цитированная литература	160
		Список сокращений к цитированной литературе	164

Аскарлов А.
Древнеземледельческая
культура эпохи бронзы юга
Узбекистана. Отв. ред. М. П. Грязнов.
Т., «Фан», 1977.
232 с. с рис. (АН УзССР.
Ин-т археологии).

902.6(C52)

Аскарлов Ахмадали

Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана

*Утверждено к печати Ученым советом Института археологии, Отделением истории, языковедения
и литературоведения АН УзССР*

Редактор В. Г. Кан
Художник Е. И. Владимиров
Художественный редактор А. Расулов
Технический редактор Р. Ибрагимова
Корректор А. Мажедова

P08374. Сдано в набор 21/VI-77 г. Подписано к печати 25/VII-77 г. Формат 84×108^{1/2}. Бум. тип. № 1. Бум. л. 7,25. Печ. л. 24,36.
Уч.-изд. л. 21,0. Изд. № 53. Тираж 1000. Цена 3 р. 60 к.

Типография издательства «Фан» УзССР, г. Ташкент, проспект М. Горького, 79. Заказ 145.
Адрес издательства: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70.

